

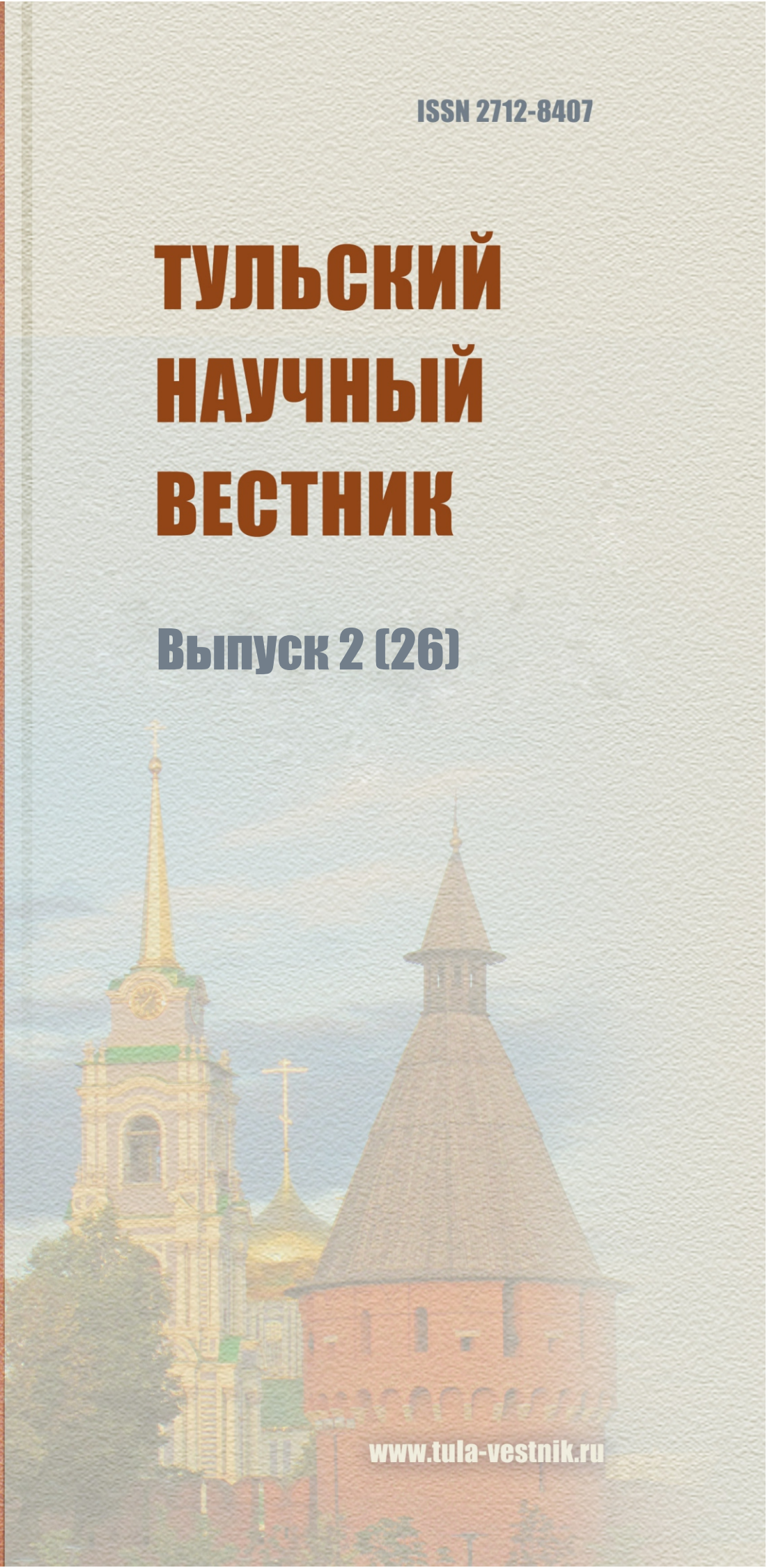
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2026

ISSN 2712-8407

ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Выпуск 2 (26)

www.tula-vestnik.ru

ISSN 2712-8407

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Выпуск 2 (26)

**Тула
2026**

**ТУЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ
ВЕСТНИК.
СЕРИЯ ИСТОРИЯ.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Сетевое издание

Основан в 2020 г.

Выходит 4 раза в год

Выпуск 2 (26)

DOI 10.22405/2712-8407-2026-2

Дата выхода в свет: 04.07.2026 г.

Главный редактор –
доктор исторических наук,
профессор

Е. П. Мартынова

**Заместитель
главного редактора –**
доктор филологических наук,
профессор
Г. В. Токарев

Технические редакторы –
А. А. Внуков (История)
кандидат филологических наук
Ю. В. Горохова (Языкознания)

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук ВАК
Минобрнауки РФ (по специальностям:
5.6.1. – Отечественная история, 5.6.2. –
Всеобщая история, 5.6.4. – Этнология,
антропология и этнография, 5.9.5. –
Русский язык. Языки народов России,
5.9.8. – Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика).

Учредитель: ФГБОУ ВО «ТГПУ им.
Л.Н. Толстого». СМИ зарегистрировано
Роскомнадзором 13.11.2020 г.
Регистрационный номер:
ЭЛ № ФС 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2026

© Авторы статей, 2026

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 31-20-34

Электронный адрес:
tula-vestnik@tolstovsky.ru

Издатель:

ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого».

Адрес издателя:

300026, Тульская область, город Тула,
проспект Ленина, 125.

Телефон: +7 (4872) 35-14-88

Электронный адрес:
info@tolstovsky.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ИСТОРИЯ

***История керамики
и керамического производства***

Егорова Т. В., Требелева Г. В., Саканиа С. М.,
Чернолаковая керамика из раскопок
Маркульского городища **8**

Шуткова Н. П. Центры фабрично-заводского
керамического производства Витебской губернии
во второй половине XIX – начале XX в. **31**

Античная история

Федина Ю. А., Безруков А. В. Между «дружбой» и
подчинением: греческие полисы в клиентской
системе Помпея **43**

Арисланов Б. С., Жуков А. А. Никагор, афинский
философ эпохи Константина и его имперская
карьеря **51**

Радченко М. Л., Болгов Н. Н. Корпус писем Либания:
проблемы состава и содержания **61**

Социально-политическая история

Прилуцкий В. В., Калашников А. В. Идеологические
и структурные особенности Первого
Ку-клукс-клана в США **77**

Белан М. А. Отчет и дневник К. Фуллера о поездке
по СССР в 1931 г.: новые оценки роли и места СССР
и перспектив его развития **99**

Карпенко С. В. Союз советских писателей
Республики немцев Поволжья в преддверии
«ежовщины» (1934 – 1935 годы) **108**

Онуфриенко Э. А. Кубанское казачество
в восприятии жителей Краснодара **123**

Аграрная история

Зайцев Н. А. Политотделы МТС как фактор
модернизации аграрного производства
в Черноземном Центре России (1933-1934 гг.) **140**

Чиковский К. В. Инструменты материально-
технического восстановления колхозов
Чернозёмного центра России в годы Великой
Отечественной войны **150**

Доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе, при условии, что оригинальная работа должным образом цитируется. (CC BY 4.0)

<i>Авдеева О. И.</i> О критериях достоверности в этимологических исследованиях фразеологизмов	162
<i>Григорьев А. В.</i> Проблема достоверности источников и исследований по русской фразеологии (на примере анализа происхождения фразеологизма «братъ быка за рога»)	172
<i>Дронов П. С.</i> Что можно сделать из мухи (на материале фразеологии разных языков)	181
<i>Мокиенко В. М.</i> О русских компаративных фразеологизмах-синонимах, характеризующих бедность и богатство	191
<i>Ничипорчик Е. В.</i> Паремии о различии и тождестве в словаре В. И. Даля «Пословицы русского народа»	201
<i>Огольцева Е. В.</i> Как артист – артистка: варьирование форм рода в структуре устойчивых сравнений	213
<i>Савенкова Л. Б.</i> Дидактичность пословицы как ценность: отражение динамики значимости в российском газетном дискурсе	230
<i>Чумак-Жунь И. И., Голикова М. М.</i> Паремия как репрезентант модусного концепта «русский мир» в пространстве русской эмигрантской прозы	244

**TULA SCIENTIFIC
BULLETIN.
HISTORY. LINGUISTICS**

Online publication
Founded in 2020.

Published 4 times a year

Issue 2 (26)

DOI 10.22405/2712-8407-2026-2

Released on July 04, 2026

Chief Editor

Doctor of History, Professor
E. P. Martynova

Deputy Chief Editor

Doctor of Philology, Professor
G. V. Tokarev

Technical editor's

A. A. Vnukov (History)

PhD in Philology

Yu. V. Gorokhova (linguistics)

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1. – Russian History, 5.6.2. – World History, 5.6.4. – Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia, 5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics).

Founder: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.

Mass media are registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on November 13, 2020.

Registration number
EL № FS 77 – 79586

ISSN 2712-8407 (online)

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University, 2026

© Authors of articles, 2026

**Address of the founder
and the editorial office:**

300026, Tula,

Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 31-20-34

E-mail address: tula-vestnik@tolstovsky.ru

Publisher: Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University.

Address of the publisher:

300026, Tula,

Lenin Prospekt, 125

Phone: +7 (4872) 35-14-88

E-mail address:

info@tolstovsky.ru

TABLE OF CONTENTS

HISTORY

***The History of Ceramics
and Ceramic Production***

Egorova T. A., Trebeleva G. V., Sakania S. Black-Glazed
Ware from the Excavations of the Markul Settlement **8**

Shutkova N. P. Centers of Factory-Based Ceramic
Production in the Vitebsk Province in the Second **31**
Half of the 19th and Early 20th Centuries

Ancient History

Fedina Y. A., Bezrukov A. V. Between 'Friendship'
and Subordination: Greek Cities in Pompey's **43**
Clientelae

Arislano B. S., Zhukov A. A. Nicagoras, an Athenian
Philosopher of Constantine the Great Era and His **51**
Career in the Empire

Radchenko M. L., Bolgov N. N. The Corpus
of Libanius's Letters: Problems of Composition **61**
and Content

Socio-Political History

Prilutskiy V. V., Kalashnikov A. V. Ideological
and Structural Features of the First Kukluxklan **77**

Belan M. A.C. Fuller's Memorandum and Diary
on a Trip to the USSR in 1931: New **99**
Assessments of the Role and Place of the USSR
and Its Development Prospects

Karpenko S. V. The Union of Soviet Writers
of the Volga-German Republic on the Eve **108**
of the "Ezhovshchina" (1934–1935)

Onufrienko E. A. The Perception of The Kuban
Cossacks by Krasnodar Residents **123**

Agrarian History

Zaitsev N. A. Political Departments of the Machine
and Tractor Station as a Factor in the Modernization **140**
of Agricultural Production in the Central Black Earth
Region of Russia (1933–1934)

Chikovskiy K. V. Tools for the Material and Technical
Restoration of Collective Farms in the Central **150**
Chernozem Region of Russia During the Great
Patriotic War

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

<i>Avdeeva O. I.</i> On the Criteria of Reliability in Etymological Research of Phraseological Units	162
<i>Grigoriev A. V.</i> The Problem of the Reliability of Sources and Research on Russian Phraseology (Using the Example of the Phraseological Unit 'Brat Byka za Roga' Origin Analysis)	172
<i>Dronov P. S.</i> What Can Be Made Out of a Fly? (Based on the Phraseology of Different Languages)	181
<i>Mokienko V. M.</i> On Russian Synonyms of Comparative Phrases Characterizing Poverty and Wealth	191
<i>Nichiporchik E. V.</i> Proverbs about Difference and Identity in V. I. Dal's Dictionary "Proverbs of the Russian People"	201
<i>Ogoltseva E. V.</i> Kak Artist – Kak Artistka: Gender Form Variation in the Structure of Fixed Comparisons	213
<i>Savenkova L. B.</i> The Didacticism of Proverbs as a Value: Reflecting Dynamics of Significance in Russian Newspaper Dis-course	230
<i>Chumak-Zhun I. I., Golikova M. M.</i> Proverbs as Representatives of "the Russian World" Modal Concept in the Space of Russian Émigré Prose	244

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Заместитель главного редактора
Токарев Григорий Валериевич,
доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ
ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Володина Татьяна Андреевна,
доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Красовская Нелли Александровна,
доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Симонова Елена Викторовна,
доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Биленко Никита Алексеевич,
кандидат исторических наук (ФГБОУ ВО
«ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Габелко Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия)

Георгиева Стефка Иванова, доктор филологических наук, профессор (Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария)

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, доцент (ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия)

Глаголева Ольга Евгеньевна, кандидат исторических наук, PhD, профессор (независимый исследователь, г. Торонто, Канада)

Ефремов Валерий Анатольевич, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия)

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Кережи Агнеш, кандидат исторических наук (независимый исследователь, г. Будапешт, Венгрия)

Киреева Елена Закировна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Клейменов Александр Анатольевич, доктор исторических наук (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», г. Симферополь, Россия)

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор (ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Мухаммадбеги Махди, кандидат филологических наук (Институт гуманитарных и культурологических исследований, г. Тегеран, Иран)

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия)

Новикова Наталья Ивановна, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Протасова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент (Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия)

Пэн Юйхай, доктор филологических наук (Институт иностранных языков Сычуаньского университета, г. Сычуань, КНР)

Романов Дмитрий Анатольевич, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

Скнарев Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия)

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук (ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук», г. Москва, Россия)

Тан Яньфэн, кандидат исторических наук (Северовосточный педагогический университет, г. Чанчунь, КНР)

Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, Россия)

Торвальдсен Гуннар, доктор исторических наук (Ph.D.) (Арктический университет Норвегии, г. Тромсø, Норвегия)

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Россия)

Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула, Россия)

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Elena Martynova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Deputy Chief Editor

Tokarev Gregory,
Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Members of the editorial Board

Tatiana Volodina,
Doctor of History, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Nelli Krasovskaya,
Doctor of Philology, Associate Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Elena Simonova,
Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Nikita Bilenko,
PhD in History
(TSPU, Tula, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Oleg Gabelko, Doctor of History, Professor
(Russian State University for The Humanities,
Moscow, Russia)

Stefka Georgieva, Doctor of Philology, Professor
(Plovdiv University Paisii Hilendarski, Plovdiv,
Bulgaria)

Elena Glavatskaya, Doctor of History, Associate
Professor (Yeltsin UrFU, Ekaterinburg, Russia);

Olga Glagoleva, PhD in History, Professor
(Toronto, Canada)

Valerii Efremov, Doctor of Philology, Associate
Professor (Herzen University, Saint Petersburg,
Russia)

Viktor Zubarev, Doctor of History, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Kerezsi Agnes, PhD in History (Budapest,
Hungary)

Elena Kireeva, Doctor of Philology, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia)

Aleksander Kleymenov, Doctor of History,
Associate Professor (TSPU, Tula, Russia)

Vadim Maiko, Doctor of History (Institute of
archaeology of the Crimea RAS, Simferopol,
Russia)

Aleksander Maslennikov, Doctor of History,
Professor (IA RAS, Moscow, Russia)

Mahdi Mohammad Beygi, PhD (Institute of
Humanities and cultural studies, Tehran, Iran)

Andrey Nepomnyshchy, Doctor of History,
Professor (Vernadsky CFU, Simferopol, Russia)

Natalya Novikova, Doctor of History (IEA RAS,
Moscow, Russia)

Ekaterina Protassova, PhD in History, Doctor of
Pedagogical, Associate Professor (University of
Helsinki, Helsinki, Finland)

Peng Yuhai, Doctor of Philology (Institute of
foreign languages of Sichuan University, Sichuan,
China)

Dmitry Romanov, Doctor of Philology, Professor
(TSPU, Tula, Russia)

Dmitry Sknarev, Doctor of Philology, Associate
Professor (RUDN University, Moscow, Russia)

Valerij Stepanov, Doctor of History (IE RAS,
Moscow, Russia)

Tang Yanfeng, PhD in History (Northeastern
Pedagogical University, Changchun, China)

Victor Tomilin, Doctor of History, Associate
Professor (LSPU, Lipetsk, Russia)

Gunnar Thorvaldsen, Doctor of History
(Arctic University of Norway, Tromsø, Norway)

Irina Chumak-Zhun, Doctor of Philology,
Associate Professor (Belgorod State National
Research University, Belgorod, Russia)

Sergey Yartsev, Doctor of History, Associate
Professor (TSPU, Tula, Russia)

ИСТОРИЯ

История керамики и керамического производства

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 8–30.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 2 (26). P. 8–30.

Научная статья

УДК 904; 94

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-8-30>

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК МАРКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

**Татьяна Валерьевна
Егорова**¹

**Галина Викторовна
Требелева**²

**Сурам Михайлович
Сакания**³

¹ Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия, tvegorova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-0518>

² Институт археологии РАН

Москва, Россия, trgv@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-4214-7716>

³ Абхазский институт гуманитарных
Исследований им. Д. Гулиа, АН Абхазии

Сухум, Абхазия, suram_sakania@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2557-9824>

Аннотация. В статье представлены результаты изучения коллекции чернолаковой керамики, обнаруженной при раскопках склепа эллинистического времени на Маркульском городище (республика Абхазия) (участок «Котел»). Основной целью статьи является ввод в научный оборот значительного нового материала. Важность данной коллекции заключается еще и в том, что она происходит из пока единственного склепового сооружения античного времени на территории Абхазии. В статье детально рассмотрены типы чернолаковых сосудов, даны их датировки и по возможности определены центры производства, в числе которых Аттика, Пергам и, предположительно, Коринф. Определения делались по совокупности признаков: оценки визуальных характеристик сколов с использованием микроскопа, особенностей форм и покрытий. Статья сопровождается кратким каталогом находок. Отмечено, что у большинства сосудов плохая сохранность лаковых покрытий вне зависимости от его первоначального качества. Особенно это касается миниатюрных копий. На некоторых экземплярах оно практически полностью утрачено. Вероятно, это связано с минеральным составом культурного слоя. В итоге статьи сделан вывод, что чернолаковые сосуды датируются широким периодом от рубежа IV–III вв. до н.э. до второй половины II в. до н.э. Но большую часть коллекции можно отнести ко второй четверти III в. до н.э. В целом комплекс чернолаковой керамики из раскопок 2023–2025 гг. участка «Котел» по составу мало отличается от обычного ассортимента привозных сосудов, характерного для Причерноморья и, в частности, для Восточного берега Понта. Разнообразие центров изготовления найденных сосудов является дополнительным подтверждением активного вовлечения указанного региона в сферу интенсивной торговли не только с Афинами, но и с малоазийскими городами напрямую или опосредованно.

Ключевые слова: Колхида, Маркульское городище, Античность, эллинизм, склеп, чернолаковая керамика.

Благодарности: Работа выполнена в рамках № НИОКТР 126011315524-1 «Античность и Раннее Средневековье на юге России, в Абхазии и Центральной Азии: археологические исследования и исторические реконструкции»

Для цитирования: Егорова Т. В., Требелева Г. В., Сакания С. М. Чернолаковая керамика из раскопок Маркульского городища // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 8–30. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-8-30>

Сведения об авторе: Т. В. Егорова – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры археологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119234, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, 27, к. 4;

Г. В. Требелева – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии, Институт археологии РАН, 117292, Россия Москва, ул. Дм. Ульянова, 19;

С. М. Сакания – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела искусств, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа, АН Абхазии, 384900, Республика Абхазия, Сухум, ул. Аидгылара, 44.

© Егорова Т. В., Требелева Г. В., Сакания С. М., 2026

Scientific Article
UDC 904; 94
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-8-30>

BLACK-GLAZED WARE FROM THE EXCAVATIONS OF THE MARKUL SETTLEMENT

Tatyana V. Egorova ¹

Galina V. Trebeleva ²

Suram Sakania ³

¹ Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, tvegorova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8479-0518>

² RAS Institute of Archaeology
Moscow, Russia, trgv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4214-7716>

³ D.I. Gulia Abkhazian Institute for Humanitarian
Studies, Academy of Sciences Abkhazia
Sukhum, Abkhazia, suram_sakania@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2557-9824>

Abstract. The article presents the results of studying a collection of the black-glazed ware, discovered during the excavation of a Hellenistic-era catacomb at the Markul settlement (Republic of Abkhazia) (Kotyol site). The main purpose of the article is to introduce significant new material into scientific use. The importance of this collection lies in the fact that it comes from the only known ancient-era catacomb in Abkhazia. The article provides a detailed analysis of the types of black-glazed vessels, their dating, and the identification of production centers, including Attica, Pergamon, and possibly Corinth. When identifying, the authors took into account a set of features including the assessment of the chippings visual characteristics using a microscope, as well as the analysis of the shapes and coatings. The authors attach a brief catalog of the findings to the article. It is worth noting that most of the vessels have poor preservation of their lacquer coatings, regardless of their initial quality. This is particularly evident in the case of miniature replicas. In some instances, the lacquer is lost. This is probably due to the mineral composition of the cultural layer. The article concludes that the black-glazed vessels date from a broad period, from the turn of the 4th–3rd centuries BC to the second half of the 2nd century BC. However, the majority of the collection can be dated to the second quarter of the 3rd century BC. In general, the black-glazed ware complex from the 2023–2025 excavations at the Kotyol site differs little in composition from the usual assortment of imported vessels typical for the Black Sea region and, in particular, for the eastern coast of Pontus. The diversity of the production centres of the discovered vessels is further evidence of the active involvement of this region in the sphere of intensive trade not only with Athens, but also with the cities of Asia Minor, directly or indirectly.

Keywords: Colchis, Markul settlement, antiquity, Hellenism, catacomb, black-glazed ware.

Acknowledgements: The work was carried out as part of the research project No. 126011315524-1 "Antiquity and the Early Middle Ages in Southern Russia, Abkhazia, and Central Asia: Archaeological Research and Historical Reconstructions".

For citation: Egorova, TA, Trebeleva, GV & Sakania S 2026, 'Black-Glazed Ware from the Excavations of the Markul Settlement', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 8–30, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-8-30> (in Russ.)

Information about the Author: *Tatyana V. Egorova* – PhD in Historical Sciences, Lecturer at the Chair of Archaeology, Lomonosov Moscow State University, 27 Lomonosovskiy Avenue, Bldg. 4, Moscow, 119234, Russia;
Galina V. Trebeleva – PhD in Historical Sciences, Researcher Division of Classical Archeology, RAS Institute of Archaeology, 19 Dm. Ulyanov Street, Moscow, 117292, Russia;

Suram Sakania – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher at the Division of Arts, D.I. Gulia Abkhazian Institute for Humanitarian Studies, Academy of Sciences Abkhazia, 44 Aidgylar Street, Sukhum, 384900, Abkhazia.

Маркульское городище – многослойный памятник, расположенный в 10 км от античного полиса Гюэнос, в с. Маркула Очамчирского района, в районе плодородных земель, на левом берегу реки Моква, на вытянутой вдоль русла гряде, с которой открывается обзор на всю долину реки от гор до моря. Памятник был открыт в 2013 г., с 2014 г. на нем ведутся регулярные раскопки небольшими площадями. В 2023–2025 гг. работы были сосредоточены на участке «Котел» (рис. 1), названном так по медной ситутле, выкинутой из одной из грабительских ям. В 2023 г. была исследована часть поврежденного и перемещенного культурного слоя. Сам раскоп площадью ок. 30 кв. м был заложен в 2024 г. на ровной площадке в 37 м от начала плато и не доходя 57 м до южной наблюдательной башни. Его форма и границы определялись контурами грабительских ям. В ходе исследований в западной части участка (линии 1–2, частично 3) (рис. 1) было обнаружено архитектурное сооружение, представлявшее собой вырубленную в материковом песчанике яму глубиной примерно 0,4 м, выложенную по краям (с запада, севера и востока) камнями, но полная конфигурация конструкции выявлена не была. В 2025 г. площадь работ была расширена на 4 метра к югу. Таким образом, по итогам исследований 3-х лет на участке «Котел» был вскрыт склеп с погребениями в основном эллинистического времени, и могильник I–II в н. э. на север и запад от него.

Большая часть склепа (рис. 1) оказалась уничтожена: полностью перекопана, нарушены планиграфия и стратиграфия. Однако на севере сохранился нетронутым значительный фрагмент культурного слоя, здесь *in situ* были выявлены два погребения: № 6 – детское (двух детей 0,5 и 2–3 лет), сделанное по обряду вторичного захоронения, и № 7 – взрослое (по предварительным данным двух женщин).

Неповрежденной осталась и южная часть: 0,5 м до кладки стены в восточной стороне и 1,8 м до начала дромоса в западной, так как здесь располагался старый дуб. Сам дромос также не был потревожен. Таким образом, в ходе раскопок, несмотря на значительные разрушения, все же удалось выявить конфигурацию сооружения, проследить погребальный обряд и обнаружить несколько сотен уникальных артефактов: каменные и стеклянные бусины, стеклянные сосуды, медная ситутла, украшения из бронзы, меди и серебра, большая коллекция золотых [12] и железных изделий, железосодержащие шлаки, кости жертвенных животных, и, конечно же, разнообразная керамика, включая античные амфоры и чернолаковые сосуды. Именно характеристике последней категории находок, составляющих 25 % от общего числа керамической посуды, и будет посвящена данная статья.

Чернолаковая керамика представлена основными группами изделий, характерными для погребальных комплексов античных (не только греческих) некрополей и святилищ [например: 32, р. 176; 9, с. 96–100; 20, с. 86–92; 2, с. 84–233 и мн. др.], хотя такие формы чаш, как канфары и скифосы стандартных размеров, а также рыбные блюда использовались и в быту [45, р. 63–69; 50, р. 66–69]. В коллекции фиксируется продукция разных производственных центров, в числе которых Аттика, Пергам, возможно, Коринф. Определения делались по совокупности признаков: оценки визуальных характеристик сколов с использованием микроскопа, особенностей форм и покрытий. Однако в ряде случаев отнесение к тому или иному центру дается предположительно из-за отсутствия возможности проведения необходимых специальных ареометрических исследований.

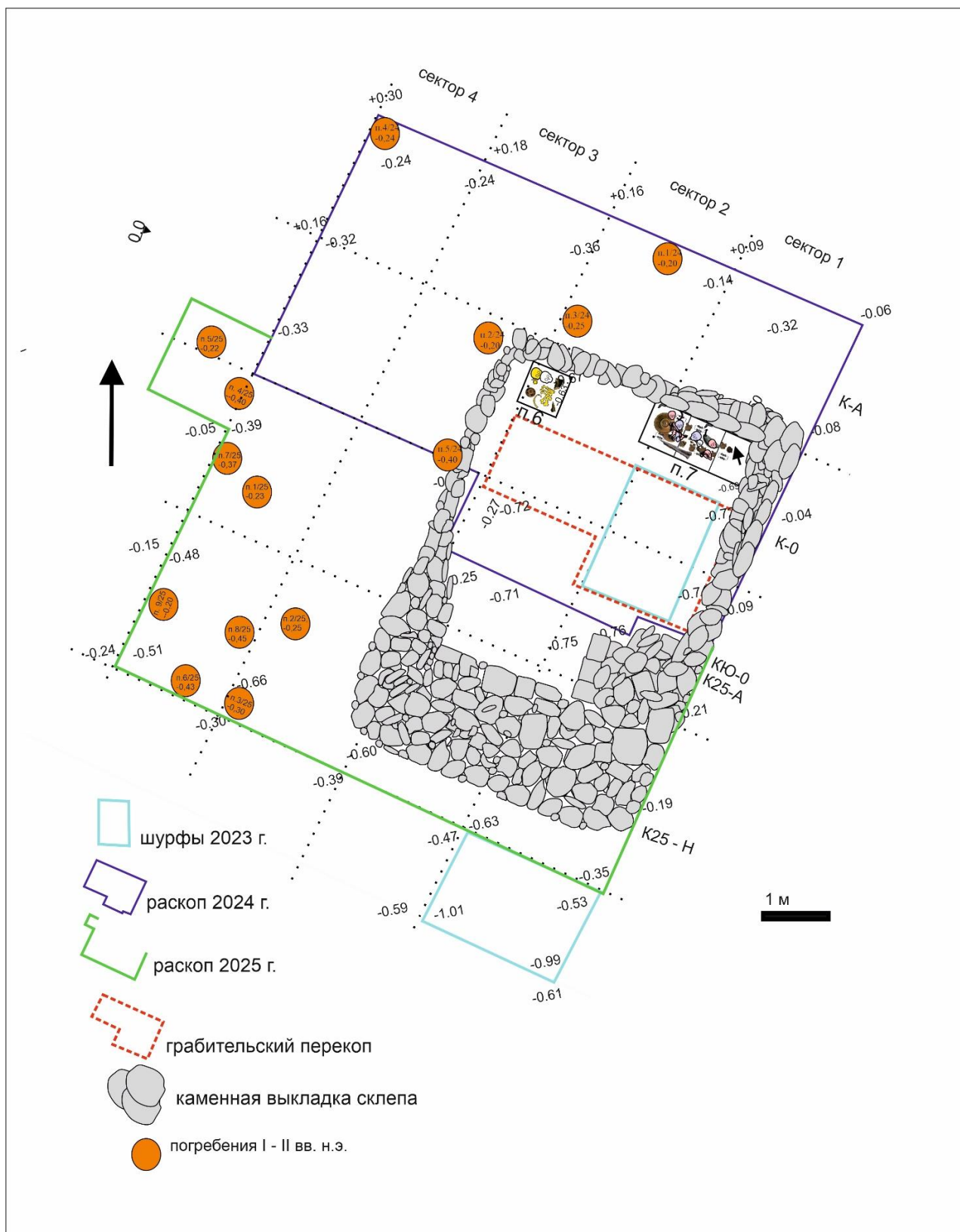

Рис. 1. План участка раскопа «Котел» по итогам работ 2023–2025 гг.
Fig. 1 Excavation site plan «Kotyol» based on the results of the 2023–2025 works

Среди сосудов для питья абсолютное большинство составляют канфары.

Два канфара классической серии по С. Ротрофф относятся к типу *Special handles*, варианта с лентовидными ручками и «точеной» ножкой (кат. 1, 2; рис. 2, 1–3) [45, р. 90, 91]. В целом для них характерно резкое деление на высокое горло с сильно отогнутым венчиком и гладкое (в исключительных случаях – каннелированное) тулово. Ручки вертикальные, уплощенно-овальные в сечении, крепятся к месту максимального диаметра тулова и верхней трети горла сосуда. Ножка, как правило, имеет особенную форму – состоит из цилиндрической верхней части и расширяющегося внизу уплощенного основания с вертикальным бортиком, разделенным пополам глубоким горизонтальным желобком. Оба сосуда, судя по основным характеристикам глиняного теста, были изготовлены в аттических мастерских. Сохранившийся полный профиль экземпляра, собранный из множества мелких фрагментов, демонстрирует признаки, характерные для финала развития формы, определяющегося исследователями 60-ми гг. III в. до н. э.: вытянутые пропорции, коническое тулово и наличие узкого ствола при переходе к ножке [подробнее: 45, р. 91, 253]. О той же дате косвенно свидетельствует орнамент в стиле *West Slope*, нанесенный белой краской на горло канфара: вписанные друг в друга прямоугольники и шахматная доска, который, по мнению С. Ротрофф, начали использовать в декоре не ранее 270-х гг. до н. э. [45, р. 64], а также ближайшие прямые аналоги из городских слоев и погребальных комплексов Калатиса [33, р. 142–145, 281, 287, pl. 15, CAr 1–4].

Рис. 2. Фрагменты чернолаковых канфаров:
 1–6 – классической серии; 7–9 – эллинистической серии.
 Fig. 2. Fragments of Black-Glazed Kantharos:
 1–6 – Classical kantharos; 7–9 – Hellenistic kantharos

Ручки сосудов, по-видимому, были украшены налепами в форме масок актеров. Небольшая часть такой маски сохранилась на ручке, принадлежавшей, вероятно, второму канфару (рис. 2, 3). На сколько можно судить по дошедшему до нас сколу, очень близкое рельефное изображение присутствует на эллинистическом канфаре «угловатого типа» 1-й хронологической группы (275–250 гг. до н. э.) из Афин [45, р. 262, pl. 141, 190]. Подобная «переключка» форм не удивительна, учитывая, что в одной мастерской одновременно могли изготавливаться сосуды разных типов, при этом типичным явлением было использование общих лекал [28, с. 261–263; 5, с. 385]. На двух фрагментах венчиков (очевидно, от разных канфаров) едва заметны буквы, нанесенные разбавленной глиной: E I – на первом, Y – на втором (возможно, часть имени Диониса). К сожалению, степень сохранности не позволяет восстановить надписи полностью, но известно, что это была распространенная практика: таким образом указывали, преимущественно, имена богов или богинь, а также некоторые понятия (например, дружба) [подробнее: 45, р. 68, 69; 7, с. 218]. Обычно надписи располагались ниже, но и аналогичное размещение (непосредственно под краем) также встречается и, что характерно, на кубковидном канфаре, украшенным тем же вариантом росписи [45, р. 255, pl. 12, 124]. Подобные аттические канфары, отличающиеся орнаментальными мотивами или без них, находят и на других причерноморских памятниках до середины III в. до н. э. (например, в некрополе Ольвии, в Западном Крыму и др.) [11, с. 82, рис. 78, 1–4; 4, с. 97, 208, рис. 10, 130–133], но известны и более поздние подражания им. Так, местные мастерские Крита продолжали выпуск очень близких чаш с аналогичными (чуть более грубыми) росписями вплоть до 220-х гг. до н. э. [54, р. 167]. Возможно, к одному из таких не аттических вариантов относится небольшой скол ножки из погр. 7, типологически близкой формы, сделанной из более светлой, чем в Аттике, глины (кат. 3, рис. 2, 4). Центр его изготовления определить на данный момент сложно.

Несколько фрагментов от одного сосуда принадлежат чашевидному канфару (*Bowl kantharos*) варианта с отогнутым венчиком (кат. 4, рис. 2, 5). От описанного выше типа его отличает, главным образом, форма тулова – полусферического, плавно переходящего в прямой или отогнутый венчик, устанавливавшегося на ножку, характерную для классических канфаров. Вертикальные, уплощенно-овальные в сечении ручки украшались разнообразными налепами (в нашем случае, это листья плюща). В Аттике их делали относительно немного и недолго – на протяжении последней четверти IV – первой четверти III вв. до н. э. [45, р. 92–94], но уже в начале III в. до н. э. эту форму взяли за образец мастера за пределами Афин [подробнее: 33, р. 182, 183], что в какой-то степени продлило ей жизнь. Помимо визуальных отличий керамического теста, цвета и качества лакового покрытия, а также некоторых приемов орнаментации, неаттические сосуды из разных центров имели некоторые незначительные особенности профилировки (например, более отогнутый венчик с заостренным краем). Ближайшие аналогии канфару из раскопок Маркульсского городища обнаружены в Эретрии в колодце конца IV – начала III в. до н. э. [57, 194, Ек. 76], в Истрии и Оргаме, где происходят из более поздних слоев и предположительно считаются пергамским импортом, а возможно, и местным подражанием привозным изделиям [33, р. 185, 186, pl. 21bis, ВСе2, ВСе3 с аналогиями], а также, в Пергаме [16, р. 174, abb. 22, 99; 46, s. 60, pl. 9–10, D25]. Исходя из наличия примесей слюды в тесте нашего экземпляра [подробнее: 6, с. 147], его можно отнести к малоазийской продукции.

От канфаров классической серии сохранилось еще несколько стенок, позволяющих судить об их аттическом или так называемом псевдоаттическом производстве (имеется в виду прямое копирование аттических образцов в других центрах). Один из таких фрагментов (кат. 5, рис. 2, 6), судя по глине [подробнее: 6, с. 147–149],

может происходить из Пергама, а по характеру стыка горла и тулова его следует датировать не ранее, чем серединой III в. до н. э. [33, p. 166, pl. 17, CC25; 4, с. 149, рис. 34, 541].

Фрагменты трех сосудов можно с определенной долей уверенности отнести к разным вариантам канфаров эллинистической серии. Во-первых, это верхняя часть канфара (кат. 6, рис. 2, 7) «угловатого типа» 2-й или 3-й хронологической группы (250–220 гг. до н. э.). Стенки почти вертикальные, венчик незначительно отогнут [45, p. 264, fig. 15, pl. 19, 205, 206]. Накладной орнамент в стиле *West Slope* состоит из комбинации мотивов: под венчиком сдвоенная горизонтальная линия со вписанными в нее точками; ниже – с одной стороны сосуда – волна, с другой – подвески на ленте, с линией из точек над ней. Аналогичная трактовка волны характерна для аттических чаш этого типа, объединенных С. Ротрофф в *Shark Group* и датирующихся 275–240 гг. до н. э. [44, p. 81, 82, pl. 31, 62, 63, 66]. На других формах той же группы встречаются стилистически близкие изображения лент с подвесками [44, p. 83, pl. 32, 69]. Таким образом, время изготовления сосуда определяется 50–40-ми гг. III в. до н. э. Во-вторых, две очень близких по форме слабопрофилированные ножки (кат. 7, 8, рис. 2, 8, 9) являются фрагментами эллинистических канфаров (возможно, скифосов) с гладким туловом, изготовленных в малоазийских мастерских, о чем свидетельствует структура и цвет сколов [29, s. 198–199]. Точнее определить тип не представляется возможным, но известно, что чаши с такими ножками выпускали в промежутке от 70-х гг. III в. до н. э. и на протяжении как минимум всего II в. до н. э., однако ближайшие аналогии позволяют датировать их не позднее, чем второй четвертью – серединой III столетия [например: 45, p. 253, 262, fig. 10, 14, pl. 11, 18, 148, 190; 16, s. 121, 122, abb. 4, 13].

Сосуды для пищи немногочисленны. Полноразмерные миски представлены единственным аттическим экземпляром из погребения 7 (кат. 9, рис. 3, 1): миской классической серии с отогнутым наружу краем. Край и верхняя часть стенки плавно отогнуты наружу, в нижней трети сглаженное ребро. Кольцевой поддон ровный с плоской подошвой. На внутренней поверхности дна стандартный штампованный орнамент (рис. 3, 2), состоящий из четырех девятилепестковых пальметт с ромбовидной сердцевинкой, окруженных двумя рядами насечек. Пальметты оттиснуты небрежно: одна развернута поперек композиции. Намеренное несимметричное расположение пальметт часто встречается на италийской керамике [47, p. 249–261], но для аттической посуды, к которой и относится наша находка, это была очевидная ошибка мастера, хотя и довольно распространенная [например: 45, p. 311, pl. 61, 143, 145, 662; p. 330–331, pl. 145, 877]. Использование близкого по форме штампа зафиксировано на аттических мисках последней четверти IV – первой четверти III вв. до н. э. [45, p. 338, 339, pl. 146, 966, 967, 972]. По аналогиям из Афин, цистерны в северо-восточном секторе Херсонеса и поминальных комплексов Аполлонии миску можно датировать первой четвертью III в. до н. э. [45, p. 330, fig. 79, pl. 145, 877, 878; 51, p. 196, fig. 6, 8; 2, обр. 23, № 44, с. 44, 103].

Сохранились два фрагментированных рыбных блюда с немассивным краем (кат. 10, 11, рис. 3, 3, 4). Их, кроме прочего, отличают тонкие ровные, приподняты к краю стенки, невысокий кольцевой поддон с плоской подошвой и центральное углубление-соусница небольшого диаметра, окруженная низким бортиком и желобком. Все это характерно для изделий афинских мастерских преимущественно середины – второй половины III в. до н. э. [45, p. 147, 316, 317, fig. 51, pl. 64, 720–727]. Однако локальные варианты близких форм встречаются и в погребениях с материалами первой четверти III в. до н. э., например, в некрополе Аполлонии Понтийской [20, p. 100, fig. 12; 2, с. 137, 138, обр. 89, 123, 124], поэтому нельзя исключать и более раннюю дату.

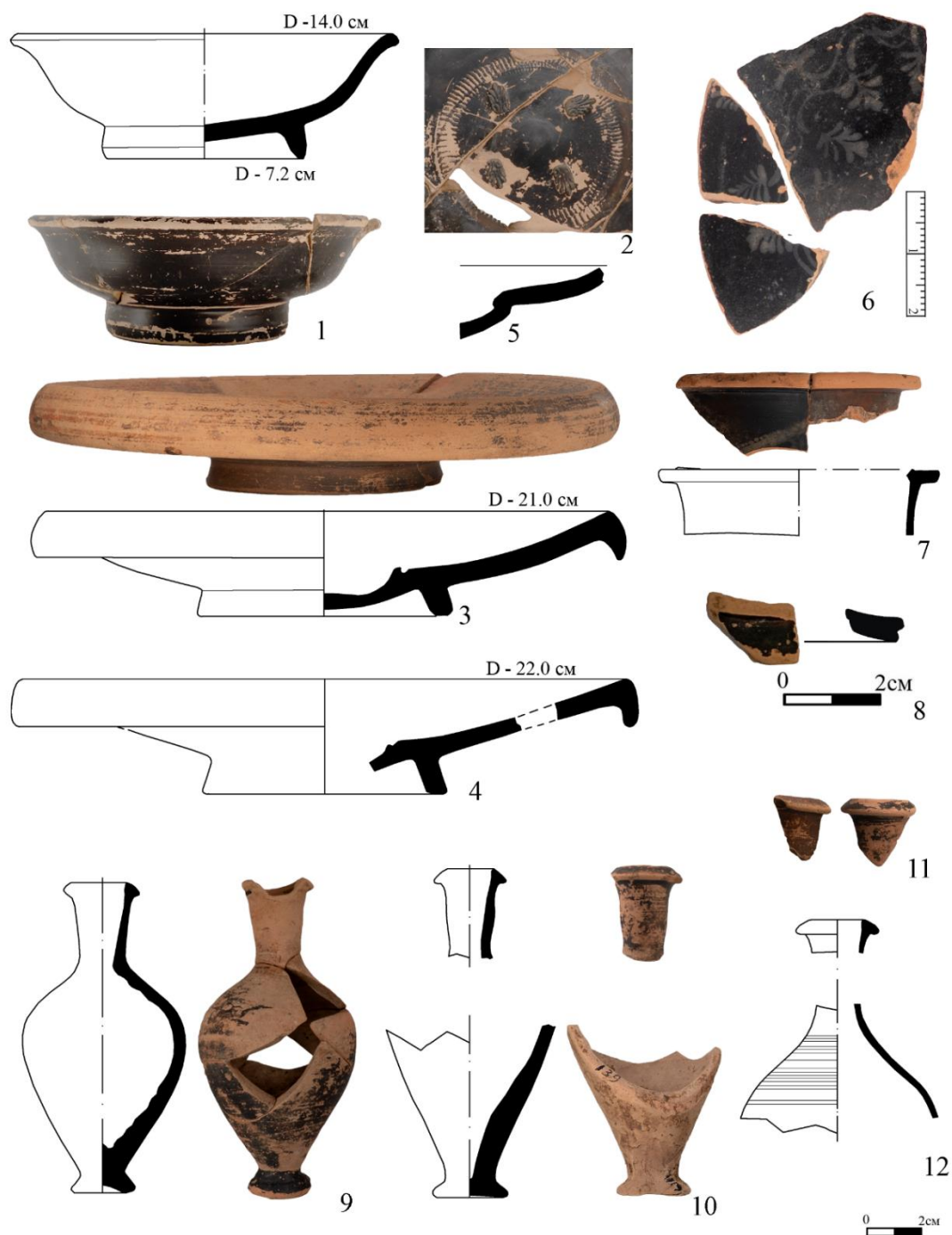

Рис. 3. Черноголаковые сосуды для пищи:

1, 2 – миска с отогнутым наружу краем и штампованным орнаментом;
3, 4 – рыбные блюда; 5 – блюдо со смещенным венчиком.

Черноголаковые сосуды для масла, парфюмерии и косметики:

6–8 – фрагменты крышек пиксид; 9–12 – унгвентарии.

Fig. 3. Black-Glazed vessels for food serves:

1, 2 – bowl with an outturned rim and stamped decoration;
3, 4 – fish-plates; 5 – plate with offset rim.

Black-Glazed vessels for oil, perfumes and cosmetics:

6–8 – fragments of pyxis lids; 9–12 – unguentariums.

Интересно отметить находку стенки блюда со смещенным венчиком (к сожалению, это единственное, что от него сохранилось) (кат. 12, рис. 3, 5). Такая форма блюд известна, в первую очередь, среди кампанских изделий [38, р. 114–115, pl. 18, 19; 37, р. 464, fig. 2 и др.] и получила распространение в Аттике с третьей четверти II в. до н. э. [45, р. 154, р. 311, fig. 57, 840]. По основным характеристикам глины, а главное, по качеству лакового покрытия, отличного от итальянских образцов, найденный экземпляр является примером аттической продукции, но ввиду отсутствия профильных частей может быть датирован только в широких хронологических пределах – второй половиной II в. до н. э., и это одна из самых поздних находок публикуемого керамического комплекса.

К другой категории сосудов относятся фрагменты крышек пиксид, на двух из которых сохранился декор в стиле *West Slope*, выполненный белой краской (кат. 13–15, рис. 3, 6–8). Несмотря на небольшие размеры этих фрагментов, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что они принадлежат к одному из самых распространенных типов – типу В [45, р. 190; 48, р. 174; 30, 93–99] и изготовлены в аттических мастерских. Для них характерен уплощенный купол, отделенный небольшим выступом с желобком на бортике от вертикальной стенки. Орнамент на № 21 – виноградная лоза без гроздьев; на № 22 – оливковая гирлянда, нанесенная на внешнюю площадку выступа, и лента с точками над ней (очевидно, от гирлянды с подвесками) на стенке. Такие пиксиды выпускались на протяжении длительного периода времени, но по стилю росписи найденные детали можно датировать второй четвертью – концом III в. до н. э. [50, р. 361, 362, pl. 90, 91, 1222, 1223; 36, taf. 21, 68].

Глиняные, в том числе чернолаковые унгентарии (флаконы), составляли одну из распространенных категорий погребального инвентаря античных некрополей. Их производили во множестве центров чаще всего для удовлетворения собственных потребностей, но иногда они встречаются и за пределами домашнего региона [18, р. 7]. Здесь унгентарии представлены двумя из трех основных типов по классификации А. Камилли: «лекифоидные» (тип А) и веретенообразные (тип В), что соотносится с общей датировкой керамического комплекса (третий тип появляется только в римскую эпоху) [18, р. 24–31]. Классификация разработана для находок, сделанных в некрополях Средиземноморья. Однако стоит отметить, что общие тенденции развития форм античных керамических изделий позволяют с определенными допущениями экстраполировать выводы относительно хронологии, предлагаемые автором, на изделия из других мастерских, что оправдывает ее использование для атрибуции сосудов из Маркульского городища без точной локализации центров их производства, которая на данном этапе невозможна.

Для флаконов типа А (кат. 16–19, рис. 3, 9–12) характерны подтреугольный венчик, относительно высокое, расширяющееся кверху горло. Единственный экземпляр, сохранивший полный профиль (кат. 16), демонстрирует признаки, присущие изделиям конца IV – первой половины III в. до н. э., а именно высокие плечики, коническое тулово и усеченно-коническую ножку. Аналогичные или типологически близкие сосуды происходят, например, из региона Лацио, Птолемеевского Египта и Македонии [18, р. 60–61, tav. 8, A-23.1.1; 26, р. 97, 171; 53, р. 64, П2161; 25, s. 60, abb. 11]. Вероятно, чуть более поздний вариант – III в. до н. э. (кат. 17, 18), имеет более вытянутые пропорции и полую ножку (типа A-23.15.11 по Камилли), и аналогии в материалах из Аргоса, Элиды и Вергины [18, р. 68, tav. 25; 25, taf. 90, 133; 52, р. 117]. Флакон, покрытый полосами лака (кат. 19), судя по цвету и примесям слюды в глине [43, р. 19], является продукцией одной из малоазийских мастерских, расположенной в Сардах или Эфесе, откуда происходят ближайшие аналогии [43, р. 69, pl. 43, 253; 24, р. 100, taf. 28, 350].

Унгвентарии типа В, от которых сохранились только фрагменты нижних частей, отличаются слегка расширенные слабоогнутые основания, профилированные в нижней части желобками. Кат. № 20 (рис. 4, 1) типологически близок вариантам В-13.1.1 и В-22.1.1 III в. до н. э. по Камилли [18, р. 78, 86, тав. 16, 20] из Рима и Аргоса. В некрополе Александрии сосуды местного производства с подобной профилировкой происходят из погребений первой половины III в. до н. э. [58, р. 80, 234, еик. 163]. Кат. № 21 (рис. 4, 2) имеет прямую аналогию среди изделий из Сард [43, р. 69, pl. 44, 255] и Эфеса [24, р. 100, taf. 28, 349] второй половины того же столетия, а также в коллекции Музея Вюрсбурга, где З. Котитса предполагает его возможное аттическое происхождение и датирует по аналогиям из Афин, а также различных памятников Македонии первой половиной III в. до н. э., но не исключает и более поздней датировки [30, р. 155, 156, 112]. Типологически близкие унгвентарии (с подобной формовкой ножки) из некрополя Александрии также датируются в пределах второй половины III в. до н. э. [58, р. 177, еик. 164]. Особенности керамического теста и покрытия нашего экземпляра свидетельствуют в пользу его малоазийского происхождения и, соответственно, чуть более ранней даты.

К особой группе находок стоит отнести фрагмент носика поильника (гуттуса?) в виде маски актера (силена или раба) (кат. 22, рис. 4, 3) из погребения 7. Гуттусы наряду с унгвентариями являются одной из форм, часто включавшейся в состав погребального инвентаря, особенно детских захоронений [подробнее о форме: 3, с. 106]. Традиция делать фигурные носики асков и миниатюрных гуттусов-поильников восходит корнями как минимум к V в. до н. э. и характерна как для Аттики, так и для Великой Греции, в частности, Кампании. Преимущественно, в форме оттискивалась голова льва с открытой пастью с отверстием [например: 26, с. 46, 47; 8, с. 206, обр. 80, 505; 48, р. 157–160]. Но и в позднеклассическую и эллинистическую эпохи встречаются подобные сосуды. Носики продолжали оформлять в виде голов львов [45, р. 353, 354, pl. 84, 1152–1157], но использовали и другие формы: театральные маски, подобные тем, что украшали ручки эллинистических канфаров [45, р. 103–105, pl. 141], в том числе маски силенов или рабов [45, р. 354, pl. 85, 1160], которые чаще можно увидеть на поильниках, сделанных в малоазийских или македонских мастерских [43, р. 78, pl. 49, 304; 46, taf. 33; 56, 407–420, pin. 172; 44, р. 475–482, pin. 199]. Найденный фрагмент по глине ближе аналогам из Пергама или Сард III в. до н. э.

От второго гуттуса сохранилась только верхняя часть: раструбообразный венчик с прямым краем и вертикальной двуствольной ручкой с удлинненными раздвоенными концами в месте верхнего крепления (кат. 23, рис. 4, 4). Судя по глине и покрытию, он был изготовлен за пределами Аттики, но точно установить центр на данный момент сложно. Подобные неаттические поильники встречаются в различных некрополях, преимущественно в детских погребениях, в частности, в Западном Причерноморье (в Аполлонии Понтийской) [8, с. 211] и Великой Греции в комплексах второй половины IV – первой половины III в. до н. э. [3, р. 124, fig. 14].

Интересно отметить довольно значительное количество существенно уменьшенных копий полноразмерных сосудов, большая часть из которых – мисочки и тарелки, связанные, вероятно, с детским погребением.

От единственного миниатюрного скифоса аттического типа сохранилось только донце (кат. 24, рис. 4, 5), позволяющее относить его к поздней стадии развития формы, «доживающей» до второй четверти III в. до н. э., для которой характерно резкое сужение в придонной части [45, р. 94]. Подобные сильно уменьшенные варианты чаш для питья часто встречаются в некрополях и святилищах Аттики, Коринфа и других регионов, в том числе Западного и Северного Причерноморья, преимущественно в более раннее время, но традиция сохраняется и в IV – III вв. до н. э.

[например: 49, р. 59–61; 31, р. 91; 34, р. 103–105; 21, р. 131; 15, р. 114, 115; 41, р. 460; 42, 320–322; 19, р. 828 и др.]. Найденный фрагмент принадлежит, по-видимому, сосуду коринфского производства: ближайшие параллели датируются рубежом IV–III вв. до н. э. [23, рл. 13, 14, 347, 364].

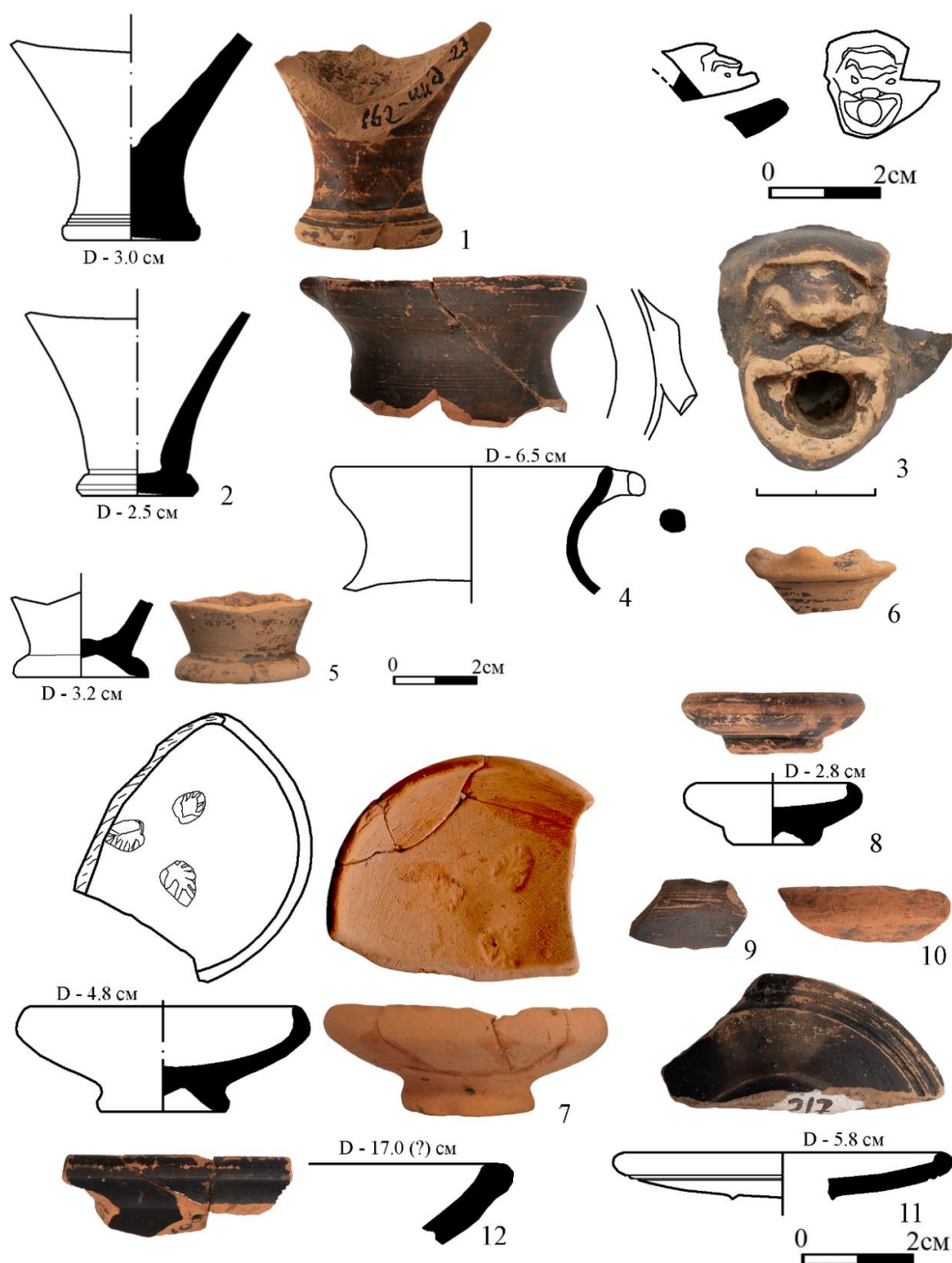

Рис. 4. Чернотаковые сосуды для масла: 1, 2 – унгвентарии.
Прочие формы: 3, 4 – фрагменты поильников (гуттусов);
5–11 – миниатюрные копии чернотаковых сосудов;
12 – фрагмент чернотаковой тарелки с валикообразным краем.

Fig. 4. Black-Glazed vessels for oil: 1, 2 – unguentaries.
Other forms: 3, 4 – fragments of feeders (guttuses);
5–11 – miniature copies of Black-Glazed vessels;
12 – fragment of Black-Glazed plate with rolled rim.

Закрытые формы, характерные в большей степени для святилищ Западного Понта (например, святилища Деметры в Аполлонии Понтийской) [21, р. 131], представлены единственным небольшим фрагментом миниатюрного кувшина, с прямым венчиком и отогнутым наружу краем, декорированным тремя вертикальными подтреугольными выступами (кат. 25, рис. 4, 6). Аналогия такой моделировке края пока не найдена, что не позволяет точно говорить о дате, но визуальные характеристики глины свидетельствуют о его малоазийском происхождении.

Четыре миски с загнутым внутрь венчиком/эхинообразные (*Echinus*) являются миниатюрными копиями полноразмерных вариантов (кат. 26–29, рис. 4, 7–10). Их нельзя относить к группе солонок соответствующего типа по ряду причин: отличия формы, касающиеся, в первую очередь, их существенно меньшей глубины; диаметры меньше диаметров самых маленьких солонок; на дне одной из них штампованный орнамент, никогда не использовавшийся в декоре солонок [подробнее о вопросах терминологии и критериях отнесения сосудов разных типов к миниатюрным: 15, р. 115]. Две мисочки, сохранившие полный профиль (одна целая) (кат. 26, 27), имеют сходные формы: край заострен, стенки тонкие ровные, низкий кольцевой поддон со скошенной внутрь подошвой, конический выступ в центре внешней поверхности дна; но различаются размерами: диаметр венчика № 13 – 4.8 см, № 14 – 2.8 см. На донце большей мисочки оттиснуты три сгруппированные в центре пальметты одного из самых распространенных штампов: одиннадцатилепестковые, подтрапециевидные, с ромбовидной сердцевинкой, характерные как минимум для конца IV и III вв. до н. э. [например: 45, р. 330, pl. 145, 874; 5, с. 376–379, группа I.3]. Аналогичные полноразмерные миски выпускали в Аттике во второй четверти – середине III в. до н. э., но они получили широкое распространение и за пределами региона [45, р. 340, fig. 62, pl. 75, 992], типологически близкие миниатюрные формы находили в культовых комплексах Элиды, Великой Греции и др. [25, р. 155, taf. 94; 52, р. 54, еск. 3; 56, s. 44, taf. 14, 283].

К этому же набору можно отнести тарелочку с валикообразным краем диаметром 5.8 см (кат. 30, рис. 4, 11), с тонкими ровными стенками и двумя желобками на внешней поверхности под краем, характерными для полноразмерных тарелок первой половины III в. до н. э. (кат. 31, рис. 4, 12) [45, р. 144, 311, fig. 47, 657]. Глина, из которой она сделана, отличается от описанных выше более светлым оттенком и плотностью, что позволяет предположить ее изготовление в одной из коринфских мастерских, хотя ближайшие параллели происходят с территории Италии из святилища Тиммари [34, р. 107, fig. 5].

Подобного рода предметы, присутствующие в некоторых детских погребениях [49, р. 59–61; 15, р. 137, 142; 40, р. 276; 42, 320–322] и не просто повторяющие полноразмерные функциональные сосуды, но отличающиеся довольно хорошим качеством как формовки, так и лакового покрытия, и декора (в случае его наличия), интерпретировались по-разному: от игрушечного сервиза [14, с. 24, 25; 13, с. 144; 58, р. 114, 115; 55, р. 94 и сл.] до имитации взрослого поминального обряда, но с использованием миниатюрных копий «полного банкетного набора», своего рода «миниатюризация элементов ритуального стола» или символических подношений [39, р. 525–527, 531, 532]. Однако их наличие в погребениях молодых девушек и особенно большое количество в святилищах и сбросах от них заставляет ставить пояснение их назначения в зависимость от контекста [49, р. 57; 21, р. 125; 15, р. 111, 112, 121; 22, р. 27, 28 и др.]. Н. И. Сударев предполагает, что найденные в детских погребениях причерноморских некрополей, они могут сочетать в себе разные функции, но прежде всего, несут вотивную нагрузку¹. Стоит также отметить, что в отличие от публикуемого набора, в подавляющем большинстве комплексов, особенно в святилищах, встречаются различные типы чаш, преимущественно, скифосы или котилы, и гораз-

до реже другие формы [15, р. 114]. Очевидно, они не были предметом специального импорта, но как на большинство поселений, входивших в сферу торговли греческих полисов, сосуды из разных центров могли попадать случайным образом, будучи «добавлены» к партии товара, на одном из пунктов маршрута торгового судна.

Обращает на себя внимание плохая сохранность лаковых покрытий практически всех сосудов, вне зависимости от его первоначального качества. Особенно это касается миниатюрных копий. На некоторых экземплярах оно практически полностью утрачено (кат. 4, 24, 25, 26 и др.). Вероятно, это связано с минеральным составом культурного слоя.

В целом, комплекс чернолаковой керамики из раскопок 2023–2025 гг. участка «Котел», по составу мало отличается от обычного ассортимента привозных сосудов, характерного для Причерноморья и, в частности, для Восточного берега Понта. Разнообразие центров изготовления найденных сосудов является дополнительным подтверждением активного вовлечения указанного региона в сферу интенсивной торговли не только с Афинами, но и с малоазийскими городами напрямую или опосредованно [10, с. 136–140; 1, с. 231].

КРАТКИЙ КАТАЛОГ ЧЕРНОЛАКОВЫХ СОСУДОВ.

Полноразмерные формы.

1. К–23, инд. №63, 69–71.

Канфар классической серии, тип *Special handles*, вариант с лентовидными ручками и «точеной» ножкой. Глина бежевая (7.5 YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий ровный слой, целиком покрывает всю поверхность сосуда. Желобки в нижней части горла и на подошве ножки в цвете глины.

Надпись: шликером на венчике, сохранилось две буквы – E I.

Орнамент: нанесен на горло сосуда белой краской (стиль *West Slope*) – вписанные друг в друга прямоугольники и шахматная доска.

Размеры: D в. – 9.0 см; D ножки – 3.8 см; D тул. – 8.5 см H (восст.) – 13.0 см.

60-е гг. III в. до н. э. Аттика.

2. К–24, №125.

Нижняя часть, фр-ты венчика и ручек канфара классической серии, тип *Special handles*. Глина бежевая (7.5 YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий неровный слой.

Надпись: шликером на венчике, сохранилась одна буква – Y.

Размеры: D ножки. – 3.8 см.

60-е гг. III в. до н. э. Аттика.

3. К–24, №48, погр. 7.

Фрагмент ножки канфара классической серии, тип *Special handles* (?). Глина светло-бежевая (5Y 8/4), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный с бурым оттенком снаружи, желто-коричневый изнутри, чуть блестящий, тонкий неровный слой.

Размеры: D ножки. – 2.5 см.

Вторая четверть III в. до н. э. (по сопутствующему материалу).

4. К–23, №66; К–24, №15, 43, 91, 92, 115, 107.

Верхняя часть чашевидного канфара (*Bowl kantharos*) с подгоризонтально отогнутым венчиком. Глина розово-бежевая (10 YR 7/6), плотная, с редкими мелкими включениями слюды. Лак с бурым и оливковым оттенками, местами матовый, местами с металлическим блеском, тонкий неровный слой.

Орнамент: в верхней трети тулова процарапана гирлянда плюща, листья нанесены сильно разбавленной глиной.

Размеры: D венч. – 11.0 см.

Вторая половина III в. до н. э. Пергам.

5. К–24, №187.

Стенка миниатюрного канфара классической серии. Тулово гладкое, с выраженным переходом к горлу. Глина розово-бежевая (10 YR 7/6), мелкозернистая, с редкими мелкими известковыми включениями. Лак черный, матовый, почти не сохранился.

Размеры: 3.4x3.0 см.

III в. до н. э. Пергам.

6. К–24, №85, 86, 89.

Верхняя часть эллинистического канфара «угловатого типа». Глина бежевая (7.5 YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак с бурым оттенком, матовый, тонкий неровный слой.

Орнамент: нанесен белой краской – под венчиком сдвоенная горизонтальная линия со вписанными в нее точкам; ниже – с одной стороны – волна, с другой – подвески на ленте (сохранилась часть ленты, декорированной точками), с линией из точек над ней.

Размеры: D венч. – 11.0 см.

50–40-е гг. III в. до н. э. Аттика.

7. К–24, №209, 211.

Нижняя часть канфаровидного сосуда или скифоса. Глина бежево-коричневая (5YR 6/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный с бурым оттенком изнутри, графитовым снаружи, матовый, тонкий неровный слой.

Размеры: Дножки. – 3.6 см.

Вторая четверть III в. до н. э. Малая Азия (Пергам?).

8. К–24, №162.

Нижняя часть канфаровидного сосуда. Глина бежево-коричневая (10YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак бурый изнутри, черный снаружи, матовый, тонкий неровный слой.

Размеры: 7.0x5.2 см.

Вторая четверть III в. до н. э. Малая Азия (Пергам?).

9. К–24, инд. №2, под погр. 7.

Миска с отогнутым наружу краем классической серии. Глина бежевая (7.5 YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий ровный слой. В цвете глины стык стенки и поддона и подошва поддона. Граффити: ∞ ∞.

Орнамент: штампованный – четыре пальметты окружены двумя рядами насечек.

Размеры: D в. – 14.0 см; D под. – 7.2 см; H (восст.) – 4.0 см.

Конец первой четверти III в. до н. э. Аттика.

10. К–24, инд. №1, погр. 7.

Рыбное блюдо. Глина бежевая, хорошо отмученная, без видимых включений (7.5 YR 8/6). Лак бурый, местами красный, матовый, тонкий неровный слой. В цвете глины бортик соусницы и подошва поддона.

Размеры: D кр. – 21.0 см; D под. – 9.2 см; D соус. – 4.6 см; H – 4.5 см.

Вторая половина III в. до н. э. Аттика.

11. К–24, №175–186.

Рыбное блюдо. Глина бежевая, хорошо отмученная, без видимых включений (7.5 YR 7/6). Лак черный, местами с бурым оттенком, матовый, тонкий неровный слой.

Размеры: D кр. – 22.0 см; D под. – 8.5 см; D соус. – 5.0 см; H – 4.2 см.

Вторая половина III в. до н. э. Аттика.

12. К-23, №72.

Фр-т стенки блюда со смещенным венчиком. Глина бежевая (7.5 YR 7/6), плотная, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий ровный слой.

Размеры: 8.0x5.7 см.

Вторая половина II в. до н. э. Аттика.

13. К-24, №95, 135, 200.

Фрагменты крышки пиксиды. Глина бежевая (7.5 YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий ровный слой.

Орнамент: нанесен белой краской (стиль *West Slope*) – виноградная лоза без гроздьев.

Размеры: 3.0x3.6 см; 2.5x1.7 см; 2.2x2.2 см.

Вторая четверть – конец III в. до н. э. Аттика.

14. К-24, №1, 90.

Фрагмент крышки пиксиды типа В (?). Вертикальная стенка с горизонтальным выступом с желобком на бортике. Глина бежевая (7.5 YR 6/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, местами с бурым оттенком, матовый, тонкий неровный слой.

Орнамент: нанесен белой краской (стиль *West Slope*) – оливковая гирлянда на внешней площадке выступа, гирлянда с подвесками (сохранилась лента с точками над ней) на стенке.

Размеры: D по краю выступа – 10.0 см.

Вторая четверть – конец III в. до н. э. Аттика.

15. К-24, №103.

Фр-т выступа крышки пиксиды типа В (?). Выступ горизонтальный с желобком на бортике. Глина бежевая (7.5 YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий ровный слой.

Размеры: 2.0x1.5 см.

III – II в. до н. э. Аттика.

16. К-23, инд. №67.

Флакон «лекифоидного» типа. Глина светло-бежевая (7.5 YR 8/4), плотная, без видимых включений. Лак черный, матовый, покрывает всю внешнюю поверхность сосуда.

Размеры: D в. – 2.0 см; D н. – 2.4 см; H – 11.2 см.

Конец IV – середина III в. до н. э.

17. К-24, №139, 140.

Горло и нижняя часть флакона «лекифоидного» типа. Глина серовато-бежевая с закалом (10 YR 6/2), плотная, без видимых включений. Лак бурый, матовый, сильно стерт.

Размеры: D в. – 2.0 см; D н. – 2.9 см.

III в. до н. э.

18. К-24, №46, 167, погр. 7.

Два фр-та венчика «лекифоидного» флакона. Глина бежево-коричневая (10 YR 7/6), плотная, без видимых включений. Лак бурый, матовый, тонкий неровный слой.

Размеры: D в. – 2.0 см.

III в. до н. э.

19. К-23, инд. №8.

Фр-т венчика и средняя часть флакона «лекифоидного» типа. Глина красновато-фиолетового тона (2.5YR 6/6), плотная, с мелкими включениями слюды. Лак – серое покрытие полосами.

Размеры: D в. – 2.0 см.

Первая половина III в. до н. э. Малая Азия (Эфес? Сарды?)

20. К–24, №162.

Ножка веретенообразного флакона на расширяющемся слабопрофилированном основании с плоским дном. Глина бежево-коричневая (10YR 7/6), мелкозернистая, с мелкими коричневыми включениями. Лак бурый, местами красный, матовый, тонкий неровный слой.

Размеры: D н. – 3.0 см.

Первая половина III в. до н. э.

21. К–24, №65.

Ножка веретенообразного флакона на расширяющемся слабопрофилированном основании с тонким плоским дном. Глина бежево-коричневая (10YR 7/6), плотная, с мелкими включениями слюды. Лак – серое покрытие.

Размеры: D н. – 2.5 см.

Первая половина III в. до н. э. Малая Азия.

22. К–24, инд. №3, погр. 7.

Носик поильника (гуттуса) в виде маски силена. Глина светло-бежевая (2.5 Y 8/4), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак бурый, тонкий неровный слой.

Размеры: 2.6x2.4x2.4 см.

III в. до н. э. Малая Азия (Пергам? Сарды?)

23. К–23, инд. №163; К–24, №216.

Верхняя часть поильника (гуттуса). Глина бежевая (7.5YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак с бурым и оливковым оттенком, матовый, тонкий неровный слой, целиком покрывает сохранившиеся фрагменты.

Размеры: D в. – 6.5 см.

Вторая половина IV – первая половина III в. до н. э.

Миниатюрные копии чернолаковых сосудов.

24. К–23, № 670.

Нижняя часть миниатюрного скифоса аттического типа. Глина бежевая (7.5 YR 7/6), плотная, без видимых включений. Лак черный, с бурым оттенком, матовый.

Размеры: D н. – 3.2 см.

Конец IV – начало III в. до н. э. Коринф.

25. К–24, №47, погр. 7.

Фрагмент венчика миниатюрного кувшина (?). Глина бежево-красная (7.5YR 6/4), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, почти не сохранился.

Размеры: 3.0x2.2 см.

III в. до н. э. Малая Азия.

26. К–24, инд. №6, погр. 6.

Миниатюрная миска с загнутым внутрь венчиком. Глина бежевая (7.5 YR 8/6), мягкая (слоится), без видимых включений. Лак черный, почти не сохранился.

Орнамент: три сгруппированных в центре пальметты.

Размеры: D в. – 4.8 см; D под. – 2.2 см; H – 1.8 см.

Вторая четверть – середина III в. до н. э. Аттика.

27. К–24, инд. №5, погр. 6.

Миниатюрная миска с загнутым внутрь венчиком. Глина бежевая (7.5 YR 8/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак бурый, матовый, с подтеками, покрывает всю поверхность сосуда.

Размеры: D в. – 2.8 см; D под. – 1.7 см; Н – 1.1 см.

Вторая четверть – середина III в. до н. э. Аттика.

28. К–24, №204.

Фр-т венчика миниатюрной миски с загнутым внутрь краем. Глина бежевая (7.5 YR 8/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак черный, с бурым и оливковым оттенками, матовый.

Размеры: D в. – 4.0 см.

III в. до н. э. Аттика.

29. К–24, №8.

Фр-т венчика миниатюрной миски с загнутым внутрь краем. Глина бежевая (7.5 YR 8/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Лак красный, матовый.

Размеры: D в. – 5.0 см.

III в. до н. э. Аттика.

30. К–24, №217.

Фрагмент миниатюрной тарелки с валикообразным краем. Глина бледно-желтая (5 YR 8/4), плотная, без видимых включений. Лак черный со светлыми пятнами, матовый, тонкий неровный слой, покрывает всю сохранившуюся поверхность, включая желобки.

Размеры: D в. – 5.8 см.

Первая половина III в. до н. э. Коринф (?).

31. К–23, № 73; К–24, № 100, 105, № 201.

Фрагмент венчика тарелки с валикообразным краем. Глина бежевая (10 YR 7/6), плотная, без видимых включений. Лак черный, чуть блестящий, тонкий ровный слой.

Размеры: D в. – 17.0 (?) см.

Вторая четверть III в. до н. э. Аттика.

Примечания

1. Авторы выражают признательность Н. И. Судареву за консультацию и предоставленную литературу по данному вопросу, подробное обсуждение которого выходит за рамки статьи.

Список источников и литературы

1. Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум: Алашарбага, 2014. 505 с.
2. Дамянов М. Чернофирнисова керамика от некрополя на Аполония Понтика: типологическо и хронологическо изследване (по материали от обредните огнища, около 400–250 г. пр. Хр.). София: Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2023. 296 с.
3. Егорова Т. В. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М.: НП-Принт, 2017. 203 с.
4. Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 253 с.
5. Егорова Т. В. Штампованные пальметты в орнаментации чернолаковой керамики V–II вв. до н. э. из Пантикапея // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2018. № 3. С. 371–386.
6. Егорова Т. В. К вопросу об определении производственных центров импортной чернолаковой керамики из Северного Причерноморья // *Древности Боспора*. 2024. Т. 29. С. 142–156.

7. *Егорова Т. В., Ильина Т. А.* Комплекс эллинистических вотивов в римской Гермонассе // *Античный мир и археология*. 2025. Т. 22. С. 212–226.
8. *Иванов Т.* Антична керамика некрополя Аполлония // *Аполлония*. София: Бълг. акад. на науките, 1963. С. 65–273.
9. *Копылов В. П., Коваленко А. Н.* Храмовый комплекс Елизаветовского городища на Дону (предварительное сообщение) // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.* Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т, 2012. С. 96–100.
10. *Лордкипанидзе Г. А.* Древняя Колхида в VI–II вв. до н. э. Тбилиси, 1978. 170 с.
11. *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 220 с.
12. *Сапрыкина И. А., Требелева Г. В., Касинцева Е. О.* Золотые изделия из склепа III в. до н. э. на Маркульском городище // *Краткие сообщения Института археологии*. 2024. Вып. 277. С. 92–112.
13. *Скрябинская М. В.* Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н. э. СПб.: Алетейя, 2000. 222 с.
14. *Штерн Э. Р.* Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // *Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому*. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. С. 13–30.
15. *Barfoed S.* The use of miniature pottery in Archaic–Hellenistic Greek sanctuaries // *Opuscula. Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome*. 2018. Vol. 11. P. 111–126.
16. *Behr D.* Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // *Istanbuler Mitteilungen*. 1988. Vol. 38. P. 97–178.
17. *Blaževska S.* Vardarski Rid: The Pottery from the House of the Collector // *Ζ'Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική*. Αθήνα: Εκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών πόρων και Απαλλοτριώσεων, 2011. P. 475–482.
18. *Camilli A.* Ampullae: balsamari ceramici di età ellenistica e romana. Roma: F. Ili Palombi, 1999. 152 p.
19. *Costanzo D.* Immaturi e pratiche funerarie nelle necropoli della Calabria greca // *BIRTH. Archeologia dell'infanzia nell'Italia preromana*. Bononia: University press, 2021. P. 845–894.
20. *Damyranov M.* Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (Excavations in 2005) // *Nessebar*. 2017. № 4. P. 86–100.
21. *Damyranov M.* Votive and other pottery from a sanctuary of Demeter in Apollonia Pontica // *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches: Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18–20 September 2015*. Oxford: Oxuniprint, 2016. P. 119–138.
22. *Dasen V.* Archéologie funéraire et histoire de l'enfance dans l'Antiquité: nouveaux enjeux, nouvelles perspectives // *L'enfant et la mort dans l'Antiquité I*. Paris: De Boccard, 2010. P. 19–44.
23. *Edwards G. R.* Corinthian Hellenistic pottery. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies, 1975. 254 p. (Corinth; vol. 7, pt. 3).
24. *Gassner V.* Das Südtor der Tetragonos-Agora: Keramik und Kleinfunde. Wien: VÖAW, 1997. 269 s. (Forschungen in Ephesos; band XIII/1/1).
25. *Georgiadou A.* Totenkult und elische Grabkeramik spätklassischer und hellenischer Zeit. Thessaloniki: University studio press, 2005. 195 s.
26. *Hayes J. W.* Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum: a Catalogue. Toronto: Royal Ontario Museum, 1984. 204 p.
27. *Heimberg U.* Die Keramik des Kabirions. Berlin: de Gruyter, 1982. 148 p. (Das Kabirenheiligtum bei Theben, band III).
28. *Hübner G.* Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherbultes. Berlin; New York: de Gruyter, 1993. 231 s. (Pergamenische Forschungen; vol. 7).
29. *Japp S.* Archäometrisch-archäologische Untersuchungen an Keramik aus Pergamon und Umgebung // *Istanbuler Mitteilungen*. 2009. Vol. 59. S. 193–268.
30. *Kotitsa Z.* Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Würzburg: Ergon, 1998. 168 s.

31. *Kotitsa Z.* Tombes d'enfants du IVe s. av. J.-C. à Pydna // L'enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants. Aix-en-Provence: Publications du Centre Camille Jullian, 2012. P. 77–96.
32. *Lomtadze G., Žuravlev D.* Hellenistic Pottery from the Necropolis of Olbia Pontike // Pottery, Peoples and Places: Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery. Aarhus: Aarhus University Press, 2014. P. 175–198.
33. *Lungu V.* La céramique de style west slope. Bucarest: Editura Academiei române; Paris: diffusion de Boccard, 2013. 305 p. (Histria. Les résultats des fouilles; vol. 14).
34. *Mandić J.* Ceramica a figure rosse, souraddipinta e miniaturica // Bratis Datas. Pratiche rituali, votive e strumenti del culto dai santuari della Lucania antica. Roma: Osanna Edizioni, 2012. P. 99–112.
35. *Meirano V.* Les terres cuites dans les sépultures d'individus immatures en Grèce d'Occident, de l'époque archaïque au milieu du IVe s. av. J.-C.: types, contextes, significations // L'enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants. Aix-en-Provence: Publications du Centre Camille Jullian, 2012. P. 111–130.
36. *Metzger I. R.* Die Keramik aus der Zerstörungsschicht Mosaikenhouses in Eretria // Β'Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Αθήνα: Αρχαιολογικών Πορών και Απαλλοτριώσεων, 1990. S. 44–48.
37. *Morel J.-P.* Céramiques à vernis noir d'Italie trouvées à Delos // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1986. Vol. 110, no. 1. P. 461–493.
38. *Morel J.-P.* Céramique campanienne: les formes. Rome: Ecole Française de Rome, 1981. 690 p.
39. *Natalucci M.* Mors immatura nel mondo piceno: conoscenze attuali e prospettive di ricerca // BIRTH. Archeologia dell'infanzia nell'Italia preromana. Bononia: University press, 2021. P. 515–568.
40. *Nenna M.-D.* Remarques sur le mobilier des tombes d'enfants dans l'Égypte gréco-romaine: mobilier associé et mobilier représenté // L'enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants. Aix-en-Provence: Publications du Centre Camille Jullian, 2012. P. 273–292.
41. *Panti A.* Black-Glaze Pottery from the Cemetery of Ancient Akanthos // Classical Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (480–323/300 BC). Thessaloniki: University studio press, 2019. P. 459–474.
42. *Pemberton E.* Small and miniature vases at Ancient Corinth // Hesperia. 2020. Vol. 89. P. 281–338.
43. *Rotroff S. I., Oliver A.* The hellenistic pottery from Sardis: the finds through 1994. Archaeological exploration of Sardis, 2003. 400 p. (Archaeological exploration of Sardis Monographs; vol. 12).
44. *Rotroff S. I.* Attic West Slope Vase Painting // Hesperia. 1991. Vol. 60, no. 1. P. 59–101.
45. *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies, 1997. 575 p. (The Athenian Agora; vol. 29, pt. 1).
46. *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin: de Gruyter. 1968. 161 s. (Pergamensische Forschungen; vol. 2).
47. *Sley K.* Hellenistic Black-glaze Ware from the Temple of Castor and Pollux in the Forum Romanum. The Stamps // Acta Hyperborea. 1991. Vol. 3. P. 249–268.
48. *Sparkes B.A., Talcott L.* Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies, 1970. 472 p. (The Athenian Agora; XII).
49. *Stroszeck J.* Grave Gifts in Child Burials in the Athenian Kerameikos: The Evidence of Sea Shells // L'enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants. Aix-en-Provence: Publications du Centre Camille Jullian, 2012. P. 56–76.
50. *Vogeikoff-Brogan N., Papadakis N.* Hellenistic Houses and households in East Crete: The Case of Trypetos // Griechische Keramik im kulturellen Kontext. Münster: Verlag C. H. Beck, 2003. P. 66–69.

51. Zolotarev M. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // *Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC*. Aarhus: University Press, 2006. P. 193–216.
52. Δρουγου Σ. Βεργίνα. Τα πηλίνα αγγεία της μεγάλης τουμπας. Αθήνα: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία, 2005. 204 p.
53. Δρουγου Σ., Τουρατσόγλου Γ. Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βεργίας. Αθήνα: Ταμπακοπούλου, 1998. 208 p.
54. Εγγλεζου Μ. Ελληνιστική κεραμική Κρήτης. Αθήνα: Έκδοση του Ταμείου αρχαιολογικών πορών και απαλλοτριώσεων, 2005. 418 p.
55. Ηλιοπούλου Σ. Αρχαία Ζώνη ΙΙα. Το νεκροταφείο-Ταφικά έθιμα και πρακτικές. Κομοτηνή: Αθηναΐς Ο. Ε. Θάνατος Βαφειάδης, Product Manager, 2015. 184 p.
56. Καραμετρεσιδου-Μενετρεσιδη Γ. Αιανή: Τάφοι ελληνιστικών χρόνων από το Ανατολικό Νεκροταφείο // Ζ'Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Αθήνα: Έκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών πορών και Απαλλοτριώσεων, 2011. P. 407–420.
57. Κιαγιάδακη Δ. Ο βρεφικός θάνατος στην Ελληνιστική Εποχή: Αποθέσεις σε πηγάδια και βρεφικά νεκροταφεία. Ιωάννινα: Πανεπιστήμιο Ιωαννίνων, 2023. 255 p.
58. Χαραμής Α.Π. Από τα ελληνιστικά νεκροταφεία των Θηβών. Συμβολή στην τοπογραφία και την ιστορία της μετα-αλεξανδρείας πόλεως. Ιωάννινα: Διδακτορική Διατριβή, 2012. 335 p.

References

1. Gabelia, AN 2014, *Abkhaziya v predantichnuyu i antichnuyu epokhi* (Abkhazia in the Pre-Ancient and Ancient Eras), Alasharbaga publ, Sukhum. (In Russ).
2. Damyanov, M 2023, *Chernofirnisova keramika ot nekropola na Apoloniya Pontika: tipologicheskoe i khronologicheskoe izsledvane (po materialy ot obrednite ognishcha, okolo 400 – 250 g. pr. Khr.)* (Black-fired ceramics from the necropolis of Apollonia Pontica: typological and chronological study (based on materials from the ritual hearths, around 400 – 250 BC Izdatelstvo na BAN «Prof. Marin Drinov» publ, Sofia. (In Bulg.).
3. Egorova, TV 2017, *Antichnaya chernolakovaya keramika iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A. S. Pushkina*. (Antique black-glazed pottery from the collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts), OOO «Tipografiya «NP-Print» publ, Moscow. (In Russ).
4. Egorova, TV 2009, *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* (Black-glazed ceramics of the 4th–2nd centuries. BC from the monuments of North-Western Crimea), MGU publ, Moscow. (In Russ).
5. Egorova, TV 2018, 'Shtampovannyye pal'metty v ornamentatsii chernolakovoy keramiki V–II vv. do n. e. iz Pantikapeya' (Stamped palmettes in the ornamentation of black-glazed ceramics of the 5th–2nd centuries BC from Panticapaeum), *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*, no. 3, pp. 371–386. (In Russ).
6. Egorova, TV 2024, 'K voprosu ob opredelenii proizvodstvennykh tsentrov importnoy chernolakovoy keramiki iz Severnogo Prichernomor'ya' (On the issue of identifying production centers for imported black-glazed ceramics from the Northern Black Sea region), *Drevnosti Bospora* (Antiquities of the Bosporus), no. 29, pp. 142–156. (In Russ).
7. Egorova, TV & Ilyina, TA 2025, 'Kompleks ellinisticheskikh votivov v rimskoy Germonasse' (Complex of Hellenistic votives in Roman Hermonassa), *Antichnyy mir i arkheologiya* (Ancient World and Archaeology), no. 22, pp. 212–226. (In Russ).
8. Ivanov, T 1963, 'Antichna keramika nekropolya Apolloniya' (Antique ceramics of the necropolis of Apollonia), *Apolloniya* (Apollonia), Blg. akad. na naukite. publ, Sofia, pp. 65–273. (In Bulg.).
9. Kopylov, VP & Kovalenko, AN 2012, 'Khramovyy kompleks Yelizavetovskogo gorodishcha na Donu (predvaritelnoye soobshcheniye)' (Temple complex of the Elizavetovsky settlement on the Don (preliminary report), *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III–II vv. do n.e.* (Antiquities of the Northern Black Sea region of the 3rd – 2nd centuries BC), Pridnestr. gos.un-t publ, Tiraspol, pp. 96–100. (In Russ).
10. Lordkipanidze, GA 1978, *Drevnyaya Kolkhida v VI–II vv. do n. e.* (Ancient Colchis in the 6th–2nd centuries BC), Tbilisi. (In Russ).

11. Parovich-Peshikan, M 1974, *Nekropol Olvii ellinisticheskogo vremeni* (Necropolis of Olbia during the Hellenistic Period), Naukova Dumka publ, Kyiv. (In Russ).
12. Saprykina, IA, Trebeleva, GV & Kasintseva, EO 2024, 'Zolotyie izdeliya iz sklepa III v. do n.e. na Markul'skom gorodishche' (Gold items from a vault of the 3rd century BC at the Markula Hillfort), *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology), no. 277, pp. 92-112. (In Russ).
13. Skrzhinskaya, MV 2000, *Budni i prazdniki Olvii v VI-I vv. do n. e.* (Weekdays and Holidays of Olbia in the 6th-1st Centuries BC), Aletyya publ, St. Petersburg. (In Russ).
14. Shtern, ER 1911, 'Iz zhizni detey v grecheskikh koloniyakh na severnom poberezhye Chernogo morya' (From the life of children in Greek colonies on the northern coast of the Black Sea), *Sbornik arkheologicheskikh statey, podnesennykh grafu A. A. Bobrinskomu* (Collection of archaeological articles presented to Count A.A.Bobrinsky), tip. V.F. Kirshbauma publ, St. Petersburg, pp. 13-30. (In Russ)
15. Barfoed, S 2018, 'The use of miniature pottery in Archaic-Hellenistic Greek sanctuaries', *Opuscula. Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome*, vol. 11, pp. 111-126.
16. Behr, D 1988, 'Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik', *Istanbuler Mitteilungen*, vol. 38, pp. 97-178. (In Germ.)
17. Blaževska, S 2011, 'Vardarski Rid: The Pottery from the House of the Collector', *Ζ'Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Έκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών πορών και Απαλλοτριώσεων, Αθήνα*, pp. 475-482.
18. Camilli, A 1999, *Ampullae: balsamari ceramici di età ellenistica e romana*, F. Ili Palombi publ, Roma. (In Ital.)
19. Costanzo, D 2021, 'Immaturi e pratiche funerarie nelle necropoli della Calabria greca', *BIRTH. Archeologia dell'infanzia nell'Italia preromana*, University press publ, Bononia, pp. 845-894. (In Ital.)
20. Damyanov, M 2017, 'Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (Excavations in 2005)', *Nessebar*, no. 4, pp. 86-100.
21. Damyanov, M 2016, 'Votive and other pottery from a sanctuary of Demeter in Apollonia Pontica', *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki*, 18-20 September 2015, Oxuniprint publ, Oxford. pp. 119-138.
22. Dasen, V 2010, 'Archéologie funéraire et histoire de l'enfance dans l'Antiquité: nouveaux enjeux, nouvelles perspectives', *L'enfant et la mort dans l'Antiquité I*, De Boccard publ, Paris, pp. 19-44. (In French)
23. Edwards, GR 1975, 'Corinthian Hellenistic pottery', *Corinth*, vol. VII, The American School of Classical Studies publ, Princeton-New Jersey.
24. Gassner, V 1997, 'Das Südtor der Tetragnon-Agora. Keramik und Kleinfunde', *Forschungen in Ephesos*, Bd. XII/I/I. (In Germ.)
25. Georgiadou, A 2005, *Totenkult und elische Grabkeramik spätklassischer und hellenischer Zeit*, University studio press publ, Thessaloniki. (In Germ.)
26. Hayes, JW 1984, *Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum: a Catalogue*, Royal Ontario Museum publ, Toronto.
27. Heimberg, U 1982, 'Die Keramik des Kabirions', *Das Kabirenheiligtum bei Theben*, no. 3, de Gruyter, Berlin. (In Germ.)
28. Hübner, G 1993, *Die Applikenkeramik von Pergamon. Eine Bildersprache im Dienst des Herrscherbultes*, PF. Band 7, de Gruyter publ, Berlin, New York. (In Germ.)
29. Japp, S 2009, 'Archäometrisch-archäologische Untersuchungen an Keramik aus Pergamon und Umgebung', *Istanbuler Mitteilungen*, vol. 59, pp. 193-268. (In Germ.)
30. Kotitsa, Z 1998, *Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg*, Ergon publ, Würzburg. (In Germ.)
31. Kotitsa, Z 2012, 'Tombe d'enfants du IVe s. av. J.-C. à Pydna', *L'enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants*, Publications du Centre Camille Julian publ, Aix-en-Provence, pp. 77-96. (In French)
32. Lomtadze, G & Žuravlev, D 2014, 'Hellenistic Pottery from the Necropolis of Olbia Pontike', *Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery*, Aarhus, pp. 175-198.

33. Lungu, V 2012, 'La céramique de style west slope', *Histria, Les résultats des fouilles*, vol. XIV, impr. en Roumanie publ, Bucarest, Paris. (In French)
34. Mandić, J 2012, 'Ceramica a figure rosse, souraddipinta e miniaturica', *Bratis Datas. Pratiche rituali, votive e strumenti del culto dai santuari della Lucania antica*, Osanna Edizioni publ, Roma. pp. 99–112. (In Ital.)
35. Meirano, V 2012, 'Les terres cuites dans les sépultures d'individus immatures en Grèce d'Occident, de l'époque archaïque au milieu du IVe s. av. J.-C.: types, contextes, significations', *L'enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants*, Publications du Centre Camille Jullian publ, Aix-en-Provence, pp. 111–130. (In French)
36. Metzger, IR 1990, 'Die Keramik aus der Zerstörungsschicht Mosaikenhouses in Eretria', *Β'Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική, Αρχαιολογικών Πορών και Απαλλοτριώσεων*, Αθήνα, pp. 44–48. (In Germ.)
37. Morel, JP 1986, 'Céramiques à vernis noir d'Italie trouvées à Delos', *Bulletin de correspondance hellénique*, Vol. 110, pp. 461–493. (In French)
38. Morel, JP 1981, *Céramique campanienne: les forms*, Ecole Française de Rome publ, Rome. (In French)
39. Natalucci, M 2021, 'Mors immatura nel mondo piceno: conoscenze attuali e prospettive di ricercar', *BIRTH. Archeologia dell'infanzia nell'Italia preromana*, University press publ, Bonogna, pp. 515–568. (In Ital.)
40. Nenna, MD 2012, 'Remarques sur le mobilier des tombes d'enfants dans l'Égypte gréco-romaine: mobilier associé et mobilier représenté', *L'enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants*, Publications du Centre Camille Jullian publ, Aix-en-Provence, pp. 273–292. (In French)
41. Panti, A 2019, 'Black-Glaze Pottery from the Cemetery of Ancient Akanthos', *Classical Pottery of the Northern Aegean and its Periphery (480–323/300 BC)*, University studio press publ, Thessaloniki, pp. 459–474.
42. Pemberton, E 2020, 'Small and miniature vases at Ancient Corinth', *Hesperia*, vol. 89, pp. 281–338.
43. Rotroff, SI & Oliver, A 2003, 'The hellenistic pottery from Sardis: the finds through 1994', *Archaeological exploration of Sardis*, vol. 12
44. Rotroff, SI 1991, 'Attic West Slope Vase Painting', *Hesperia*, vol. 60, 1, pp. 59–101.
45. Rotroff, SI 1997, 'Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material', *The Athenian Agora. XXIX*, The American School of Classical Studies publ, Princeton, New Jersey.
46. Schäfer, J 1968, 'Hellenistische Keramik aus Pergamon', *Pergamenische Forschungen*, vol. 2, de Gruyter publ, Berlin.
47. Sley, K 1991, 'Hellenistic Black-glaze Ware from the Temple of Castor and Pollux in the Forum Romanum. The Stamps', *Acta Hyperborea*, vol. 3, pp. 249–268.
48. Sparkes, BA & Talcott, L 1970, 'Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C', *The Athenian Agora. XII*, The American School of Classical Studies publ, Princeton, New Jersey.
49. Stroszeck, J 2012, 'Grave Gifts in Child Burials in the Athenian Kerameikos: The Evidence of Sea Shells', *L'enfant et la mort dans l'Antiquité III. Le matériel associé aux tombes d'enfants*, Publications du Centre Camille Jullian publ, Aix-en-Provence, pp. 56–76.
50. Vogeikoff-Brogan, N & Papadakis, N 2003, 'Hellenistic Houses and households in East Crete: The Case of Trypetos', *Griechische Keramik im kulturellen Kontext*, Verlag C.H.Beck publ, Münster, pp. 66–69.
51. Zolotarev, M 2006, 'A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos', *Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400–100 BC*, University Press publ, Aarhus, pp. 193–216.
52. Δρουγού, Σ 2005, *Βεργίνα. Τα πηλίνα αγγεία της μεγάλης τουμπας*, Αθήναις Αρχαιολογική Έταιρεία publ, Αθήνα. (In Greek)
53. Δρουγού, Σ & Τουρατσογλου, Γ 1998, *Ελληνιστικοί λαξευτοί τάφοι Βεροίας*, Ταμπακοπουλος publ, Αθήνα. (In Greek)
54. Εγγλεζού, Μ 2005, *Ελληνιστική κεραμική Κρήτης*. Έκδοση του Ταμείου αρχαιολογικών πορών και απαλλοτριώσεων, Αθήνα. (In Greek)

55. Ηλιοπούλου, Σ 2015, 'Αρχαία Ζώνη ΙΙα. Το νεκροταφείο-Ταφικά έθιμα και πρακτικές', in Ο.Ε. Αθηναΐς *Θάνατος Βαφειάδης*, Product Manager publ, Komotini. (In Greek)
56. Καραμετρεσιδου-Μενετεςιδου, Γ 2011, 'Αιανή: Ταφοί ελληνιστικών χρόνων από το Ανατολικό Νεκροταφείο', *Ζ'Επιστημονική Συνάντηση για την Ελληνιστική Κεραμική. Έκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών πόρων και Απαλλοτριώσεων*, Αθήνα, pp. 407–420. (In Greek)
57. Κιαγιάδακη, Δ 2023, *Ο βρεφικός θάνατος στην Ελληνιστική Εποχή: Αποθέσεις σε πηγάδια και βρεφικά νεκροταφεία*, Πανεπιστήμιο Ιωαννίνων publ, Ιωάννινα. (In Greek)
58. Χαραμής, ΑΠ 2012, *Από τα ελληνιστικά νεκροταφεία των Θηβών. Συμβολή στην τοπογραφία και την ιστορία της μετα-αλεξανδρικής πόλεως*, doctoral thesis, Ιωάννινα. (In Greek)

Вклад авторов:

Егорова Т. В. – обработка материала, написание статьи, редактирование текста.

Требелева Г. В. – держатель Открытого листа и руководитель раскопок с российской стороны, описание археологического контекста, итоговые чертежи.

Сакания С. М. – держатель Открытого листа и руководитель раскопок с абхазской стороны, полевые чертежи.

Contribution of the authors:

Tatyana V. Egorova – material processing, article writing, text editing.

Galina V. Trebeleva –holder of the Open Sheet and head of excavations on the Russian side, description of the archaeological context, final drawings.

Suram. M. Sakania – holder of the Open Sheet and head of excavations on the Abkhazian side, field drawings.

Статья поступила в редакцию: 19.02. 2026
Одобрена после рецензирования: 16.03.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 19.02.2026
Approved after reviewing: 16.03.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 94(476.5)"19":666.3

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-31-42>

ЦЕНТРЫ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОГО КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

**Надежда Петровна
Шуткова**

Могилевский государственный
университет им. А. А. Кулешова
Могилев, Республика Беларусь,
nadin-shutkova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5535-3378>

Аннотация. Целью исследования является выделение основных центров фабрично-заводского керамического производства Витебской губернии на основании анализа статистических письменных источников второй половины XIX – начала XX в. Предмет исследования – промышленные предприятия, выпускавшие кирпич, изразцы, гончарную и терракотовую продукцию. Актуальность работы обусловлена дефицитом исследований по мелким видам промышленного производства указанного периода. Методологически исследование опирается на сравнительно-исторический и историко-системный методы. Анализ проводится по хронологическим срезам, что дает возможность проследить эволюцию отрасли в направлении постепенного укрупнения производств к началу XX в. Источниковая база охватывает официальные публикации сводов, перечней, указателей и списков производств Российской империи. Эти материалы в разном качественном соотношении содержат сведения о количестве предприятий, числе занятых рабочих, объемах выпуска продукции, именах владельцев и локализации производств. Во всех статистических источниках выделяются две устойчивые группы керамических производств – кирпичное и гончарно-изразцовое. В ходе исследования выявлены основные центры керамического производства, локализованные в городах и уездах губернии – среди них Витебск, Двинск, Люцин, Режицкий уезд и другие населенные пункты. Установлено, что число предприятий колебалось по годам. Социальный состав владельцев предприятий был разнообразен: дворяне, купцы, мещане и крестьяне. Структура занятости характеризовалась преобладанием взрослых мужчин, но также фиксировалось привлечение женщин и мальчиков разных возрастных групп. Технологически отрасль опиралась преимущественно на ручной труд. На более крупных заводах отмечается использование двигателей. Керамическое производство Витебской губернии представляло собой развивающуюся систему с устойчивыми центрами. Статистические источники позволяют достаточно полно реконструировать пространственно-временную картину промышленного развития региона, демонстрируя как локальные особенности, так и общие тенденции индустриализации на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: керамическое производство, Витебская губерния, промышленные предприятия, статистические источники, центры производства, вторая половина XIX – начало XX в.

Для цитирования: Шуткова Н. П. Центры фабрично-заводского керамического производства Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 31–42. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-31-42>

Сведения об авторе: Н. П. Шуткова – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, истории Беларуси и специальных исторических дисциплин, Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова, 212022, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1.

© Шуткова Н. П., 2026

Scientific Article

UDC 94(476.5)"19":666.3

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-31-42>

CENTERS OF FACTORY-BASED CERAMIC PRODUCTION IN THE VITEBSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Nadezhda P. Shutkova

Mogilev State A. Kuleshov University

Mogilev, Republic of Belarus

nadin-shutkova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5535-3378>

Abstract. The aim of this study is to identify the main centers of factory ceramic production in the Vitebsk province based on an analysis of statistical written sources from the second half of the 19th – early 20th centuries. The subject of the study is industrial enterprises producing bricks, tiles, pottery, and terracotta products. The relevance of this work is due to the lack of research on small-scale industrial production during this period. Methodologically, the study relies on comparative historical and historical-systematic methods. The analysis is conducted using chronological sections, which makes it possible to trace the evolution of the industry towards the gradual consolidation of production by the early 20th century. The source base covers official publications of collections, lists, indices, and lists of industries of the Russian Empire. These materials contain information in varying qualitative proportions on the number of enterprises, the number of workers employed, output volumes, the names of owners, and the location of production. All statistical sources distinguish two stable groups of ceramic production: brick and pottery and tile production. The study identified the main centers of ceramic production, localized in the province's cities and districts – including Vitebsk, Dvinsk, Lyutsin, Rezhitsa District, and other populated areas. It was established that the number of enterprises fluctuated over the years. The social composition of enterprise owners was diverse: nobles, merchants, townspeople, and peasants. The employment structure was characterized by a predominance of adult men, but women and boys of various age groups were also involved. From a technological standpoint, the industry relied predominantly on manual labor, though larger-scale factories employed mechanical engines. Ceramic production in the Vitebsk province was a developing system with stable centers. Statistical sources allow for a fairly complete reconstruction of the spatiotemporal picture of the region's industrial development, demonstrating both local characteristics and general trends of industrialization in the Belarusian lands in the second half of the 19th and early 20th centuries.

Keywords: ceramic production, Vitebsk province, industrial enterprises, statistical sources, production centers, second half of the 19th – early 20th centuries.

For citation: Shutkova, NP 2026, 'Centers of Factory-Based Ceramic Production in the Vitebsk Province in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 31–42, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-31-42> (in Russ.)

Information about the Author: Nadezhda P. Shutkova – PhD in History, Associate Professor; Associate Professor, Department of Archeology, History of Belarus and Specialized Historical Disciplines, Mogilev State A. Kuleshov University, 1, Kosmonavtov St., Mogilev, 212022, Republic of Belarus.

© Shutkova N. P., 2026

Фабрично-заводское керамическое производство на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX в. представляло собой не просто техническое обновление традиционного гончарного промысла, а устойчивый социально-экономический процесс, способствовавший формированию локальных фабрично-заводских центров. Под центрами керамического производства подразумеваются фабрично-заводские заведения по производству гончарной продукции, изразцов, кирпича, терракотовых изделий и их локализация в рамках определенной территории – Витебской губернии, образованной указом от 27 февраля 1802 г. [1, с. 20, 325].

Цель данной работы – на основании анализа статистических письменных источников второй половины XIX – начала XX в. выделить основные центры фабрично-заводского керамического производства Витебской губернии. Актуальность темы обусловлена отсутствием работ по отдельным мелким видам производства, действовавшим на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX в. Ни одно научное исследование не обходится без своей методологической базы. Во время работы были использованы общенаучные и специально исторические методы. Среди них следует указать сравнительно-исторический (компаративный) метод, применявшийся для сравнения данных разных статистических источников. Историко-системный метод использовался при изучении керамического производства как целостной системы, пик развития которой пришелся на последнюю четверть XIX – начало XX в.

Начиная с 1830 г. сведения о фабриках и заводах ежегодно собирались в Департаменте торговли и мануфактур при содействии губернских статистических комитетов. Информацию в комитеты подавали сами владельцы предприятий по определенной форме [2, с. 119–129, № 3467]. Эта форма была изменена в 1834 г. [3, № 7484].

Департамент торговли и мануфактур рассылал по губерниям печатные бланки с такой формой. После заполнения бланки возвращались в департамент, обрабатывались и на их основании печатались материалы в таких периодических изданиях министерства финансов, как «Журнал Мануфактур и торговли», издаваемый на протяжении 1825–1866 гг. в виде отдельных монографий по производствам и районам; «Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства Финансов», издаваемый на протяжении 1865–1867 гг.; «Ежегодник Министерства Финансов», издававшийся с 1869 г. в виде сводных ведомостей для всех губерний Европейской России [4, с. I–III].

Информация о керамических производствах в этих изданиях носит фрагментарный характер, поэтому ключевыми источниками в выделении центров фабрично-заводского керамического производства Витебской губернии стали издания сводов, перечней, указателей и списков производств Российской империи. Материалы представляли собой серию статистических публикаций и содержали систематизированные данные о состоянии фабрично-заводской промышленности страны (число промышленных предприятий, количество рабочих, объемы производства, стоимость продукции и другие показатели).

Согласно уставу о фабричной и заводской промышленности от 1857 г. *«Заведенія, на коихъ производится фабричная и заводская промышленность, носятъ названіе заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ. Мануфактуры, фабрики и заводы отличаются отъ ремеслъ тѣмъ, что имѣютъ въ большомъ видѣ заведенія и машины; у ремесленниковъ же нѣтъ ихъ, кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ»* [12, с. 3].

«Своды данных о фабрично-заводской промышленности в России» предлагают статистическую информацию по разным видам производства в целом по всем губерниям за 1885–1887 гг., 1888 г., 1889 г., 1890 г., 1891 г., 1892 г., 1893 г. Свод

за 1894 г., 1895 г., 1896 г. не были опубликованы. «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 год» отличается от предыдущих изданий тем, что в нем подводятся итоги развития промышленности за 1887 г., 1890 г., 1893 г., 1896 г. и 1897 г.

Свод не дает информации касательно локализации предприятий на территории Витебской губернии и имен их владельцев, но позволяют проследить такие показатели, как количество предприятий, занятых на них рабочих и сумму производимой продукции

Количество предприятий по производству кирпича/количество рабочих/сумма производимой продукции (в рублях) по годам менялись следующим образом: 1885 г. – 71/255/77000; 1886 г. – 26/178/37000; 1887 г. – 26/174/35000; 1888 г. – 15/106/21000; 1889 г. – 6/42/8000; 1890 г. – 5/39/11000; 1891 г. – 9/58/12000; 1892 г. – 9/76/21000; 1893 г. – 1/118/22000; 1897 г. – 24/284/63000 [4, с. 4; 5, с. 8–9; 6, с. 8, 10–11; 7, с. 6–9; 8, с. 8–9; 9, с. 8–11; 11, с. II–XXIII, 112–114].

Количество предприятий по производству гончарной и изразцовой продукции/количество рабочих/сумма производимой продукции (в рублях) по годам менялось следующим образом 1885 г. – 4/26/14000; 1886 г. – 3/25/11000; 1887 г. – 5/32/14000; 1888 г. – 5/34/14000; 1889 г. – 3/24/12000; 1890 г. – 3/14/6000; 1891 г. – 4/29/12000; 1892 г. – 4/35/12000; 1893 г. – 4/38/19000; 1897 г. – 4/64/36000 [4, с. 4; 5, с. 8–9; 6, с. 8, 10–11; 7, с. 6–9; 8, с. 8–9; 9, с. 8–11; 11, с. II–XXIII, 112–114].

В свод за 1888 г. добавляются новые показатели: главные исполнительные механизмы и аппараты; действующая сила; число рабочих (взрослых мужчин и женщин и малолетних мужского и женского пола); топливо (дрова, уголь, торф, нефть); заведующие фабричным производством (русские или иностранцы, с техническим образованием или без него) [5, с. 8–9]. Для Витебской губернии мало информации по исполнительным механизмам и аппаратам, действующей силе. Следует отметить, что для всех предприятий губернии по производству керамической продукции в качестве основного топлива использовались дрова. Заведующими были русские без технического образования [5, с. 8–9; 6, с. 8, 10–11; 7, с. 8–9; 8, с. 8–9; 9, с. 10–11]. Только в одном случае – иностранец без технического образования [9, с. 10–11]. На предприятиях по производству кирпичной продукции использовался труд в основном взрослых мужчин и женщин, единичны случаи использования труда малолетних мальчиков. На предприятиях по производству гончарной и изразцовой продукции основной рабочей силой были взрослые мужчины, фиксируется также стабильная занятость в этой сфере малолетних мальчиков [5, с. 8–9; 6, с. 8, 10–11; 7, с. 8–9; 8, с. 8–9; 9, с. 10–11].

В своды 1890 – 1892 гг. включены показатели по числу рабочих часов и средней заработной плате за месяц [7, с. 6–7; 8, с. 8–9; 9, с. 10–11]. Количество рабочих часов варьируется следующим образом: кирпичное производство – 1890 г. – 10–12 часов; 1891 г. – 11 часов; 1892 г. – 8–12 часов; гончарное и изразцовое производство – 1890 г. – 8–12 часов; 1891 – 10 часов; 1892 г. – 10–12 часов. Заработная плата за месяц варьировалась: кирпичное производство – 1890 г. – 4–10 рублей; 1891 г. – 12 рублей; 1892 г. – 8–20 рублей; гончарное и изразцовое производство – 1890 г. – 10–30 рублей; 1891 – 15 рублей; 1892 г. – 10–18 рублей.

«Перечень фабрик и заводов» от 1897 г. содержит достаточно подробную информацию о действовавших предприятиях, опубликованную в форме таблицы [20, с. I–IV]. Согласно источнику на территории Витебской губернии работало два предприятия, занимавшиеся изготовлением керамической продукции.

А. Г. Будникову принадлежало изразцовое заведение в городе Витебске (ул. Набережная). Дата основания не указана. Были заняты семь взрослых мужчин. Производили изразцы белые глазурованные и терракотовые [20, с. 412–413].

Б. Я. Лисовский владел изразцовым заведением в уезде Витебском, волости Селютевской, селении Гуторовщина, основанном в 1877 г. Использовались один керосиновый и два конных двигателя. Были заняты 28 человек (17 взрослых мужчин, 8 мальчиков-подростков, 3 малолетних мальчика) [20, с. 412–413].

«Указатели фабрик и заводов» представляли собой статистические издания Российской империи, фиксирующие состояние промышленного производства. Вышло несколько изданий – в 1881 г., 1887 г., 1894 г. Каждое новое издание отличалось более полным охватом предприятий, актуализированными статистическими сведениями и, как правило, расширенной географией. Указатели позволяют определить локализацию предприятий, имена и социальный статус их владельцев [18, с. 305, 324; 17, с. 277, 299, 300; 16, с. 304, 335]. Следует отметить, что информация по предприятиям сильно отличается. Указатель 1881 г. отмечает наличие трех кирпичных и двух изразцовых производств на территории Витебской губернии [18, с. 305, 324]. М. С. Капутьевич владел кирпичным предприятием в городе Витебске. На производстве были заняты 30 рабочих [18, с. 305]. Мещанину Ж. Дымщицу принадлежало кирпичное предприятие в Витебском уезде, деревне Кочери. На производстве были заняты 15 рабочих [18, с. 305]. Мещанин С. Эйдуз владел кирпичным предприятием в городе Динабург. На производстве были заняты трое рабочих [18, с. 305].

Изразцовое предприятие в городе Витебске принадлежало купцам М. Будникову и Г. Будникову. На производстве были заняты пять рабочих [18, с. 324]. Мещанин Е. И. Гарбуз владел изразцовым предприятием в городе Витебск (ул. Гончарная). На производстве были заняты пять рабочих [15, с. 324].

Указатель 1887 г. отмечает наличие шести кирпичных и трех изразцовых производств на территории Витебской губернии [17, с. 277, 299, 300]. Дворянин М. С. Капутьевич владел кирпичным производством в Витебском уезде, селении Богословском. Предприятие было учреждено в 1865 г. На производстве были заняты шестнадцать рабочих [17, с. 277]. Землевладелице Шиворонской принадлежало кирпичное производство в Витебском уезде, имении Петровино, основанное в 1868 г. На производстве были заняты двадцать рабочих [17, с. 277].

Почетный гражданин И. Воропинский владел кирпичным производством в городе Велиж. Предприятие было учреждено в 1877 г. На производстве были заняты девять рабочих [17, с. 277]. П. А. Шувалову принадлежало кирпичное производство в Велижском уезде, селении Усвяты, основанное в 1879 г. На производстве были заняты трое рабочих [17, с. 277].

Землевладелица А. А. Липпе-Липская владела кирпичным производством в Люцинском уезде, Мариенгаузенской волости, ферма Цегельне. Предприятие было учреждено в 1876 г. На производстве были заняты пять рабочих [17, с. 277]. Мещанину Т. Н. Шарину принадлежало кирпичное производство в Дриссенском уезде, Придунайской волости, деревня Киселевцы, основанное в 1880 г. На производстве были заняты одиннадцать рабочих [17, с. 277]. Мещанин Е. И. Гарбуз владел кафельным заводом в городе Витебске (ул. Гончарная). Предприятие было учреждено в 1847 г. На производстве были заняты четверо рабочих [17, с. 299]. Землевладельцу Б. Я. Лисовскому принадлежало изразцовое производство в Витебском уезде в селении Гуторовщина, основанное в 1879 г. На производстве были заняты двенадцать рабочих [17, с. 300]. Купец Е. В. Васильев владел изразцовым производством в городе Динабург (за дамбой). Предприятие было учреждено в 1877 г. На производстве были заняты шесть рабочих [17, с. 299].

Указатель 1894 г. отмечает наличие пяти кирпичных и трех изразцовых производств на территории Витебской губернии [16, с. 304, 335].

Мещанину И. Эйдусу принадлежало кирпичное производство в городе Двинск (за дамбой, на берегу реки Двины), основанное в 1870 г. На производстве были заняты восемь рабочих [16, с. 304]. Графиня М. Э. Плятер владела кирпичным производством в Двинском уезде. Предприятие было учреждено в 1862 г. На производстве были заняты восемь рабочих [16, с. 304]. Мещанину Г. И. Нейшлосу принадлежало кирпичное производство в Двинском уезде (Лвенгофская волость, имение Шло-сберг), основанное в 1879 г. На производстве были заняты четырнадцать рабочих [16, с. 304].

Мещанин А. Т. Харитонов владел кирпичным производством в городе Невель (ул. Зеленая). Нет точной даты основания предприятия. На производстве были заняты восемь рабочих [16, с. 304]. Мещанину Н. Д. Левину принадлежало кирпичное производство в городе Люцине (на выгонной земле), основанное в 1890 г. На производстве были заняты шесть рабочих [16, с. 304]. Мещанин Г. А. Будников владел кафельным заводом в городе Витебск (ул. Набережная), основанным в 1881 г. На производстве были заняты четверо рабочих [16, с. 335].

Купцу М. А. Будникову принадлежало изразцовое производство в городе Витебске (набережная улица р. Западной Двины), основанное в 1794 г. На производстве были заняты пять человек [16, с. 304]. Купец Е. Д. Васильев владел изразцовым производством в городе Двинск (за Дамбой), основанным в 1877 г. На производстве были заняты пять человек [16, с. 335].

«Список фабрик и заводов Европейской России» 1903 г. содержит информацию о семнадцати предприятиях, занимавшихся выпуском керамической продукции [13, с. 343–344]. Локализация кирпичных заводов может быть представлена следующим образом – город Витебск (В. Бравье, основан в 1891 г.; З. И. Де-Шалыт, основан в 1898 г.; Х. Де-Шалыт, основан в 1890 г.; М. Донде и Ко, основан в 1890 г.; Б. В. Кан, основан в 1885 г.; А. М. Корбин, основан в 1888 г.; Ш. Е. Перльштейн, основан в 1898 г.; Ю. И. Файнберг, основан в 1893 г.; С. И. Фогельсон, два завода основаны в 1898 г. и один – в 1899 г.; К. Г. Чертков, основан в 1894 г.; дворянка Шиварновская, основан в 1898 г.); Витебский уезд (крестьянин Твердяков, Бабинюгская волость, селение Слобода, основан в 1900 г.) [13, с. 343–344]. Предприятия по производству кирпича в основном имели от девяти до пятнадцати рабочих. Выделяются производства Донде и Ко (33 рабочих), Ю. И. Файнберга (21 рабочий) и С. И. Фогельсона (37 рабочих) [13, с. 343–344].

Кафельно-изразцовый завод (купец Г. Будников, основан в 1881 г., 12 рабочих) и изразцово-майоликовый завод (дворянин Б. Я. Лисовский, основан в 1878 г., 73 рабочих) располагались в городе Витебске [13, с. 343–344]. Гончарно-изразцовый завод располагался в городе Двинск (купец К. Е. Зилев, не указана дата основания, 17 рабочих) [13, с. 343].

При издании «Списка фабрик и заводов России» 1910 г. использовались данные из опубликованных ранее справочников и опросные бланки владельцев предприятий. Предприятия по производству керамической продукции вошли в раздел «Обработка минеральных веществ». На территории Витебской губернии отмечено одиннадцать предприятий по производству керамических предприятий. Расширилась география предприятий.

Есть указания на работу кирпичных предприятий в Витебске (М. И. Донде и М. Л. Маркович, основан в 1900 г.; Я. Жгут и И. Жгут, не указана дата основания; мещанин А. Е. Перльштейн, основан в 1903 г.), Полоцке (Полоцкий женский Спасо-Ефросиньевский монастырь, основан в 1901 г.), Дриссенском уезде (Бароны Б. А. Будберг и Ф. А. Будберг, Клястицкая волость, имение Клястицы, не указана дата основания), Люцинском уезде (мещанин Н. Д. Левин, рядом с городом Люцин, основан в 1899 г.), Режицком уезде (мещанин З. Ш. Рабинович, Кулоговская

волость, деревня Фолов. Декши, не указана дата основания; С. М. Файнберг, Макашанская волость, имение Стучево, не указана дата основания), Двинском уезде (дворянин М. Б. Шахно, имение Гофтенберг, не указана дата основания) [14, с. 366–367].

Для некоторых предприятий приведена информация о заведующих (З. Резников, Р. Э. Мосдорф) и арендатора (П. К. Киселев) [14, с. 366–367]. Количество рабочих на предприятии составляло от четырех до десяти человек. Выделяются предприятия М. И. Донде и М. Л. Марковича (50 рабочих) и М. Б. Шахно (35 рабочих) [14, с. 366–367]. Дворянин Б. Я. Лисовский владел изразцово-майоликовым заводом в городе Витебске. Указаны имена арендатора – Н. Л. Райгородский и заведующего – М. А. Захаревич. На производстве были заняты 78 рабочих [14, с. 357, 367].

Инженеру-технологу Л. Я. Мовшенсону принадлежал изразцово-терракотовый завод, основанный в 1899 г. в городе Двинск. Указано имя заведующего – А. Г. Имянитов. На производстве были заняты восемнадцать рабочих. Основные выпускаемые изделия – серые, белые и терракотовые изразцы, терракотовые украшения [14, с. 357].

В «Списке фабрик и заводов Российской Империи» за 1912 г. указаны восемь предприятий, выпускавших керамическую продукцию [15, с. 272]. Кирпичные заводы располагались в городе Витебск (мещанин З.-Б. В. Кан; купцы М. Л. Маркович и М. И. Донде; мещанин А. Е. Перлыштейн), в Витебском уезде (мещанин Я. И. Жгут, Бабинская волость, селение Церковщины), в Режицком уезде (мещанин З. Ш. Рабинович, Кульновская волость, деревня Туможи), Двинском уезде (дворянка М. Б. Шахно, Вышковская волость, имение Гофтенберг) [15, с. 272]. Количество рабочих составляло в среднем одиннадцать–тринадцать человек. Выделяются предприятия М. И. Донде и М. Л. Марковича (40 рабочих), А. Е. Перлыштейна (20 рабочих) и М. Б. Шахно (30 рабочих). На предприятии М. Б. Шахно использовался локомобильный двигатель [15, с. 272]. Дворянин Б. Я. Лисовский владел изразцово-майоликовым заводом в городе Витебск. На производстве были заняты семьдесят восемь рабочих. Использовался паровой двигатель [15, с. 272]. Инженер-технолог Я. Л. Мовшенсон владел изразцово-терракотовым заводом в городе Двинск. Изготавливались терракотовые изделия и изразцы. На производстве были заняты восемнадцать рабочих [15, с. 272].

В справочник «Фабрично-заводские предприятия Российской империи» 1909 г. издания были включены предприятия, имевшие более двадцати рабочих или использующие механическую силу. Бланки для составления справочника рассылались непосредственным владельцам предприятий. В издании содержится информация о тринадцати крупных кирпичных заводах и одном изразцово-майоликовом заводе Витебской губернии [21, с. 103–116, 1129].

Кирпичные заводы располагались в городе Витебск (М. Донде и Маркович, основан в 1890 г.; Б. В. Кан, основан в 1885 г.; Симон и З. Шалыт, нет указания на дату основания; Ю. И. Файнберг, основан в 1893 г.; Ш. Я. Шалыт и Ш. Д. Шалыт, нет указания на дату основания; Х. Шейкин, нет указания на дату основания), Витебском уезде (З. З. Немченко, Янвичская волость, деревня Жмуры, основан в 1893 г.), городе Люцин (Н. Д. Левин, основан в 1898 г.), Невельский уезд (М. Л. Зисельсон, селение Рябчики, нет указания на дату основания), Полоцкий уезд (К. К. Иванов, Болонская волость, имение Экимань, нет указания на дату основания), Режицком уезде (С. М. Файнберг, имение Стучево, основан в 1888 г.), Двинском уезде (М. Шахно, имение Гофтенберг, нет указания на дату основания), Дрисенском уезде (Ю. М. Шитт, завод «Литвиново», Клястицкая волость, имение Сченстополь) [21, с. 103–116].

Изразцово-майоликовым заводом владел Б. Я. Лисовский. Предприятие располагалось в городе Витебске и было основано в 1878 г. Известно имя заведующего – М. А. Захаревич. На производстве были заняты семьдесят три рабочих. Представителями завода в Петербурге был С. Р. Пинес, в Ростове – Н. Л. Райгородский, в Варшаве – И. Кулеша, в Саратове – Л. Ноткин, в Казани – С. Песельник, в Николаеве – У. Бару [21, с. 1129].

Сборник «Фабрики и заводы всей России» за 1913 г. представляет собой еще одно статистическое издание, содержащее максимально короткую информацию о предприятиях. Заведения по производству кирпича в Витебской губернии представлены списком из 16 заводов, для изразцов и терракотовых изделий – 2 заводами [19, с. 282, 377].

Кирпичные заводы располагались в городе Витебск (М. И. Донде и М. Л. Маркович, основан в 1890 г.; Я. Жгут и К. Жгут; Симон и З. Шалыт; Ю. И. Файнберг, основан в 1890 г.; Ш. Я. Шалыт и Ш. Д. Шалыт; Х. Шейкин), в Витебском уезде (Б. В. Кан, местечко Гutowишна Щитта, основан в 1885 г.; З. З. Немченко, Яновичская волость, деревня Жмуры), в Дрисенском уезде (А. Будберг и Ф. Будберг; Ю. М. Шитт), в Невельском уезде (М. А. Зисельсон), городе Полоцке (Полоцкий женский Спасо-Ефросиньевский монастырь, основан в 1901 г.), Полоцкий уезд (К. К. Иванов), городе Люцин (Н. Д. Левин, основан в 1899 г.), Режицком уезде (З. Ш. Рабинович, Кульновская волость, деревня Фолов-Декши, основан в 1903 г.; С. М. Файнберг, Макашанская волость, имение Стучево, основан в 1885 г.) [19, с. 282].

К 1913 г. происходит постепенное укрупнение кирпичных заводов губернии. На предприятиях работали до девятнадцати человек (четыре предприятия), 20–30 человек (4 предприятия), 31–40 человек (4 предприятия), более сорока человек (3 предприятия). В одном случае количество рабочих не указано [19, с. 282]. Для некоторых заведений указаны имена заведующих (З. Ш. Рабинович, Я. Иоффа) и арендатора (П. К. Киселев) [19, с. 282].

Б. Я. Лисовскому принадлежал изразцово-майоликовый завод в городе Витебск, основанный в 1878 г. Указано имя заведующего – М. А. Захаревич. На производстве были заняты шестьдесят рабочих и использовались два паровых двигателя [19, с. 377]. Я. А. Мовшенсон владел изразцово-терракотовым заводом «Гаекъ» в городе Двинск, основанном в 1899 г. Указано имя заведующего – А. Г. Имянитов. На производстве были заняты двадцать пять рабочих [19, с. 377].

Издание «Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию)» 1914 г. представляет собой справочно-статистический труд, фиксирующий состояние промышленной сферы Российской империи накануне Первой мировой войны. Керамические заводы Витебской губернии в издании представлены девятью предприятиями [22, с. 12–118; 1548–1549]. Кирпичные заводы располагались в городе Витебск (З. В. Кан, основан в 1860 г.; А. Е. Перлыштейн, основан в 1903 г.), в Витебском уезде (Я. Жгут и И. Жгут, Бабиничская волость, селение Церковщина), у города Люцин (Н. Д. Левин, основан в 1898 г.), в Режицком уезде (З. Ш. Рабинович, Кульновская волость, деревня Туможи, основан в 1903 г.; С. М. Файнберг, Макашанская волость, имение Стучево, основан в 1888 г.), в Двинском уезде (М. Б. Шахно, Вышковская волость, имение Гофтенберг, основан в 1901 г.) [22, с. 112–118]. На производстве этих предприятий было от 15 до 31 рабочего. На некоторых из них применялись двигатели [22, с. 117–118]. Указаны имена управляющих заводом – Я. Иоффа, Р. Э. Мосдорф [22, с. 117–118]. В одном случае отмечено наличие телефонной связи [22, с. 113].

Б. Я. Лисовский владел изразцово-майоликовым заводом в г. Витебске на Лезнянской улице, основанным в 1877 г. Телефон предприятия – 1-11, указано

имя управляющего заводом – Б. Я. Лисовский и заведующего частью – М. А. Захаревич. На производстве были заняты 118 рабочих и использовался один паровой двигатель. Производились печные изразцы терракотовые, белоглазурованные, золоченые и майоликовые, разные терракотовые изделия. Представителями завода в Санкт–Петербурге был С. Р. Пинес, в Ростове – Н. Л. Райгородский, в Варшаве – И. Кулеша, в Саратове – Л. Ноткин, в Казани – С. Песельник, в Николаеве – У. Бару [22, с. 1548]. Инженеру Я. Л. Мовшенсону принадлежал изразцовый и терракотовый завод в городе Двинск, основанный в 1899 г. Телефон – 13. Производились изразцы серые и белые, и терракотовые изделия [22, с. 1549].

Таким образом, фабрично-заводское керамическое производство Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. постепенно эволюционировало от мелких производств к относительно крупным предприятиям, что вписывалось в общие тенденции индустриализации Российской империи. В губернии сложились две основные группы керамических производств: кирпичные заводы и гончарно-изразцовые предприятия (включая майоликовые и терракотовые). Географически центры производства были широко распределены по ключевым городам и уездам – Витебску и Витебскому уезду, Двинску и Двинскому уезду, Полоцку, Режицкому уезду, Дриссенскому уезду и другим территориям, что свидетельствует о значительной территориальной распространенности отрасли.

Статистические данные показывают колебания числа предприятий по годам, однако к началу XX в. отчетливо проявилась тенденция к укрупнению производств. Среди владельцев предприятий встречались представители разных сословий – дворяне, купцы, мещане и крестьяне, что указывает на вовлеченность различных социальных групп в промышленное производство.

Основную рабочую силу составляли взрослые мужчины, но также активно привлекались женщины (преимущественно на кирпичных заводах) и мальчики-подростки, включая малолетних работников (особенно в гончарно-изразцовом производстве). Продолжительность рабочего дня варьировалась от 8 до 12 часов, а месячная заработная плата – от 4 до 30 рублей в зависимости от специализации и масштаба предприятия.

Большинство предприятий опиралось на ручной труд, однако на крупных предприятиях постепенно внедрялись машинные двигатели, что демонстрирует поступательную механизацию производства.

Выявленные центры керамического производства демонстрируют локальные особенности индустриализации, социально-экономическую динамику региона. Работа восполняет существенный пробел в изучении мелких видов промышленного производства на белорусских землях указанного периода и показывает, что требуется дальнейшее изучение более широкого круга источников и сопоставления их с обработанными статистическими материалами.

Список источников и литературы

1. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 27: 1802-1803. СПб.: Изд-во Имп. канц., 1830. 1197 с.
2. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. Т. 5: 1830, Отд-ние 1: от № 3399-3882. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. канц., 1831. 825, 297 с.
3. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е. Т. 9. Отд-ние 2: 1834: от № 7380-7716. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. канц., 1835. 832 с.
4. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1885–1887 годы / Изд. Деп. торговли и мануфактур. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1889. 114 с. (Материалы для торгово-промышленной статистики).

5. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1888 год / М-во финансов, Деп. торговли и мануфактур. СПб., 1891. 394 с.
6. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1889 год. СПб., 1891. 577 с.
7. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1890 год. СПб., 1893. 417 с.
8. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1891 год. СПб., 1894. 237 с.
9. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1892 год. СПб., 1895. 277 с.
10. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1893 год. СПб., 1896. 173 с.
11. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 год. СПб., 1900. 225 с.
12. Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 2: Уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, и Устав ремесленный. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. канц., 1857. 1239 с.
13. Список фабрик и заводов европейской России / М-во финансов. СПб.: изд. ред. "Вестника финансов", 1903. 838 с.
14. Список фабрик и заводов России тысяча девятьсот десятого года: по офиц. данным фабрич., подат. и горн. надзора / сост. ред. "Торг.-пром. газ." и "Вестн. финансов"; М-во финансов и М-во торговли и пром-сти. [Изд. 2-е]. М.: Л. и Э. Метуль и К°, [1910]. 1034 с.
15. Список фабрик и заводов Российской империи: сост. по офиц. сведениям Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти / под ред. В. Е. Варзара. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 720 с.
16. Указатель фабрик и заводов Европейской России: материалы для фабрично-заводской статистики / сост. по офиц. сведениям Деп. торговли и мануфактур П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Изд. 3-е, испр. и значит. доп. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1894. 826 с.
17. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: материалы для фабрично-заводской статистики / сост. по офиц. сведениям Деп. торговли и мануфактур П. А. Орлов. Изд. 2-е, испр. и значит. доп. СПб.: Тип. Р. Голике, 1887. 824 с.
18. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским: материалы для фабрично-заводской статистики / сост. по офиц. свед. Деп. торговли и мануфактур П. А. Орлов. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1881. 753 с.
19. Фабрики и заводы всей России: сведения о 31,523 фаб-ках и з-дах. Киев: Кн-во т-ва Л. М. Фиш, 1913. 1687 стб.
20. Фабрично-заводская промышленность России: перечень фабрик и заводов. СПб.: тип. Е. А. Ефрона, 1897. 192 с.
21. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию): Под наблюдением Ред. ком., сост. из чл. Сов. съездов представителей пром-сти и торговли: изд. г. 1-й / сост. инж. Л. К. Езиоранский; Сов. съездов представителей пром-сти и торговли. СПб.: Торг. дом А. Срог и К°: т-во "Справочник", 1909. 1443 с.
22. Фабрично-заводские предприятия Российской империи (исключая Финляндию). Изд. 2-е. Петроград: издали инж. путей сообщ. Д. П. Кандауров и сын, 1914. 1612 с.

References

1. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy Imperii*: (Complete Collection of Laws of the Russian Empire) 1830, vol. 27. 1802-1803, Izdatelstvo Imperatorskaya kantselyariya publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
2. *Rossiia. Zakony i postanovleniya: Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii: Sobraniye 2*(Complete Collection of Laws of the Russian Empire: Collection 2.) 1831, vol. 1. 1830/31, no. 3467, pp. 119-129, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ, Saint Petersburg. (In Russ.)

3. *Rossiya. Zakony i postanovleniya. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii: Sobraniye 2* (Complete Collection of Laws of the Russian Empire: Collection 2) 1835, vol. 9. 1834, no. 7484, p. 832, tipografiya 2 Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
4. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1885-1887 gody / 26* (Summary of Data on Factory and Plant Industry in Russia for 1885-1887 / 26) 1889, Saint Petersburg. (In Russ.)
5. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1888 god* (Summary of Data on Factory and Plant Industry in Russia for 1888) 1891, Ministerstvo finansov, Departament trgovli i manufaktur publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
6. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1889 god* (Summary of data on factory industry in Russia for 1889) 1891, Izdatelstvo Departamenta trgovli i manufaktur publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
7. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1890 god* (Summary of data on factory industry in Russia for 1890) 1893, Ministerstvo finansov, Departament trgovli i manufaktur publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
8. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1891 god* (Summary of data on factory industry in Russia for 1891) 1894, Ministerstvo finansov, Departament trgovli i manufaktur publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
9. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1892 god* (Summary of data on factory industry in Russia for 1892) 1895, Ministerstvo finansov, Departament trgovli i manufaktur publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
10. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1893 god* (Summary of data on factory industry in Russia for 1893) 1896, Ministerstvo finansov, Departament trgovli i manufaktur publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
11. *Svod dannykh o fabrichno-zavodskoy promyshlennosti v Rossii za 1897 god* (Summary of data on factory industry in Russia for 1897) 1900, St. Petersburg. (In Russ.)
12. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* (Digest of Laws of the Russian Empire) 1857, vol. 11. Chast II. Ustavy kreditnyy, trgovyy, o promyshlennosti fabrichnoy i zavodskoy, i ustav remeslenny (Part II. Statutes on credit, trade, factory and plant industry, and the craft statute), Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
13. Ministerstvo finansov 1903, *Spisok fabrik i zavodov evropeyskoy Rossii* (List of factories and plants of European Russia), Tipografiya V. Kirshbauma: izdatelstvo redaktsii "Vestnika finansov" publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
14. Torgovo-promyshlennaya gazeta, Vestnik finansov, Ministry of Finance & Ministry of Trade and Industry (eds) 1910, *Spisok fabrik i zavodov Rossii tysyacha devyatsot desyatogo goda. Po ofitsialnym dannym fabrichnogo, podatnogo i gornogo nadzora* (List of factories and plants of Russia of the year 1910. According to official data from the factory, tax and mining authorities), 2nd edn, L. i E. Metuli Kopubl, Moscow. (In Russ.)
15. Varzar, VE 1912, *Spisok fabrik i zavodov Rossiyskoy imperii* (List of factories and plants of the Russian Empire), Tipografiya V.F. Kirshbauma publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
16. Orlov, PA & Budagov, SG (eds) 1894, *Ukazatel fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii: materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* (Index of factories and plants of European Russia: materials for factory and plant statistics), 3rd edn, Tipografiya V.F. Kirshbauma publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
17. Orlov, PA (ed) 1887, *Ukazatel fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii i Tsarstva Polskogo: materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* (Index of factories and plants of European Russia and the Kingdom of Poland: materials for factory and plant statistics), 2nd edn, Tipografiya R. Golike publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
18. Orlov, PA (ed) 1881, *Ukazatel fabrik i zavodov Evropeyskoy Rossii s Tsarstvom Polskim i Velikim knyazhestvom Finlyandskim: Materialy dlya fabrichno-zavodskoy statistiki* (Index of factories and plants of European Russia with the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Finland: Materials for factory and plant statistics), Tipografiya bratyev Panteleyevykh publ, Saint Petersburg. (In Russ.)

19. *Fabriki i zavody vsey Rossii: Svedeniya o 31, 523 fabrikakh i zavodakh* (Factories and plants of all Russia: Information about 31, 523 factories and plants) 1913, Knigoizdatelstvo tovarishchestva L. M. Fish publ, Kyiv. (In Russ.)
20. *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost Rossii. Perechen fabrik i zavodov* (Factory and plant industry of Russia. List of factories and plants) 1897, Tipografiya E. A. Efrona publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
21. Ezioranskiy, LK 1909, *Fabrichno-zavodskiye predpriyatiya Rossiyskoy imperii (isklyuchaya Finlyandiyu)* (Factory and plant enterprises of the Russian Empire (excluding Finland)), 1st edn, Torgovyydom A. Sroki Kopubl, tovarishchestvo "Spravochnik" publ, Saint Petersburg. (In Russ.)
22. *Fabrichno-zavodskiye predpriyatiya Rossiyskoy Imperii (isklyuchaya Finlyandiyu)* (Factory and plant enterprises of the Russian Empire (excluding Finland)) 1914, 2nd edn, izdali inzheneriy putey soobshcheniya D. P. Kandaurov i syn publ, Petrograd. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 10.02.2026
Одобрена после рецензирования: 16.03.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 10.02.2026
Approved after reviewing: 16.03.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 94(37)+94(38)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-43-50>

МЕЖДУ «ДРУЖБОЙ» И ПОДЧИНЕНИЕМ: ГРЕЧЕСКИЕ ПОЛИСЫ В КЛИЕНТСКОЙ СИСТЕМЕ ПОМПЕЯ

**Юлия Александровна
Федина ¹**

**Андрей Викторович
Безруков ²**

^{1,2} Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
Магнитогорск, Россия,

¹ history26062009@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0006-6547-8330>

² buonogiorno@mail.ru

² <https://orcid.org/0000-0003-1243-2188>

Аннотация. Статья посвящена анализу положения греческих полисов Малой Азии и материковой Греции в клиентской системе, созданной Гнеем Помпеем Великим после окончательного разгрома Митридата VI Евпатора в 63 г. до н.э. На материале писем и речей Цицерона, надписей и свидетельств Диона Кассия, а также ряда других источников рассматриваются механизмы интеграции полисов в римскую структуру патроната-клиенты. Особое внимание уделяется двойственной природе их статуса: формально провозглашённые «свободными и дружественными» (*liberi et amici populi Romani*), на деле полисы оказывались в жёсткой зависимости от римского Сената и магистратов, которые регулировали границы территории, налоговый режим и внутреннее устройство. Автор доказывает, что Помпей сознательно использовал полисы как противовес царям Галатии, Каппадокии, Боспора, не допуская чрезмерного усиления ни тех, ни других. Греческие элиты, в свою очередь, активно манипулировали риторикой «дружбы» и «верности», отправляя посольства, чеканя монеты с изображениями римских полководцев и возводя культовые статуи в обмен на подтверждение привилегий. В статье показано, что гражданские войны в Риме середины I в. до н. э. (борьба Цезаря и Помпея, республиканцев, а затем Октавиана и Антония) разрушили хрупкий баланс, окончательно превратив полисы из номинальных союзников в объекты прямой военной и финансовой эксплуатации. Именно Помпей, а позднее Август заложили модель, при которой формальная автономия полиса сохранялась ровно до тех пор, пока её сохранение служило интересам Рима, тем самым клиентская система стала предшественницей прямого имперского управления, окончательно ликвидировавшего фикцию равноправной «дружбы».

Ключевые слова: Гней Помпей Великий, греческие полисы, клиентела, *amicitia*, Малая Азия, Митридатовы войны, поздняя Римская республика.

Для цитирования: Федина Ю. А., Безруков А. В. Между «дружбой» и подчинением: греческие полисы в клиентской системе Помпея // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 43–50. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-43-50>

Сведения об авторах: Ю. А. Федина – ответственный секретарь редакции журнала «Проблемы истории, филологии, культуры», Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 38.

А. В. Безруков – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 38.

© Федина Ю. А., Безруков А. В. 2026

Scientific Article
UDC 94(37)+94(38)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-43-50>

BETWEEN 'FRIENDSHIP' AND SUBORDINATION: GREEK CITIES IN POMPEY'S CLIENTELAE

Yulia A. Fedina¹

Andrey V. Bezrukov²

^{1,2} Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russia.

¹ history26062009@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0006-6547-8330>

² buonogiorno@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1243-2188>

Abstract: This article analyzes the position of the Greek city-states of Asia Minor and mainland Greece within the clientelae established by Pompey the Great after the final defeat of Mithridates VI Eupator in 63 BC. Drawing on the letters and speeches of Cicero, the authors examine the inscriptions and testimonies of Dio Cassius, and a number of other sources, the mechanisms for integrating the city-states into the Roman patronage and client politics. It is worth noting the dual nature of their status: formally proclaimed 'free and friendly' (*liberi et amici populi Romani*), in reality, the city-states were strictly dependent on the Roman Senate and magistrates, who regulated territorial boundaries, tax regimes, and internal organization. The study proves that Pompey deliberately used the city-states as a counterweight to the kings of Galatia, Cappadocia, and the Bosphoran Kingdom, preventing the excessive strengthening of either. Greek elites, in turn, actively manipulated the rhetoric of 'friendship' and 'loyalty', sending embassies, minting coins with images of Roman generals, and erecting cult statues in exchange for confirmation of privileges. The article demonstrates that the civil wars in Rome in the mid-first century BC (the struggle between Caesar and Pompey, the Republicans, and then Octavian and Antony) destroyed this fragile balance, ultimately transforming the city-states from nominal allies into objects of direct military and financial exploitation. It was Pompey, and later Augustus, who established a model in which the formal autonomy of the city-states was preserved only as long as its preservation served the interests of Rome. Thus, the clientelae became the precursor to direct imperial rule, which finally eliminated the fiction of equal 'friendship'.

Keywords: Pompey, Greek city-states, clientelae, amicitia, Asia Minor, Mithridatic Wars, late Roman Republic.

For citation: Fedina, YA & Bezrukov, AV 2026, 'Between 'Friendship' and Subordination: Greek Cities in Pompey's Clientelae', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 43–50, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-43-50> (in Russ.)

Information about the Authors: Yulia A. Fedina – Head of Editorial Office, Journal of Historical, Philological, and Cultural Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38 Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000, Russia;

Andrey V. Bezrukov – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of World History, Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38 Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000, Russian.

© Fedina Y. A., Bezrukov A. V., 2026

Помпей вошел в историю не только как блестящий полководец, победитель серторианцев, пиратов и Митридата VI Евпатора, но и как «архитектор Востока» [8, р. 87]. Именно его урегулирование 63–62 гг. определило политическую карту Малой Азии и Восточного Средиземноморья на полвека вперед. В центре этого урегулирования оказались не только цари-клиенты (Дейотар Галатийский, Ариобарзан Каппадокийский и др.), но и греческие полисы – от Пропонтиды до Киликии, от Эпира до Родоса.

Статус этих полисов после появления Помпея на Востоке был радикально пересмотрен. Часть из них (Амис, Синопа, Магнесия на Сипиле) получили свободу [3, с. 31], другие были обложены данью или включены в состав провинций. Однако главное нововведение Помпея заключалось в том, что он сознательно включил полисы в систему своих личных клиентских отношений (*clientela/φιλία*) по тому образцу, который уже существовал в Италии. Каждый значимый полис должен был иметь «патрона» в Риме – обычно самого Помпея или его легатов, а впоследствии и других магнатов. Эта система, по мнению Э. Бадияна, превращала независимые когда-то города в «иностранных клиентов» римской аристократии [8, р. 110–125]. Но такой патронат не был унифицирован, а степень зависимости могла варьироваться в зависимости от военной значимости полиса и давности связей с Римом [10, р. 89–92].

Т. Иш-Шалом указывает на двойственность такого положения, полисы хоть и продолжали называться *liberi* и *amici populi Romani*, но их «дружба» все больше подразумевала односторонние обязательства [15, р. 173]. Гражданские войны 40–30-х гг. в Риме окончательно показали всю фиктивность полисной свободы – города вынуждены были финансировать то Помпея, то Цезаря, то Антония, то Октавиана, а отказ грозил разграблением или потерей привилегий [с. 19].

После разгрома Митридата VI Помпей оказался перед необходимостью организовать огромные территории, ранее подвластные понтийскому царю и армянскому царю Тиграну II. В отличие от провинциальной системы, использовавшейся в Африке или Испании, Помпей предпочел модель, в которой часть земель отошла к римским провинциям (Вифиния-Понт, Киликия), часть – к царям-клиентам, а часть была объявлена «свободными городами» (App. Mithr. 105; Cic. Att. V, 17; Strab. XII. 1; Eutr. VI.18. 1; Caes. B.C. III. 4; Dio Cass. XLI. 63, 1; Strab. XII. V. 2; Cic. Fam. V. 17; Strab. XII. 1, 4; XIV. 5. 24) [14, р. 127; 18, р. 45–48].

Плутарх в жизнеописании Помпея подчеркивает, что победитель старался выступить в роли освободителя эллинов: «Помпей <...> большинство городов освободил и тиранов наказал <...> грекам он дал деньги и землю и вернул законы» (Plut. Pomp. 39, 2). Однако эта «свобода» была строго дозирована. Помпей различал несколько категорий полисов: полностью свободные и освобожденные от дани – как правило, те, что добровольно перешли на сторону Рима во время войны (например, Кавн, Магнесия на Меандре) [с. 34–35]; формально свободные, но обязанные платить налог (например, Амис, Синопа, хотя позже Цезарь освободил их); включенные в состав провинции и подчиненные римскому наместнику (многие города Вифинии, Понта, Киликии) (App. Mith. 114)

Сразу после урегулирования ситуации греческие полисы оказались в сложной личной зависимости от Помпея. Они направляли к нему посольства, чеканили монеты с его портретом, воздвигали статуи и алтари, называя его *σωτήρ* (спаситель) и *εὐεργέτης* (благодетель). Согласно Ж.-Л. Феррари, эта практика была не просто лестью, а юридически значимым актом признания патроната [12, р. 451–455].

В историографии давно идет спор: можно ли считать эти отношения клиентелой в римском смысле слова? Э. Бадриан считает, что отношения между

греческими полисами и Помпеем можно назвать отношениями патрона-клиента, подчеркивая, что Помпей использовал те же механизмы, что и в Италии – раздача привилегий в обмен на политическую поддержку [8, р. 89]. Напротив, П. Гарнси и Р. Саллер полагают, что межгосударственная *amicitia* отличалась от внутриримской клиентелы большей двусторонностью [13, р. 148–150]. На наш взгляд, отношения Помпея с полисами были «гибридными» – формально равноправными (союзный договор), но фактически иерархическими, особенно после того, как Помпей сосредоточил в своих руках командование всеми восточными армиями и право распределять провинции [1, с. 30–31]. Согласно исследованиям Х. ван Вейлика, именно Помпей впервые создал прецедент – римский полководец может единолично определять статус городов, минуя сенат, что позже с готовностью использовали Цезарь и Антоний [22, р. 102–105].

Формальный статус «свободного и дружественного» города не означал отсутствия римского вмешательства. Помпей, а затем его преемники внедрили несколько механизмов, позволявших контролировать полисы без прямого административного подчинения.

До Митридатовых войн многие греческие города платили дань понтийским царям или местным династам. Помпей заменил ее римским налогом – *vectigal* (*στάθμον*). По свидетельству Цицерона, в провинции Азия (которая формально не входила в урегулирование Помпея, но была затронута его реформами) налог собирался через публиканов – откупщиков, чьи злоупотребления носили системный характер: «откупщики, вся организация и корпорация которых, как и самого римского народа, давно уже связана со всеми этими провинциями» (Cic. Flacc. 28).

Для городов, объявленных свободными, Помпей установил фиксированную сумму, которую они выплачивали напрямую римскому наместнику, минуя откупщиков. Однако на практике разница была небольшой: должностные лица Рима нередко взимали сверх установленного. Так, в речи в защиту Флакка Цицерон упоминает жалобы жителей Тралл, Лаодикеи и Апамеи на поборы (Cic. Flacc. 32–35).

Как убедительно доказала Л. Р. Тейлор, каждый значимый полис стремился обзавестись влиятельным патроном в Риме [20, р. 6–769]. Помпей сам часто выступал в этой роли, но его сторонники – Метелл Сципион, Лентул Марцеллин, Марк Туллий Цицерон (последний, будучи проконсулом Киликии в 51–50 гг. до н. э.) также получали посольства и ходатайства. Города отправляли в Рим «дружественные посольства» (*legationes amicorum*), которые не столько вели переговоры, сколько напоминали патрону о существовании клиента. Например, в 56 г. жители Кизика обратились к Помпею с просьбой подтвердить их налоговые привилегии, а тот, будучи в Риме, добился соответствующего сенатусконсульта [8, с. 33–34]. Так проявилась «тесная связь личной власти Помпея с фискальным режимом восточных городов» – выражение, которое можно отнести ко всей системе. Т. Иш-Шалом расширяет эту модель на весь принципат, показывая, что Август институционализировал практику «дружественных посольств», сделав ее частью имперского церемониала [15, р. 14–16].

Хотя Помпей предпочитал не размещать постоянные гарнизоны в свободных полисах (в отличие от царств-клиентов), после гражданских войн ситуация изменилась. Уже в 50-е гг. отдельные города стали принимать римских ветеранов на земельные участки (например, Сиде, Перге в Памфилии). Как отмечает С. Митчелл, «ветеранские колонии действовали как заноза в теле полисной автономии, хотя формально они были частью города» [18, р. 138]. Кроме того, Помпей запретил римским солдатам грабить полисы (Plut. Luc. 14), и эта мера, несмотря на возмущение армии, была сохранена до конца Митридатовой войны [1, с. 31]. Малоазийские города становились под его протекторат и после

успешной кампании против пиратства. Расселение пиратов на территории основанных и восстановленных городов способствовало и подъему экономики, и политической стабилизации в регионе (Plut. Pomp. 28; Strab. VIII. 7. 5; App. Mithr. 96)

Хрупкий компромисс, достигнутый Помпеем, был разрушен началом гражданской войны между Цезарем и Помпеем (49–45 гг.). Именно в этот период греческие полисы были вынуждены делать выбор, который означал не столько выбор между двумя римскими лидерами, сколько между повинованием или гибелью.

Помпей, прибыв на Балканы в начале 49 г., использовал свои старые клиентские связи, чтобы привлечь на свою сторону города Македонии, Фессалии, Эпира и Пелопоннеса. Цицерон, сопровождавший Помпея, в письмах к Аттику с горечью описывает, как города «дружественно» встречали Помпея, но при этом требовали от него денег и защиты (Cic. Att. 8. 15, 2).

Афины, формально свободные, оказались между молотом и наковальней. Хотя они приняли сторону Помпея (Афины ранее были освобождены Суллой, но Помпей подтвердил их привилегии), Цезарь после Фарсала не тронул город, ограничившись конфискацией священных сокровищ.

Многие греческие полисы Малой Азии (Эфес, Милет, Смирна, Пергам) привыкли лавировать. Первоначально они поддержали Помпея, но после его поражения при Фарсале и особенно после смерти Помпея в Египте (48 г.) вынуждены были искать милости у Цезаря. Цезарь подтвердил свободу большинства городов, но обязал их поставлять корабли и деньги для войны против африканских помпеянцев, даже после Фарсала многие полисы продолжали тайно поддерживать помпеянскую партию, надеясь на реванш, что привело к карательным экспедициям цезарианцев [22, р. 156–158].

После гибели Помпея греческие полисы стремились получить прощение Цезаря. Например, Кизик стал чеканить монеты с портретом Цезаря уже в 47 г. Городу Амису, оказавшему сопротивление Фарнаку, Цезарь даровал право *civitas libera* (Dio Cass. XLI. 64, XLII, 48). Но в данном случае Цезарем руководило не только желание вознаградить Амис за его верность Риму и причиненные Фарнаком опустошения, он хотел организовать поход на Парфию, а верность Амиса была необходимой для продвижения его войск вглубь региона (Strab. XIV. 1. 15; Strab. XII. 3. 14). Однако далеко не всем полисам удалось откупиться, так, город Лаодикея на Лике, сопротивлявшийся Цезарю, был взят штурмом и обложен большой контрибуцией (Bell. Alex. 48).

Характерно, что сам Цезарь продолжал использовать помпеевскую риторику «дружбы». В своем законе о провинциях 46 г. он подтвердил свободу Хиоса, Родоса, Коса и других островов, но ужесточил налоговый режим для азиатских городов. Как пишет Дион Кассий, Цезарь «*уменьшил подати, но отменил многие налоговые льготы, дарованные Помпеем*» (Dio Cass. 42. 6. 7). После Фарсала города массово возводили статуи и алтари в честь Цезаря, но делали это с явной оглядкой на возможность скорого возвращения помпеянцев.

После убийства Цезаря Брут и Кассий захватили Восток и попытались опереться на греческие полисы как на источник финансирования. Аппиан указывает, что Брут требовал от ликийских городов корабли и деньги, а когда те отказали, осадил Ксанф (App. BC. 4. 76). Город был разрушен, его жители предпочли самоожжение сдаче. Этот эпизод – свидетельство того, что клиентская «дружба» перестала быть гарантией безопасности. Греки поняли: римляне более не соблюдают *fides* по отношению к тем, кто не в силах сопротивляться. Республиканцы сознательно отказались от помпеевской модели «дружбы» и перешли к откровенному вымогательству, что ускорило их падение.

В 42 г., после поражения республиканцев при Филиппах, Восток перешел к Марку Антонию. Антоний, объявивший себя «новым Дионисом», поначалу восстанавливал полисные привилегии, но вскоре потребовал от городов огромные суммы на подготовку к Парфянской войне. Плутарх передает, что Антоний «сдирал шкуру с беззащитных городов, как с убитых львов» (Plut. Ant. 24, 2). Греческие послы взывали к «вечной дружбе», но Антоний отвечал цинично: «Дружба измеряется необходимостью» [7, с. 270].

Анализируя этот период, Ж.-Л. Феррари приходит к выводу, что понятие *amicitia* между Римом и полисами окончательно девальвировалось. Если при Помпее она еще предполагала некоторые взаимные обязательства, то при Антонии она стала алиби для безудержного грабежа [12, р. 534–536]. Посольства греческих городов в Рим в 40–30-е гг. показывают, что греческие риторы еще пытались апеллировать к *amicitia*, но римские магистраты уже не воспринимали этот язык всерьез.

Победа Октавиана при Акции (31 г.) положила конец гражданским войнам, но и похоронила последние иллюзии о полисной независимости. Август создал новую формулу – города объявлялись «свободными» (*ἐλεύθεροι*), но подразумевалось, что эта свобода заключается в праве самостоятельно управлять своими внутренними делами под верховным контролем Рима [16, р. 72–78].

Именно при Августе происходила завершающая трансформация: полисы стали интегральной частью имперской системы, но их элиты получили доступ к римскому гражданству и возможность делать карьеру в Риме. Клиентские отношения, выстроенные Помпеем, таким образом, не исчезли, а были сублимированы в декабрьские реформы.

Таким образом, можно утверждать, что Помпей создал систему, в которой греческие полисы, формально именовавшиеся «друзьями и союзниками», на деле превратились в объекты римской клиентелы. Эта система была гибкой и асимметричной, с одной стороны – города сохраняли самоуправление и собственные законы, но, с другой – лишались права на самостоятельную внешнюю политику и оказывались в финансовой зависимости.

Система Помпея по отношению к греческим полисам стала важным этапом на пути от республиканского патроната к имперскому господству. Именно Помпей показал, что «дружба» – это удобная ширма для наращивания власти.

Список источников и литературы:

1. Бибарсова Ю. А. Малоазийская клиентела Помпея в гражданской войне 49–47 гг. до н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 28–37.
2. Бибарсова Ю. А. Малоазийские клиенты Цезаря в гражданской войне 49–46 гг. до н. э. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. 2009. Вып. 9, № 1 (56). С. 17–20.
3. Голубцова Е. С. Очерки социальнополитической истории Малой Азии в I–III вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 196 с.
4. Махлаюк А. В. Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // Вестник древней истории. 2005. № 3 (254). С. 36–57.
5. Моммзен Т. История Рима. Т. 3: От смерти Суллы до битвы при Тапсе. М.: Огиз Госполитиздат, 1941. 637 с.
6. Шмалько А. В. Римская социальная политика в провинций Вифиния-Понт во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э. // Античная древность и средние века. Свердловск, 1985. [Вып. 22]: Проблемы социального развития. С. 16–24.
7. Циркин Ю. Б. Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. 314 с.
8. Badian E. Foreign Clientelae (264–70 B. C.). Oxford: Clarendon Press, 1958. 342 p.

9. *Bowersock G. W.* Augustus and the Greek World. Oxford, 1965. 195 p.
10. *Braund D.* Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. London: Croom Helm, 1984. 245 p.
11. *Dmitriev S.* The Greek Cities and the Roman Governors. Oxford University Press, 2005. XIII, 455 p.
12. *Ferrary J.-L.* Philhellénisme et impérialisme: Aspects idéologiques de la conquête romaine du monde hellénistique de la seconde guerre de Macédoine à la guerre contre Mithridate. Rome: École française de Rome, 1988. 690 p.
13. *Garnsey P., Saller R.* The Roman Empire: Economy, Society and Culture. London: Duckworth, 1987. 243 p.
14. *Head B. V.* Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics. New and enlarged ed. Oxford: Clarendon Press, 1911. LXXXVIII, 964 p.
15. *Ish-Shalom T.* Provincial Monarchs as an Eastern Arcanum Imperii: 'Client Kingship', the Augustan Revolution and the Flavians // Journal of Roman Studies. 2021. Vol. 111. P. 153–177.
16. Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration / ed. M. Jehne, F. Pina Polo. Stuttgart: Steiner, 2015. 342 S. (Historia Einzelschriften; bd. 238).
17. *Kovacs F. L.* Armenian Coinage in the Classical Period. Lancaster; London: Classical Numismatic Group, Inc., 2016. XXV. 83 p.: 34 pl.
18. *Mitchell S.* Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1993. 219 p.
19. *Sherwin-White A. N.* The Roman Citizenship. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1973. 486 p.
20. *Taylor L. R.* Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley: University of California Press, 1949. 280 p.
21. The Roman Provincial Coinage (RPC). Vol. 1: From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC – AD 69) / ed. A. M. Burnett, M. Amandry, P. P. Ripollès. London: British Museum Press, 1992.
22. *Wijlick van, H.* Rome and the Near Eastern Kingdoms and Principalities, 44–31 BC: A Study of Political Relations during the Civil War. Leiden: Brill, 2021. 307 p. (Impact of Empire; vol. 38).

References

1. Bibarsova, YuA 2008, 'Maloaziyskaya klientela Pompeya v grazhdanskoy voyne 49–47 gg. do n. e.' (Pompeius' clientele of Asia Minor during civil war in 49–47 B.C.), *Problemy istorii, filologii, kultury* (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies), no 22, pp. 28–37. (In Russ.)
2. Bibarsova, YuA 2009, 'Maloaziyskiye kliyenty Tsezarya v grazhdanskoy voyne 49–46 gg. do n. e.' (Caesar's Asia Minor Clientele in the Civil War of 49–46 BC), *Nauchnyye vedomosti BelGU. Istoriya. Politologiya* (Via in tempore. History and political science), iss. 9, no 1 (56), pp. 17–20. (In Russ.)
3. Golubtsova, ES 1951, *Ocherki socialnopoliticheskoy istorii Maloy Azii v I–III vv.* (Essays on the Sociopolitical History of Asia Minor in the 1st–3rd Centuries), Izd-vo Akademii nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
4. Makhlayuk, AV 2005, 'Voyskovaya klientela v pozdnerespublikanskom i ranneimperskom Rime' (On military clientele in Rome of the late republican and early imperial periods), *Vestnik drevney istorii* (Journal of Ancient History), no 3, pp. 71–94. (In Russ.)
5. Mommsen, T 1941, 'Ot smerti Sully do bitvy pri Tapse' (From the Death of Sulla to the Battle of Thapsus), *Istoriya Rima* (The History of Rome), vol.3, Ogiz Gospolitiazdat publ, Moscow. (In Russ.)
6. Shmalko, AV 1985, 'Rimskaya sotsialnaya politika v provintsii Vifiniya-Pont vo vtoroy polovine I v. do n. e. – I v. n. e.' (Roman social policy in the provinces of Bithynia-Pontus in the second half of the 1st century BC – 1st century AD), *Antichnaya drevnost i sredniye veka*, iss. 22, Problemy sotsialnogo razvitiya publ, Sverdlovsk, pp. 16–24. (In Russ.)

7. Tsirkin, YuB 2006, *Grazhdanskiye voyny v Rime. Pobezhdennyye* (Civil Wars in Rome. The Defeated), Filologicheskii fakultet SPbGU publ, Izd-vo SPbGU publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Badian, E 1958, *Foreign Clientelae (264–70 B. C.)*, Clarendon Press publ, Oxford.
9. Bowersock, GW 1965, *Augustus and the Greek World*, Oxford.
10. Braund, D 1984, *Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship*, Croom Helm publ, London.
11. Dmitriyev, S 2005, *The Greek Cities and the Roman Governors*, vol. 13, Oxford University Press publ.
12. Ferrary, J-L 1988. *Philhellénisme et impérialisme: Aspects idéologiques de la conquête romaine du monde hellénistique de la seconde guerre de Macédoine à la guerre contre Mithridate*, École française de Rome publ, Rome. (In French)
13. Garnsey, P & Saller, R 1987, *The Roman Empire: Economy, Society and Culture*, Duckworth publ, London.
14. Head, BV 1911, *Historia numorum: A Manual of Greek Numismatics. New and enlarged ed*, Clarendon Press publ, Oxford.
15. Ish-Shalom, T 2021, 'Provincial Monarchs as an Eastern Arcanum Imperii: 'Client Kingship', the Augustan Revolution and the Flavians', *Journal of Roman Studies*, vol. 111, pp. 153–177.
16. Jehne, M & Pina Polo, F (eds.) 2015, *Foreign Clientelae in the Roman Empire: A Reconsideration*, Steiner publ, Stuttgart.
17. Kovacs, FL 2016, *Armenian Coinage in the Classical Period*. Lancaster, Classical Numismatic Group, Inc. publ, London.
18. Mitchell, S 1993, *Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor*, vol. 1, Clarendon Press publ, Oxford.
19. Sherwin-White, AN 1973, *The Roman Citizenship*, 2nd ed, Clarendon Press publ, Oxford.
20. Taylor, LR 1949, *Party Politics in the Age of Caesar*, University of California Press publ, Berkeley.
21. Burnett, AM, Amandry, M & Ripollès, PP (eds.) 1992, 'From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC – AD 69)', *The Roman Provincial Coinage (RPC)*, vol. 1, British Museum Press publ, London.
22. Wijlick van, H 2021, *Rome and the Near Eastern Kingdoms and Principalities, 44–31 BC: A Study of Political Relations during the Civil War, Impact of Empire*, vol. 38, Brill publ, Leiden.

Вклад авторов:

Федина Ю. А. – идея; сбор материала, обработка материала; написание статьи; научное редактирование текста.

Безруков А. В. – обработка материала.

Contribution of the authors:

Yulia A. Fedina – idea, collection of material; processing of material; writing an article; scientific text editing.

Andrey V. Bezrukov – processing of material.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 28.04.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 94(37).08+1(091)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-51-60>

НИКАГОР, АФИНСКИЙ ФИЛОСОФ ЭПОХИ КОНСТАНТИНА И ЕГО ИМПЕРСКАЯ КАРЬЕРА

**Богдан Станиславович
Арисланов¹**

**Алексей Андреевич
Жуков²**

^{1,2} Белгородский государственный националь-
ный исследовательский университет
Белгород, Россия

¹ 1252637@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0006-9021-4396>

² 1774214@bsuedu.ru

² <https://orcid.org/0009-0002-9923-0051>

Аннотация. В статье на основе анализа письменных источников дается исторический очерк интеллектуальной жизни Афин эпохи правления императора Константина Великого на примере судьбы философа Никагора, представителя наследственного рода риторов и афинского жреца. Афинский интеллектуал был вовлечен в императорское поручение по сбору древностей для украшения новой столицы – Константинополя, в связи с чем совершил поездку в Египет. Выбор философа для этой миссии означал оформление афинских интеллектуалов в особую влиятельную микрогруппу имперского значения, что предполагало их выход на новый уровень из городской знати Афин. Это был новый, специфически афинский, феномен формирования влиятельного слоя в позднеантичном городе, выросшего из старой знати, но ставшего автономным по отношению к нему. Влиятельность интеллектуалов проистекала не только из их знаний и нематериального авторитета, но и из их доходов, которые были выше, чем у землевладельцев или торгово-ремесленных кругов. Такое особое положение интеллектуалов Афин начало формироваться еще во II в., когда императоры Антонины учредили не только кафедры высших школ, но и регулярные государственные поставки хлеба в Афины, что было исключительным феноменом в то время.

Такая локальная катастрофа, как разрушительное герульское нашествие во второй половине III столетия, не нарушила жизнь интеллектуалов и высших школ, а к началу IV столетия прежняя жизнь восстановилась. Об этом в первую очередь, по мнению авторов, свидетельствует история семьи Никагора Младшего на протяжении пяти поколений и двух столетий – от Мусея (Мнасея) до Гимерия. В заключение авторы отмечают, что в будущем роль афинских школ и схолахов возрастет. Афины еще 200 лет будут играть совершенно особую роль в империи. Правда, состав интеллектуалов города в дальнейшем изменится.

Ключевые слова: Афины, город, философы, совет, народ, полис, император, карьера.

Благодарности: Авторы приносят благодарность д.и.н., проф. Н. Н. Болгову и д.и.н. И. В. Денисовой за консультации и помощь в работе с литературой.

Для цитирования: Арисланов Б. С., Жуков А. А. Никагор, афинский философ эпохи Константина и его имперская карьера // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 51–60. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-51-60>

Сведения об авторах: Б. С. Арисланов – аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85;

А. А. Жуков – аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

© Арисланов Б. С., Жуков А. А., 2026

Scientific Article
UDC 94(37).08+1(091)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-51-60>

NICAGORAS, AN ATHENIAN PHILOSOPHER OF CONSTANTINE THE GREAT ERA AND HIS CAREER IN THE EMPIRE

Bogdan S. Arislanov ¹

Alexey A. Zhukov ²

^{1,2} Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia

¹ 1252637@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0006-9021-4396>

² 1774214@bsuedu.ru

² <https://orcid.org/0009-0002-9923-0051>

Abstract. The article provides a historical overview of the intellectual life of Athens under Emperor Constantine the Great's rule based on written sources analysis, using the example of the philosopher-Nicagoras – a representative of a hereditary family of rhetoricians and an Athenian priest. By order of the Emperor, he was to make a trip to Egypt to collect antiquities for the decoration of Constantinople, the new capital. The selection of a philosopher for this mission signified the formation of a special influential micro-group of Athenian intellectuals of imperial significance, marking their transition to a new level beyond the city's aristocracy. This was an unprecedented Athenian phenomenon: the formation of an influential stratum in the late antique city, which emerged from the old aristocracy but became autonomous in relation to it. The influence of intellectuals stemmed not only from their knowledge and intangible authority, but also from their income, which was higher than that of landowners or members of the commercial and artisan classes. This special status of Athenian intellectuals began to take shape as early as the 2nd century, when the Antonines established not only chairs in higher schools, but also regular state grain supplies to Athens – an exceptional phenomenon at the time. Even a local catastrophe such as the devastating Herulian invasion in the second half of the 3rd century did not disrupt the life of intellectuals and higher schools. By the beginning of the 4th century, normal life had been restored. According to the authors, this is primarily evidenced by the history of Nicagoras the Younger's family over five generations and two centuries – from Museus (Mnaseas) to Himerius. In conclusion, the authors note that the role of Athenian schools and scholars will further increase in the future. Athens will continue to play a uniquely significant role in the empire for another 200 years. However, the composition of the city's intellectuals will change over time.

Keywords: Athens, city, philosophers, council, people, polis, emperor, career.

Acknowledgments. The authors wish to thank Professor N. N. Bolgov, Doctor of Sciences in Historical Sciences, and I. V. Denisova, Doctor of Sciences in Historical Sciences, for their consultations and assistance with the literature.

For citation: Arislanov, BS & Zhukov, AA 2026, 'Nicagoras, an Athenian Philosopher of Constantine the Great Era and His Career in the Empire', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 51–60, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-51-60> (in Russ.)

Information about the Authors: *Bogdan S. Arislanov* – PhD student of the Chair of General History, National Research University "BelSU", 85 Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia;

Alexey A. Zhukov – PhD student of the Chair of General History, National Research University "BelSU", 85 Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia.

© Arislano B. S., Zhukov A. A., 2026

Введение

Афины, постепенно формируя свою образовательную среду, со времен Греческого Возрождения I–II вв. получили особый авторитет в империи – не только как интеллектуальный центр, но и как сердце античного греко-римского мира, откуда пошла вся эта культурно-историческая общность, со времен Геродота осознаваемая отличной от Древнего Востока.

Неформальный авторитет Афин был закреплен при Антонинах, конкретно при великом эллинофиле Адриане, отстроившем Афины, еще двумя аспектами. В Афинах были учреждены кафедры схолархов, и – в экономическом плане – помимо Рима только Афины получили ежегодные, финансируемые самим императором, поставки зерна: в этом отношении благодеяние Адриана для этого провинциального города было уникальным.

Новый этап истории Афин именуется постгерульским [18]. Разрушительное нашествие 260-х гг. многое изменило в городе. Но постепенно к началу IV столетия прежняя жизнь восстановилась.

У нас нет древнего автора, который полностью описал бы афинскую интеллектуальную жизнь в первые десятилетия после нашествия, есть лишь отдельные упоминания учителей, которые были активны в городе в конце III в. Прежде всего Евнапий в «Жизнях софистов» упоминает Павла и Андромаха как известных афинских риторов 260–270-х гг. (Eunap. Vit. Soph. 457). Кроме того, византийский словарь Суда упоминает, что Онасим продолжал преподавать в Афинах в течение постгерульского периода (Suda A 4736, O 327).

Новый подъем, несомненно, был связан с именем софиста Юлиана. В 290-е гг. Юлиан Каппадокийский приехал в Афины [2, с. 21–30] преподавать и стал настолько привлекательным преподавателем, что «у него было множество учеников, которые приходили, так сказать, со всех уголков мира» (Eunap. Vit. Soph. 483). Размер его студенческой корпорации (и гонорары, которые они платили) позволил ему построить дом, где был небольшой мраморный театр, украшенный статуями его учеников.

Преподаватели и местная афинская знать

Постепенно преподавание в Афинах превратилось в весьма доходную сферу, приносящую не только богатство, но и авторитет, который должен был быть как-то адаптирован или усвоен местной городской знатью.

Как отмечает Э. Уоттс, наилучшим показателем того, что потенциал, порождающий богатство от преподавания, оставался относительно незатронутым в результате нападения герулов, было продолжающееся возвышение местных семей с преподавательской квалификацией [24].

В то время, как основные землевладельческие семьи исчезли из эпиграфических и исторических записей в конце III в., семьи, которые имели долгую историю участия в преподавании, оставались на переднем крае политической и общественной жизни в Афинах.

Но это были изменения внутреннего плана, которые характеризовали специфику социальных изменений внутри городской общины. Гораздо большее значение имел все же процесс проникновения в город Афины внешних влиятельных сил, ставших формировать новую знать внешнего происхождения по отношению к городу. Такая новая знать в городах Восточного Средиземноморья станет важнейшим феноменом византинизации [1, с. 196–216] в связи с этатизацией социального строя империи и финальным кризисом полисной организации. Однако этот процесс в ранней Византии в целом будет происходить несколько позже – с середины IV по середину VI в. И в социальном плане новую знать города составят администраторы, бывшие военные, клир.

В Афинах же этот процесс начался раньше и радикально отличался от других городов тем, что состав новой знати включал преподавателей-интеллектуалов [2, с. 47–50]. Между старой и новой группами знати стали складываться сложные отношения, направленные на слияние и адаптацию вплоть до заключения «династических браков» для породнения. Но с начала IV в. эти процессы только разворачивались. Если Юлиан Каппадокийский дает нам здесь пример нового, внешнего элитария, то одним из примеров имперского возвышения местного афинского интеллектуала может служить биография Никагора, сына Минукиана.

Никагор и Афины

Никагор – греческий философ, афинянин, жил в 1-й половине IV в. (PLREI, 627), жрец-факелоносец (дадух), ответственный за проведение Элевсинских мистерий [14, р. 51–57]. Был сыном ритора Минукиана, и, возможно, тестем софиста Генетлия из Петры (ученика Минукиана). Возможно, был тестем выдающегося ритора Гимерия (Or. VII, 48; VIII, 21). Его дед, тоже Никагор, был софистом и преподавателем риторики в Афинах при Филиппе Арабе. Таким образом, Никагор был представителем наследственной знати Афин в нескольких (не менее чем в четырех) поколениях, причем знати интеллектуальной.

Его отец, Минукиан, преподавал в Афинах сразу же после герульского нашествия [16, р. 67–70], жил при императоре Галлиене. Его красноречие хвалил Гимерий. Был автором теории риторики («*Τέχνη ῥητορικὴ*»), «*Λογοῖς διαφοροῖς*» и «*Προϋμνάσματα*», к которым Менандр Ритор составил комментарий. Сохранилось его сочинение о силлогизмах «*Περὶ ἐπιχειρημάτων*» (изд. Walz в «*Rhetores Graeci*», IX) (Suid. M 1086). Его учеником был софист Генетлий (Suid. G 132). Богатство и влияние Минукиана показаны в посвящении, которое он дал для проконсула Ахайи в конце 270-х гг. (Inscr. Gr. II/III2 3689, 3690). Минукиан продолжал привлекать студентов и собирать гонорары, в то время как его «коллеги» из землевладельческой знати столкнулись с финансовым крахом. Следовательно, в отличие от многих видных афинских семей III в., Минукиан и его потомки выдержали герульскую бурю, и остались уважаемой семьей в 340-х гг., занимаясь своей исконной профессией.

Дед нашего героя – Никагор Старший – ритор и софист, сын ритора Мусея (Мнесея) из Афин, друг Филострата и Лонгина, упоминается Филостратом (Vit. Soph. 628). Был главой афинской кафедры риторики. Процветал при императоре Филиппе I Арабе (244–249). Произведения Никагора не сохранились. О Никагоре Суда сообщает, что он написал трактаты «Жизни знаменитых», «О Клеопатре в Трое», «Посольскую речь к императору Филиппу» (Suid. N 373). Подобно Никагору Младшему, этот его предок был глашатаем на Элевсинских мистериях (Inscr. Gr. II2 3814).

В отличие от прочих представителей своей семьи – риторов и софистов – Никагор Младший однозначно именуется в источниках философом, близким к неоплатонизму, или даже «самопровозглашенным неоплатоником». При этом собственно афинский неоплатонизм как школа оформляется лишь в конце IV столетия при Плутархе Афинском. Поэтому Никагора можно считать либо изолированным философом без школы, либо лишь симпатизантом или любителем в области неоплатонизма, подобно Ямвлиху Младшему в Афинах этого же времени [10, р. 143–153].

Растущее богатство и сила афинских учителей относительно остальной части населения города привели к ощутимым изменениям в преподавании и обучении в Афинах в начале IV в. Участились студенческие беспорядки и проявления насилия [12, р. 315–342], физические споры между наиболее идейными учениками одного конкретного учителя и другого. Были также драки с участием представителей разных школ, которые отражали ревность, существовавшую между школами, и демонстрировали число учеников, которые были верны тому или иному учителю.

Тем не менее до IV в. кажется, что они были относительно необычны для Афин. Филострат в III в. лишь однажды упоминает студенческое насилие в своем сообщении об афинском образовании, рассматривая его как исключительно скандальный аспект карьеры учителя (Philostr. Vit. Soph. 587–588). По контрасту студенческое насилие является общим и почти непременным ритуальным мотивом в очерках студенческой жизни в Афинах, нарисованных Либанием (Liban. Orat. 1.19–22, 25), Евнапием (Eunap. Vit. Soph. 483) и Гимерием (Him. Orat. 48.37). По контрасту речь Him. Or. 19 адресована студентам, чтобы они не уделяли так много времени дракам, из-за которых пренебрегают своими занятиями.

Растущая турбулентность афинских школ на рубеже IV в. происходила в то время, когда императорское правительство все больше интересовалось деятельностью учителей. Имперские власти стали регистрировать как государственных, так и частных учителей для целей налогообложения в начале IV в.

Еще в 321 г. Константин предоставил налоговые льготы профессорам грамматики, медицины и риторики (CTh., 13.3.1). Этот закон, в котором также указывается, что учителя будут получать муниципальные жалованья, явно предназначался как для тех, кто учил в частном порядке, так и для тех, кто занимал государственные должности. Он был дополнен еще одним законом 333 г., предоставляющим профессорам свободу от всех видов обязательной государственной службы (CTh., 13.3.3). Во II в. такая практика была редким исключением [19, р. 52–63].

В дополнение к этому в начале IV в. были предприняты более серьезные попытки со стороны государства установить контроль над тем, что происходит в афинских школах. Они были осуществлены в основном различными проконсулами Ахайи в ответ на эскалацию насилия со стороны студентов. После одного боя между студентами профессоров Юлиана и Апсина, примерно в 330 г. несколько студентов Апсина обвинили Юлиана в нападении. Когда дело дошло до проконсула Ахайи, губернатор приказал, чтобы виновников взяли под стражу. Он также постановил, что Юлиан должен быть арестован и заключен в тюрьму со своими студентами до суда (Eunap. Vit. Soph. 483). Это ясно говорило о том, что студенческое насилие было неприемлемым для властей, и впервые показало, что учителя будут нести юридическую ответственность за поведение своих учеников.

Тем не менее во время судебного разбирательства проконсул позволил убедить себя освободить Юлиана и его студентов без наказания [9, р. 43–44]. Даже когда драматическое событие вызывало его гнев, проконсул не решался оформить реальное наказание видного учителя.

Такой посыл еще более решительно был отправлен в 339/340 г. другим проконсулом: «В результате беспорядков со стороны учеников он уволил своих учителей, словно нехороших пастухов, и начал рассматривать троих других, чтобы занять их место в качестве профессоров» (Liban. Orat. 1.25). Три уволенных профессора были, вероятно, руководителями кафедр риторики в Афинах [4, р. 318]. Хотя губернатор имел доступ к спискам тех людей, которые утверждали, что они учат, он еще не мог контролировать, продолжали ли частные учителя преподавать. Однако он мог контролировать тех, кто занимал должности, финансируемые за счет городской общины.

На рубеже IV в. возросшее экономическое, политическое и культурное влияние интеллектуалов и профессоров в Афинах привело к развитию неформальной системы, которая регулировала деятельность высших школ города. В ее рамках проконсулы и городские булевты имели элементы контроля над учителями и устанавливали механизмы, с помощью которых учителя получали гарантии, что эти механизмы контроля будут применены надлежащим образом. Таким обра-

зом, прозрачный политический процесс следил за безопасностью и контролировал ведущие должности учителей в городе.

Никагор и Гимерий

Богатство и положение семьи Никагора привели к браку по стовору, в котором воспитанность, богатство и репутация дочери (или внучки) Никагора были объединены с талантом и потенциалом молодого (еще совсем не великого) ритора Гимерия (Him. Orat. 33.21). При этом выгоду получал скорее молодой приезжий из Вифинии Гимерий, породнившийся с видной афинской профессорской семьей, который тогда учился в Афинах [20, р. 206–207]. Мы знаем это из двух речей Гимерия, касающихся его сына Руфина: первая – петиция в Ареопаг о предоставлении Руфину полных гражданских прав свободного человека до того, как он полностью достигнет совершеннолетия, и вторая – монодия на смерть Руфина.

В первой речи, от которой сохранились лишь фрагменты, Гимерий ссылается на генеалогию своего сына не для того, чтобы установить его происхождение, а для того, чтобы набрать политический вес в Афинах. В частности, он упоминает Плутарха, Минукиана и Никагора (неясно, какого именно), указывая, что Минукиан «неоднократно добивался статуса свободного человека благодаря своему красноречию» [17, р. 269]. Образ Руфина преломляется через его предков, приводя ряд аналогичных аргументов в пользу взросления. С другой стороны, софист Минукиан добился гражданских прав для других, поэтому они (афиняне) теперь должны отплатить ему тем же, досрочно предоставив права его потомку.

Во второй монодии, посвященной Руфину, Гимерий сравнивает своего сына как оратора и философа с этими предками, добавляя к их списку мыслителей Мусония и Секста (о котором упоминал Никагор в своей элевсинской надписи) [17, р. 270].

Никагор и императорская миссия

В 326 г. Никагор, философ и преподаватель риторики, чей отец, дед и прадед занимались тем же занятием, был выбран императором Константином, чтобы отправиться с миссией в Египет [14, р. 51–57; 22, S. 361–373; 16, р. 66–70]. Без сомнения, этот выбор был предопределен его местным влиянием в Афинах и происхождением, связанным с наследственным преподаванием, которое распространялось на догерульский период.

Никагор в итоге оказался обремененным поручением лично от императора Константина I Великого, который поставил перед ним задачу определить статуи, которые можно было бы использовать для украшения новой столицы Константинополя. С этой целью он посетил Фивы Египетские в 326 г. [23, р. 227–240], о чём свидетельствует сохранившаяся надпись SIG 4770. В ней Никагор цитирует Платона, что, по мнению специалистов, указывает на то, что он был афинским философом-неоплатоником.

Итак, Никагор, прибыв в Долину царей близ Фив, поднялся ко входу в гробницу Рамсеса VI [5, р. 222]. В длинном коридоре гробницы по толстому слою штукатурки была сделана масса граффити. Узнав, что афинянин – жрец и образованный человек с философскими интересами, проводник показал ему сцену Суда Осириса, благодаря чему эту гробницу иногда называют гробницей Метемпсихоза (Переселения душ). Восхищенный изображениями и их смыслом, Никагор остановился и написал краской на пустом месте следующие слова: «Я, факелоносец (дадух) святейших таинств в Элевсине, сын Минукиана и афинянин, осматривал гробницы много лет спустя после божественного Платона из Афин, и восхищался ими, и возносил признательность богам и благочестивейшему императору Константину, даровавшему мне это» (Baillet, № 1265).

На противоположной стене коридора мы парадоксальным образом находим похожую надпись: «В седьмое консульство Константина Августа и первое Констанция Цезаря. Я, факелоносец Элевсинских мистерий, Никагор, сын Минукиана, афинянин, осмотрел божественные усыпальницы и восхитился ими» (Baillet, № 1889). Это граффити отличается от первого в нескольких существенных отношениях. Оно использует неверное обозначение Элевсинских мистерий [11, р. 64–66] и написано гораздо менее чётко. Но оно написано от первого лица. До сих пор не было дано объяснения этой любопытной ситуации.

Те посетители, для кого было ниже их достоинства написать надпись самостоятельно, поручали сделать это проводнику, причем от первого лица. Граффити от третьего лица могли быть написаны членами свиты важных персон, но не проводниками. Отсюда проистекают банальность и повторяемость большинства граффити, а также солекизмы и неэлегантность граффити Никагора. Недовольный усилиями своего проводника, он дал, а возможно, и сам записал, новую версию, поразительно личную по тону [14, р. 54].

Интерес посетителя, склонного к платонизму, к сцене «метемпсихоза» был вполне естественен. Никагор здесь не был исключением, о чём свидетельствует необычная частота упоминаний Платона в этом месте гробницы.

Некоторые учёные задавались вопросом, с какой целью Никагор, типичный представитель восточного языческого истеблишмента, отпрыск образованной и влиятельной афинской семьи, ведущей свой род от Плутарха Херонейского [13, р. 281], путешествовал по Египту за счёт императора Константина. Принято считать, что его попросили составить доклад о состоянии древней религии в Египте, и что подобные случайные поручения заставляли афинских язычников чувствовать себя востребованными и, следовательно, преданными [8, р. 172–173; 6, р. 211; 18, р. 640–641].

Начиная с завоевания Балкан Лицинием в 317 г., Константин, безусловно, заигрывал с восточными языческими элитами, хотя и с перерывами. Отсюда, например, выделение им ежегодного бесплатного пайка пшеницы Афинам (Jul., *Orat.* I 8cd), крупному центру языческой интеллектуальной жизни, который давно привык к тому, что другие обеспечивали его материальные потребности. Афины уже избрали Константина полководцем гоплитов, подарив ему статую с выразительной надписью [15, р. 18–31]. Вероятно, в конце 20-х или начале 30-х годов молодой афинянин-язычник по имени Праксагор написал лестный рассказ об истории его восхождения к власти (Phot. Bibl. cod. 62).

В конце 324 г. после окончательной капитуляции Лициния в сентябре и основания Константинополя в ноябре Константин отправился посетить свои недавно обретённые восточные провинции [7, р. 76]. В начале 325 г. шла подготовка к визиту в Египет. Перспектива прямого участия в арианском споре, бушевавшем тогда в Египте, показалась ему настолько негативной, что он решил повернуть назад (Eus. V. Const. II, 72.2). К маю он был в Никее. Константин уже успел повидать Египет в молодости, путешествуя с Диоклетианом в 301/2 г., и сохранил интерес к этой стране.

В 357 г. сын Константина Констанций подарил городу Риму Фиванский (Латеранский) обелиск (Amm. Marc. XVII, 4). Но этот памятник имеет долгую историю. Смысл надписи на нем таков: Константин предназначал обелиск для Константинополя; Констанций же теперь дарует его Старому Риму. Утверждение Аммиана Марцеллина о том, что Константин сразу планировал отправить обелиск в Старый Рим, таким образом опровергается. Константин был известен тем, что разграблял исторические места Востока именно для того, чтобы украсить свою новую столицу.

Проект привоза обелиска, задуманный Константином, следует рассматривать в контексте его тонко сбалансированных отношений с языческими подданными и, в частности, его стремления умиротворить языческий истеблишмент. Агент, которому он поручал переговоры со жрецами или другими властями в Фивах, должен был быть надежным и уважаемым язычником.

Никагор, находившийся в Фивах в 326 г., был именно таким человеком: чиновником знаменитого храма в Афинах и верным подданным императора, которого он без колебаний называл «благочестивейшим». Будучи императорским посланником, он, вероятно, путешествовал не один; и вполне вероятно, что имена некоторых спутников Никагора сохранились в многочисленных других записях, которые до сих пор можно прочесть в гробнице Рамсеса VI.

Помимо переговоров в Фивах и дивидендов, которые он ожидал получить в Риме, благодарность афинской элиты, несомненно, сыграла свою роль в расчётах Константина. Вряд ли можно было бы ожидать, что случайные надписи Никагора будут указывать на причины его миссии, но чувство долга, которое он испытывал по отношению к императору, достаточно очевидно.

Так, эпизод с обелиском стал главным в имперской карьере Никагора, по крайней мере, в той части, что известна по источникам. Этот пример показывает мощь и влияние исконных афинских интеллектуалов, вышедших на общеимперский уровень.

Заключение

Таким образом, привлечение представителя наследственного рода афинских интеллектуалов к программе культурно-идеологического оформления новой столицы императором Константином выглядит убедительным подтверждением весомой роли Афин и афинских учителей в имперской политике 1-й половины IV в.

В будущем роль афинских школ и схолархов еще более увеличится. Афины еще 200 лет будут играть совершенно особую роль в империи. Правда, состав интеллектуалов города в дальнейшем значительно изменится в пользу внешних, а не коренных афинских. Империя устремится в Афины вместо афинян, стремившихся высидеть в столице (или отмеченных самим императором).

Список источников и литературы

1. Болгов Н. Н. Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // *Byzantinoturica*. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2023. Т. 1. С. 199–219.
2. Денисова И. В. Афины IV–VI вв.: провинциальный город и метрополия интеллектуалов // *Большое Средиземноморье в IV–XVI вв. Тенденции, факторы, влияния, конфликты*. СПб.: Алетейя, 2023. С. 47–50. (Новая Византийская б-ка. *Byzantinoturica*).
3. Денисова И. В. Софист Юлиан Каппадокийский и его школа в Афинах // *Via in tempore*. История. Политология. 2023. Т. 50, № 1. С. 21–30.
4. Avotins I. The Holders of the Chairs of Rhetoric at Athens // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1975. Vol. 79. P. 313–324.
5. Baillet J. Inscriptions grecques et latines des Tombeaux des Roisou Syringes a Thebes. Vol. 1. Cairo, 1920. 625 p.
6. Barnes T. D. Constantine and Eusebius. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. 479 p.
7. Barnes T. D. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. 335 p.
8. Bataille A. Les Memnonia: recherches de papyrologie et d'épigraphie grecques sur la nécropole de la Thèbes d'Égypte aux époques hellénistique et romaine. Le Caire, 1952. 328 p.

9. *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity. Madison, Wisc.: University of Wisconsin Press, 1992. 182 p.
10. *Cameron A.* Iamblichus at Athens // *Athenaeum*. 1967. No. 45. P. 143–153.
11. *Clinton K.* The sacred officials of the Eleusinian Mysteries. Philadelphia, 1974. P. 64–66.
12. *De Forest D.* Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens // *Journal of Late Antiquity*. 2011. Vol. 4, no. 2. P. 315–342. URL: <https://muse.jhu.edu/article/461576>
13. *Follet S.* Athènes au IIe et au IIIe siècle: études chronologiques et prosopographiques. Paris: Les Beller Lettres, 1976. 565 p.
14. *Fowden G.* Nicagoras of Athens and the Lateran Obelisk // *The Journal of Hellenic Studies*. 1987. Vol. 107. P. 51–57.
15. *Geagan D. J.* The Athenian constitution after Sulla. Princeton, 1967. P. 18–31.
16. *Heat M.* The Family of Minucianus? // *Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphic*. 1996. Vol. 113. P. 66–70.
17. *Kaldellis A.* The Politics of Classical Genealogies in the Late Antique Roman East // *Athens II: Athens in Late Antiquity*. Tubingen: Mohr Siebeck, 2020. P. 259–277.
18. *Lane Fox R.* Pagans and Christians. Harmondsworth, 1986. 799 p.
19. *Nutton V.* Two Notes of Immunities: Digest 27, 1, 6, 10 and 11 // *Journal of Roman Studies*. 1971. Vol. 61. P. 52–63.
20. *Plommer H.* Himerius and Athena // *Classical Review*. 1959. Vol. 9. P. 206–207.
21. Post-Herulian Athens. Aspects of Life and Culture in Athens, A.D. 267–529 / ed. P. Castren. Helsinki: Vanlmala, 1994. 192 s.
22. *Schissel O.* Die Familie des Minukianos // *Klio*. 1926/7. Vol. 21. S. 361–373.
23. *Simón F. M.* From Thessalos of Tralles to Nicagoras of Athens. Religious pilgrimage to Egypt in the Roman Empire // *Viajeros, peregrinos y aventurerosen el mundoantiguo*. Barcelona, 2010. P. 227–240.
24. *Watts E. J.* City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley: University of California Press, 2006. 288 p. (The Transformation of the Classical Heritage, 41).

References

1. Bolgov, NN 2023, ‘Vizantinizatsiya pozdneantichnogo goroda v Vostochnom Sredizemnomorye: k postanovke problemy’ (Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards Formulation of a Problem), *Byzantinotaurica. Zhurnal vizantiyskikh i sredizemnomorskikh issledovaniy* (Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies), vol. 1, pp. 196–216. (In Russ.)
2. Denisova, IV 2023, ‘IV–VI vv.: provintsialnyy gorod i metropoliya intellektualov’ (Athens in the 4th–6th centuries: a provincial city and a metropolis of intellectuals), *Bolshoye Sredizemnomorye v IV–XVI vv. Tendentsii, faktory, vliyaniya, konflikty* (The Greater Mediterranean in the 4th–16th Centuries: Trends, Factors, Influences, and Conflicts), Aleteyya publ, St. Petersburg, pp. 47–50. (In Russ.)
3. Denisova, IV 2023, ‘Sofist Yulian Kappadokiyskiy i yego shkola v Afinakh’ (Sophist Julian the Cappadocian and his School in Athens), *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* (Via in tempore. History and political science), vol. 50, no. 1, pp. 21–30. (In Russ.)
4. Avotins, I 1975, ‘The Holders of the Chairs of Rhetoric at Athens’, *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 79, pp. 313–324.
5. Baillet, J 1920, *Inscriptions grecques et latines des Tombeaux des Roisou Syringes a Thebes*, vol. 1, Cairo. (In French)
6. Barnes, TD 1981, *Constantine and Eusebius*, Harvard University Press publ, Cambridge, Mass.
7. Barnes, TD 1982, *The New Empire of Diocletian and Constantine*, Harvard University Press publ, Cambridge, Mass.

8. Bataille, A 1952, *Les Memnonia: recherches de papyrologie et d'epigraphie grecques sur la nicropole de la Thebes d'Egypte aux epoques hellinistique et romaine*, Cairo. (In French)
9. Brown, P 1992, *Power and Persuasion in Late Antiquity*, University of Wisconsin Press publ, Madison, Wisc.
10. Cameron, A 1967, 'Iamblichus at Athens', *Athenaeum*, no. 45, pp. 143–153.
11. Clinton, K 1974, *The sacred officials of the Eleusinian Mysteries*. Philadelphia.
12. De Forest, D 2011, 'Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens', in *Journal of Late Antiquity*, vol. 4, no. 2, pp. 315–342.
13. Follet, S 1976, *Athènes au IIe et au IIIe siècle: études chronologiques et prosopographiques*, Les Beller Lettres publ, Paris. (In French)
14. Fowden, G 1987, 'Nicagoras of Athens and the Lateran Obelisk', *The Journal of Hellenic Studies*, vol. 107, pp. 51–57.
15. Geagan, DJ 1967, *The Athenian constitution after Sulla*, Princeton.
16. Heat, M 1996, 'The Family of Minucianus?', *Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphic*, vol. 113, pp. 66–70.
17. Kaldellis, A 2020, 'The Politics of Classical Genealogies in the Late Antique Roman East', *Athens II: Athens in Late Antiquity*, Mohr Siebeck publ, Tubingen.
18. Lane Fox, R 1986, *Pagans and Christians*, Harmondsworth.
19. Nutton, V 1971, 'Two Notes of Immunities: Digest 27.1.6.10 and 11', *Journal of Roman Studies*, vol. 61, pp. 52–63.
20. Plommer, H 1959, 'Himerius and Athena', *Classical Review*, vol. 9, pp. 206–207.
21. Castren, P (ed.) 1994, *Post-Herulian Athens. Aspects of Life and Culture in Athens, A.D. 267–529*, Vanlmala publ, Helsinki.
22. Schissel, O 1926/7, 'Die Familie des Minukianos', *Klio*, vol. 21, pp. 361–373. (In Germ)
23. Simón, FM 2010, 'From Thessalos of Tralles to Nicagoras of Athens. Religious pilgrimage to Egypt in the Roman Empire', *Viajeros, peregrinos y aventureros en el mundo antiguo*, Barcelona, pp. 227–240.
24. Watts, EJ 2006, 'City and School in Late Antique Athens and Alexandria', *The Transformation of the Classical Heritage*, no. 41, University of California Press publ, Berkeley.

Вклад авторов:

Арисланов Б. С. – написание статьи, научное редактирование текста.

Жуков А. А. – сбор материала, обработка материала, написание статьи

Contribution of the authors:

Bogdan S. Arislanov – writing the section of the article, scientific editing.

Alexey A. Zhukov – collecting the material, processing the material, writing the section of the article.

Статья поступила в редакцию: 12.01.2026
Одобрена после рецензирования: 03.03.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 12.01.2026
Approved after reviewing: 03.03.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

КОРПУС ПИСЕМ ЛИБАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОСТАВА И СОДЕРЖАНИЯ

**Маргарита Леонидовна
Радченко¹**

**Николай Николаевич
Болгов²**

¹ Белгородский юридический институт

МВД РФ им. И.Д. Путилина

² Севастопольский государственный университет,

НИИ Институт истории и археологии

Византии и Причерноморья;

Белгородский государственный национальный

исследовательский университет

^{1,2} Белгород, Россия

² Севастополь, Россия

¹ mirra.1991@mail.ru

² bolgov@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>

² <https://orcid.org/0000-0003-0478-5565>

Аннотация. В статье рассматривается корпус писем Либания (314–393 гг.) – крупнейшего антиохийского интеллектуала и софиста IV в., главы риторической школы. Источниковедческая история корпуса непростая. Признанные подлинными 1544 письма, имеют элементы организации, хотя и не складываются в единое собрание, имеющее четкое разделение на книги. Основные рукописи, на основе которых удачную реконструкцию предпринял издатель Р. Фёрстер, делят собрание на шесть книг и дополнения. Хронологически письма делятся на отрезки в 355–365 и 388–393 гг., что порождает проблему 23-летней лакуны, которая не имеет удовлетворительного объяснения. Прекрасные по языку и стилю, письма Либания были образцом аттицизма для поздней Античности, Византии и Ренессанса. В новейшее время, однако, они не столь популярны. Нет ни одного полного научного перевода писем на новые языки. Однако работа по переводам ведется, и на сегодня нет лишь 311 писем. В отечественной науке, которая может гордиться переводом «Речей» Либания (1912–1916 гг.), с письмами наблюдается большое отставание. Наконец, сегодня на новой методологической основе письма Либания – не только образец стиля и важный исторический источник, дополнительные смыслы можно извлечь из числа и состава адресатов, «социальной сети» Либания, его корреспонденции вокруг школы, переписки с администраторами империи, провинций и городов и др. Письма остро нуждаются в современном переводе и исследовании. Введение в научный оборот отсутствующего в отечественной науке эпистолярного наследия Либания позволит достичь беспрецедентных результатов, открыть новые перспективы для изучения интеллектуальной истории поздней Античности. Это даст возможность не только восполнить существующие лакуны в интерпретации творчества ритора, но и осуществить переоценку роли Либания в формировании культурного облика исследуемой эпохи.

Ключевые слова: Либаний, письма, эпистолография, Антиохия, корпус, состав, адресат, поздняя Античность, ранняя Византия.

Благодарности: Исследование Н. Н. Болгова выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002). Вклад исследователя – 50%.

Для цитирования: Радченко М. Л., Болгов Н. Н. Корпус писем Либания: проблемы состава и содержания // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 61–76. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-61-76>

Сведения об авторе: М. Л. Радченко – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белгородского юридического института МВД им. И. Д. Путилина; 308024, Россия, Белгород, ул. Горького, 71;

Н. Н. Болгов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник НИИ Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета; 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33; профессор кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»; 308015, Россия, Белгород, ул. Победы, 85.

© Радченко М. Л., Болгов Н. Н., 2026

Scientific Article

UDC 94(37)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-61-76>

THE CORPUS OF LIBANIUS'S LETTERS: PROBLEMS OF COMPOSITION AND CONTENT

Margarita L. Radchenko ¹

Nikolay N. Bolgov ²

¹ Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia

² Institute of the History and Archaeology
of Byzantium and the Black Sea Region of
Sevastopol State University;
Belgorod State National Research University

^{1,2} Belgorod, Russia

² Sevastopol, Russia

¹ mirra.1991@mail.ru

² bolgov@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0009-0009-7535-7438>

² <https://orcid.org/0000-0003-0478-5565>

Abstract. This article examines the corpus of letters of Libanius (314–393), a major Antiochian 4th century intellectual and sophist, and the leader of the rhetorical school. The source history of the corpus is complex. The 1,544 letters, recognized as authentic, have some elements of organization, although they do not fit together into a single collection with a clear division into books. The primary manuscripts, based on which the publisher R. Foerster undertook a successful reconstruction, divide the collection into six books and supplements. Chronologically, the letters are divided into the periods 355–365 and 388–393, which gives rise to the problem of a 23-year gap for which there is no satisfactory explanation. Libanius's letters, exquisite in language and style, were a model of Atticism for late antiquity, Byzantium, and the Renaissance. In modern times, however, they have not been so popular. Not a single complete scholarly translation of the letters into modern languages exists. However, translation work is ongoing, and as of today, only 311 letters are missing. In Russian scholarship, which can boast of the translation of Libanius's Oration (1912–1916), the letters are significantly behind. Finally, today, with a new methodological basis, Libanius's letters are not only a model of style and an important historical source; additional meanings can be extracted from the number and composition of the recipients, Libanius's social network, his correspondence around the school, his correspondence with imperial, provincial, and city administrators, and elsewhere. The letters are in dire need of modern translation and research. Introducing Libanius's epistolary heritage, currently absent from domestic scholarship, into scientific circulation will allow for unprecedented results and open new perspectives for the study of Late Antiquity intellectual history. This will not only make it possible to fill existing gaps in the interpretation of the rhetorician's work but also to re-evaluate Libanius's role in shaping the cultural landscape of the era under investigation.

Keywords: Libanius, letters, epistolography, Antioch, corpus, composition, addressee, Late Antiquity, early Byzantium.

Acknowledgments: N.N. Bolgov's research was completed within the framework of the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University 'Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages' (FEFM-2025-0002). The researcher's contribution is 50%.

For citation: Radchenko, ML & Bolgov, NN 2026, 'The Corpus of Libanius's Letters: Problems of Composition and Content', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 61–76, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-61-76> (in Russ.)

Information about the Author: Margarita L. Radchenko – PhD in Historical Sciences, lecturer in the Department of Social Sciences and Humanities at Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia; 71 Gorky Street, Belgorod, 308024, Russia;

Nikolay N. Bolgov – Doctor of Sciences in Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of the History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University; 33 Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russia; Professor in the Chair of General History at BelSU; 85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia

© Radchenko M. L., Bolgov N. N., 2026

Введение

Либаний (314–393 гг.) (PLREI, 505–507) представляет собой ключевую фигуру для понимания процесса культурного континуитета в Восточном Средиземноморье в IV столетии. Его долгая жизнь, глубокая вовлеченность в культурно-исторические процессы, близость к правящим кругам, прекрасное знание регионов – все это делает Либания важнейшим участником исторического процесса в век христианизации позднеантичного мира. Это крупнейший ритор (софист) IV столетия и наиболее видный представитель истории высшей школы позднеантичного времени, последний схолярх – глава традиционной античной школы, которая строилась вокруг личности Учителя.

Хронологическими гранями своей жизни он словно связывает две вехи в истории утверждения христианства – время Константина (ритор родился через год после Миланского эдикта) и время Феодосия (умер в период оформления антиязыческих законов Феодосия).

Либаний открывает плеяду авторов (Фемистий, Гимерий, Юлиан Император, Синесий), которых можно обозначить термином «Третья софистика» [36, р. 14], применяемым для риторов и софистов IV в., в отличие от более ранних.

С помощью писем знаменитый антиохийский мастер риторики поддерживал тесную эпистолярную связь со своими политиками, администраторами, чиновниками, коллегами, студентами и их семьями, создавая яркую картину общества Восточного Средиземноморья во второй половине IV в.

Историография. К сожалению, до сих пор Либаний не удостоился ни одной отдельной монографии в отечественной исторической науке. Между тем он активно изучается в мировой. Первым относительно современным исследованием большей части корпуса писем была латинская диссертация Х. Силомона [43].

Среди основных специальных исследований по Либанию нужно выделить старую работу Готфрида Зиверса [42], три французские монографии Поля Пети [37; 38; 39], две англоязычные книги Раффаэлы Крибиоре [21; 22], три немецкие работы (включая две новые – Иорита Винтеса и Хайнца-Гюнтера Нессельрата) [50; 49; 30] и коллективное критическое введение в труды Либания [46], а также иные важные сочинения [31; 33; 29; 24], в которых изучается скорее Антиохия по Либанию, и многочисленные различные статьи, обзор которых здесь будет совершенно невозможным в силу их большого количества и тематического разнообразия.

В целом мы имеем одиннадцать монографий и три коллективных труда, которые анализируют его жизнь, письменное наследие, роль схолярха в школе и софиста, жизнь Антиохии по его сочинениям и др.

На этом фоне в отечественной науке помимо сопроводительных статей Шестакова [15, с. 10–98] к переводам его «Речей» Либания (1912–1916) с конца XX в. наиболее важны работы Г. Л. Курбатова [6, с. 54–98], Т. Б. Перфиловой [8, с. 7–15; 9, с. 161–167; 10, с. 22–27; 11, с. 42–46; 12, с. 97–101], А. М. Болговой [4, с. 43–71; 3, с. 275–280], а также М. Л. Радченко [14, с. 151–165].

Совершенно очевидно, что ныне существует необходимость монографического осмысления исторической фигуры Либания и его наследия. Но само это наследие, его объем и характер таковы, что, по всей видимости, потребуется не одна монография (или диссертация).

Сочинения Либания. От Либания сохранилось колоссальное письменное наследие. Это пять родов сочинений:

- 64 речи (полный русский перевод С. П. Шестакова [7] до сих пор остается едва ли не единственным полным переводом речей на новый европейский язык),
- учебные риторические декламации – 51 [46, р. 323–330; 34; 40];

– начальные риторические упражнения (*прогимнасы*) – 144 [46, р. 318–322; 27];

– письма (подлинных 1544) [46, р. 335–350].

– краткие введения к речам Демосфена и его биография.

Феномен писем Либания. Письма Либания представляют собой важный исторический источник, а также занимают заметное место в классической эпистолографии [46, р. 113–130]. Часть переписки признается подложной (26 писем Василию Великому) [48, р. 116–130].

В нормативном критическом издании Р. Фёрстера [26] письма занимают т. 10–11, которым предпослан том на латинском языке [25] с объяснениями ко всему опубликованному корпусу писем. Фёрстер напечатал письма в порядке лучших рукописей, и современный читатель теперь может читать любое отдельное письмо и всю коллекцию как единое литературное произведение [46, р. 113].

Находясь в русле классической античной эпистолографии, письма Либания несут в себе огромный информационный заряд и, как по объему, так и по историко-ведческому характеру, не имеют себе равных в греческой традиции, где доминируют фиктивные художественные письма. Наиболее близки к этому своду по времени и характеру собрания писем Юлиана Императора (IV в.) и Прокопия Газского (конец V – начало VI в.). В латинской традиции письма Либания по характеру сопоставимы с коллекциями писем Цицерона, Плиния Младшего и Симмаха.

Близкие к Либанию по хронологии коллекции писем греческих отцов церкви носят несколько иной характер, давая значительно меньше исторических деталей (среди них наиболее важны сборники Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Исидора Пелусиота).

Таким образом, собрание писем Либания – не только крупнейшее из тех, что вообще дошли до нас из классической древности, но это также одна из немногих коллекций древнегреческих писем, дошедших до нас в целом. Современные ей сопоставимые коллекции писем – это коллекции Симмаха (902 письма) с языческой латинской стороны, коллекции Василия Кесарийского (364 письма), Григория Назианзина (242 письма), Григория Нисского (30 писем) и Иоанна Златоуста (240 писем) с христианской стороны на греческом, и Августина (270 писем), Иеронима (123 письма), Амвросия Медиоланского (78 писем) с христианской – на латинском (помимо богословов важны несколько более поздние письма Аполлинария Сидония V в. – 147 писем).

Письма Либания являются одним из важнейших источников по просопографии и социокультурной истории IV в. [46, р. 113]. Тем не менее письма Либания в значительной степени игнорировались историками и исследователями классической эпистолографии. Причина этого тройная. Во-первых, обширный корпус писем, хотя и доступен в хорошем издании, переведен лишь частично. Во-вторых, рукописная традиция очень богата и чрезвычайно сложна. В-третьих, в историографии существует лишь несколько старых исследований собственно писем Либания, в основном датируемых первой четвертью XX в.

Вступительные статьи к недавним переводам, таким, как переводы Альберта Нормана 1992 г. и Скотта Брэдбери 2004 г., прекрасно обобщили эти более ранние исследования, но внесли довольно мало нового и оригинального.

Существует ряд общенаучных проблем при изучении корпуса писем Либания. В ученом мире сложился консенсус о том, что мы имеем дело с сохранившейся частью его архива, практически без редактирования самим автором, а хронологические нарушения приписываются либо посмертному редактору, либо случайным ошибкам при передаче. В результате корпус в целом не рассматривался как собрание – то есть, как единое литературное произведение.

В противовес этой точке зрения Л. Ван Хуф недавно достаточно убедительно обосновала новую (альтернативную) идею о том, что письма Либания в том виде, в котором они дошли до нас сегодня, представляют собой не просто серию отдельных, хаотично собранных и сохранившихся случайным образом фрагментов, а действительно подлинное собрание, в создании которого сам автор, безусловно, сыграл важную – хотя и не обязательно единственную – роль, наряду с редактором-составителем.

Из всех писем, написанных Либанием за его почти 80-летнюю жизнь, до нас дошли 1544 письма, сохранившиеся в средневековых византийских рукописях, охватывающие в общей сложности лишь около 16 лет его долгой и насыщенной профессиональной жизни. Однако, судя по среднему количеству писем в год за эти задокументированные годы (95,81 в год), он, вероятно, должен был в целом написать более пяти тысяч писем за свою жизнь [46, p. 114].

Рукописная традиция. Коллекция писем Либания в том виде, в котором мы имеем ее сегодня, состоит из 1544 писем. Взятые вместе, эти письма охватывают два хронологических отрезка: 1) годы 355–365 и годы 388–393 вплоть до смерти Либания. В поздних письмах (второго хронологического цикла) есть лакуна, приходящаяся на период между концом 388 г. (Ер. 914) и летом 391 г. (Ер. 915). При этом в нарушение традиционного порядка около 20 отдельных писем могут датироваться до 355 г., а также в лакуне между 365 и 388 г.

Начало сбора писем в 355 г. совпадает с окончательным устройством Либания в Антиохии. В то время он не только наладил живую переписку с друзьями и знакомыми издали в разных местах, которые он теперь видел гораздо реже, но он также использовал письма для продвижения своей школы [20, p. 144–145; 35, p. XXVI].

1541 письмо из 1544 можно найти в трех основных рукописях (V, Va и Vo). Первая из этих рукописей V (Vaticanus graecus 83) содержит 1528 писем (это самая важная рукопись, но в XI в. она была сокращена почти до половины. После этого потерянная половина была заменена на основе тесно связанной рукописи, было добавлено оглавление и разделение на пять книг, а остальная часть была сгруппирована в шестую книгу) [25, p. 52–60]. Другие две рукописи Va (Vaticanus graecus 85) и Vo (Vossianus graecus 83) содержат меньше писем. Из этих трех рукописей ни одна не датируется ранее XI в. Как Va, так и Vo являются неполными: письма 1006–1112 отсутствуют в Va, письма 411–498 – в Vo. Хотя они, таким образом, дополняют друг друга, даже между собой Vo и Va содержат приблизительно на 450 писем меньше, чем V, так как письма с 1113 по 1542, датированные с 363 по 365 гг., отсутствуют в обоих.

Самая старая рукопись, содержащая отдельные письма Либания, датируется X в.: Ambrosianus B4 sup., Folio 117 содержит 20 писем Либания в сопоставлении с некоторыми письмами Юлиана.

Три основных рукописи восходят к общему архетипу α. Это ясно из того факта, что они содержат письма в том же порядке, особенно в тех местах, где появляются хронологические пробелы: Письмо 840 (датируется 388 г.) следует сразу после Письма 839 (датируется 363 г.) и Письмо 915 (летом 391 г.) следует сразу же после Письма 914 (конца 388 г.). Это говорит о том, что письма Либания уже были собраны в коллекцию до того, как они были скопированы византийскими писцами.

Три оставшихся письма (отсутствующие в основной традиции) находятся в иных рукописях. Ер. 18 происходит от Barossianus gr. 50, а письма 1543 и 1544, последние два письма в издании Фёрстера, сохранились в разных рукописях (La. Marc. Bar. Bodl. Burn. Laurent.).

Фактически, Va и Vo образуют три отдельных раздела писем. раздел 1 содержит Ер. 1–17, раздел 2 – ер. 19–607 (355–361 гг.), раздел 3 – ер. 615–1112 (частично

361–363 гг., частично 388–393 гг.). Во втором собраны самые отшлифованные и наиболее представительные письма Либания. Эта вторая часть, состоящая из писем 19–607, датируемых 355–361 гг., разделена на шесть книг каждая.

1) Ер. 1–17: сборник коротких эпистолярных заметок, датируемых по-разному: 353–354 и 365–388 гг., которые, стоят в начале рукописи Vo.

2) Ер. 19–607: охватывают период между 355 и 361 гг. и в двух рукописях четко разделены на шесть частей, которые византийские филологи позже формализовали в такое же количество книг (I–VI). Это одни из самых стилистически сложных и репрезентативных документов эпистолярного искусства Либания, истинное «сердце» всей коллекции, которое, возможно, восходит к организации, желаемой самим Либанием. Однако фактический хронологический порядок не отражает порядок книг внутри рукописей. Главная стилистическая и эстетическая цель, лежащая в основе организации, и желание передать образ автора как уважаемого и почитаемого всеми мастера и оратора могли привести к тому, что правильный хронологический порядок был изменен [35, р. XXVII]. В конце раздела поставлены семь кратких писем (608–614) по остаточному принципу, в Va эти письма не пронумерованы

3) Ер. 615–1112. Весь раздел состоит из так называемого добавления 1 (615–839) и добавления 2 (840–1112) [35, р. XXVII]. Имеется в виду добавление к основной рукописной традиции. В обоих основных рукописях с ер. 615 появляется новое начало: *Λιβανίου σοφιστοῦ ἐπιστολαί* (Письма Либания Софиста). На полях Va более поздний писец добавил Книга 7; на полях Vo второй рукой добавлено – «другое начало». Как и раздел 2, это большая группа писем, содержащая несколько сотен элементов. Однако, в отличие от раздела 2, эта группа не содержит дальнейших подразделений. Это тем более удивительно, учитывая огромный хронологический скачок между Ер. 839 (363 г.) и Ер. 840 (388 г.). В рукописях нет никаких указаний на то, что между посланиями 839 и 840 будут отсутствовать письма.

4) Ер. 1113–1542 составляют добавление 3. Эти письма можно найти в рукописи Vaticanus gr. 83 (V) XI в., третьей крупной рукописи писем Либания, и они напечатаны у Фёрстера в том же порядке. Рукопись V претерпела существенные изменения в последующие столетия: после того как около половины писем, содержащихся в оригинальной рукописи, были утеряны, в XII в. недостающие были восстановлены вторым переписчиком. Далее третий писец (V3) в XIV в. внес в рукопись дальнейшие исправления и дополнения.

Важно отметить, что порядок, в котором передавались письма в традиции, не является хронологическим, который предпочитают многие современные ученые, заинтересованные в письмах как источнике исторической информации. Восстановление хронологического порядка писем Либания является сложной задачей.

В своем издании Р. Фёрстер, печатая письма в порядке рукописи, включил (определенную или возможную) дату для каждого письма. До Фёрстера О. Зеек уже предложил детальную хронологическую реконструкцию на основе просопографии людей, адресованных и названных в письмах Либания [41]. Позже П. Пети предложил несколько уточнений к этой хронологии [38].

Таблица соотношения книг в традиции и в хронологии дает следующую картину.

В порядке традиции по номерам Фёрстера:

Ненумерованное начало: 1–17 (353–354 и 365–388)

Книга I: 19–96 (лето 358 – зима 359/360)

Книга II: 97–202 (зима 359/360 – весна 360)

Книга III: 203–310 (весна 360 – весна 361)

Книга IV: 311–389 (лето 357 – зима 358/359)

Книга V: 390–493 (весна 355 – весна 356)

Книга VI: 494–607 (лето 356 – лето 357)
Книга VII: 615–839 (361–363); 840–1112 (388–393)
дополнение: 1113–1542 (363, 365)
Изолированные письма: 18, 1543–1544.

В хронологическом порядке:

1–17 (353–354 и 365–388)
Книга V: 390–493 (весна 355 – весна 356)
Книга VI: 494–607 (лето 356 – лето 357)
Книга IV: 311–389 (лето 357 – зима 358/359)
Книга I: 19–96 (лето 358 – зима 359/360)
Книга II: 97–202 (зима 359/360 – весна 360)
Книга III: 203–310 (весна 360 – весна 361) [35, р. XXVIII]
Книга VII: 615–839 (361–363)
дополнение: 1113–1341 (363–365 в большом беспорядке), 1342–1461 (363),
1462–1542 (365).
Книга VII (поздний цикл): 840–1112 (388–393).

Многие письма фактически не поддаются датировке и получают дату только на основании своего положения между датируемыми письмами. Многие рекомендательные письма для студентов, например, могли быть написаны практически в любое время в течение карьеры Либания. Если их расположение между двумя письмами, датированными определенным годом, неизбежно предполагает, что они также относятся к этому году, то это вполне может быть так, но не обязательно.

Значительное количество датированных писем не находятся на своем правильном хронологическом месте. Например, в книге III из 108 писем 9, а возможно, и 11, относятся к 358 г. или зиме 358/9 г. Книга IV начинается с письма Анатолию 3/i, датируемого 355 г.

Вместе с тем, хотя иногда письма смещаются хронологически, а группа писем с 363 по 365 г. (ер. 1113–1341) находится в полном беспорядке, в целом письма в отдельных группах следуют в надежном хронологическом порядке. Следовательно, можно датировать письма и определить их адресата с удивительной точностью.

Таким образом, хотя коллекция писем, которая дошла до нас, в целом представляет собой сложный текст, составленный разными людьми и в разное время с неизбежными противоречиями в деталях, его самая старая часть почти точно воспроизводит первоначальный ряд писем, который вполне мог быть подготовлен к публикации самим Либанием.

К XI в., когда были созданы основные сохранившиеся рукописи, письма Либания не распространялись как единое и единообразное литературное произведение, подобно десяти книгам писем Плиния. Но в результате имеет смысл говорить именно о собрании писем, которое было искажено в последующей рукописной традиции.

Мы не знаем, когда письма Либания были впервые опубликованы в виде сборника. Евнапий, писавший в течение десяти лет после смерти Либания, сообщает нам, что «очень многие произведения [Либания] находятся в обращении». В любом случае, они были хорошо известны уже к началу VI в.: к тому времени поддельная переписка между Либанием и Василием Великим [48, р. 116–130], которая не только содержит ссылки на подлинные письма Либания, но и основана на славе Либания как автора писем, уже была на пути к тому, чтобы стать известным произведением сама по себе.

Ученые с начала XX в. интерпретируют тот факт, что не все письма расположены в хронологическом порядке, как доказательство вмешательства редактора

(или, по крайней мере, посмертных нарушений в архиве Либания, которые редактор не смог исправить).

Письма также представляют собой парадокс в том смысле, что они были очень известными и популярными со времен Либания до Ренессанса, но ныне они весьма неясны и пренебрегаемы. Если позднеантичные, византийские и гуманистические ученые использовали письма Либания в качестве образцов, современная наука еще не дала ни одного полного перевода на новые языки, ни всестороннего изучения писем Либания с литературной или исторической точки зрения [20, p. 159].

Проблема лакуны. Два периода жизни Либания, которые представлены в его письмах: 355–365 и 388–393 гг.; они разделены огромным разрывом. Самым простым объяснением этого пробела может быть то, что часть оригинальной коллекции со временем исчезла. Начало лакуны более или менее совпадает с началом царствования Валента (364 г.), трудного периода для Либания.

Нередко ученые объяснили отсутствие писем этого периода актом самоцензуры в отношении его религиозных или политических убеждений. Однако лакуна продолжается еще десять лет после смерти Валента (378 г.), к которому у Либания было сложное отношение. При Феодосии (379–395 гг.) Либаний пользовался замечательным личным и интеллектуальным авторитетом. В целом феномен отсутствия писем 365–388 гг. не имеет удовлетворительного объяснения. Ученые даже не уверены, что у нас есть все письма в сохранившихся блоках: было высказано предположение, что Либаний писал по три-четыре письма в день [24, S. 221].

Переводы. На сегодняшний день нет полного перевода писем Либания ни на один современный европейский язык. Трудности здесь заключаются не только в том, что это огромный и сложный труд, но и в том, что принципы издания могут быть разными. Всего их три.

Первый – это следование рукописной традиции на основе уже в древности составленных подборок-блоков, в которых, по мнению Л. Ван Хуф, можно усматривать авторскую правку. Такой перевод ныне в наибольшей степени продвинулся в Испании, где издан первый том издания Фёрстера в испанском переводе А. Гонсалеса (письма 1–839) и готовится второй [28]. Этому же принципу следует и английский перевод А. Нормана [32] 1990-х гг. в авторитетном издательстве Loeb, вышли два тома (письма 1–193), но это были избранные переводы, и продолжения они не получили.

Второй принцип – хронологический. Здесь наиболее важное значение имеет книга О. Зеэка [41] «Письма Либания в хронологическом порядке», определяющая порядок писем. Здесь наиболее важны два издания – английское С. Брэдбери / Д. Монкура (2023 г.) [45] и аналогичное итальянское А. Пеллиццари (2017 г.) [35]. Они оба содержат перевод всех 272 поздних писем, написанных в 388–393 гг., составляющими один цикл и в рукописной традиции (письма 840–1112); они же составляют значительную часть 2-го тома писем критического издания Фёрстера. «Поздняя» коллекция Либания включает в себя письма к большинству ведущих чиновников Восточной империи. Среди них 13 писем к Татиану (консулу 391 г.); письмо к Симмаху, консульскому коллеге Татиана в 391 г.; 15 писем к сыну Татиана, Прокулу (городскому префекту Константинополя); и 8 писем к Аристенету, преемнику Прокула на посту городского префекта. Есть два письма к Руфину, придворному, который сместил Татиана и занял его место префекта Востока в 392 г.; 4 письма к Рихомеру, бывшему консулу и одному из самых доверенных военачальников Феодосия; 4 письма к предшественнику Рихомера, Эллебиху; и 3 письма, адресованные влиятельному придворному Мардонию.

Третий принцип – тематическо-просопографический. Он представляет собой выборки писем к тем ли иным персонам, которые важны для переводчика-

составителя. Здесь наиболее важна подборка Р. Крибиоре (206 писем на английском) [22, р. 233–322] относительно студентов школы Либания. Не менее важна подборка С. Брэдбери (183 письма на английском) [18] – членам семьи, императорам, высшим чиновникам, губернаторам, куриалам, с полезным просопографическим приложением, охватывающим основных корреспондентов Либания в период 355–365 гг. 20 писем крупному чиновнику Датиану переведены на английский А. Де Симони [23]. 16 писем Юлиану перевел в 1784 г. Д. Данкомб и прокомментировал С. П. Шестаков [17. С. 685–707].

Меньшее значение имеют выборочные подборки переводов на французский язык (98 писем) [19] и на немецкий (84 письма) [24].

В настоящее время выполняются два полных перевода всех писем Либания, в одном случае испанский, в другом – французский и итальянский, включая греческий текст Фёрстера, а также ряд лингвистических, просопографических, исторических и институциональных метаданных. Следует ожидать, что образ Либания и его писем значительно изменится после того, как будут приняты во внимание все его письма, а не отдельные выборки.

Русские переводы:

– 13 писем приведено в издании «Памятники позднеантичного ораторского и эпистолярного искусства» (М., 1964) в переводе М. Е. Грабарь-Пассек: 44, 47, 224 (неполн.), 385, 525, 574, 722, 801, 1125, 1466, 1489, 1491, 1510;

– 4 письма (в прежних переводах М. Е. Грабарь-Пассек) воспроизводит в своей статье Е. В. Афонасин [2, с. 26–35]: 385, 574, 801, 1466;

– многочисленные письма как полностью, так и (чаще) в отдельных цитатах дают Я. И. Алфионов [1] и, в основном, С. П. Шестаков в статьях, сопровождающих издание речей Либания, а также в комментариях к ним [15; 16; 17].

– в 2015 г. имеющиеся на тот момент переводы и цитаты собраны и выстроены в порядке издания Фёрстера Н. Н. Болговым [13].

Английские переводы можно разделить на три группы:

– письма к Юлиану (перевод Джона Данкомба 1784 г.) – всего 16 (из них не имеющих в русском переводе 9): 33, **224**¹ (полн.), 372, **525, 586** (Б²), 591, 602, **622**³, 670, **712**(Б), 1035, **1125, 1392**(Б), 1490, II.3, II.14;

– всего 206 писем (из них 2 повторяются в рус. пер.) в книге Раффаэлы Крибиоре [22, р. 223–322]: 24, 26, 32, 41, 43, 44, 45, 59, 60, 63, 82, 87, 89, 93, 104, 117, 121, 129, 131, 135, 137, 139, 140, 144, 145, 147, 148, 155, 170, 172, 187, 190, 199, 201, 211, 224 (полн.), 231, 233, 239, 248, 249, 250, 254, 259, 260, 261, 262, 270, 273, 285, 287, 294, 300, 304, 305, 310, 311, 317, 318, 319, 324, 346, 355, 358, 371, 373, 376, 380, 406, 413, 419, 426, 437, 456, 465, 467, 472, 474, 475, 533, 534, 539, 540, 542, 547, 569, 570, 579, 584, 600, 601, 634, 645, 646, 653, 658, 666, 667, 681, 693, 704, 715, 719, 720, 721, 728, 737, 743, 745, 766, 767, 768, 777, 781, 782, 790, 794, 806, 812, 820, 831, 832, 833, 834, 835, 837, 857, 858, 875, 876, 884, 885, 886, 887, 892, 894, 895, 910, 911, 978, 996, 998, 1003, 1009, 1011, 1012, 1013, 1014, 1020, 1034, 1038, 1071, 1090, 1095, 1098, 1101, 1102, 1105 (также в итал. пер.), 1116, 1130, 1141, 1164, 1165, 1168, 1169, 1170, 1171, 1188, 1198, 1208, 1222, 1237, 1238, 1240, 1241, 1242, 1245, 1250, 1261, 1268, 1273, 1293, 1296, 1309, 1335, 1345, 1371, 1391, 1394, 1395, 1403, 1408, 1416, 1444, 1454, 1464, 1470, 1471, 1475, 1500, 1501, 1511, 1538, 1539, 1541, 1544;

– всего 183 письма (оригинальных 168) в книге С. Брэдбери [18]: 13, 23, 40, 48, 61, 64, 72, 74, 75, 76, 83, 95, 98, 99, 119, 123, 142, 156, 158, 159, 166, 175, 185, 215, 218, 219, 220, 251, 252, 253, 255, 265, 293, 298, 330, 332, 333, 334, 336, 339, 345, 348, 351, 352, 354, 361, 362, 365, 366, 374, 377, 381, 382, **385** (рус.), 386, 399, 433, 435, 436, 438, 440, 458, 459, 482, 493, 503, 506, 510, 512, 514, 529, 532, 533, 535, 544, 545, 549, 556, 558, 559, 560, 561, 562, 563, **574** (рус.), 578, 582, 583, 586, 604, 617, 620, 625, 629, 630,

632, 650, 651, **653**, 656, 661, **666**, 668, 695, 697, **704**, 712, **715**, 724, 727, 732, 735, 739, 763, 779, 791, 792, 793, 796, 799, **801** (рус.), 804, 826, 838, 1113, 1114, 1124, 1131, 1135, 1148, 1155, 1156, **1165**, **1170**, **1171**, 1173, 1174, 1183, **1188**, 1196, 1203, **1208**, 1217, 1218, **1222**, 1223, 1224, 1230, 1233, 1236, 1259, 1266, 1342, 1350, 1352, 1353, 1354, 1357, 1360, 1367, 1368, 1380, 1381, 1392, 1399, 1404, 1410, 1411, 1425, 1338, 1443, 1449, 1458, 1460, **1466** (рус.), 1482, 1514 (повторяется 11 у Крибиоре и 4 рус.).

– А. Де Симони (2017 г. – 20 писем Датиану) [23]: 114, 409, 441, 451, 490, 1115, 1150, **1173** (Б), 1184, 1197, 1215, **1259** (Б), 1277, 1260, 1297, 1311, 1320, 1324, 1446, 1488 (2 повторяется у Брэдбери);

– поздний цикл (840–1112) – у Брэдбери/Монкура (2023 г.) [45]; всего 273 писем (из них 32 повторяется у Крибиоре).

Итальянские переводы:

Пеллиццари (2017) [35]: письма 840–1112 – оригинал и итальянский перевод. То же, что у Брэдбери/Монкура.

Испанский перевод [28]: письма 1–839 (том I Фёрстера).

Таким образом, всего на 2026 г. не переведено на новые языки суммарно лишь 311 писем, из второго тома Фёрстера. При этом на русском языке имеется мизерное количество переводов по сравнению с европейскими.

Адресаты писем. Лив ван Хуф отмечает в своей последней работе [47, р. 995], что относительно пола адресатов Либания, то, за тремя исключениями, все они – мужчины.

По социальному положению и функциям подавляющее большинство этих мужчин принадлежат к одной из трех групп. Первая и самая многочисленная группа – это губернаторы провинций и викарии, которые возглавляли несколько провинций, объединенных в епархию (диоцез): Либаний переписывался с более чем 100 действующими, бывшими или потенциальными губернаторами и викариями, которые в общей сложности получили более 450 писем. Иными словами, около трети писем Либания адресованы губернаторам и викариям.

Вторая группа состоит из адресатов, которые имели, имели или должны были иметь (потенциально) прямые контакты с императором и его двором: Либаний писал нескольким действующим, бывшим или потенциальным преторианским префектам Востока, Иллирии и Галлии, городским префектам Константинополя и Рима, военным магистрам, комитам частных дел и иным сановникам, пяти консулам, императору Юлиану [44, р. 355–400]. Кроме того, он писал ряду константинопольских сенаторов, а также лицам, чье присутствие или влияние при дворе хорошо задокументировано, но чья точная функция нам неизвестна. В общей сложности эта вторая группа адресатов получила более 300 писем.

Третья основная группа адресатов состоит из интеллектуалов-гуманитариев (*litterati*), чьи должность или положение напрямую вытекали из их культурного образования: от 150 до 200 писем Либания относятся к этой категории [47, р. 995–1000].

Выделяется микрогруппа иудейских патриархов в переписке Либания [5, с. 372–375]: Либаний был другом патриарха Гамалиила (PLREI, 507).

Стиль писем. Стиль писем Либания легок и изящен, и чтение их приятно и занимательно. Либаний – продукт своего времени и представитель его литературных предпочтений: его интерес к классической традиции и его выбор аттического диалекта Исократы и Демосфена делают его главным представителем аттицизма для ряда поколений византийских интеллектуалов. Этим Либаний напоминает свой образец – Элия Аристида.

Выводы. Либаниевская вселенная, вплоть до последних его лет, вращалась вокруг двух взаимодополняющих полюсов: образования и культуры, с одной сторо-

ны, и социальной, политической и административной жизни, простиравшейся от Антиохии до других провинций Восточного Средиземноморья и его новой столицы, Константинополя, с другой. Либаний защищает свой город, культуру, автономию и благосостояние городов в пределах империи, литературное образование и муниципальное гражданское мышление.

В своих письмах Либаний сплетает сеть отношений, а также оказывает моральное и социальное давление и, в некотором смысле, социальный контроль: вежливо приписывая похвалы и вины, он может надеяться влиять на решения и вербовку, и бороться с несправедливостью, коррупцией и кумовством.

С помощью своих побуждений, давления и критики, рисуя портрет идеального правителя, Либаний помещает могущественных людей на общественное обозрение, выставляет их широкой публике, которая теперь ожидает, что они будут соответствовать тому, что от них требуется, и соответствовать портрету, который написан в письмах.

Письма настолько богаты информацией об обществе, людях, идеях, умонастроениях и, вкратце, о своих временах, что легко прощают Либанию его завышенные самооценки и некоторую эмоциональную взвинченность. Поэтому Либания следует рассматривать как человека, страстно вовлеченного в окружающее его общество, которое решило жить и передавать эту страсть через слова и тексты, которые представляют собой мощное средство действия в этом обществе.

Ныне письма Либания не читаются как прямые, объективные или недвусмысленные исторические документы: они представляют собой сложные литературные тексты, а также сложные исторические документы, помогающие извлечь дополнительную информацию и дополнительные смыслы из изящных слов и социальной сети адресатов.

Для византийских читателей Либаний считался «вторым Демосфеном», и его работы часто копировались. Коллекция писем или ее части существуют в более чем 250 рукописях. Актуализация его эпистолярного наследия в отечественной исторической науке – важная и актуальная задача.

Примечания

1. Повторяется выше.
2. Есть в англ. пер. Скотта Брэдбери, обозначен буквой Б.
3. Совпадает с 722 в ППАОЭИ. У Данкомба ошибка в нумерации.

Список источников и литературы

1. Алфионов Я. И. Император Юлиан и его отношение к христианству. М.: URSS, 2011. 470 с.
2. Афонасин Е. В. Ямвлих в Афинах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер.: Философия. 2009. № 4, т. 1. С. 26–35.
3. Болгов Н. Н., Болгова А. М. Либаний и его наследие в историографии последних лет // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Воронеж, 2018. С. 275–280.
4. Болгова А. М. Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы. Белгород: БелГУ, 2018. 404 с.
5. Грушевой А. Г. Иудеи и иудаизм в истории Римской Республики и Римской империи. СПб.: ФФИ СПбГУ, 2008. С. 372–375.
6. Курбатов Г. Л. Последний идеолог муниципальной аристократии – Ливаний (314–393 гг.) // Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 54–98.
7. Либаний. Речи : в 2 т. СПб.: Квадривиум, 2014.

8. *Перфилова Т. Б.* «Странствующие» софисты в культурном пространстве провинции (на примере биографии Либания) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2004. № 4 (7). С. 7–15.
9. *Перфилова Т. Б.* Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в римской провинции Сирия и других грекоязычных владениях Римской империи. Ч. 1: Карьера «странствующего софиста» // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 1. С. 161–167.
10. *Перфилова Т. Б.* Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в восточных провинциях Римской империи. Ч. 2: Либаний — официальный профессор Антиохийской риторической школы // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 2. С. 22–27.
11. *Перфилова Т. Б.* Литературное наследие Либания как источник изучения высшего образования в восточных провинциях Римской империи. Ч. 2 (продолжение): Формы и методы воспитательной работы Либания // Ярославский педагогический вестник. 2002. № 3. С. 42–46.
12. *Перфилова Т. Б.* Представления Либания о «пайде́е» (образованности) и организация учебно-воспитательного процесса в антиохийской высшей риторической школе // Вопросы отечественной и зарубежной истории: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: ЯГПУ, 2002. С. 97–101.
13. Мир поздней античности: документы и материалы. Вып. 3: Письма Либания в русских переводах / сост. А. М. Болгова, Н. Н. Болгов; науч. ред. Н. Н. Болгов. Белгород, 2015. 66 с.
14. *Радченко М. Л.* К вопросу о рассмотрении эпистолярного наследия Либания в отечественной историографии // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. 2024. № 2 (54). С. 151–165.
15. *Шестаков С. П.* Введение // Либаний. Речи. Т. 1. СПб., 2014. С. 10–98.
16. *Шестаков С. П.* Из переписки Либания // Либаний. Речи. Т. 1. СПб., 2014. С. 708–749.
17. *Шестаков С. П.* Юлиан в письмах Либания // Либаний. Речи. Т. 1. СПб., 2014. С. 685–707.
18. *Bradbury S.* Selected Letters of Libanius from the Age of Constantius and Julian. Liverpool: Liverpool University press, 2004. 281 p.
19. *Cabouret B.* Libanios: Lettres aux hommes de son temps. Paris: Les Belles Lettres, 2000. 235 p. (Collection La roue à livres).
20. *Cabouret B.* Libanius' Letters // Libanius: A Critical Introduction / ed. L. Van Hoof. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 144–159.
21. *Cribiore R.* Libanius the sophist: rhetoric, reality, and religion in the fourth century. Ithaca, New York: Cornell University, 2013. 260 p.
22. *Cribiore R.* The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton: Princeton university, 2007. 360 p.
23. *De Simoni A.* The Letters of Libanius to Datianus. Gainesville, 2017. 72 p.
24. Libanios. Briefe / ed. G. Fatouros, T. Krischer. Munich: Heimeran Verlag, 1980. 291 s.
25. Libanii Opera. Vol. 9: Libanii qui feruntur characteres epistolici: Prolegomena ad Epistulas / R. Foerster, E. Richtsteig. Leipzig: Teubner, 1927. 244 p.
26. Libanius. Opera: 12 vols. / ed. R. Foerster. Vol. 10–11. Epistolae. Leipzig, 1921–1922.
27. *Gibson C.* Libanius's Progymnasmata: Model Exercises in Greek Prose Composition and Rhetoric. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2008. 572 p.
28. Libanio. Cartas. Libros I–V // Obra complete / A. Gonzalez Galvez. Madrid: Editorial Gredos, 2005. 504 p.
29. Libanios. Le premiere humaniste. Etudes en hommage à Bernard Schouler: Actes du colloque de Montpellier, 18–20 mars 2010 / hrsg. O. Lagacherie, P.-L. Malosse. Alessandria: dell'Orso, 2011. 242 p.
30. *Nesselrath H.-G.* Libanios: Zeuge einer schwindenden Welt. Stuttgart: Anton Hiersemann, 2012. 165 S.
31. *Norman A. F.* Antioch as a Centre of Hellenic Culture as Observed by Libanius. Liverpool: Liverpool University Press, 2000. 200 p.

32. Norman A. F. Libanius: Autobiography and Selected Letters. Cambridge, Mass.; London: Loeb, 1992. T. 1. 592 p.; T. 2 [epp. 51-193]. 496 p. (The Loeb Classical Library).
33. Pack R. A. Studies in Libanius and Antiochene Society under Theodosius. Menasha, Wis.: G. Banta publ., 1935. 126 p.
34. Penella R. J. Stock Characters Speaking. Eight Libanian Declamations Introduced and Translated. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2023. 168 p.
35. Pellizzari A. Maestro di retorica, maestro di vita: le lettere teodosiane di Libanio di Antiochia. Roma: L'Erma, 2017. 543 p.
36. Pernot L. La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain. Paris: Institut d'études augustiniennes, 1993. 879 p.
37. Petit P. Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas-Empire. Paris: CNRS, 1957. 206 p.
38. Petit P. Les Fonctionnaires dans l'oeuvre de Libanius. Paris; Besançon: Université de Franche-Comté, 1994. 286 p.
39. Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IV siècle après J. C. Paris: P. Geuthner, 1955. 446 p.
40. Libanius. Imaginary Speeches: A Selection of Declamations / translated with notes by D. A. Russell. London: Duckworth, 1996. 232 p.
41. Seeck O. Die Briefe des Libanius Zietlich Geordnet. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1906. 508 s.
42. Sievers G. R. Das Leben des Libanius. Berlin: Weidmann, 1868. 344 s.
43. Silomon H. De Libanii epistularum. Libris 1-6. Diss. Göttingen: Officina Academica Dieterichiana, 1909. 58 s.
44. Swain S. Sophists and Emperors: The Case of Libanius // Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire / ed. S. Swain, M. Edwards. Oxford, 2004. P. 355–400.
45. The Letters of Libanius from the Age of Theodosius / translated with commentary by S. Bradbury, D. Moncur. Liverpool: University Press, 2023. 457 p.
46. Libanius: A Critical Introduction / ed. L. Van Hoof. Cambridge; New York: Cambridge University press, 2014. 387 p.
47. Van Hoof L. The letters of Libanius // Handbuch Brief: Antike / ed. E.-M. Becker, U. Egelhaaf-Gaiser, A. Fürst. Berlin: DeGruyter, 2025. P. 995–1000.
48. Van Hoof L. Falsification as a Protreptic to Truth. The Force of the Forged Epistolary Exchange between Basil and Libanius // Education and religion in late antiquity: genres and discourses in transition. Ghent, 2016. P. 116–130.
49. Wintjes J. Das Leben des Libanius. Rahden, Westfalia, 2005. 303 s. (Historische Studien der Universität Würzburg; band 2).
50. Wolf P. Vom Schulwesen der Spätantike: Studien zu Libanius. Baden-Baden: Verlag für Kunst und Wissenschaft, 1952. 99 s.

References

1. Alfionov, YaI 2011, *Imperator Yulian i yegootnosheniye k khristianstvu* (Emperor Julian and his attitude towards Christianity), URSSpubl, Moscow. (In Russ.)
2. Afonasin, EV 2009, 'Yamvlikh v Afinakh' (Iamblichus at Athens), *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya: Filosofiya* (Pushkin Leningrad State University Journal. Philosophy), no. 4, vol. 1, pp. 26–35. (In Russ.)
3. Bolgov, NN & Bolgova, AM 2018, 'Libaniyiy ego naslediye v istoriografii poslednikh let' (Libanius and his legacy in the historiography of recent years), *Lichnost, obshchestvo, vlast: proshloye i sovremennost* (Individual, Society, Power. Past and Present), Voronezh, pp. 275–280. (In Russ.)
4. Bolgova, AM 2018, *Rannevizantiyskiye portrety: ritory, sofisty, filosofi* (Early Byzantine portraits: rhetoricians, sophists, philosophers), BelGU publ, Belgorod. (In Russ.)

5. Grushevoy, AG2008, *Iudei i iudaizm v istorii Rimskoy Respubliki i Rimskoy imperii* (Jews and Judaism in the History of the Roman Republic and the Roman Empire), FFI SPbGU publ, St. Petersburg, pp. 372–375. (In Russ.)
6. Kurbatov, GL1991, 'Posledniy ideolog munitsipal'noyaristokratii – Libaniy (314–393 gg.)' (The last ideologist of the municipal aristocracy was Libanius (314–393)), *Rannevizantiyskiye portreti. K istorii obshchestvenno-politicheskoy mysli* (Early Byzantine Portraits. On the History of Socio-Political Thought), LGU publ, Leningrad, pp. 54–98. (In Russ.)
7. Libanius 2014, *Rechi* (Orations), Kvadriviumpubl, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Perfilova, TB 2004, 'Stranstvuyushchiye' sofisty v kulturnom prostranstve provintsii (napri-
mere biografii Libaniya)' ("Travelling" sophists in the provincial cultural space (Libanius' bi-
ography), *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences), no. 4(7), pp. 7–15. (In Russ.)
9. Perfilova, TB 2002, 'Literaturnoye nasledie Libaniya kak istochnik izucheniya vysshego
obrazovaniya v rimskoy provintsii Siriyai drugikh grekoyazychnykh vladeniyaх Rimskoy
imperii. CH. 1. Karyera 'stranstvuyushchego sofista' (The Literary Legacy of Libanius as a
Source for the Study of Higher Education in the Roman Province of Syria and Other Greek-
Speaking Possessions of the Roman Empire. Part 1. The Career of the 'Wandering Sophist'),
Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin), no. 1, pp. 161–
167. (In Russ.)
10. Perfilova, TB 2002, 'Literaturnoye nasledie Libaniya kak istochnik izucheniya vysshego
obrazovaniya v vostochnykh provintsiyakh Rimskoy imperii. CH. 2. Libaniy – ofitsialnyy
professor Antiokhiyskoy ritoricheskoy shkoly' (The Literary Legacy of Libanius as a Source
for the Study of Higher Education in the Eastern Provinces of the Roman Empire. Part 2. Li-
banus – Official Professor of the Antiochian School of Rhetoric), *Yaroslavskiy pedagog-
icheskiy vestnik* (Yaroslavl Pedagogical Bulletin), no.2, pp. 22–27. (In Russ.)
11. Perfilova, TB 2002, 'Literaturnoye nasledie Libaniya kak istochnik izucheniya vysshego
obrazovaniya v vostochnykh provintsiyakh Rimskoy imperii. CH. 2 (prodolzheniye). Formy
i metody vospitatel'noy raboty Libaniya' (The Literary Legacy of Libanius as a Source for the
Study of Higher Education in the Eastern Provinces of the Roman Empire. Part 2 (contin-
ued). Libanius's Forms and Methods of Educational Work), *Yaroslavskiy pedagogicheskiy
vestnik* (Yaroslavl Pedagogical Bulletin), no. 3, pp. 42–46. (In Russ.)
12. Perfilova, TB 2002, 'Predstavleniya Libaniya o "paydeyye" (obrazovannosti) i organizatsiya
uchebno-vospitatel'nogo protsessa v antiokhiyskoy vysshey ritoricheskoy shkole' (Libanius's
ideas about 'paideia' (education) and the organization of the educational process at the Anti-
ochian Higher Rhetorical School), *Voprosi otechestvennoy i zarubezhnoy istorii, Chteniya
Ushinskogo* (Issues of Russian and Foreign History, Ushinsky Readings), Yaroslavl, pp. 97–
101. (In Russ.)
13. 'Pisma Libaniya v russkikh perevodakh' (Letters of Libanius in Russian translations) 2015,
in N. N. Bolgov *Mir pozdney antichnosti* (The world of late antiquity), no. 3, Belgo-
rod. (In Russ.)
14. Radchenko, ML 2024, 'K voprosu o rassmotrenii epistolyarnogo naslediya Libaniya v otech-
estvennoy istoriografii' (On the issue of considering the epistolary heritage of Libanius in
Russian historiography), *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta.
Seriya: Istoricheskiiyenuki* (MCU Journal of Historical Studies), no. 2 (54), pp. 151–
165. (In Russ.)
15. Shestakov, SP 2014, 'Vvedeniye'(Introduction), *Libaniy. Rechi* (Libanius. Orations), vol. 1,
St. Petersburg, pp. 10–98. (In Russ.)
16. Shestakov, SP 2014, 'Iz perepiski Libaniya' (From the correspondence of Libanius), *Libaniy.
Rechi* (Libanius. Orations), vol.1, St. Petersburg, pp. 708–749. (In Russ.)
17. Shestakov, SP 2014, 'Yulian v pismakh Libaniya' (Julian in the letters of Libanius), *Libaniy.
Rechi* (Libanius. Orations), vol.1, St. Petersburg, pp. 685–707. (In Russ.)
18. Bradbury, S 2004, *Selected Letters of Libanius from the Age of Constantius and Julian*, Liv-
erpool University press publ, Liverpool.
19. Cabouret, B 2000, 'Libanios: Lettres aux hommes de son temps', *Collection La roue à livres*,
Les Belles Lettres publ, Paris. (In French)

20. Cabouret, B 2014, 'Libanius' Letters', *Libanius: A Critical Introduction*, ed. L. Van Hoof, Cambridge University Presspubl, Cambridge, pp. 144–159.
21. Cribiore, R 2013, *Libanius the sophist: rhetoric, reality, and religion in the fourth century*, Cornell Universitypubl, Ithaca, New York.
22. Cribiore, R 2007, *The School of Libanius in Late Antique Antioch*, Princeton university publ, Princeton.
23. De Simoni, A 2017, *The Letters of Libanius to Datianus*, Gainesville.
24. Fatouros, G & Krischer, T (eds.) 1980, *Libanios: Briefe*, vol. 14, Heimeran Verlag publ, Munich. (In Germ.)
25. Foerster, R. & Richtsteig, E 1927, 'Libanii qui feruntur characteres epistolici: Prolegomena ad Epistulas', *Libanii Opera*, vol. 9, Teubner publ, Leipzig. (In Latin)
26. Foerster, R 1921-1922, 'Epistolae', *Libanius. Opera. In 12 vols*, vols. 10-11, Leipzig. (In Latin)
27. Gibson, C 2008, *Libanius's Progymnasmata: Model Exercises in Greek Prose Composition and Rhetoric*, Society of Biblical Literature publ, Atlanta.
28. Gonzalez Galvez, A 2005, 'Libanio. Cartas. Libros 1–5', *Obra complete*, Editorial Gredospubl, Madrid. (In Span.)
29. Lagacherie, O & Malosse, P.-L. (eds.) 2011, 'Libanios. Le premiere humaniste. Etudes en hommage à Bernard Schouler', *Actes du colloque de Montpellier*, 18–20 March 2010, dell' Orso publ, Alessandria. (In French)
30. Nesselrath, H.-G 2012, *Libanios: Zeuge einer schwindenden Welt*, vol. 7, Hiersemann publ, Stuttgart. (In Germ.)
31. Norman, AF 2000, *Antioch as a Centre of Hellenic Culture as Observed by Libanius*, Liverpool.
32. Norman, AF 1992, *Libanius: Autobiography and Selected Letters*, vols. 1-2, Loeb publ, Cambridge, Mass., London, pp 51-193.
33. Pack, RA 1935, *Studies in Libanius and Antiochene Society under Theodosius*, G. Banta publ, Menasha, Wis.
34. Penella, RJ 2023, *Stock Characters Speaking. Eight Libanian Declamations Introduced and Translated*, University of Michigan Presspubl, Ann Arbor.
35. Pellizzari, A 2017, *Maestro di retorica, maestro di vita: le lettere teodosiane di Libanio di Antiochia*, L'Ermapubl, Roma. (In Ital.)
36. Pernot, L 1993, *La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain*, Institut d'études augustiniennes publ, Paris. (In French)
37. Petit, P 1957, *Les étudiants de Libanius. Un professeur de Faculté et ses élèves au Bas-Empire*, CNRS publ, Paris. (In French)
38. Petit, P 1994, *Les Fonctionnaires dans l'oeuvre de Libanius*, Besançon publ, Université de Franche-Comtépubl, Paris. (In French)
39. Petit, P 1955, *Libanius et la vie municipale à Antioche au IV siècle après J.C.* P. Geuthner publ, Paris. (In French)
40. *Libanius. Imaginary Speeches: A Selection of Declamations* 1996, trans. with notes D. A. Russell, Duckworth publ, London.
41. Seeck, O 1868, *Die Briefe des Libanius Zietlich Geordnet*, J. C. Hinrichs publ, Leipzig. (In Germ.)
42. Sievers, GR, *Das Leben des Libanius*, Weidmannpubl, Berlin. (In Germ.)
43. Silomon, H 1909, *De Libanii epistularum Libris 1–6, Diss.*, Officina Academica Dieterichiana publ, Göttingen. (In Latin)
44. Swain, S 2004, 'Sophists and Emperors: The Case of Libanius', *Approaching Late Antiquity: The Transformation from Early to Late Empire*, eds. Swain, Simon, Edwards, Mark, Oxford, pp. 355–400.
45. *The Letters of Libanius from the Age of Theodosius* 2023, trans. S. Bradbury, D. Moncur, University Press publ, Liverpool.
46. Van Hoof L. (ed.) 2014, *Libanius: A Critical Introduction*. Cambridge, Cambridge University press publ, New York.
47. Van Hoof, L 2025, '28 The letters of Libanius', *Handbuch Brief: Antike*, ed. E.-M. Becker, U. Egelhaaf-Gaiser, A. Fürst, DeGruyterpubl, Berlin, pp. 995-1000.

48. Van Hoof, L 2016, 'Falsification as a Protreptic to Truth. The Force of the Forged Epistolary Exchange between Basil and Libanius', *Education and religion in late antiquity: genres and discourses in transition*, Ghent, pp. 116-130.
49. Wintjes, J 2005, 'Das Leben des Libanius', *Historische Studien der Universitat Wurzburg*. 2. Rahden, Westfalia. (In Germ.)
50. Wolf, P 1952, *Vom Schulwesen der Spatantike: Studien zu Libanius*, Verlag für Kunst und Wissenschaft publ, Baden-Baden. (In Germ.)

Вклад авторов:

Радченко М. Л. – написание статьи, научное редактирование текста.

Болгов Н. Н. – сбор материала, обработка материала, написание статьи.

Contribution of the authors:

Margarita L. Radchenko – writing the section of the article, scientific editing.

Nikolay N. Bolgov – collecting the material, processing the material, writing the section of the article.

Статья поступила в редакцию: 02.04.2026
Одобрена после рецензирования: 05.14.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 02.04.2026
Approved after reviewing: 05.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 94 (73)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-77-98>

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОГО КУ-КЛУКС-КЛАНА В США

**Виталий Викторович
Прилуцкий¹**

**Алексей Валерьевич
Калашников²**

^{1,2} Брянский государственный университет

^{1,2} Брянск, Россия

¹ vitaliypr@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-7328-4927>

² alekseykalashnikov2000@gmail.com

Аннотация. Статья сосредоточена на рассмотрении Первого Ку-клукс-клана (1865–1870-е гг.), возникшего на послевоенном Юге США, с точки зрения восприятия его структурных и идеологических особенностей. На основе анализа основного документа тайной организации – «Предписаний», а также доступных исторических источников и свидетельств современников в совокупности с работами американских историков делаются выводы о происхождении церемониала, символики и титулатуры Первого Клана. Представления кланизма о целях его борьбы раскрыты через клятвы, которые давались при принятии в тайную организацию. Особое внимание уделено исследованию униформы, символов и знаков Первого Клана. В нарративах Клана обнаружено применение принципов разделения – по приверженности к политическим идеям Конфедерации и этногеографической принадлежности человека. Особо проанализирована динамика изменения поведения кланистов, суть которого состояла в вариативности контактов: от относительно безопасных проявлений неприязни до открытой вражды через угрозы, переходящие в проявления насилия вплоть до вооруженных конфликтов. В заключении сделан вывод о высокой степени идеологической схожести родственных кланистских организаций, действовавших в различные исторические периоды и в разных районах южных штатов с 1865 г. до конца 1870-х гг. Изучение кланистского движения в эпоху Реконструкции позволило авторам объективно охарактеризовать политическую и этнокультурную ситуацию в регионе. Было подтверждено непринятие республиканской политики победившего Севера со стороны значительной частью радикально настроенных белых южан в реконструируемых штатах.

Ключевые слова: Юг США, Конфедерация, кланизм, символика, маскировка.

Для цитирования: Прилуцкий В. В., Калашников А. В. Идеологические и структурные особенности Первого Ку-клукс-клана в США // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 77–98. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-77-98>

Сведения об авторе: В. В. Прилуцкий – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет, 241036, Россия, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14;
А. В. Калашников – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет, 241036, Россия, Брянская область, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14.

© Прилуцкий В. В., Калашников А. В., 2026

Scientific Article

UDC 94 (73)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-77-98>

IDEOLOGICAL AND STRUCTURAL FEATURES OF THE FIRST KUKLUXKLAN

Vitaliy V. Prilutskiy ¹

Alexey V. Kalashnikov ²

^{1,2} Bryansk State University

^{1,2} Bryansk, Russia

¹ vitaliypr@yandex.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-7328-4927>

² alekseykalashnikov2000@gmail.com

Abstract. The article focuses on the consideration of the First Ku Klux Klan (1865-1870s.), which arose in the post-war South of the United States, in terms of perception of its structural and ideological features. Based on the analysis of the main organizational document, the Prescripts, as well as available historical sources and testimonies of contemporaries, together with the works of American historians, the authors draw conclusions about the origin of the ceremonial, symbols and titulary of the First Klan. The ideas of the Klan about the goals of its struggle are revealed through the oaths that accompany the process of admission to the secret organization. The author also pays special attention to the study of the uniforms, symbols and signs of the First Klan. The narratives of this secret society reveal the application of division principles based on adherence to the political ideas of the Confederation and an individual's ethnogeographical affiliation. The analysis shows that the dynamics of change in the Klan members' behavior consisted of a variability of contacts: from relatively harmless manifestations of hostility to open hostility through threats, escalating into manifestations of violence and even armed conflicts. In conclusion, there is a high degree of ideological similarity between related clan organizations that operated in different historical periods and in different areas of the southern states from 1865 to the end of the 1870s. A study of the Klanist movement during the Reconstruction era provides an objective description of the political and ethnocultural situation in the region and confirms the rejection of the Republican policies of the victorious North by a significant portion of radical white Southerners in the Reconstruction states.

Keywords: Southland, The Confederation, klanism, symbolism, disguise.

For citation: Prilutskiy, VV & Kalashnikov, AV 2026, 'Ideological and Structural Features of the First Kukluxklan', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 77–98, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-77-98> (in Russ.)

Information about the Author: Vitaliy V. Prilutskiy – Doctor of Sciences in Historical Sciences, Professor, Chair of General History and International Relations, Bryansk State University, 14 Bezhitskaya Street, Bryansk, 241036, Russia;
Alexey V. Kalashnikov – PhD student, Chair of General History and International Relations, Bryansk State University, 14 Bezhitskaya Street, Bryansk, 241036, Russia.

Введение

С завершением Гражданской войны (1861–1865 гг.) и победой Севера на Юге США начался период бурных противоречивых социальных преобразований, связанных с отменой рабства и наделением чернокожего населения гражданскими правами, впоследствии ставший известным как эпоха Реконструкции (1865–1877 гг.). Неизменным зловещим символом данной эпохи стала расистская террористическая организация в белых одеяниях с таинственными обрядами – Первый Ку-клукс-клан (Клан, КKK).

Проведенное исследование историографии темы выявило крайне ограниченное количество работ отечественных авторов, посвященных символике и идеологическим особенностям Первого Ку-клукс-клана. Главной и, по сути, единственной монографией, вышедшей в свет во второй половине 1970-х гг., является работа Э. В. Лисневского [1]. В ней освещается история этой террористической организации, изменение ее функций на различных этапах развития США. Зарубежная историография темы представлена гораздо шире. Историки отреагировали на очевидную важность этой темы, написав значительное число научных работ. Только Ку-клукс-клану были посвящены огромные библиографические тома, и, по выражению Б. Бэйкера и Б. Келли, даже если ограничиться литературой эпохи Реконструкции, «это пугает» [4, р. 143]. В упоминаемых в данной статье монографиях Р. П. Ингаллса [11], У. Л. Каца [12], М. Кроненветтера [13], Х. Л. Овитса [16], К. Вейда [22] довольно детально рассматривается история Ку-клукс-клана, причины создания и его роста, разновидности кланистских группировок в южных и «пограничных» штатах, их непосредственная деятельность и террористические акты. Как справедливо заметил историк С. Ф. Хорн: «Такая организация, как Ку-клукс-клан, могла бы быть создана и поддерживаться только в таких условиях, какие преобладали на Юге после войны» [10, р. VII]. Изучение деятельности КKK изнутри, его структуры, политических взглядов, особенностей расистского менталитета и нетерпимости кланистов стало предметом интереса американских исследователей в лице С. Дэвиса [7], а также М. Ньютона [14; 15] и Э. Парсонс [17]. Изучение структурных и идеологических особенностей кланистской организации позволит дать углубленное представление о мотивах её дальнейших действий в эпоху Реконструкции.

Результаты

Чтобы по достоинству оценить странную главу американской истории под названием «Ку-клукс-клан», необходимо досконально изучить социальные, экономические и политические условия на Юге в период Реконструкции.

Так называемый гражданский вигилантизм («комитеты бдительности») зародился в США ещё в конце XVIII в. В 1865 г. из него выделяется и другая разновидность – «этнорасовый вигилантизм», представленный в первую очередь, Ку-клукс-кланом. Его появление было вызвано малой способностью центральной и местной власти урегулировать расовые и этнические конфликты [3, с. 47].

Становление и изменение КKK было не чем иным, как результатом особых условий, социальных, гражданских и политических, которые преобладали на Юге с 1865 по 1869 гг. Это было таким же результатом этих условий, «как малярия – следствием существования болот и солнечной жары». Для молодых людей, вернувшихся с увлекательной армейской службы, наступил период вынужденного бездействия, ставший особенно тяжелым. Они не могли сразу же заняться бизнесом или проявить себя в иной профессии. У многих мужчин «деловые связи были полностью

разрушены», и лишь у некоторых были деньги, чтобы заняться торговлей или сельским хозяйством. В стране полностью отсутствовали развлечения и не было социальных гарантий. Общество так и не вернулось к своему нормальному состоянию, жизнь в разрушенных южных городах и поселках была однообразной [16, р. 2]. В силу этого некоторые сторонники Клана и вовсе утверждали, что их движение должно быть названо не иначе как «революцией», поскольку оно привело к определенным результатам, а все другие трансформации в южных штатах рассматриваемого исторического периода потерпели неудачу [9, р. 2].

Кланизм получил распространение во многом благодаря поддержке жителей сельской местности. Белые бедняки, «деревенщина», рабочие из низших слоев общества, «головорезы» и «хулиганы» стремились вступить в Клан, привлеченные сложной ритуальной атрибутикой и униформой [23, р. 159]. Соглашаясь с озвученным, американский историк-марксист Уильям Фостер (1881–1961) также указывал, что белые бедняки с их обычной слабостью к «ложному вопросу» о якобы «доминировании негров» во многом утратили интерес к Юнионистским (Союзным) Лигам к концу 1860-х гг. [8, р. 324]. Известно также, что в Клане приняли посильное участие и женщины. Зачастую сидевшая ночью у лампы женщина-южанка не испугалась бы, если бы в открытое окно бросили сверток с куском ткани и инструкциями, как из него сшить халат нужного размера и фасона, а также где оставить, когда все будет закончено. По крайней мере, в двух «логовах» штата Миссисипи участницы шили регалии Клана и выступали на соответствующих собраниях. В округе Десото среди первых женщин Клана были жены Л. Л. Джонс и Эйса Доггетт. Организация округа Понтоток с целью пошива наняла жену Великого Циклопа У. Б. Кларка, а также Марту Бенсон и миссис У. Л. Филлипс [10, р. 59; 15, р. 15].

Особый научный интерес представляет основной документ – устав или конституция Клана, известный как «Предписания» («Принципы», «Приказ Клана»). Он был принят в апреле 1867 г. на съезде в Нэшвилле (Теннесси), ознаменовавшим собой превращение Клана [рис. 1] в террористическую организацию. Рассмотрение содержания данного документа позволяет лучше понять сущность и структуру этой тайной организации [11, р. 11].

Стоит отметить, что название самой организации в документе ни разу не упоминается, заменяясь обозначением «**» [18, р. 2]. Это обстоятельство подразумевает более свободную интерпретацию наименования секретного ордена, чем впоследствии активно пользовались возникавшие в разных частях Юга многочисленные кланистские группировки.

В описанной на страницах документа структуре однозначно присутствуют элементы иерархичности. Наравне с главарем Клана, официально именовавшимся «Невидимой империей Юга», у лидера каждого ранга имелись подручные или помощники. Власть в «Невидимой империи» была распределена следующим образом: каждой «областью» или «королевством» (штатом) управлял Великий Дракон и его восемь помощников – Гидр; каждым «доминионом» (избирательным округом) – Великий Титан и его 6 ассистентов – Фурий; каждой «провинцией» (совпадавшей по территории с графством (округом) штата) – Великий Гигант и его четыре Гоблина. Каждое местное «логово» (или «пещера») – первичная ячейка – состояла из рядовых «упырей» («вампилов» или «гулей») [рис. 2] и возглавлялось Великим Циклопом и двумя его Ночными Ястребами, являвшимися курьерами. Всей секретной «Империей» в целом управлял Великий Волшебник и его команда из десяти Гениев [12, р. 9; 13, р. 19; 14, р. 7].

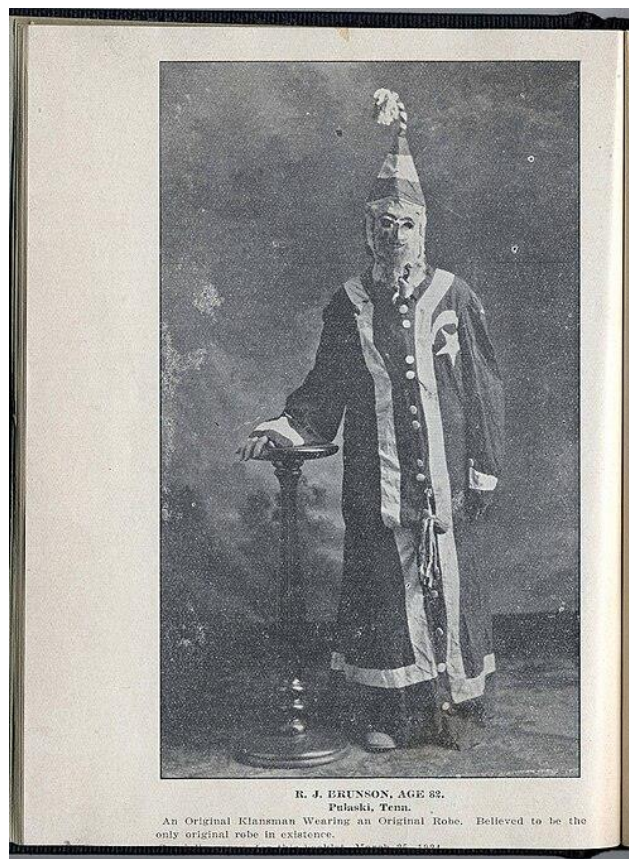

Рис. 1. Настоящий клансмен в подлинном одеянии – Р. Дж. Брансон из Пуласки, штат Теннесси, 82 года. Он был одним из первых членов Клана и на данной фотографии носит оригинальную мантию. Источник: *A Story of the Original Ku Klux Klan*, 33963, Tennessee State Library and Archives, Tennessee Virtual Archive. (Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

В структуре организации прослеживается цепочка подчинения «сверху вниз», заключающаяся в отчетности перед вышестоящими по рангу. В уставе секретного ордена прописывались обязанности, чему посвящен отдельный раздел «Предписаний». Так, обязанностью Великого Дракона являлось «докладывать Великому Волшебнику, когда тот требует, о состоянии, силе, эффективности усилий и прогрессе в его владениях», а также передавать через Великого Титана подчиненным « всю информацию или разведданные, переданные ему Великим Волшебником, и всю иную информацию или инструкции ». Он должен был хранить у своего Главного писца список имен (что важно, без каких-либо подписей) Великих Титанов различных «доминионов» своего «королевства» и при необходимости передавать его Великому Волшебнику. Также в его задачи входило пронумеровать эти «доминионы» арабскими цифрами, 1, 2, 3 и т.д. до конца. Великий Дракон также должен давать указания своему Великому Казначею относительно использования денежных средств и выплат из поступающих в его распоряжение доходов. Закреплялось его право назначения своих помощников – Гидр, а также Великого писца и Великого Казначея для своего структурного «департамента». Великий Дракон мог также назначать и «посвящать в сан» своих специальных заместителей, помогавших ему в более быстром

и эффективным распространении и утверждении тайного союза по всему его «королевству». Он также был уполномочен назначать и инструктировать заместителей для организации «доминионов», «провинций» и «логовищ», и контроля над ними, пока те не изберут Великого Титана, Великого Великана и Великого Циклопа в порядке, предусмотренном ниже [18, р. 4].

Вторым по старшинству должностным лицом «логова» («пещеры») обозначался Великий Маг, который обязывался оказывать помощь Великому Циклопу и выполнять все его «надлежащие» приказы. Именно он должен был председательствовать на всех собраниях в Логове в его отсутствие и осуществлять все полномочия. Оказание ему помощи было возложено на Великого Монаха. В отсутствии старших должностных лиц Великий Монах председательствовал на собраниях в «кабинете» [7, р. 13; 18, р. 7].

Рис. 2. Внешний вид клансмена.
Источник: S. Davis (1924). *Authentic history, Ku Klux Klan, 1865-1877*, p. 2.

(Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

Отдельно необходимо сказать о главном представителе кланистской иерархии – Великом Волшебнике. Это была административная должность в тайном ордене, сопоставимая по своему значению с 33-м градусом масонского шотландского обряда («Великий державный генеральный инспектор»), но по значению и полномочиям она была даже выше его [2, с. 163–166]. В обязанности Великого Волшебника как высшего должностного лица «Невидимой Империи» входило «общение с королевствами». Он отправлял сообщения подчиненным через Великих Драконов о «текущем состоянии дел, ресурсах, возможностях и прогрессе во всей организации», а также передавал «любую иную информацию, которую сочтет целесообразной». Великие Драконы – руководители «королевств» были подотчётны Великому Волшебнику, поэтому он был

обязан хранить у своего Главного Писца список их имен (без каких-либо подписей или пояснений). Ему также необходимо было «нумеровать данные королевства арабскими цифрами: 1, 2, 3 и т.д. до конца» [18, р. 3] При непосредственном участии Великого Волшебника в назначенное время мог собраться конвент (съезд), что нашло отражение в статье XI «Предписания Ку-клукс-клана». Избирался Великий Волшебник сроком на три года [18, р. 10].

Отбором и инициацией новых членов занимался Великий Турок (вероятно, аналогия с великим визирем – главным министром в Османской империи). В структуре первичных организаций Клана был предусмотрен Главный Писец, призванный решать все бюрократические вопросы, связанные с ведением переписки и составлением приказов. В его обязанности входило ведение списка имен (без подписей) «вампиров» «логова», проведение переклички на всех регулярных собраниях, а также составление ежеквартальных отчетов под руководством Великого Циклопа [7, р. 13–14; 18, р. 8].

Присутствовали и церемониальные должности. Обязанностью Великого Стража являлось «формирование, руководство, расстановка на местах и инструктаж “Великой Стражи” под руководством и по приказу Великого Циклопа, а также смена и увольнение ее членов по указанию данного офицера». В масонских ложах также имеются первый, второй, иногда – внутренний и внешний стражи или часовые (последний известен также как привратник). Отдельная должность была предусмотрена для хранителя знамени – Великого Энсина (Великого Прапорщика), от которого требовалось бережное отношение к «Великому знамени ордена», а также «ношение его на всех парадах или церемониях и в других случаях, когда Великий Циклоп может распорядиться об этом» [18, р. 9]. Следует отметить, что в масонстве отдельной офицерской должностью, существующей только на уровне Великой Ложы, является Великий Штандартносец (Великий Знаменосец).

Существовала процедура выборности вышеназванных должностных лиц. Так, Великий Циклоп, Великие Маги, Великий Монах и Великий Казначей «логова» избирались раз в полгода «гулями», т. е. рядовыми членами ячейки. Выборы могли состояться, как только для этой цели будут отобраны семь «упырей». Великий Волшебник Невидимой Империи, Великие Драконы «королевств», Великие Титаны «доминионов» и Великие Гиганты «провинций» избирались один раз в два года. Великий Волшебник избирался большинством голосов Великих Драконов, Великих Титанов и Великих Гигантов. За Великих Драконов должны были проголосовать все Великие Титаны их «королевств». За Великих Титанов должны были проголосовать все Великие Гиганты их «владений». За Великого Гиганта должны были проголосовать все Великие Циклопы его «провинции». Условием первых выборов Великого Дракона являлась организация и объединение трех «доминионов» в «королевство», Великого Титана – трех «провинций» в «доминион». Все последующие выборы будут проводиться большинством голосов всех Великих Гигантов «по всему доминиону один раз в два года». Первые выборы Великого Великана могут состояться, как только в «провинции» будут организованы три «пещеры». Но все последующие выборы должны проводиться большинством голосов всех Великих Циклопов всей «провинции» один раз в два года. «Великий Волшебник Империи будет исполнять свои обязанности в течение трех лет, начиная с первого понедельника мая 1867 г. По истечении данного срока один раз в два года вновь будут проводиться выборы на эту должность» [18, р. 9–10].

Однако вместе с тем стоит отметить, что большинство высших должностей были заполнены лишь номинально. Цепочкой подчинения часто пренебрегали, и она редко вела далеко вверх. Большая часть действий в секретной организации происходила на низовом уровне. При этом формальности «Предписания» соблюдались не более, чем это было удобно или необходимо в данном конкретном случае [21, р. 18].

Раздел 3 и статья VI устава Клана описывали судебный процесс, состоявший из Большого Совета Яху (Еху) и Большого Совета Кентавров. Большой Совет Яху являлся трибуналом для рассмотрения дел всех избранных должностных лиц и состоял из лиц равного ранга с обвиняемым. Он назначался и возглавлялся вышестоящим по рангу и приносил присягу, обязуясь «отправление беспристрастного правосудия». Трибунал для судебного разбирательства дела Великого Волшебника должен был состоять из всех Великих Драконов Империи, возглавляться старшим Великим Драконом и приносить ему присягу. В регламенте работы трибунала имелись положения о вызове обвиняемого для допроса, а также свидетелей за и против него. Если обвиняемого признают виновными, то предполагалось «назначать наказание и привести его в исполнение». Верховный Совет Кентавров являлся трибуналом для рассмотрения дел «упырей» и должностных лиц, не подлежащих избранию. Трибунал состоял из шести судей, назначаемых Великим Циклопом из числа «упырей» его «логова» «с учетом их интеллекта, честности и непредвзятости». Они должны были «вынести свой вердикт без предубеждения или пристрастности» [18, р. 10–11].

В «Приказе» Ку-клукс-клана не были обойдены вниманием и вопросы финансирования. Основной документ Клана распространялся платно: за каждый экземпляр, выданный руководителям «пещер», требовалось 10 долл. При этом 2 долл. из них «поступят в кассу Главного Казначая Великого Великана», ещё 2 – «в кассу Главного Казначая Великого Титана»; 2 – «в кассу Главного Казначая Великого Дракона», а оставшиеся 4 – «в кассу Главного Казначая Великого Волшебника». Дополнительным источником доходов «Невидимой Империи» служили «10 % от всех поступлений в казну и особый налог, когда Великий Волшебник сочтет необходимым взимать такой сбор». Дополнительным источником поступлений должны были стать 10 % от всех доходов «доминионов», «провинций» и «пещер». Аналогичные меры по взиманию налогов закреплялись за Великими Драконами, Титанами и Циклопами. Источником доходов «пещер» являлись вступительные взносы, штрафы и «подушевой налог», когда «Великий Циклоп сочтет такой налог необходимым». Доходы должны быть направлены «на распространение Клана и создание фонда для покрытия любых расходов, которые могут потребоваться для достижения целей (тайного союза) и обеспечения его защиты» [18, р. 1–12]. Существовал и вступительный взнос, составлявший символический 1 доллар. Он выплачивался, когда кандидат проходил инициацию [18, р. 14]. Обязанностью Главных Казначеев различных уровней являлось ведение правильного учета всех финансовых поступлений для их правильного распоряжения. Указывалось, что данные должностные лица не должны были их присваивать или самовольно осуществлять выплаты. Они должны были действовать «по распоряжению и под руководством главного должностного лица Министерства Финансов». Обязанностью Великого Казначейства в «логовищах» являлся также сбор вступительных взносов и всех штрафов, наложенных Циклопом [18, р. 8].

В Ку-клукс-клане действовала система внутренних запретов. Так, статья VIII «Предписаний» указывала: «Никто не может стать членом этой организации, если он не принесет необходимую клятву или не возьмет на себя обязательство». Статья IX запрещала представление для допуска к церемонии

посвящения без рекомендации «каким-либо другом или близким человеком, который является членом Следственного Комитета, в состав которого входят Великий Циклоп, Великие Маги и Великий Монах». Последние должны были изучить биографию кандидата в члены секретного братства, его положение и связи в прошлом и настоящем. Если после такого изучения они признают его компетентным и достойным стать членом Клана, то он может быть принят в «братство» после выполнения необходимых процедур, обрядов, ритуалов и прохождения церемонии посвящения. Данная статья устава также указывала, что «никто не может быть принят, если ему не исполнилось 18 лет». Также говорилось о том, что «никто не может стать членом удаленной организации Клана, если в непосредственной близости от него уже создана и действует [местная группа кланистов]». «Если кто-либо ранее уже был отвергнут как претендент другими [клансменами], то дорога в организацию ему также закрыта». Помимо прочего, статья XII утверждала, что «происхождение, замысел, тайны, обряды и ритуалы этого [тайного братства] никогда не должны быть изложены в письменной форме, но об этом должно быть сообщено устно». «Ни одному участнику не разрешалось приносить с собой какие-либо охмеляющие напитки на любое собрание, а также присутствовать на нём в состоянии алкогольного опьянения». За каждое появление в нетрезвом виде предполагался штраф [18, р. 12–13]. Однако, как указывает американский историк А. Трилиз, со временем фляга со спиртным «стала почти таким же символом Клана, как револьвер или ореховый прут» [21, р.18].

Кланистская символика была отражением символики предшествующих тайных эзотерических обществ и оккультно-мистических организаций масонского типа. Содержание кланистской символики было описано на странице 14 «Предписаний». Она включала в себя 3 основные эмблемы: крест, полумесяц и одинокую звезду. Данные символы использовались в клятвах при посвящении и для объединения отрядов. Но ни по отдельности, ни вместе они не имели в тайном ордене единого толкования или значения, признанного среди его членов в качестве надлежащего отличительного обозначения ассоциации. Знак полумесяца использовался для созыва собраний в неурочное время и в тех случаях, когда существовала необходимость немедленно заняться важными делами. В городах и деревнях этот знак рисовали везде, где только можно. Его можно было увидеть нарисованным на заборе или начертанным палкой на земле во время прогулки. Иногда даже листья, разорванные пополам, так что половинки напоминали грубые полумесяцы, разбрасывали там, где они привлекали внимание «братьев». В то же время никто другой их не мог заметить. Полумесяц и одинокая звезда, вероятно, ассоциировались с ночью, под покровом которой кланисты осуществляли террористические акты. Следует отметить, что участники местной группы никогда не встречались для обсуждения каких-либо предложений. Подобное происходило без общего собрания, которое созывается только тогда, когда должно было состояться какое-то важное мероприятие. Также это имело место, когда уже было принято решение о каком-либо действии, требующем участия всей группы или ее части. Общий призывной клич издавался на случай чрезвычайной ситуации, например, если группа «братьев» кланистской группировки из Луизианы «Южный Крест» участвовала в какой-либо «экспедиции» (т.е. нападении) и сталкивалась с таким сопротивлением, что требовалась помощь. Этот клич звучит так: «Крест! Крест! Крест!» (англ. Cross! Cross! Cross!) [2, с. 10–33; 20, р. 25].

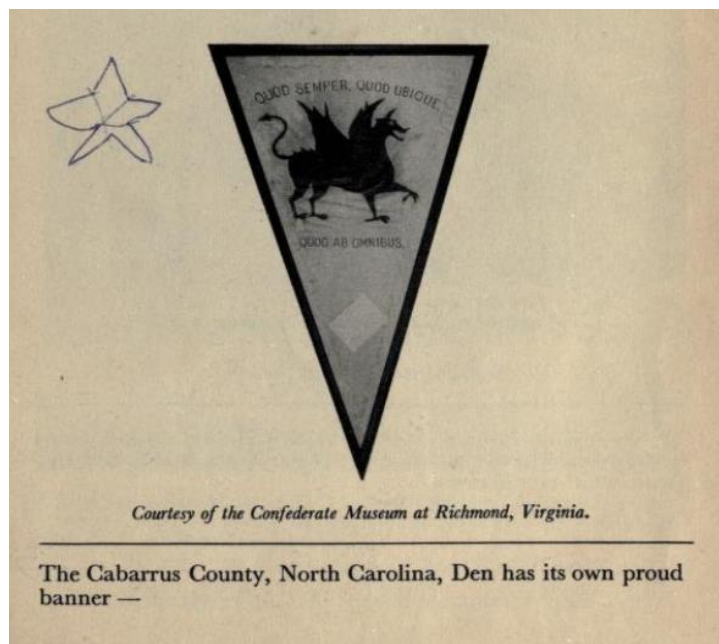

Рис. 3. Аутентичное знамя Ку-клукс-клана.
Источник: S. Horn (1939). Invisible empire:
the story of the Ku Klux klan, 1866-1871, p. 9.

(Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

В «Предписаниях» кланистская символика была представлена, в первую очередь, знаменем [рис. 3]. Согласно статье X главное знамя ордена должно быть красного цвета и иметь форму равнобедренного треугольника, «5 футов в длину и 3 – в ширину у древка». Материал должен быть желтым с красной зубчатой каймой шириной около 3 дюймов. На нем должен быть нарисован черным Драковоланс (Dracovolans), или «Летающий Дракон». Над Драконом начертан следующий девиз: «Quodsemper, quodubique, quodabomnibus» (лат. «То, что всегда есть, то, что везде есть, то, что исходит от всех») [10, p. 57; 18, p. 13]. Фантастическое существо Дракон было заимствовано западной культурой из Китая и ассоциировалось со страхом и ужасом, которые вызывала смертельная опасность от ядовитого укуса змеи. Дракон на знаменах средневековых викингов, напротив, вдохновлял, даровал безграничные силу и удачу. Изображения на документах Ку-клукс-клана черепов, скрещенных костей, гробов, пистолетов, кинжалов, ружей со штыками, пушек и т.п. служили средством устрашения. Обряд посвящения «Южного креста» [рис. 4] включал в себя «питьё крови» из человеческого черепа [20, p. 15].

Хотя Ку-клукс-клан в художественной литературе и газетных статьях неизменно описывается как «фигуры в белых одеждах», факт, по-видимому, заключается в том, что выбор цвета и стиля в основном зависел от личного вкуса человека. Но все это носило гротескный характер, рассчитанный произвести впечатление и напугать невежественных и суеверных. Белые мантии первоначально использовались организаторами Клана Пуласки, и поначалу другие кланы, как правило, предпочитали их. Однако популярность белых одежд быстро пошла на убыль, и предпочтение, по-видимому, отдавалось черному или красному цвету с белой отделкой. В разных секциях были приняты различные схемы украшения, которые в основном определялись личным вкусом и прихотью человека, и некоторые из них включали в себя такие

оригинальные и устрашающие аксессуары, как популярные в некоторых штатах рога [10, p. 60].

Рис. 4. Обрядовый череп «Южного Креста».
Источник: *The Oaths, Signs, Ceremonies and Objects
of the Ku-Klux Klan* (1868), p. 16.

(Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

Регалии Клана были разнообразны на всем Юге в целом [рис. 5]. Мантии шились из простой ткани, ситцевой или «домашней», белого, красного или черного цвета. Большинство из них были длиной до щиколоток и с разрезами для верховой езды. В Миссисипи клансмены округа Монро предпочитали платья длиной до колен, а рыцари округа Лаундес сочетали белые комбинезоны с «этими обтягивающими мешками, которые носят дамы, отделанными черным, но белыми». Перламутровые пуговицы украшали мантии Клана в округе Монро, жители округа Лафайет щеголяли большими оловянными пуговицами и буквами «Ку-клукс-клан», члены Клана в округе Аттала предпочитали красные аппликации из ситца, а ночные всадники в округе Лоуренс носили черные кресты. Клансмены в округе Чикасо обходились красными штанами и широкими поясами для пистолетов и ножей, а также «чем-то вроде форменной шляпы» от простых шапочек до конических капюшонов «в форме колпака для дураков» с прикрепленными рожками или свисающими кисточками. Клансмены округа Лаундес носили капюшоны, пришитые к плечам их пальто и надвинутые на лоб. В Ноксуби же изготовили бумажные маски с накладными бородами и усами, сделанные из хвостов мулов. «Какой-то отвратительный рисунок» также скрывал их лица [15, p. 15]. Многие другие клансмены переняли черты животных. Интересно (и это отражает тот факт, что материалы, из которых они изготавливали свои костюмы, были им доступны), что их предпочтения касались не диких животных, а домашних, таких, как коровы, мулы и козы [17, p. 84].

Рис. 5. Капюшон/маска, ассоциирующаяся с Джоном Кэмпбеллом Ван Хуком-младшим, полковником армии Конфедерации и фермером из Роксборо, Северная Каролина. Изготовлена из ткани и кроличьего меха. Три «рога» набиты тканью и украшены красными и черными лентами; брови сделаны из черной ткани, отверстия для глаз окаймлены красной лентой, а нос сделан из красной и черной ткани. Клыки сделаны из той же ткани, что и рога, а бакенбарды и борода – из меха коричневого кролика. Исторический музей Северной Каролины, Роли. (Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

С течением времени повсюду прослеживалась тенденция отходить от простоты ранних костюмов и добавлять те или иные украшения. У клансменов в Арканзасе «лошади и люди были скрыты масками; мантии из черного ситца и сбруя были расшиты блестящими металлическими каббалистическими знаками». Головной убор, который носили «циклопы» в Теннесси, был богато украшен золотой тесьмой, а прорези для глаз и носа были прикрыты черными кружевами. Некоторые украшали себя волосами, прикрепляя их к одежде. Афроамериканец из Миссисипи так описывал тех, кто «посетил» его: «Они были одеты в простые легкие халаты, очень похожие на учебные; свободный халат, накинутый на плечи и свисающий вниз» [10, р. 64]. Портативность всей этой маскировки имела немалое значение. Ее можно было легко сложить и убрать в обычные седельные сумки. Кланисты могли ездить по дорогам днем или ночью, направляясь в "логово", в своей обычной одежде и не привлекать внимания [16, р. 22].

В период своего активного существования Ку-клукс-клан был тайным обществом в самом строгом смысле этого слова. На собраниях «Южного креста» [рис. 6] соблюдалась строжайшая конспирация. Если оно проходило в здании – то в любом случае отсутствовал свет, который мог бы показать лица собравшихся: «Если и бывает огонь, братья стараются держаться подальше от его света, насколько это возможно» [20, р. 22–23]. «Логово» Нэшвилла, которым командовал капитан Джон У. Мортон, собиралось иногда в доме Максвелла, иногда в комнате над аптекой Смита на углу Черч-стрит и Вайн-стрит, а иногда в комнате на верхнем этаже масонского храма и много раз – на складе железной дороги Нью-Йорк – Сент-Луис. Другим местом

встречи этого логова был старый пороховой склад в заброшенном форте Негли. В сельских районах собрания, как правило, проводились на открытом воздухе, в основном в лесу, причем место проведения собрания определялось на предыдущем. В Мемфисе излюбленным местом встреч был лес к востоку от города, который сейчас входит в состав Овертон-парка [10, р. 51].

Рис. 6. Внешний вид члена «Южного Креста».
Источник: *The Oaths, Signs, Ceremonies and Objects
of the Ku-Klux Klan* (1868), p. 31.

(Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

И даже само название ордена, похожее на клацание затвора ружья, служило определенным сигналом: «...Наконец мой охранник остановился в густых зарослях и тихим голосом велел мне спешиться и привязать лошадь, сам сделав то же самое. Затем он еще раз взвел курок своего ружья, и при этом звуке по меньшей мере два десятка ружейных замков, находившихся в руках окружающих нас людей, но скрытых в темноте, взвели курки, как я уже описывал в случае встречи с первым часовым» [20, р. 10].

Знаки приветствия и пароли, используемые в различных частях «Невидимой империи», отличались в некоторых незначительных аспектах, но имели явно общее происхождение. Уильям К. Оуэнс, который признался, что был членом «логова» Руфуса Маклейна в Йорквилле (Южная Каролина), известного как «Черные пантеры», заявил в своем признании, что знаком узнавания были 3 удара левой рукой по левому уху, а ответом – удар правой рукой по голове. После подобного приветствия руки кладут в карманы, делая это «как можно небрежнее». В одном из округов Северной Каролины для вызова и ответа на него использовался следующий набор фраз: «– Кто туда приезжает? – Друг. – Друг кого? – Моей страны. – Какой страны?». Следующая фраза произносилась по слогам: «Я ска-жу. Ни-че-го».

Конечная фраза звучала как: «– Слово? – Возмездие». Джон Р. Тальяферро, давший показания как член «пещеры» в округе Ноксуби (Миссисипи), назвал слово «лафина» в качестве обозначающего тревогу. Ему также было известно о пароле для узнавания своих людей ночью, когда 2 группы шли в противоположных направлениях. Одна из них восклицала: «Приветствую!». Другая сторона отвечала: «Приветствую кого?». Первая сторона сказала: «Гора», другая отвечала: «Небо», что было противоположным знаком ночью. Этот пароль, по словам Тальяферро, использовался не только в Ноксуби, но и в Уинстоне, Лодердейле, Кемпере, Лаундсе и Октиббехе, а также в округе Пикенс (Алабама). При желании опознать человека в дневное время, это делалось путем взятия собеседника за лацкан (отворот) пиджака большим пальцем руки, вытянутым к передней части одежды, и поднятия его вверх. В ответ необходимо было положить сжатую ладонь на правое бедро, вытянув большой палец вперед. Еще одним знаком узнавания было поглаживание бороды 1–2 раза. Если участник Клана распознавал этот знак, он отвечал тем, что засовывал большие пальцы за пояс брюк, а указательные – вытягивал вперед.

Другой признавшийся клансмен рассказал о приветствии его «логова», состоявшем из 3 частей. Во-первых, приветствующий быстро проводил пальцами правой руки по волосам, начиная от правой части лба и заканчивая рукой за ухом – естественный жест, как будто просто поправлял волосы. Ответом был тот же знак, сделанный левой рукой над левым ухом. Во-вторых, приветствующий должен был засунуть пальцы правой руки в карман брюк, оставив большой палец снаружи кармана, и в то же время подвести правую пятку к углублению левой ступни. Ответом был тот же жест левой рукой, и левая пятка попала в углубление правой стопы. В тех случаях, когда требовались дополнительные меры предосторожности, первый собеседник касался правой рукой правого лацкана своего пиджака, «как будто искал булавку», и в ответ проделывал тот же жест левой рукой. По свидетельству бывшего клансмена, рукопожатие было очень простым: он просто прикладывал указательный палец правой руки к месту, где прощупывался пульс человека, чью руку сжимал. Интересно отметить, что эти знаки были распознаны и подтверждены как подлинные оставшимся в живых членом Клана в Теннесси. Излюбленным паролем в этом «логове», как и во многих других, было слово слово «лафина» – и, возможно, это не простое совпадение. Именно так называлась ведущая демократическая газета в Мемфисе, родине Великого Волшебника Н. Форреста. Один из местных членов так описал знак узнавания, используемый в штате Джорджия: «Предположим, что мы были в толпе или в доме, где собралось очень много людей, и кто-то хотел узнать, принадлежу ли я к организации или нет, то он ставил свою ногу на мою и нажимал на нее, говоря: “Я прошу у вас прощения”. Если бы я принадлежал к ордену, то я бы сказал: “Это разрешено”. Затем, если бы я встретился с джентльменом, пожал ему руку или сделал что-нибудь в этом роде и спросил, как у него дела, то, если бы он принадлежал к организации, он бы ответил: “У меня все хорошо, а у вас как дела?”. Слово “хорошо” было правильным». В Южной Каролине система оповещения в общественных местах в дневное время состояла из постукиваний. «Если вы окажетесь на улице и увидите человека, который стоит неподалеку, а вы к нему не приближаетесь, то необходимо трижды постучать по земле – сначала 1 раз, а затем 2 раза подряд – если он принадлежит к Ку-клукс-клану, он ответит. Иногда это используется в качестве предостережения. Если вы окажетесь в толпе мужчин и увидите, что один из них слишком много болтает и собирается что-то сообщить,

вы можете постучать ногой по земле. Другие не заметили бы этого, если бы они не были членами клуба» [10, р. 52–53].

В луизианской кланистской организации «Южный Крест» присутствовал задокументированный способ опознавания сторонников. Когда «брат» желал выяснить, принадлежит ли незнакомец к ордену, он не должен был продолжать расспросы в присутствии других. Вступив с незнакомцем в разговор, «брат» в конце концов спрашивал: «Я полагаю, что вы – настоящий южанин?». Если незнакомец прямо отвечал: «Да», то член тайного общества продолжал: «Может быть, тогда вы прошли испытание?». Если незнакомец также являлся «братом», то он должен ответить: «Я знаю, что такое работа Тишины и Тьмы». Затем правой рукой давался знак узнавания [рис. 7], в ответ повторялся подобный жест движение и указательный и большой пальцы сводились вместе, что символически обозначало ударник пистолета, когда он взведен [20, р. 25–26].

THE SIGN OF RECOGNITION.

Рис. 7. Опознавательный жест членов «Южного Креста».

Источник: *The Oaths, Signs, Ceremonies and Objects of the Ku-Klux Klan* (1868), p. 20.

(Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

Согласно общему правилу, члены Клана должны были воздерживаться от любых ненужных разговоров. На самом деле, как правило, они вообще не разговаривали, разве что обменивались обрывками бессмысленной тарабарщины или громко и печально стонали, имитируя страдания умершего духа. Согласно правилам, каждый клансмен должен был быть снабжен свистком, издававшим «пронзительный, булькающий звук». Во время рейдов приказы отдавались не устными командами, а именно звуками свистка [10, р. 66].

Символика дополнялась различным видом угроз. Когда дело касалось неугодных белых американцев, на ночь к их дверям обычно прикрепляли таинственные послания,

снабженные рисунками черепов и скрещенных костей [рис. 8, 9]. В них содержалось предупреждение о необходимости «исправиться» или покинуть страну. Уведомление о выезде часто продлевалось и редко отклонялось, а в случае отказа последствия, скорее всего, были серьезными. Поджигателей домов, а иногда и убийц клансмены немедленно вешали. «Провинившихся» женщин с хорошей репутацией обычно пороли, а иногда и казнили, если «преступление» повторялось [9, р. 17]. Обыкновенным было обращение к недоброжелателю от лица погибшего солдата Конфедерации. Анонимный автор записки Дэви Джимсу «принял» облик призрака: «Я был убит при Манассасе в 1861 г.» и отмечал, что вокруг 200 000 мертвых конфедератов: «Днем я здесь как саранча, а ночью я Ку-клукс-клан, посланный сюда присматривать за тобой и всеми остальными радикалами и заставлять вас знать свое место» [19, р. 151].

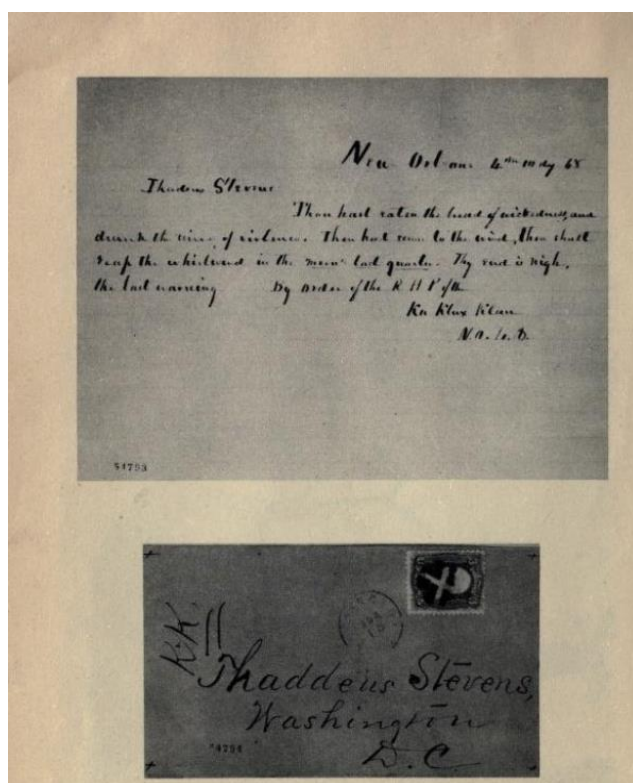

Рис. 8. Аутентичный исторический документ – записки с угрозами Клана, направленные Тадеусу Стивенсу в 1868 г.
Источник: S. Horn (1939). *Invisible empire: the story of the Ku Klux klan, 1866-1871*, p. 6.

Даваемые клятвы выражали политические цели, связанные с расизмом и подавлением прав чернокожего населения Юга. В секретной организации «Южный Крест» одна из них звучала так: «Пусть небеса озарит злое пламя войны, которая страшнее братоубийственной! Пусть кинжал, пуля, пламя и мор поразят каждую уязвимую точку! Пусть в домах северян, обогатившихся за счет грабежей Юга, царит запустение и смерть! Пусть дерзкие приспешники тиранов в нашей стране будут встречены в тишине и темноте, сраженные невидимой силой! Помните клятву! Полумесяц достаточно широк, чтобы вместить всех врагов Юга!

Одинокaя звезда ярче всего сияет во тьме! Кинжал – символ безмолвной работы! Помни о клятве!» [20, р. 14]. В то время как «Предписания» превозносили преданность ордена «рыцарству» и Конституции США, клансмены Миссисипи более прямо говорили о своих целях. «Рыцари» округа Аттала наказывали как «непокорных» вольноотпущенников, так и белых «бродяг», чьи «бесчинства» вызвали «еще больший ужас, чем даже у негров». В округе Маршалл клансмены дали клятву «подавлять негров и удерживать их на том положении, которому они принадлежат, и следить за тем, чтобы демократическая партия контролировала эту страну». В округе Ялобуша, «ночные всадники» поклялись «держатъ под контролем непокорных белых и негров» и «покончить с господством негров». Клансмены округа Панола объединились, «чтобы противодействовать влиянию, которое гнусные принципы Реконструкции оказали на негров, в частности, пагубному влиянию Юнионистских лиг и деятельности саквояжников». «Вурдалаки Ноксуби» поклялись «передать возмездие за зло, причиненное белым людям цветными, в руки народа, а не закона» [15, р. 15].

Рис. 9. Редкое предупреждение Клана, напечатанное и расклеенное в Таскалусе, штат Алабама.

Источник: *S. Horn (1939). Invisible empire: the story of the Ku Klux klan, 1866–1871, p. 7.*

(Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

Поначалу метод Клана состоял в том, чтобы пугать жертвы не только предупреждениями, но и внезапным появлением, почти всегда верхом на лошади. Клансмены со светящимися фосфорными украшениями посещали «беспокойных» негров и пугали их до полусмерти. Они также будоражили общество тем, что, казалось, выпивали по несколько ведер воды на человека, распадалась на части и издавали неземные звуки. Негры распространяли сообщения о том, что видели, как члены Клана якобы выскакивали из колодцев, сидя верхом на мулах и спускались под землю через рачьи норы [6, р. 167]. В начале 1866 г. газета «Pulaski Sitizen» сообщила, что «огромное чудовищное огнедышащее существо [рис. 10] с раздвоенными копытами и рогами» посетило дома 4 вольноотпущенников в округе Брэкен (Кентукки). Двадцатилетний Гэдсен Стил из Йорка (Северная Каролина) вспоминает лидера Клана, который «склонил передо мной голову (иллюстрируя это очень низким поклоном), сказал: “Здравствуйте” и ткнул меня в грудь своими рогами [которые были длиной в 2 фута и крепились к его голове]». Чтобы создать впечатление, что они якобы являются иностранцами, клансмены говорили с акцентом, который жертвы идентифицировали как ирландский, немецкий или французский. Другие клансмены одевались как коренные американцы или вели себя как коренные американцы, что, по мнению современников, «сочетало в себе аморальность и аморальную дикость». Некоторые из нападавших на Уоррена Джонса в Джорджии называли себя «Большой индеец» и «Маленький индеец» [17, р. 84].

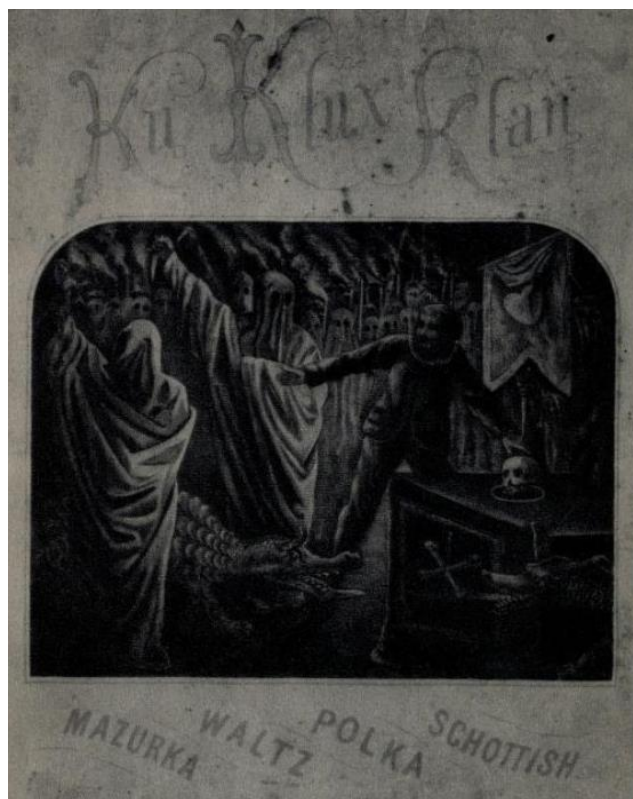

Рис. 10. Иллюстрация из книги «Вальс Ку-клукс-клана», опубликованной в Нэшвилле в 1868 г., авторство которой приписывается Густавусу Дольфусу. Если присмотреться, можно увидеть используемую в ритуалах фигуру чудовища (дракона или крокодила) рядом с алтарём. Источник: S. Horn (1939). *Invisible empire: the story of the Ku Klux klan, 1866-1871*, p. 8. (Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

Отечественный исследователь Э. В. Лисневский отмечал и такие уловки клансменов: предварительно спрятав в рукаве кисть скелета, они предлагали ее для рукопожатия, или же «шутник» снимал со своих плеч искусственную голову и затем просил пораженного негра поддержать ее, пока он не закрепит позвоночник [1, с. 69–70].

Налетчики из округа Лаундс, которые терроризировали Джозефа Тернера, окружили его дом, «крича, как совы, блея как какие-то козы, а некоторые говорили на непонятном мне языке». Их «ломаный язык» перешел на английский только после того, как они вытащили Тернера из его дома. Джозеф Гэллоуэй, белый учитель из того же округа, был менее впечатлен, когда члены Клана «покачали головами и рогами, глядя на меня, и повели себя как коровы». В округе Ялобуша «плохой негр» Перси Макфарланд «доставлял белым людям много хлопот». Клансмены приурочили свой визит к семейной трагедии – смерти сына Макфарланда. Вскоре после похорон они похитили его из дома и отнесли на могилу, где в гробу, покрытом листьями, лежал рыцарь в мантии. Когда Макфарланд приблизился под охраной, «призрак» выскочил вперед, приказав своему испуганному «отцу» «вести себя прилично и держаться поближе к белым людям» [15, р. 16]. Некоторые американские исследователи утверждают, что подобные, тогда ещё относительно безобидные психологические приемы игры на страхах вольноотпущенников представляли собой первую фазу контроля Клана над чернокожими [22, р. 36].

Рис. 11. пытки Ку-клукс-клана. Иллюстрация из книги

«Опыт северянина среди Ку-клукс-клана, или Положение на Юге» (1872).

Источник: <https://www.loc.gov/resource/gdclccn.08005316/?sp=7&t=-0.008,-0.423,1.016,1.438,0>
(Демонстрирование символики и атрибутики осуществлено с научными целями)

Таким образом, общество, созданное для развлечения и признанное эффективным в контроле над чернокожими, вскоре превратилось в орган по борьбе с Юнионистскими лигами и «саквояжниками» [5, р. 307]. Как отмечают исследователи, ответственность за насилие в отношении чернокожих и их белых сторонников стала непредвиденным последствием Реконструкции. Хотя некоторые правительственные

чиновники и представители общественности предостерегали от возможности создания после войны белых групп бдительности, размах Ку-клукс-клана и его деятельности застали многих наблюдателей врасплох [19, p. 149]. В дополнение к этим методам применялись и более радикальные: всадники в белых плащах не просто предупреждали и запугивали, особенно когда к их предупреждениям не прислушивались. Во многих случаях негров и саквояжников пороли, а в некоторых – расстреливали или вешали. Атаки Ку-клукс-клана были окутаны множеством смыслов [рис. 11], которые превращали насилие белых и агонию черных в аргумент в пользу легитимности власти белых. Атака была одновременно болью и аргументом. Многие чернокожие южане заявили, что понимают это и ценят тот факт, что костюм в конечном счете так же опасен, как и оружие [17, p. 108].

Выводы

Связанная клятвой секретность, атмосфера таинственности, странные наряды и ритуалы, принятые в связи с преобладающим беспокойным состоянием общества, как правило, убеждали посторонних и самих членов Клана в том, что у них должна быть какая-то более серьезная цель, чем просто развлечение. Более важным, однако, было открытие, что секретность и загадочность странных костюмов таили в себе совершенно непредвиденные возможности для контроля над негритянским населением, которое, благодаря политике Реконструкции, быстро выходило из-под опеки своих старых хозяев.

Обращение белых южан к террору стало одним из факторов, ослабивших правительства Реконструкции в южных штатах. Хотя Первый Клан исчез после принятия репрессивных мер в 1871–1872 гг., его многочисленные преемники и подражатели продолжили его кровавые преступления. Вооруженные ночные всадники в белых балахонах стали гарантом победы консервативных политических сил на Юге США в середине – второй половине 1870-х гг. В результате в южных штатах почти на столетие установился режим расовой сегрегации. Ку-клукс-клан, несмотря на непродолжительный период существования, превратился в «народную легенду Юга», которая оказалась весьма устойчивой и дважды способствовала его возрождению (в 1915 и в 1946 гг.).

Список источников и литературы

1. Лисневский Э. В. Кланистское движение в США в период Реконструкции Юга (1865-1877 г.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. 192 с.
2. Прилуцкий В. В. Тайны масонского ордена. Опровергая мифы. М.: Центрполиграф, 2011. 223 с.
3. Харитонов В. С. О некоторых общих вопросах сущности вигилантизма // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 46–48.
4. Baker B., Kelly B. After slavery: race, labor, and citizenship in the reconstruction South. Gainesville: University Press of Florida, 2013. 320 p.
5. Bowers C. The tragic era: the revolution after Lincoln. Cambridge: Houghton Mifflin, 1962. 568 p.
6. Coulter E. The South during reconstruction, 1865–1877. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1947. 426 p.
7. Davis S. L. Authentic history Ku Klux Klan, 1865-1877. New York: American Library Service, 1924. 316 p.
8. Foster W. The Negro people in American history. New York: International Publishers, 1954. 608 p.

9. Grerory T. Reconstruction and Ku Klux Klan. 1906. 22 p.
10. Horn S. F. The Invisible Empire: the story of the Ku Klux klan, 1866–1871. Massachusetts: Houghton Mifflin Company, 1939. 434 p.
11. Ingalls R. P. Hoods: the story of the Ku Klux Klan. New York: Putnam, 1979. 127 p.
12. Katz W. L. The invisible empire: the Ku Klux Klan impact on history. Seattle: Open Hand Publishing, 1987. 166 p.
13. Kronenwetter M. United they hate: white supremacist groups in America. New York: Walker & Co, 1992. 133 p.
14. Newton M. The invisible empire: The Ku Klux Klan in Florida. Gainesville: University Press of Florida, 2001. 260 p.
15. Newton M. The Ku Klux Klan in Missisipi: a history. Jefferson: McFarland & Company, 2009. 252 p.
16. Ovitiz H. L. The Ku Klux Klan. Chicago: University of Illinois, 1911. 66 p.
17. Parsons E. Ku-Klux: The Birth of the Klan during Reconstruction. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. 392 p.
18. Prescripts. Pulaski, 1867. 16 p.
19. Shally-Jensen M. Reconstruction Era (1865-1877). Hackensack: Salem Press, 2014. 270 p.
20. The Oaths, Signs, Ceremonies and Objects of the Ku-Klux Klan. Cleveland, 1868. 31 p.
21. Trelease A. White Terror: The Ku Klux Klan Conspiracy and Southern Reconstruction. Louisiana State University Press, 1971. 557 p.
22. Wade C. The Fiery Cross: The Ku Klux Klan in America. New York: Simon & Schuster, 1987. 526 p.
23. Werstein I. This wounded land; the era of Reconstruction, 1865–1877. New York: Delacorte Press, 1968. 176 p.

References

1. Lisnevskiy, EV 1977, *Klanistskoye dvizheniye v SShA v period Rekonstruktsii Yuga 1865–1877 gg.* (The Klanist movement in the United States during the Reconstruction of the South (1865–1877)), Izdatelstvo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
2. Prilutskiy, VV 2011, *Tayny masonskogo ordena. Oprovergaya mify* (Secrets of the Masonic Order. Refuting myths), Tsentrpoligraf publ, Moscow. (In Russ.)
3. Kharitonov, VS 2023, 'O nekotorykh obshchikh voprosakh sushchnosti vigilantizma' (On some general issues of the essence of vigilantism), *Voennoye parvo*, no. 2 (78), pp. 46–48. (In Russ.)
4. Baker, B& Kelly, B2013, *After slavery: race, labor, and citizenship in the reconstruction South*, University Press of Florida publ, Gainesville.
5. Bowers, C 1962, *The tragic era: the revolution after Lincoln*, Houghton Mifflinpubl, Cambridge.
6. Coulter, E 1947, *The South during reconstruction, 1865-1877*, Louisiana State University Press publ, Baton Rouge.
7. Davis, SL 1924, *Authentic history Ku Klux Klan, 1865-1877*, American Library Service publ, New York.
8. Foster, WZ 1954, *The Negro people in American history*, International Publishers publ, New York.
9. Grerory, T 1906, *Reconstruction and Ku Klux Klan*, Library University of Toronto publ, Toronto.
10. Horn, SF 1939, *The Invisible Empire: the story of the Ku Klux klan, 1866–1871*, Houghton Mifflin Company publ, Massachusetts.
11. Ingalls, RP 1979, *Hoods: the story of the Ku Klux Klan*, Putnampubl, New York.
12. Katz, WL 1987 *The invisible empire: the Ku Klux Klan impact on history*, Open Hand publ, Seattle.

13. Kronenwetter, M 1992, *United they hate: white supremacist groups in America*, Walker & Co publ, New York.
14. Newton, M 2001, *The invisible empire: The Ku Klux Klan in Florida*, University Press of Florida publ, Gainesville.
15. Newton, M 2009, *The Ku Klux Klan in Missisipi: a history*, Mc Farland & Company publ, Jefferson.
16. Ovitiz, HL 1911, *The Ku Klux Klan*, University of Illinois publ, Chicago.
17. Parsons, E 2016, *Ku-Klux: The Birth of the Klan during Reconstruction*, University of North Carolina Press publ, Chapel Hill.
18. *Prescripts* 1867, Tennessi, Pulaski.
19. Shally-Jensen, M 2014, *Reconstruction Era (1865–1877)*, Salem Press publ, Hackensack.
20. *The Oaths, Signs, Ceremonie sand Objects of the Ku-Klux Klan* 1868, Cleveland.
21. Trelease, A 1971, *White Terror: The Ku Klux Klan Conspiracy and Southern Reconstruction*, Louisiana State University Press publ, Baton Rouge.
22. Wade, C 1987, *The Fiery Cross the Ku Klux Klan in America*, Simon & Schuster publ, New York.
23. Werstein, I 1968, *This wounded land; the era of Reconstruction, 1865–1877*, Delacorte Press publ, New York.

Вклад авторов:

Прилуцкий В. В. – написание статьи, научное редактирование текста.

Калашников А. В. – сбор материала, обработка материала, написание статьи

Contribution of the authors:

Vitaliy V. Prilutskiy – writing the section of the article, scientific editing.

Alexey V. Kalashnikov – collecting the material, processing the material, writing the section of the article

Статья поступила в редакцию: 06.02.2026

Одобрена после рецензирования: 10.03.2026

Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 06.02.2026

Approved after reviewing: 10.03.2026

Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-99-107>

ОТЧЕТ И ДНЕВНИК К. ФУЛЛЕРА О ПОЕЗДКЕ ПО СССР В 1931 г.: НОВЫЕ ОЦЕНКИ РОЛИ И МЕСТА СССР И ПЕРСПЕКТИВ ЕГО РАЗВИТИЯ

**Михаил Александрович
Белан**

Институт российской истории РАН
Москва, Россия, mikhailbelan@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9899-1089>

Аннотация. На основе готовящихся к публикации документов, обнаруженных в британском архиве Wiltshire & Swindon Archives (фонд Фуллеров) в статье проанализирован новый и ранее неизвестный взгляд на СССР в начале 1930-х гг. Объект исследования – отчет и прилагающийся к нему дневник Кристофера Ф. Фуллера о большой поездке по СССР в июле–августе 1931 г., предпринятой с Д. Сэндисом для Секретариата Лиги Наций, чтобы установить реальное положение дел в СССР накануне Конференции по разоружению и понять, какого курса в отношении Страны Советов надо держаться Версальскому блоку. Близко узнав СССР в ходе уникального визита, объехав почти всю страну без регистрации в Интуристе и гидов и общаясь с людьми напрямую, Фуллер подготовил глубокий аналитический отчет, меморандум для секретариата, в котором перенес акцент с политических наблюдений – как это делали гости, посещавшие страну в рамках культурной дипломатии – на экономику и отдельные сферы жизни. Он сделал выводы о неизбежном успехе СССР в экономическом развитии: первая пятилетка будет выполняема не менее чем на 60 %, хотя в промышленности сохраняется ряд проблем – зависимость от иностранных инженеров и технологий, неаккуратность на производствах и предприятиях; слабым звеном экономики видится финансовая сфера. Большое внимание Фуллер отвел сложности преобразований в деревне, консерватизму крестьян, назвал поддержку крестьянства залогом успеха модернизации. В целом он отметил поддержку коллективизации крестьянами после 1930 г., хотя есть еще проблемы в ряде мест (на Украине). Фуллер сделал акцент на анализе отдельных сфер жизни, подчеркнув большие успехи в образовании, культуре, социальной сфере, военном строительстве и т.д. Важнейший же залог успеха большого эксперимента – это верная образовательная политика, нацеленная на формирование из молодого поколения нового человека; если в течение 10–15 лет не будет потрясений, новое поколение сменит старое. В итоге если не к 1932, то к 1942 г. СССР станет индустриальной державой первого ранга: поэтому Европе нужно сменить политику в отношении СССР на дружескую.

Ключевые слова: СССР, пятилетка, Великобритания, экономическое развитие, коммунизм, 1930-е гг.

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России для ИРИ РАН (тема 0149-2025-0010 «Общество и его социальная структура в российской истории», НИОКТР 125022002763-0).

Для цитирования: Белан М. А. Отчет и дневник К. Фуллера о поездке по СССР в 1931 г.: новые оценки роли и места СССР и перспектив его развития // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 99–107. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-99-107>

Сведения об авторе: М. А. Белан – DPhil in History, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Scientific Article

UDC 94(47)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-99-107>

C. FULLER'S MEMORANDUM AND DIARY ON A TRIP TO THE USSR IN 1931: NEW ASSESSMENTS OF THE ROLE AND PLACE OF THE USSR AND ITS DEVELOPMENT PROSPECTS

Mikhail A. Belan

Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia, mikhailbelan@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9899-1089>

Abstract. Based on the documents that are being prepared for publication, discovered in the British Wiltshire & Swindon Archives (Fullers collection), the article analyzes a new and previously unknown view of the USSR in the early 1930s. The object of research is the report and the accompanying diary of Christopher F. Fuller about a large trip across the USSR in July-August 1931, undertaken with D. Sandys for the Secretariat of the League of Nations, to establish the real state of affairs in the USSR on the eve of the Conference on Disarmament, and to understand what course the Versailles countries should accept in relation to the Soviet Country. Having got to know the USSR intimately during a unique visit, having travelled almost the entire country without registering with an Intourist and guides, directly communicating with the people, Fuller prepared an in-depth analytical report, a memorandum for the secretariat, in which he shifted the focus from political observations, as did the guests who visited the country within the context of cultural diplomacy—to the economy and specific areas of life. He drew conclusions about the inevitable success of the USSR in the economic development: the first five-year plan will be feasible by at least 60%, although a number of problems remain in industry – dependence on foreign engineers and technologies, carelessness in industries and enterprises; the financial sector is seen as a weak link in the economy. Fuller devoted much attention to the complexity of transformation of the village, the conservatism of the peasants, viewing the support of the peasantry as indispensable element for the success of modernization. In the whole, he noted the peasants' support for collectivization after 1930, although there were still problems in some places (Ukraine). Fuller analysed specifically various spheres of life, emphasizing great successes in education, culture, social sphere, military construction, etc. The most important key to the success of a large experiment is a sound educational policy aimed at forming a new person from the younger generation; if no shocks follow within 10 to 15 years, the new generation will replace the old one. As a result, if not by 1932, then by 1942, the USSR will become an industrial power of the first rank: therefore, Europe needs to change its policy towards the USSR to a friendly one.

Keywords: USSR, Five-year Plan, Great Britain, economic development, communism, 1930s.

Acknowledgements: The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia for the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (topic 0149-2025-0010 “Society and Its Social Structure in Russian History”, R&D project 125022002763-0).

For citation: Belan, MA 2026, ‘C. Fuller’s Memorandum and Diary on a Trip to the USSR in 1931: New Assessments of the Role and Place of the USSR and Its Development Prospects’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 99–107, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-99-107> (in Russ.)

Information about the Author: Mikhail A. Belan – PhD in History, Candidate of historical sciences; Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 19, Dmitria Ulianova St., Moscow, 212022, Russia.

Визит К. Фуллера и Д. Сэндиса: новый взгляд на СССР в 1931 г.

Объектом исследования выступает ранее неизвестный комплекс документов из британских архивов – фонд Кристофера Ф. Фуллера. Центральное место занимают его отчёт («Меморандум», к которому прилагается дневник о поездке), подготовленный для Секретариата Лиги Наций. По итогам по многим параметрам это была уникальная большая поездка по СССР в июле–августе 1931 г., предпринятая Фуллером совместно с Д. Сэндисом без регистрации в Интуристе, без гидов и сопровождения, под специальной разработанной легендой [1, с. 539]. Поездка производилась по заданию Секретариата Лиги, а также Министерства иностранных дел Великобритании, с целью составить представление о реальном положении дел в советском государстве за время, прошедшее после революции 1917 г., чтобы сделать прогнозы о развитии внутренней ситуации в целом и в отдельных сферах (экономика, политика, культура и образование и т.д.) – и в связи с этим оценить международное положение и ту роль, которую будет играть СССР, и, соответственно, сформулировать, какая политика по отношению к СССР будет в большей степени отвечать интересам Европы и Лиги Наций. Фуллер, незадолго до поездки получивший гуманитарное образование, как и его спутник (будущий министр-консерватор Сэндис [9], зять У. Черчилля, возглавлявший позднее несколько военных министерств), и имевший широкий кругозор и познания в точных науках и экономике, постоянно сравнивает СССР и дореволюционную Россию, расспрашивая простых людей и стараясь разобраться во взглядах рабочих, крестьян, служащих и их понимании тех грандиозных перемен, которые произошли в России в течение последних пятнадцати лет, тех удивлявших самого Фуллера сдвигов, которые он наблюдал: успехов индустриализации и коллективизации, кардинально изменивших лицо России за неполные три года с момента утверждения плана первой пятилетки.

Предмет исследования – оценки Фуллером места СССР в истории российской цивилизации, тенденций и перспектив развития страны в ближайшее десятилетие, конкретные наблюдения и обоснования, приводимые в поддержку своей точки зрения по всем основным сферам жизни.

Новизна исследования заключается в том, что в статье представлен новый и ранее неизвестный взгляд на СССР, прежде в историографии не освещенный. Источник представляет собой закрытый отчет, подробный и беспристрастный, о реальном состоянии дел в СССР в различных отраслях с попыткой оценки возможного будущего России. Зная русский язык Фуллер и Сэндис путешествовали по всей России (см. рис. 1 ниже) в течение месяца без сопровождающих, собирая информацию «из первых рук» – посещая заводы, школы, комбинаты питания, музеи и клубы, колхозы, деревни и т.д. (иногда им приходилось выдавать себя за учителей из Великобритании и т.п.).

В общей сложности был проделан путь в более чем «17 000 миль» за четыре недели (в основном Фуллер и Сэндис перемещались самолетами). Они имели возможность увидеть не только Москву и Ленинград, но и Сибирь (Свердловск, Омск, Новосибирск, Кузнецк), Юг России, Северный Кавказ, Грузию и Азербайджан [10, с. 539–540].

При большом внимании в профессиональной литературе к официальным визитам в СССР в 1920–30-е гг. (Дж. Лэнсбери, Б. Рассел, Г. Уэлс, Б. Шоу, Т. Драйзер, Г. Джонс и др. [6; 7; 8]) поездка имела множество отличий. При этом основной комплекс оценок и взглядов на Россию и СССР на Западе, восприятие различных аспектов жизни, понимание места и сущности «великого эксперимента» и сегодня изучается в основном на основе документов официальных кратких визитов известных деятелей культуры и политики. Однако реальный образ страны, оценки, складывающиеся на основе отчета Фуллера, а также его дневника и иных документов, пока-

зывают образ другой России, чем образ той страны, которую видели гости и туристы и который формировался в рамках государственной «культурной дипломатии».

Отчет «Меморандум» Фуллера [12] позволяет нам изучить новый подход: материал представляет собой аналитическую попытку Секретариата Лиги Наций и британского МИДа объективно и по возможности беспристрастно (на месте) оценить положение дел в СССР. Исследование документов Фуллера крайне актуально. Перед читателем предстает новый, во многом позитивный образ России, переживающей сложный и решительный период своей истории, успешно предпринимающей глобальное переустройство государства и общества – и стремящейся к мирному сосуществованию с другими системами. Подобная аналитика, к сожалению, крайне редко применяется в дипломатии западных стран и сегодня (поверхностное отношение к анализу России объяснимо в том числе упадком системы образования и «русистики» в западных университетах с 1990-х гг. на фоне закрытия центров изучения России и СССР и сокращения финансирования).

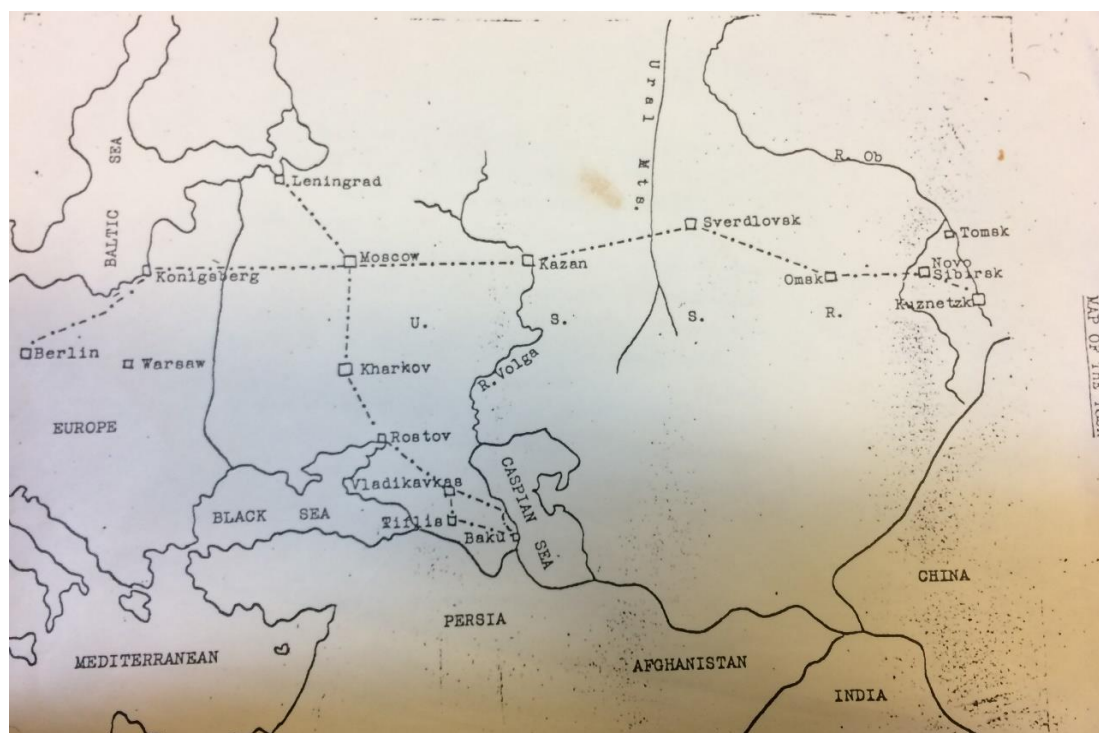

Рис. 1. Маршрут путешествий К. Фуллера и Д. Сэндиса по СССР, июль–август 1931 г. [12, 2/В/2]

Оценка феномена СССР и его места в истории России

Ключевой вопрос, который поднимает Фуллер, – следует ли Европе и Лиге Наций избрать линию на выстраивание дружеских взаимовыгодных отношений с СССР или продолжать политику последних лет (с 1927 г.), de facto направленную на конфронтацию [12, л. 14]? Для ответа он призывает исследовать не только внутривнутриполитическое, но и экономическое развитие России, а также культурную политику Страны Советов. Автор ставит своей задачей понять, какие изменения произошли в России за последние пятнадцать лет, насколько успешны и кардинальны перемены в целом и в отдельных сферах – и, следовательно, насколько выполним «глобальный эксперимент». Так как Фуллер точен и последователен в своем анализе, он строго придерживается фактов, цифр, наблюдений – и в результате делает комплекс заключений, насколько выполним план первой пятилетки вообще и в отдельных сфе-

рах, и чего стоит ждать от России-СССР в обозримом будущем – в ближайшее десятилетие.

Фуллер подробно разбирает предысторию проблемы СССР, обращая внимание на взгляды российских интеллектуалов XIX – начала XX в. касательно места и роли России (А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. А. Салтыков, Л. И. Шестов, М. Горький и др.), на уникальность поисков пути российской цивилизации. Он уделяет внимание растущему спросу на реформы в царской России, и при этом на попытки сохранить сильные стороны российской идентичности. Уже в дореволюционной общественной мысли и культуре Фуллер видит конкретных провозвестников великих изменений, случившихся после 1917 г., индустриализации и коллективизации. Вспоминая «русского скитальца» Достоевского, он подчёркивает индивидуальность и уникальность русского народа, его стремление к братству всех людей и народов, «универсальность» («судьба России – общая и универсальная»), предвещающие вступление русского человека в социализм. Указывает он и на чуткое понимание простого русского человека Пушкиным. Близкими к социализму представляются Фуллеру идеи М. Горького о необходимости поиска взаимопонимания, уважения и братства, а также позиция Л. Шестова о «бесхитростной, искренней простоте молодой некультурной России», выгодно отличающей русского человека от европейца, использующего все свои таланты, знания и искусство для того, чтобы скрыть свое истинное «я» и все, что его действительно волнует» [12, л. 9].

Фуллер делает акцент на трагизме все более нараставшего разрыва между либеральными ожиданиями части общества и нараставшей консервативно-охранительной природой позднего самодержавия, подтолкнувшей Россию к войне и в итоге ставшей одной из главных причин революции. Крайне позитивные оценки Фуллера получает Ленин как «великий мыслитель», искренне веривший в то, что он хотел осуществить в России – «воплотить в жизнь марксизм, измененный в соответствии с потребностями России». В этом отношении Фуллер расценивает смерть Ленина как трагедию и критикует формирование жесткой политической системы при Сталине [12, л. 13].

Обращаясь к центральной теме, волновавшей всех «гостей» СССР, – оценкам и перспективам новой политической системы, Фуллер во многом разделяет доминировавшие критические взгляды на систему власти коммунистов, отмечая также, что партия с 1917 г. прошла путь, по сути, назад – к модели царской централизованной власти. Критики, с его точки зрения, достоин сам партийный аппарат, который все больше «отрывается от народа», получая льготы и т.д. [10, с. 540–541]. Сложно Фуллеру понять и ряд жестких административных мер, расширение системы лесозаготовительных и иных лагерей, ссылки кулаков и т.д.

Оценки Фуллером перспектив экономического развития СССР

При этом отличительной чертой метода Фуллера является смещение им фокуса с политики на экономику. В целом по итогам поездки он приходит к выводам, что план выполним если не на 75 %, как считали в 1931 г. в Женеве, – но на 60 %, к концу первой пятилетки он точно будет реализован [12, л. 67].

Довольно жесткие и необычные административные меры хозяйствования вызывают тем не менее у Фуллера впечатление абсолютно рациональных шагов – и признаются им как единственно верные в сложившихся российских реалиях для развития промышленности, несмотря на ряд слабостей.

Так, автор акцентирует внимание на качестве первых заводских линий, частых поломках и зависимости от западных – американских и немецких инженеров. Он подчеркивает пока еще острую нехватку квалифицированных советских рабочих и инженеров и т. д., критикует дублирование функций и низкую производительность

сти труда, а также все еще распространенное, особенно в регионах, бесхозяйственное отношение и недостаточное управление производственными процессами.

Фуллера также особенно волнует неустойчивая советская финансовая система, которая представляется ему наиболее значительной проблемой экономического характера. С точки зрения Фуллера, как внутри страны, так и в плане экспорта в настоящее время имеется много уязвимостей: убыточность ряда предприятий, проблемы с финансовой массой, сложность с гарантиями поставок в и из СССР и т.д.) [12, л. 29–45].

Но все эти трудности – «болезни роста» – будут по оценкам автора, несомненно, преодолены в течение 10–15 лет. К тому же Фуллер указывает на то, что к тому моменту будут освоены огромные новые регионы, количество богатств в которых еще не разведано. В итоге новые предприятия, а также высоко оцениваемый Фуллером энтузиазм людей (особенно отмеченный им в Москве) и неизбежное улучшение качества строительства и работы заводских линий – все это в совокупности и если не случится новых потрясений гарантирует устойчивое превращение новой России в течение десяти лет в совершенно независимую, устойчивую, самодостаточную и суверенную индустриальную державу мирового уровня [12, л. 67–69].

Проблема преобразований в деревне

При этом ключевым элементом экономических и политических преобразований, залогом устойчивого развития страны в будущем с точки зрения Фуллера является успех модернизации сельского хозяйства и деревни. По его словам, «завоевание крестьянина» остается важнейшей задачей советской власти – здесь и сами представители властей, и крестьяне ссылаются на множество пережитков прошлого, которые мешают модернизации. Прежде всего, Фуллер подчеркивает крайнее консервативную природу крестьянства, медленность в восприятии перемен, и ряд мешающих преобразованиям рудиментарных пережитков (таких, как, например, отдых и чрезмерное распитие спиртных напитков по выходным – что отмечалось путешественниками во многих местах).

Вместе с тем Фуллер, при всей необычности для него колхозной и совхозной форм хозяйствования, признает, насколько более «эффективными» и рационально организованными представляются ему те районы страны, где коллективизация уже в целом завершилась и привела к укрупнению хозяйств – на фоне, например, посещенной путешественниками Сибири, еще не в полной мере охваченной коллективизацией. Создание МТС, обобществление средств производства и другие меры вызывают одобрение Фуллера как повышающие производительность труда, несмотря на отмеченное им некоторое недовольство со стороны ряда зажиточных крестьян.

Именно частновладельческие устремления крестьян, особенно в ряде южных, более «индивидуалистических» регионах, и прежде всего на Украине, представляются ему наибольшей опасностью для советской власти. В том случае, если страна столкнется с кризисной ситуацией, «в тех местах, на Украине, могут возникнуть проблемы». В целом же Фуллер признает, что в стране крестьяне «сами относятся к кулакам негативно».

При этом в целом именно предыдущий 1930 год представляется Фуллеру поворотным моментом, так как «маятник поддержки крестьянства» перешел на сторону правительства и проводимых им мер. В большинстве регионов страны крестьяне, с которыми разговаривали путешественники, теперь поддерживают курс на коллективизацию, отмечая первые важные плоды ее внедрения – улучшение производительности, подъем условий их жизни, труда, культуры на селе и т. д. Таким образом, те крестьяне, кто, по словам Фуллера, в состоянии воспринимать перемены и идти в ногу со временем – а таких, несомненно, большинство – выигрывают от происхо-

дящих перемен; те же, кто неспособен подстроиться, будут, по его оценкам, жить все хуже и беднее [12, л. 41–47].

Преобразования в социальной и культурной сфере

Крайне большое внимание Фуллер уделяет преобразованиям в социальной сфере. В здравоохранении им отмечен большой прогресс в медицине, а ее доступность оценивается им исключительно высоко на фоне Европы. В отношении развития городской инфраструктуры также повсеместно сделаны значительные успехи – в столицах, в старых центрах и новых соцгородах, хотя некоторые проблемы, такие, как недостаток жилья для людей, остаются.

Однако наиболее важными считает Фуллер преобразования в сфере образования и культуры. Именно преобразования в этих областях он считает ключевыми для успеха Страны Советов в ближайшие 10–15 лет. Признавая огромные заслуги новой советской школы, системы высшего и среднего специального образования, Фуллер делает акцент на определенной дихотомии советского общества. Те люди, которые застали царскую Россию хотя бы школьниками (население среднего возраста и выше), хотя и становятся предметом внимания властей – имеется в виду работа клубов, секций, театров и т.д. для рабочих и крестьян – все же, с точки зрения Фуллера, никогда не смогут стать полностью новыми людьми. Советские власти это понимают и совершенно справедливо, считает Фуллер, гораздо больше внимания уделяют образованию именно «молодого поколения» – и делают это очень правильными методами. Поэтому все, что требуется для формирования стабильной в политическом и экономическом отношении страны, это дождаться, пока в течение 10–15 лет молодое поколение займет свое место в обществе, на производстве, в управлении – и тогда «будущее России и идеалов коммунизма станет практически несокрушимым» [12, л. 54–62].

Представляют интерес и преобразования в сфере искусства. С точки зрения Фуллера, они, при несомненных успехах, направлены скорее на создание и воспитание излишне «механистического», практического, с молодых лет ориентированного на освоение механики и машин человека. Это, несомненно, соответствует текущим целям государства, заинтересованного в подготовке рабочих и инженеров, но в то же время сужает, по оценкам Фуллера, кругозор молодого поколения. В то же время он отмечает, что массы людей свободно и по своей воле посещают музеи и иные культурные мероприятия. Фуллера восхищает превосходное состояние музеев, открытых для широкой публики. Он подчеркивает большой интерес к музыке в обеих столицах, в том числе европейской классике. Более низкую оценку получает в его представлении советское кино, как упрощающее действительность и в целом чересчур идеологизированное.

Ряд наблюдений касаются и церкви. Интересно, что Фуллер полагает, что в ближайшие годы церковь, подобно временам Великой Французской революции, все же вновь вернет некоторые позиции, в форме новой, свободной, неподконтрольной государству структуры – в отличие от «официального православия» царского режима [12, л. 55–64].

Заключение

На основе наблюдений по итогам поездки Фуллер в своем отчете приходит к выводам, что Россия действительно за несколько лет вполне способна пройти путь, пройденный в Европе за столетие. Первый пятилетний план будет, несомненно, выполнен как минимум на 60 %.

При этом краеугольным камнем является формирование «нового человека», и если советская система образования, воспитания и «пропаганды» и далее будет столь же успешна, то через 10–15 лет, когда «войдет в силу» молодое поколение,

не учившееся в царской России, в политическом отношении страна войдет в полосу стабильного и уверенного развития.

В этом отношении Фуллер считает главной задачей новой власти в рамках воспитания «нового человека» и «завоевание крестьянина»: если удастся воспитать нового человека в деревне, то будущее могучей Советской России обеспечено. Единственное, подчеркивает Фуллер, необходимо, чтобы в течение 10–15 лет не было больших потрясений и войн, так как в случае тяжелой ситуации в стране «старые классы» и прежде всего – наибольшая угроза – не до конца коллективизированное крестьянство, могут спровоцировать сильные потрясения для властей, что даже может заставить правительство, по оценкам Фуллера, вернуться к более мягким политическим и экономическим методам управления. Если же потрясений не случится, то «если не в 1932, то к 1942 г.» СССР точно станет «мировой индустриальной державой первого порядка».

Ключевым выводом для Фуллера становится тот факт, что Европе и Лиге Наций следует укреплять и поддерживать мирные, экономически взаимовыгодные, равноправные отношения с СССР (тем более, на фоне нестабильной в начале 1930-х гг. ситуации в Италии и Германии). По его оценкам, сам СССР в 1920-х гг. всегда стремился к мирному взаимодействию до рейда на АРКОС (Всероссийское кооперативное общество) в 1927 г. Страна была заинтересована в мирном курсе, и в 1931 г. Советская Россия строит свои вооружённые силы (особенно ВВС), милицию и т.д., налаживает спортивный и воинский дух нации, с точки зрения Фуллера, исключительно из опасений возможного нападения, что, учитывая протяженность границ и состояние в сопредельных государствах, а также положение дел в Европе накануне запланированной на 1932 г. Конференции по разоружению вполне объяснимо. Таким образом, во многих отношениях, документы К. Фуллера являются совершенно новым, актуальным и востребованным сегодня материалом, значительно дополняющим взгляды ученых на проблему восприятия в Европе СССР и оценки перспектив глобального эксперимента в 1930-х гг.

Примечания

1. Краткую биография Фуллера см.: A genealogical survey of the peerage of Britain as well as the royal families of Europe. Person Page – 23667 // The Peerage: site. URL: <https://www.thepeerage.com/p23667.htm#c236664.1> (accessed: 01.04.2026).

Список источников и литературы

1. Голубев А. В. Взгляд на землю обетованную: из истории советской культурной дипломатии 1920-1930-х годов. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2004. 272 с.
2. Голубев А. В., Невежин В. А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив., 2016. 238 с.
3. Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу республику»: советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 годах. М.: Директ-Медиа, 2019. 381 с.
4. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм, и эволюция советской культуры (1931-1941). М.: НЛЮ, 2018. 520 с.
5. Куликова Г. Б. Новый мир глазами старого: Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2013. 368 с.
6. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 128 с.
7. Суслопарова Е. А. Визит британского лейбориста Дж. Лэнсбери в Советскую Россию в 1920 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2017. № 6. С. 109–125.
8. Уэллс Г. Россия во мгле / гл. ред. С. С. Хромов. М.: Прогресс, 1970. 199 с.

9. *Betts L. Duncan Sandys and British Nuclear Policy-Making*. London: Palgrave Macmillan, 264 p.
10. *Fuller C. F.* Some aspects of life in Soviet Russia // *The English Review*. 1932. May. P. 539–546.
11. *Menhert K.* Soviet man and his world. New York: Frederick A. Praeger publ., 1960. 311 p.
12. *Wiltshire & Swindon Archives*. Fund 1196/52 (The Papers of Sir John Michael Fleetwood Fuller M.P., and his Son – Lt. col. Cristopher Fuller, of Jaggards, Corsham, Wilts). Inventory: Correspondence and articles about Russian Journey with Duncan Sandys 1931-1932. File: Memorandum on the U.S.S.R. Situation.

References

1. Golubev, AV 2004, *Vzglyad na zemlyu obetovannuyu. Iz istorii sovetskoy kulturnoy diplomatii 1920-1930-kh godov*. (A look at the promised land. From the History of Soviet Cultural diplomacy in the 1920s and 1930s), In-t ros. istorii RAN publ, Moscow. (In Russ.)
2. Golubev, AV & Nevezhin, VA 2016, *Formirovaniye obraza Sovetskoy Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoy diplomatii, 1920-ye — pervaya polovina 1940-kh gg.* (Shaping the image of Soviet Russia in the outside world by means of cultural diplomacy, 1920s — the first half of the 1940s), Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ, Moscow. (In Russ.)
3. Golubev, AV 2019, «Yesli mir obrushitsya na nashu respubliku»: Sovetskoye obshchestvo i vneshnyaya ugroza v 1922–1941 godakh. (“If the world collapses on our Republic”: Soviet society and the external threat in 1922-1941), Direkt-Media publ, Moscow. (In Russ.)
4. Clark, K 2018, *Moskva, chetvertyj Rim: stalinizm, kosmopolitizm, i evolyutsiya sovetskoy kultury (1931-1941)*, (Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941), NLO publ, Moscow. (In Russ.)
5. Kulikova, GB 2013, *Novyy mir glazami starogo. Sovetskaya Rossiya 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov* (The new world through the lens of the old one. Soviet Russia of the 1920s and 1930s through the eyes of Western Intellectuals.) M., In-t ros. istorii RAN publ, Moscow. (In Russ.)
6. Russel, B 1991, *Praktika i teoriya bolshevizma* (The Practice and Theory of Bolshevism), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
7. Susloparova, EA 2017, ‘Vizit britanskogo leyborista Dzh. Lensberi v Sovetskuyu Rossiyu v 1920 g.’ (The visit of the British Labor leader J. Lansbury to Soviet Russia in 1920), *Vestn. Mosk. Un-ta. Seria. 8. Istoriia* (Herald of Moscow State University. Series 8 “History”), no. 6, pp. 109-125. (In Russ.)
8. Wells, H 1970, *Rossiya vo mgle* (Russia in the Shadows), ed. S. S. Khromov Progress publ, Moscow. (In Russ.)
9. Betts, L, *Duncan Sandys and British Nuclear Policy-Making*, Palgrave Macmillan publ, London.
10. Fuller, CF 1932, ‘Some aspects of life in Soviet Russia’, *The English Review*, May, pp. 539-546.
11. Menhert, K 1960, *Soviet man and his world*, Frederick A. Praeger publ, New York.
12. *Wiltshire & Swindon Archives*, fund 1196/52. The Papers of Sir John Michael Fleetwood Fuller M.P., and his Son – Lt. col. Cristopher Fuller, of Jaggards, Corsham, Wilts, inventory Correspondence and articles about Russian Journey with Duncan Sandys 1931-1932, file Memorandum on the U.S.S.R. Situation.

Статья поступила в редакцию: 07.04.2026
Одобрена после рецензирования: 11.05.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 07.04.2026
Approved after reviewing: 11.05.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 930.85

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-108-122>

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В ПРЕДДВЕРИИ «ЕЖОВЩИНЫ» (1934–1935 ГОДЫ)

**Сергей Владимирович
Карпенко**

Российский государственный
гуманитарный университет
Москва, Россия, skarpenk@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7271-7874>

Аннотация. В статье впервые в российской историографии рассматриваются ключевые события создания и деятельности Союза советских писателей Республики немцев Поволжья, являвшегося республиканским отделением Союза советских писателей СССР, в условиях нарастания и ужесточения репрессий накануне Большого террора. Основное внимание уделяется, с одной стороны, участию трех немецких писателей – Франца Баха Герхарда Завацкого и Андреаса Закса – в организационном укреплении Союза, в трудной работе с начинающими литераторами, которые имели перспективы стать профессиональными писателями. С другой – практике партийного руководства Союзом со стороны Областного комитета ВКП(б) Республики немцев Поволжья, назначению писателей на руководящие должности в Союзе.

Областной комитет ВКП(б) назначал руководителей Союза, исходя не из меры литературной одаренности конкретного немецкого писателя, а из анкетных данных (социальное происхождение, партийность, опыт работы в партийно-государственном аппарате) и политической, идеологической надежности писателя, его на деле доказанной преданности делу партии, делу строительства социализма. При этом Областной комитет партии, начиная с 1935 г., старался не оставлять документальных следов своего вмешательства в назначение руководителей и в целом в деятельность общественной творческой организации советских писателей.

Изучение ранее неизвестных архивных документов Союза советских писателей и руководящих партийных органов республики приводит к выводу о противоречивом – одновременно созидательном и разрушительном – воздействии партийного аппарата на писательскую организацию. А также дает конкретные представления о драматических последствиях партийных решений для судеб немецких писателей Поволжья.

Ключевые слова: партия большевиков, культурная революция, литературная политика, кадровая политика, литературная деятельность, партийное взыскание, сталинский террор, город Энгельс.

Для цитирования: Карпенко С. В. Союз советских писателей Республики немцев Поволжья в преддверии «ежовщины» (1934–1935 годы) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 108–122. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-108-122>

Сведения об авторе: С. В. Карпенко – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, г. Москва, Миусская площадь, 6, стр. 6.

© Карпенко С. В., 2026

Scientific Article

UDC 930.85

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-108-122>

THE UNION OF SOVIET WRITERS OF THE VOLGA-GERMAN REPUBLIC ON THE EVE OF THE “EZHOVSHCHINA” (1934–1935)

Sergey V. Karpenko

Russian State University of the Humanities

Moscow, Russia, skarpenk@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7271-7874>

Abstract. The article, for the first time in Russian historiography, examines key events of the creation and the activities of the Union of Soviet Writers of the Volga German Republic, the republican branch of the Union of Soviet Writers of the USSR, amidst the escalating and intensifying repressions on the eve of the Great Terror. The focus is, on the one hand, on the participation of three German writers – Franz Bach, Gerhard Sawatzky, and Andreas Saks – in strengthening the Union organizationally and in their challenging work with aspiring writers who had the potential to become professional writers. On the other hand, it examines the exercise of party leadership over the Union by the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the Volga German Republic through the appointment of writers to leadership positions within the Union.

The Regional Committee of the party appointed the leaders of the Union of Soviet Writers not on the basis of a particular German writer's literary talent, but according to personal information (social origin, party affiliation, work experience in the party and state apparatus) and the writer's political and ideological reliability, his proven dedication to the party, and to the cause of socialist construction. At the same time, the Regional Committee of the party, starting in 1935, tried not to leave documentary traces of its interference in the appointment of leaders and, in general, in the activities of the public creative organization of Soviet writers.

A study of the previously unknown archival documents of the Union of Soviet Writers and the republic's leading party bodies leads to the conclusion that the party apparatus exerted a contradictory influence – both constructive and destructive – on the writers' organization. It also provides clear picture of the dramatic consequences of party decisions for the fate and fortunes of Volga German writers.

Keywords: Bolshevik Party, cultural revolution, literary policy, personnel policy, literary activities, party penalty, Stalinist terror, Engels.

For citation: Karpenko, SV 2026, 'The Union of Soviet Writers of the Volga-German Republic on the Eve of the "Ezhovshchina" (1934–1935)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 108–122, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-108-122> (in Russ.)

Information about the Author: *Sergey V. Karpenko* – PhD in Historical Sciences, Associate Professor; Professor of the Department of Modern Russian History, Russian State University of the Humanities, 6, Miusskaya Square, bld. 6, Moscow, 125047, Russia.

Введение

Наращение и ужесточение партийных чисток и политических репрессий в середине 1930-х гг. трагически сказались на работе всех звеньев партийно-государственного и хозяйственного аппаратов СССР, равно как и всех общественных организаций, включая союзы советской творческой интеллигенции, созданные в 1932–1934 гг. волей единолично правящей партии большевиков. Показательна в этом отношении, как явствует из исследования А. А. Германа, и судьба Союза советских писателей Республики немцев Поволжья [2, с. 350, 351].

В контексте общественно-политической обстановки, складывавшейся в Немреспублике в середине 1930-х гг., в статье рассматриваются ключевые события создания Союза и начала его деятельности, которые явились продолжением событий, реконструированных в ранее опубликованной статье о профессионально-творческих организациях немецких литераторов первой половины 1930-х гг. [17, с. 52–61].

Цель статьи состоит в выяснении обстоятельств и закономерности смены руководящих лиц Союза советских писателей Немреспублики на основании решений Областного комитета ВКП(б) АССР немцев Поволжья. Выяснение этой важнейшей составляющей «организационно-творческой» работы Союза помогает достижению и сопутствующей цели – понять повороты в жизненном пути тех немецких литераторов, которые в 1934–1935 гг. входили в руководство Союза – Франца Баха, Герхарда Завацкого и Андреаса Закса.

Возможность реконструировать эти события предоставляют ранее неиспользованные историками документы Немобкома ВКП(б) и Союза советских писателей Немреспублики, хранящиеся соответственно в Государственном архиве новейшей истории Саратовской области и Государственном историческом архиве немцев Поволжья (г. Энгельс). Составленные на немецком и русском языках, напечатанные на машинке или написанные от руки перьевой ручкой, а то и карандашом, стенограммы совещаний, протоколы заседаний, выписки из протоколов, списки, заявления, анкеты, письма, справки и сообщения раскрывают во многих деталях как «организационно-творческую» работу Союза писателей, так и его взаимоотношения с руководящими партийными органами Немреспублики.

В качестве теоретической основы исследования в статье применена концепция «литературного быта», разработанная в 1920-е гг. ленинградским историком и теоретиком литературы Б. М. Эйхенбаумом. Эта концепция раскрывает значимость изучения «социального бытования» литературы: деятельности писательских организаций, а также редакций журналов и издательств, материально-бытовых условий литературного творчества, взаимоотношений между писателями, работы писателя «на заказ» от власти [16, с. 8–18].

Создание Союза советских писателей Немреспублики и первый прием в члены Союза советских писателей СССР

После принятия 23 апреля 1932 г. постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которым была распущена Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП), Областной комитет ВКП(б) АССР немцев Поволжья (Немобком) распустил Ассоциацию пролетарских писателей Немреспублики. Литераторы, входившие в руководство Ассоциации, сразу образовали Организационное бюро по созданию Союза советских писателей Немреспублики, но позднее эту работу взял в свои руки Немобком и создал новый, тщательно подобранный из «надежных товарищей» Организационный комитет Союза советских писателей Немреспублики [17, с. 54–56].

В марте–апреле 1934 г. в его состав входили немцы Александр Лоос (председатель), Франц Бах, Пауль Куфельд, Герхард Завацкий, Иоганнес

Шауфлер, Андреас Закс и русский литератор Александр Гайворонский [14, л. 73–73а]. На заседании, проведенном 16 апреля, Оргкомитет постановил «принять следующих товарищей в Союз советских писателей»: Александра Лооса, Франца Баха, Христиана Эльберга, Фредерика Аннефельда, Андреаса Закса, Иоганнеса Шауфлера, Пауля Куфельда, Иоганнеса Ротермеля, Рейнгольда Кёльна, Александра Гайворонского и Герхарда Завацкого [14, л. 73а].

Из первых заявлений в Оргкомитет Союза советских писателей Немреспублики с просьбой принять в Союз советских писателей СССР сохранились заявления Завацкого от 8 апреля 1934 г., Шауфлера и Лооса от 9 апреля и Гайворонского от 16 апреля [12, л. 80–84].

При заполнении машинописного бланка заявления 30-летний Лоос, (главный) редактор газеты “*Nachrichten*” («Известия») и директор Немецкого партийного издательства, отличился от трех других заявителей изрядной оригинальностью: в графе 6 «Литературный стаж» и в графе 7 «Какие имеете произведения и где напечатаны» по причине полного отсутствия напечатанных произведений с самоуверенностью руководящего работника республиканского масштаба написал: «специализируюсь на критике», «Кроме того, председ. Оргкомитета ССП Немреспублики и редактор журнала “*Der Kämpfer*” (лит. журнал) на нем. языке» [12, л. 81].

Для участия в Первом Всесоюзном съезде советских писателей, проведенном в Москве 17 августа – 1 сентября 1934 г., Немобком из числа принятых отобрал троих – Франца Баха, Герхарда Завацкого и Андреаса Закса [1, с. 13, 55].

1 сентября, в последний день работы, Первый Всесоюзный съезд советских писателей принял Устав Союза советских писателей СССР, который был утвержден Совнаркомом СССР 17 февраля 1935 г. Согласно Уставу процедура принятия в члены Союза начиналась с решения местного отделения Союза о рекомендации к принятию и ходатайства перед Правлением Союза. Для писателей, проживающих на территории РСФСР, эта процедура венчалась решением Правления Союза советских писателей СССР о приеме рекомендуемого в члены Союза или в кандидаты в члены Союза. Занимала эта экспертно-бюрократическая процедура несколько месяцев.

И далеко-далеко не всегда Правление Союза советских писателей СССР соглашалось с рекомендующим решением своего местного отделения о приеме в Союз: Уставом Союза были установлены очень строгие критерии и порядок приема, как и требования к произведениям возжелавших быть принятыми. В Союз могли быть приняты только писатели, «стоящие на платформе Советской власти и участвующие в социалистическом строительстве», имеющие художественные произведения, напечатанные отдельными изданиями или в литературно-художественных журналах. Эти произведения должны были иметь «самостоятельное художественное значение». А сами писатели в своем творчестве должны были строго придерживаться «основного метода советской художественной литературы» – социалистического реализма, который «требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии» [21, с. 5, 9]. Так что протоколно-групповое «принятие следующих товарищей» в Союз советских писателей СССР, состоявшееся 16 апреля в Энгельсе, мало что значило на деле.

Протоколы заседаний Оргкомитета Союза советских писателей Немреспублики за 1934 г. сохранились далеко не все. Не полнее сохранились и протоколы заседаний Правления Союза советских писателей Немреспублики за 1935 г. Даже степень их сохранности трудно установить: в них стоят даты заседаний, но отсутствуют номера [14, л. 73–74, 82–85]. Поэтому остается вопросом без точного ответа, когда Оргкомитет, руководивший организацией Союза, уступил свое руководящее место Правлению Союза.

Сориентироваться в этой ситуации помогают номера литературного журнала “Der Kämpfer” («Боец»), учрежденного Немобкомом в 1932 г. В сдвоенном номере, № 4–5, за сентябрь–октябрь 1934 г., подписанном в печать 10 октября 1934 г., в подзаголовочных данных указано, что журнал является органом Оргкомитета Союза советских писателей Немреспублики [24]. А в следующем номере – тоже сдвоенном, № 6–7, подписанном в печать 29 декабря 1934 г., – указано, что журнал является органом Союза советских писателей Немреспублики [25].

На этом основании можно считать, что в ноябре–декабре 1934 г. Немобком распустил Оргкомитет как выполнивший свою задачу по созданию Союза, а вместо него утвердил Правление фактически уже созданного Союза.

Первым официальным названием республиканской писательской организации стало – Отделение Союза советских писателей СССР в (в некоторых документах – по) АССР немцев Поволжья. Столь «командно-административное» название (впрочем, упомянутое в Уставе Союза советских писателей СССР) ему дал либо Немобком, либо Совнарком Немреспублики. В конце весны – начале лета 1935 г. это название преобразилось в Союз советских писателей АССР немцев Поволжья [13, л. 34, 65; 14, л. 82, 103; 15, л. 5; 8, л. 7]. Новое название республиканского отделения точнее соответствовало положениям об организационном устройстве Союза советских писателей СССР, прописанным в его Уставе 1935 г. [21, с. 12].

Андреас Закс и «классово-враждебная вылазка на культурном фронте»

В судьбе делегата Первого Всесоюзного съезда советских писателей, работника редакции газеты “Nachrichten” («Известия») Андреаса Закса долгожданное создание республиканской организации Союза советских писателей СССР и вдохновляющее предвкушение принятия в Союз злополучно совпали с нежданно-негаданно возникшим его «партийным делом». Чреватым «партийным взысканием», которое могло раз навсегда перечеркнуть его светлые надежды на принятие в Союз и украшенную привилегиями жизнь профессионального советского писателя. Будучи членом партии с 1927 г., Закс должен был хорошо знать ее Устав и все прописанные в нем взыскания за нарушение партийной дисциплины.

В новой редакции Устава ВКП(б), принятой XVII съездом 10 февраля 1934 г., в параграфе 59 раздела XI «О внутрипартийной демократии и партийной дисциплине» была четко изложена иерархическая система «партийных взысканий» за «проступки, признаваемые преступными общественным мнением партии». Начиная от «порицаний» и вплоть до «исключения из партии с сообщением о проступке административным и судебным властям» [20, с. 145].

Где-то в январе 1934 г., перед самым XVII партсъездом, Закс, ссылаясь на обострения туберкулеза легких, упросил руководство Отдела культуры и пропаганды Немобкома перевести его из Объединенной редакции газет, являвшихся органами Обкома ВКП(б) и ЦИК АССР Немцев Поволжья (“Nachrichten”, «Трудовая правда», “Rote Jugend” и “Junger Stürmer”), в Государственный академический немецкий театр (ГАНТ), в просторечье и даже документах часто называемый Немгостеатром. На должность заведующего литературной частью и драматурга немецкой труппы. По всей видимости, он рассчитывал не только поправить здоровье, но и избавиться от изнуряющей и нервотрепной газетной сутолоки, предаться тихим радостям драматургического творчества в близкой его сердцу театральной среде. Назначенный на желанную должность в Немгостеатре с месячным окладом в 300 руб., он приступил к работе 21 февраля [3, л. 5 об., 10 об.].

Однако по прошествии полугода Энгельсский горком ВКП(б) решил дополнительно возложить на Закса как на члена партии с семилетним стажем руководство немногочисленной – всего-навсего пять человек – первичной партийной организа-

цией ГАНТ. И 25 сентября он был избран партийным организатором (парторгом) [3, л. 5]. И вскоре после этого, чтобы достойно отметить 17-ю годовщину Октябрьской революции, местком (местный комитет РАБИСа – Всесоюзного профсоюза работников искусств) немецкой драматической труппы и местком русской драматической труппы решили совместно подготовить и провести «семейный вечер» работников Немгостеатра. Назначили его на 9 ноября.

«Семейный вечер», по уже сложившейся советской традиции, составили из двух частей – официальной и художественной. В официальную часть включили доклад о 17-летию Октября и премирование лучших рабочих-ударников театра. А в художественную – «концертное отделение» (эстрадные номера в исполнении актеров) и танцы. Все это запланировано было провести в зрительном зале и на сцене. Кроме того, в фойе 3-го этажа после завершения эстрадных выступлений должен был начать работу бесплатный (за счет денежных средств двух месткомов) буфет, в ассортименте которого, помимо прочего, имелось виноградное вино [3, л. 4, 4 об.].

Программа эстрадных номеров, как положено, была просмотрена самим Заком, а затем утверждена «политконтролем» – Управлением репертуарного контроля при Наркомпросе Немреспублики (органом идеологической цензуры зрелищных мероприятий) [3, л. 4 об.].

Чтобы придать «семейному вечеру» ГАНТа общегородской масштаб, а то и республиканский, руководство театра радушно пригласило членов ЦИК и Совнаркома Немреспублики, других ответственных работников. Пришли заместитель председателя Совнаркома Г. Г. Левин и несколько работников НКВД и Военного комиссариата Немреспублики [3, л. 5].

Все шло хорошо до того момента, когда во время «концертного отделения» художник театра Эрик Эдуардович Миллер-Валентинов, вдохновленный игрой немецких и русских актеров, возжелал прочесть любимое стихотворение Ленина «Хозяин», написанное поэтом Иваном Никитиным в год освобождения крестьян. Прочесть дополнительно к утвержденной программе.

Администратор театра Юрий Моисеевич Лейхтман, выполнявший ответственную роль конферансье, объявил его и выпустил на сцену. Художник Миллер-Валентинов до середины сцены дошел, начал было читать, но его подвело сильное опьянение. Гоголевская «немая сцена» на этот раз случилась не на сцене, а в зрительном зале.

Утром следующего дня, 10 ноября, парторг Закс спешно созвал партгруппу театра на внеочередное заседание. В занесенном в протокол его выступлении случившееся накануне описано не без бюрократической художественности, да еще на немецкий лад: *«...Прочтя первые строки надлежащим образом, [Миллер-Валентинов] стал, постепенно теряя, как видно, память, бормотать всякую чушь, сбившись совершенно с основного текста, и был прерван в исполнении и уведен со сцены конферирующим Лейхтманом.*

Тов. Лейхтман, зная, что выступивший через два номера до этого Валентинов в имитации балетного номера был пьян, что ясно было для постороннего глаза, по своей халатности и величайшей небрежности все же выпустил как конферансье и администратор вторично для выступления вне программы пьяного Валентинова и в своем конферансе подчеркнул значение исполняемого Валентиновым номера как любимого стихотворения В. И. Ленина».

Партгруппа «констатировала и квалифицировала» выступление художника театра Миллер-Валентинова как «классово-враждебную вылазку на культурном фронте, выразившуюся в издевательствах над именем любимого вождя пролетариата». А поступок администратора театра Лейхтмана, «допустившего в пьяном виде

выступление Валентинова вне программы», посчитала «величайшей халатностью и безразличием высшей степенью».

В итоге партгруппа, по настоянию Закса, постановила предложить директору Немгостеатра уволить Миллер-Валентинова и Лейхтмана с работы, а Областному комитету Всесоюзного профессионального союза работников искусств – исключить Миллер-Валентинова из членов Союза [3, л. 1].

Хотя следующий день, 11 ноября, был воскресным, секретарь Энгельсского городского комитета ВКП(б) А. К. Зайцев созвал бюро горкома. Обсудив обстоятельства «классово-враждебной вылазки в коллективе ГАНТ», бюро посчитало установленным: во-первых, работниками Немгостеатра «под видом семейного вечера, посвященного 17-й годовщине Октября, была организована пьянка», и, во-вторых, на нем «имело место выступление» художника театра Миллер-Валентинова, «носившее явно классово-враждебный характер», а администратором театра Лейхтманом была предоставлена ему возможность «под предлогом прочтения любимого стихотворения Ленина “Хозяин” Никитина» использования «пьяного семейного вечера для антисоветского выступления».

Оценка, данная бюро горкома «этой классово-враждебной вылазке на культурном фронте», оказалась куда более резкой и расширенной, чем оценка партгруппы театра: *«...Эта организованная пьянка в помещении театра, антисоветские выступления Миллер-Валентинова имели место в силу отсутствия политической бдительности парторганизации (Закс) и руководства Немгостеатра (т. Франк) и свидетельствуют об отсутствии партийно-массовой работы в коллективе.*

...Постановление, вынесенное партгруппой Немгостеатра от 10/XI, несамостоятельно замазывает отсутствие политической бдительности со стороны парторганизации и допущение ошибки в организации этого вечера, неправильно квалифицирует поведение Лейхтмана как “халатность” и “безразличие”, который на самом деле способствовал классово-враждебному выступлению Миллер-Валентинова».

Первым пунктом своего постановления бюро горкома объявило выговор парторгу Немгостеатра Заксу «за отсутствие политической бдительности и партийно-массовой работы в парторганизации» [3, л. 2].

Закс хорошо понимал бесценность партийной биографии, не запятнанной взысканиями. Тем лучше понимал, что как раз в это время он оформлял и готовил к отправке в Москву все необходимые документы для вступления в Союз советских писателей СССР. Поэтому он постарался сделать все возможное, чтобы выговор, объявленный ему бюро горкома партии, был отменен. 17 ноября он выхлопотал в Военном комиссариате Немреспублики справку о том, что с 19 октября по 17 ноября он «прошел переподготовку» при военкомате [3, л. 3].

И 20 ноября написал заявление в Комиссию партийного контроля при Обкоме ВКП(б) Немреспублики, приложив к нему подлинник постановления партийной организации Немгостеатра от 10 ноября, копию постановления бюро Энгельсского горкома ВКП(б) от 11 ноября и копию справки Военного комиссариата Немреспублики от 17 ноября. Торопился, нервничал – текст вышел из-под его пера несколько сбивчивым и не слишком близким к литературному русскому языку.

Закс просил «расследовать это дело, ибо толкование и формулировка § 1 постановления бюро горкома дают неправильное обвинение нашей парторганизации. Также неправильна формулировка “организованная пьянка”, как это говорится в указанном постановлении» [3, л. 4].

Пояснив, из каких частей и мероприятий состоял «семейный вечер», он особо отметил, что буфет в фойе 3-го этажа, где бесплатно отпускалось виноградное вино,

был открыт «после эстрадного выступления». *«Во время эстрадного выступления было и выступление Валентинова. Он пришел в театр пьяным, и об этом знал из административного персонала только Ляйхтманн, который и вне программы его выпустил».* И далее подчеркнул: *«Помимо Валентинова, как до открытия буфета, так и после, не было пьяных»* [3, л. 4 об.].

Самыми важными в своем четырехстраничном рукописном заявлении Закса посчитал последние полторы страницы:

«В заключение о себе:

Партгоргом избран 25-го сентября т[екущего] г[ода]. 1-го октября выехал в командировку по линии обкома партии и правления Союза писателей в Каменский кантон, откуда вернулся в Энгельс 18-го октября. На следующий день, т. е. 19-го, я был мобилизован Военным комиссариатом Н[емецкой] Р[еспублики] на военную переподготовку и работал в качестве политрука на призывном пункте с 19-го октября по 17-го ноября включительно (прилагаю копию справки военкомата). На призывном пункте был ежедневно занят с 9-ти часов утра до 6 ч. вечера, поэтому физически не был в состоянии везти [Так в тексте. – С.К.] необходимую партработу в театре.

Затем следует отметить, что и остальное время я больше был в командировках и других разъездах, чем в городе. Начиная с 21-го февраля 1934 г., время вступления на работу в театре, я был: месяц в доме отдыха по окончании вечернего комвуза [Вечерний Коммунистический университет в Энгельсе. – С.К.], месяц в военном лагере в политотделе дивизии по командировке обкома партии, 16 дней в Москве на съезде писателей; после съезда ездил по кантонам по популяризации съезда писателей; весной (март) республиканская и всесоюзная конференции немецких писателей. Затем еще две длительных командировок: по библиотечному и школьному делу по линии обкома. И так начиная с февраля по 18 ноября я мало даже был в городе, не только в театре.

Исходя из всего вышеизложенного, считаю выговор, вынесенный мне, необоснованным. До этого партвызысканий не имел» [3, л. 5, 5 об.].

Изучив заявление Закса и приложенные к нему документы, ответственный инструктор Партийной коллегии АССР Немцев Поволжья Герст 30 ноября написал свое «Заключение»: «Из материалов дела усматривается...» Его «Заключение» отличается спокойным, деловым тоном и беспристрастной констатацией произошедшего. И завершается обоснованным выводом: *«Полагаю, что выговор с т. Закс следует снять, т. к. он вследствие длительного отсутствия и отрыва от работы в Гостеатре (фактически работал партгоргом 5 дней), не мог предотвратить антисоветского выступления Валентинова»* [3, л. 6–8].

Уже 1 декабря апелляция Закса была рассмотрена на заседании Партийной коллегии АССР немцев Поволжья при Уполномоченном Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) по Саратовскому краю (с января 1934 г. по декабрь 1936 г. Немреспублика входила в состав Саратовского края).

«Дело тов. Закса А. А.» слушалось вторым. В протоколе заседания, как и полагалось, был отмечен важный процедурный момент: «Докладчик т. Герст. Закс присутствовал». Заслушав заключение Герста и обменявшись мнениями, Партколлегия постановила: «Решение бюро Энгельсского горкома ВКП(б) от 11 ноября 1934 г. об объявлении т. Заксу выговора – ПОДТВЕРДИТЬ» [3, л. 11].

Члены Партколлегии, оставившие апелляцию Закса без удовлетворения, не приняли во внимание ни его участие в Первом Всесоюзном съезде советских писателей, ни череды его командировок «по линии обкома партии», ни того факта, что обязанности парторга первичной партийной организации Немгостеатра он выполнял всего пять дней. Их соображения и логика понятны: за «антисоветское выступ-

ление» беспартийного художника театра обязательно должен был ответить кто-то из коммунистов театра, и парторг был самой подходящей, а то и единственной, кандидатурой для наложения партийного взыскания.

До убийства Кирова в Ленинграде оставались считанные часы...

**Франц Бах – первый председатель Правления
Союза советских писателей Немреспублики**

На 1 января 1935 г. в Немреспублике жили и работали два члена Союза советских писателей СССР – Франц Бах, принятый в Союз решением Первого Всесоюзного съезда советских писателей, и Христиан Эльберг, принятый Правлением Союза советских писателей СССР, а также три кандидата в члены Союза, принятых Правлением Союза советских писателей СССР: поэт и прозаик Герхард Завацкий, поэт Иоганнес Шауфлер и поэт Фредерик Аннефельд [13, л. 65; 14, л. 103].

При Союзе советских писателей Немреспублики быстро сложился, но медленно увеличивался «актив» из начинающих литераторов. В основном это были журналисты республиканских, печатающихся в Энгельсе, и кантонных (районных) газет, а также филологи, преподававшие язык и литературу в Немецком государственном педагогическом институте. Все они участвовали в работе литературных кружков и объединений, более или менее регулярно писали и приносили в Правление Союза советских писателей Немреспублики и в редакцию созданного при нем литературного журнала “Der Kämpfer” свои первые стихи и рассказы. В 1935–1936 гг. численность «актива» колебалась между десятком и двумя десятками человек [14, л. 95, 95 об., 101, 102].

Консультируя начинающих авторов из «актива» и помогая им «творчески расти», рекомендуя лучшие из их произведений к печати, члены и кандидаты в члены Союза советских писателей СССР стремились вырастить из них литераторов, достойных принятия в Союз советских писателей СССР. Основная тяжесть работы с начинающими легла на плечи Завацкого как ответственного секретаря и литературного работника редакции журнала, и она была ему по душе.

Первым председателем Правления Отделения Союза советских писателей СССР в (по) АССР Немцев Поволжья постановлением бюро Немобкома в ноябре или начале декабря 1934 г. был утвержден 49-летний Бах Франц Иванович (Иоганнович, имя отца – Иоханнес).

Он родился в 1885 г. в семье батрака. Окончил земское одноклассное училище, затем – пять классов Римско-католической духовной семинарии в Саратове, откуда его исключили за «бунтовщические», то есть антирелигиозные, стихи. Литературные произведения начал писать в 1902 г.

В 1909 г. он сдал испытание (экзамен) на звание народного учителя. Во время Первой мировой войны находился в рядах действующей армии на Турецком фронте. Во время Гражданской войны работал учителем в народном училище в Марксштадте. В 1919 г. был принят в РКП(б). В феврале 1921 г. вышел из нее и вступил в Партию революционного коммунизма (откололась от эсеров, выступив за сотрудничество с большевиками), но и из нее вышел уже в июне 1921 г. В ноябре 1921 г. 2-я районная партийная организация города Покровска приняла его кандидатом в члены РКП(б) сроком на два года, поскольку по своему социальному положению он являлся служащим.

В 1921–1922 гг. Бах преподавал в совпартшколе в городе Марксштадте, сам окончил политическую школу «нормального типа». Потом пять лет, по 1927 г., работал литературным секретарем в редакции журнала “Unsere Wirtschaft” («Наше хозяйство») и жил в Покровске. В июне 1926 г. 2-я районная парторганизация города Покровска перевела его из кандидатов в члены ВКП(б). С августа 1927 по 1929 гг. он работал учителем немецкого языка и литературы в Зельманском педагогическом

техникуме, с 1929 по 1931 гг. преподавал на Саратовском рабочем факультете, с 1931 по 1934 гг. – в Вечернем коммунистическом университете (комвузе) в Энгельсе [4, л. 1, 10б.; 12, л. 5, 77, 85, 98].

В Ассоциацию пролетарских писателей Немреспублики Бах вступил в январе 1931 г. [11, л. 8; 12, л. 6]. В двухстраничном документе на немецком языке, названном «Краткие характеристики на членов Ассоциации пролетарских писателей Республики немцев Поволжья» и датированном 24 февраля 1931 г., дана действительно краткая, но многозначительная характеристика Баха: *«Преподаватель Саратовского рабфака. В организации Ассоциации пролетарских писателей не участвовал. В литературе придерживается позиции, что прежде чем писать – нужно овладеть языком. Член партии»* [12, л. 85].

Автор, скрывшийся под псевдонимом Мариус, в статье «О современной литературе немцев Поволжья», опубликованной в журнале «Нижнее Поволжье» осенью 1933 г., осуждающе высказался об «отрицательных сторонах и ошибках» РАПП: «...Бесконечные дискуссии и нередкие перебранки, выраставшие из групповщины и администрирования, подчас превращались в настоящую травлю отдельных писателей... В АССР НП некоторые вершители судеб немецкой советской литературы заставили замолчать на долгое время старейшего революционного поэта республики Франца Баха» [18, с. 83].

В марте 1934 г. Немобком «перебросил» Баха в Объединенную редакцию газет, являвшихся органами Обкома ВКП(б) и ЦИК АССР Немцев Поволжья, на должность литературного секретаря газеты “Nachrichten”, где он проработал около полугода [4, л. 1 об.; 12, л. 77].

Заполняя 10 марта 1934 г. анкету для Немобкома, Бах на 11-й вопрос «С какими трудностями вы сталкиваетесь в своей литературной работе? (Нехватка времени, отсутствие разнообразной литературы и т.д.). Какая помощь вам нужна?» ответил: «Самым большим препятствием для моей литературной деятельности и дальнейшего роста [как писателя] является постоянный недостаток света» [12, л. 77].

Направленный Немобкомом в составе делегации писателей Немреспублики на Первый Всесоюзный съезд светских писателей и выступивший на нем от лица немецких писателей Поволжья, Бах при поддержке М. Горького был принят съездом в Союз советских писателей СССР и избран членом его Правления [1, с. 13].

Незадолго до отъезда в Москву на съезд – в конце июля или первой половине августа – бюро Немобкома утвердило Баха ответственным редактором литературного журнала “Der Kämpfer” с выплатой ему, ввиду предстоящего его долгого отсутствия в Энгельсе, только части зарплаты, положенной ему по штату. На этом посту он сменил Александра Лооса, чье имя как ответственного редактора (на русском языке) в последний раз было указано в сдвоенном номере за февраль–март, № 2–3, подписанном в печать 26 июня 1934 г. [23]. По возвращении Баха из Москвы временно замещающий ответственного редактора Завацкий 23 сентября 1934 г. издал и подписал приказ по редакции журнала, согласно которому ответственному редактору журнала Францу Баху с 16 сентября зарплата должна выплачиваться в полном размере – 400 руб. в месяц [4, л. 1 об.; 8, л. 2]. Имя Баха как «ответственного редактора» (на немецком языке) впервые появилось в сдвоенном номере за сентябрь–октябрь 1934 г., № 4–5, сданном в набор 15 сентября и подписанном в печать 10 октября 1934 г. [24].

Отстранив директора Немгосиздата Лооса от руководства литературным журналом, Немобком поставил крест и на его чаяниях «сделаться писателем» и возглавить организацию советских писателей Немреспублики.

Весной 1935 г. Бах подписал расходную смету Правления Союза советских писателей АССР НП на 1935 год как «Председатель Правления» [15, л. 7]. Согласно этой

смете средства расходовались Правлением девять месяцев 1934 г. [15, л. 6 об.–7]. Это означает, что работа по созданию организации советских писателей Немреспублики и первые шаги ее деятельности финансировались с апреля 1934 г. из республиканского бюджета безо всякой предварительной расходной сметы. На что, разумеется, должно было быть принято совместное постановление Немобкома и Совнаркома АССР немцев Поволжья.

В разделе «Зарплата» перечислены шесть штатных работников: председатель Правления, ответственный секретарь, массовик, секретарь-машинистка, сторож-уборщица, бухгалтер по совместительству. Месячный оклад жалования председателя Правления и ответственного секретаря был одинаковым – 400 руб. [15, л. 6 об.].

В 1935-й и последующие годы запланированные и дополнительные ассигнования Союзу советских писателей Немреспублики и редакции журнала “Der Kämpfer” выделялись постановлениями Совнаркома АССР НП [14, л. 80].

Приказом № 4 от 25 февраля 1935 г., подписанным ответственным секретарем журнала Завацким, Бах был командирован в Москву на Пленум Правления Союза советских писателей СССР и ему были выданы командировочные в размере 350 руб. [8, л. 5 об.]. А приказом № 5 от того же 25 февраля и тоже подписанным Завацким Баху был предоставлен творческий отпуск с 10 по 25 марта и на этот период ему были выданы отпускные в размере 500 руб. [8, л. 6].

Отстранение Франца Баха и выдвижение Андреаса Закса на пост председателя Правления Союза

Как раз во время творческого отпуска Баха, 15 марта 1935 г., примерно на полгода позже Завацкого, Правление Союза советских писателей СССР приняло Андреаса Закса кандидатом в члены Союза [10, л. 5].

Почему не членом, а только кандидатом – понятно: согласно Уставу Союза советских писателей СССР, кандидатами в члены Союза могли быть приняты писатели, «художественные произведения которых еще не вполне соответствуют требованиям настоящего устава» [21, с. 9, 10]. «Самостоятельное художественное значение» драматургических произведений Закса и вообще уровень его литературной одаренности полутора годами ранее Мариус в своей критической статье оценил невысоко: герои его первой пьесы «из жизни колхозов» «получились схематичными и действуют на зрителя неубедительно», герои его второй пьесы «на антирелигиозную тему» «уже намного правдоподобнее и говорят о том, что автор, упорно работающий над собою, успешно преодолевает недостатки своего творчества. Однако и в этом произведении Заксу не совсем удалось преодолеть страсть к биологическим характеристикам персонажей, увлечение вопросами эротики и к дешевым приемам – к шоу-карству» [18, с. 85].

Однако в Немобкоме, похоже, с нетерпением ожидали принятия Закса в Союз писателей СССР, поскольку уже искали замену «эсеру» Баху на посту председателя Правления. В быстро сгущающейся в Немреспублике атмосфере политического недоверия и подозрительности [2, с. 307], некоторые юмористические стихи, а особенно публичные заявления «старейшего революционного поэта республики», осуждающие ускоренные темпы и насильственные методы коллективизации, стали расцениваться работниками партийного аппарата как «кулацко-националистические» [19, с. 17–21].

И в этой ситуации вряд ли кого-то из членов Немобкома, членов его бюро и работников его Отдела культуры и пропаганды ленинизма смутило то обстоятельство, что Правление Союза советских писателей СССР приняло Закса не в члены Союза, а только в кандидаты. Немобкому явно было не до таких тонкостей литературного рода – он был поглощен куда более важным: одержимо разворачивал в Немреспублике новую политико-идеологическую кампанию, поднимал и вспени-

вал очередную волну «проверки, пересмотра и очистки» партийно-государственного аппарата, хозяйственных и общественных организаций от «социально чуждых элементов», а тем более – «социально враждебных» [2, с. 350]. А в политической и идеологической надежности Закса, его преданности делу партии в Немобкоме никаких сомнений не было: рабочий по социальному происхождению, принят в ВКП(б) во время службы в Красной армии, трехлетний опыт культурно-пропагандистской работы по поручениям кантонного комитета партии, активное участие в хлебозаготовках, коллективизации и раскулачивании [22, с. 148–155].

Однако в этот момент произошло что-то такое, что заставило бюро Немобкома изменить свое первоначальное намерение и спешно назначить Закса на другую, еще более ответственную должность «республиканского масштаба». И даже пренебречь выговором, объявленным Заксу бюро Энгельсского горкома.

Согласно личному «трудовому списку» Закса («трудовые списки» граждан СССР были введены постановлением Совнаркома СССР от 21 сентября 1926 г.), Закс был уволен из Государственного академического немецкого театра «в связи назначения на другую работу» 26 марта 1935 г. [7, л. 4 об.]. Это значит, что накануне, в понедельник, бюро Немобкома по рекомендации Отдела культуры и пропаганды ленинизма утвердило его в должности начальника Управления репертуарного контроля при Наркомпросе АССР немцев Поволжья [10, л. 4]. То есть главного цензора Немреспублики в сфере театра, кино и всех самостоятельных театрализованных представлений.

И только два месяца спустя, в последние дни мая 1935 г., бюро Немобкома решило поставить Закса во главе Союза советских писателей Немреспублики. При этом пост ответственного редактора журнала “Der Kämpfer” бюро сочло целесообразным пока не занимать, а «эсера» Баха с его столь явно обнаружившими себя «кулацко-националистическими» настроениями убрать подальше от Энгельса, от писательской организации и от журнала.

Как только Бах вернулся из очередного отпуска, 31 мая 1935 г., бюро Немобкома постановило назначить его заведующим Мариентальского кантонного отдела народного образования. После заседания бюро он сразу направился из Немобкома в редакцию журнала и собственноручно, своим каллиграфическим учительским почерком, записал в книгу приказов по личному составу Правления Союза и редакции журнала свой последний приказ № 6 от 31 мая 1935 г.:

«После возвращения из отпуска согласно постановлению бюро Областного комитета партии от 31 мая партии я был назначен руководителем Кантонного отдела народного образования кантона Мариенталь и по этой причине передал свои обязанности Председателя Правления Союза советских писателей Немреспублики тов. Заксу, а мои обязанности редактора – тов. Завацкому». И подписал его так: «Бывший редактор литжурнала “Der Kämpfer”» [8, л. 6].

Судя по формулировке последнего приказа Баха, в постановлении бюро Немобкома от 31 мая 1935 г. ничего не говорилось о его исключении из состава Правления Союза советских писателей Немреспублики. На деле это подразумевалось само собой, поскольку даже «разрываться» между Энгельсом и Мариенталем не было никакой возможности: по тогдашним грунтовым и шоссейным дорогам от села Мариенталь до Энгельса и обратно – больше сотни километров.

В тот же день, 31 мая, перед самым отъездом в Мариенталь, Бах успел сняться с партийного учета в Энгельсе, а после переезда встал на партийный учет в Мариентальском канткоме партии [4, л. 1 об.].

Последним номером журнала, в котором ответственным редактором указан один Бах, стал № 1, январский, за 1935 г., подписанный в печать 10 марта 1935 г.

И этот же номер стал последним, в котором было напечатано произведение Баха – прозаическая юмореска [26, s. 26, 27].

Постановление бюро Немобкома об утверждении Баха председателем Правления Союза советских писателей Немреспублики и ответственным редактором журнала “Der Kämpfer”, равно как и постановление о его освобождении от этих обязанностей в связи с назначением заведующим Мариентальским кантонным отделом народного образования, в архивных делах Союза отсутствуют.

Как нет и постановления бюро Немобкома об утверждении Закса председателем Правления Союза советских писателей Немреспублики, без чего он никак не мог указывать эту свою должность в анкетах и автобиографиях [10, л. 4; 6, л. 3 об., 11 об.]. Как нет и постановлений бюро Немобкома обо всех последующих утверждениях и «освобождениях» в составе Правления Союза советских писателей Немреспублики и редколлегии журнала.

Похоже, созданный в марте 1934 г. Особый сектор Немобкома, руководствуясь жесткими указаниями, поступавшими из ЦК ВКП(б), не присылал выписки из протоколов заседаний бюро ни в Оргкомитет, ни в Правление Союза. В решающей степени – по причине засекречивания все большего количества документов, рождавшихся в деятельности руководящих партийных органов. А также и из стремления не выставлять напоказ свое «командно-административное» руководство республиканской писательской организации.

И это стало заметным и многозначительным отличием от второй половины 1920-х и начала 1930-х гг., когда выписки из постановлений Секретариата и бюро Немобкома надежно и своевременно присылались Общим отделом Немобкома в Оргбюро и Секретариат Ассоциации пролетарских писателей Немреспублики [11, л. 10 а, 106–108; 12, л. 5, 86]. Последняя обнаруженная в делах Союза выписка из протокола заседания бюро Немобкома, присланная уже в Отделение Союза советских писателей СССР в (по) Немреспублике, – о командировании Завацкого и Шауфлера в Москву, на двухмесячные курсы молодых писателей – датирована 13 декабря 1934 г. [14, л. 74 а].

Арест Франца Баха

Бах формально оставался членом Правления Союза советских писателей Немреспублики, но на его заседаниях не появлялся [9, л. 11]. И понятно, что не появлялся не только по той причине, что «концы немаленькие». Теперь он постоянно жил в Мариентале.

Где-то в начале 1936 г. Немобком, желая отправить Баха теперь уже подальше от Немреспублики, рекомендовал его на должность редактора немецкой газеты “Lenins Weg” («Ленинский путь») – органа ЦК КП(б) Азербайджана. Печаталась она в немецком селе Еленендорф.

Сразу после отъезда в Азербайджан Бах был выведен из Правления Союза советских писателей Немреспублики [14, л. 99]. Поначалу Бах поселился в Еленендорфе, устроившись по совместительству в местную среднюю школу учителем, затем переехал в Баку. Там, в ноябре 1936 г., он был арестован Управлением госбезопасности УНКВД по Азербайджанской ССР и отконвоирован в Энгельс [1, с. 13; 19, с. 21]. После ареста он был исключен из Союза советских писателей СССР как «враг народа».

Заключение

Таким образом, Областной комитет ВКП(б) Республики немцев Поволжья, решив в 1934 г. вопрос создания республиканской организации Союза советских писателей СССР, назначал и сменял его руководителей, только во вторую очередь исходя из меры литературной одаренности конкретного немецкого писателя. А в первую очередь – исходя из анкетных данных (социальное происхождение, партийность, опыт работы в партийно-государственном аппарате) и политической, идеологиче-

ской надежности писателя, его на деле доказанной преданности делу партии, делу строительства социализма.

В обстановке сменяющих друг друга политико-идеологических кампаний и «чисток» партийно-государственного аппарата, организуемых Немецким комитетом, «подбор и расстановка кадров», как и в целом партийное руководство Союзом советских писателей Немреспублики, становилось в 1934–1935 гг. все более директивным и жестким. При этом Немецким комитетом, начиная с 1935 г., старался не оставлять документальных следов своего вмешательства в деятельность общественной творческой организации «инженеров человеческих душ».

С первых дней существования Союза советских писателей АССР немцев Поволжья развертывание его участия «художественным творчеством в социалистическом строительстве» сдерживалось крайней малочисленностью профессиональных писателей – членов и кандидатов в члены Союза советских писателей СССР, – а также немногочисленностью «актива» из начинающих литераторов. И с первого же года своего существования писательская организация Немреспублики начала нести потери именно в рядах профессиональных писателей, наделенных уникальным литературным даром. Посему потери были невозполнимыми.

Список источников и литературы

1. Бельгер Г. Российские немецкие писатели. Алматы: Жибек Жолы, 1996. 136 с.
2. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге, 1918 – 1941. 2-е изд. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.
3. ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). Ф. 1. Оп. 4. Д. 386.
4. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 2/246.
5. ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 18/197.
6. ГАНИСО. Ф. 2485. Оп. 3. Д. 1197.
7. ГИАИП (Государственный исторический архив немцев Поволжья). Ф. Р-847. Оп. 1 л/д. Д. 104.
8. ГИАИП. Ф. Р-880. Оп. 1 л/с. Д. 1.
9. ГИАИП. Ф. Р-880. Оп. 1 л/с. Д. 6.
10. ГИАИП. Ф. Р-880. Оп. 1 л/с. Д. 7.
11. ГИАИП. Ф. Р-880. Оп. 1 о/д. Д. 1.
12. ГИАИП. Ф. Р-880. Оп. 1 о/д. Д. 2.
13. ГИАИП. Ф. Р-880. Оп. 1 о/д. Д. 3.
14. ГИАИП. Ф. Р-880. Оп. 1 о/д. Д. 4.
15. ГИАИП. Ф. Р-880. Оп. 1 о/д. Д. 6.
16. Карпенко С. В. Астраханское отделение Союза писателей РСФСР и Литературный фонд СССР в 1963 – 1965 годах: Первый опыт взаимодействия // Новый исторический вестник. 2025. № 2 (84), ч. 1. С. 8–26.
17. Карпенко С. В. Создание Союза советских писателей Республики немцев Поволжья: немецкие литераторы и обком партии (1932 – 1935 годы) // Новый исторический вестник. 2026. № 1 (87). С. 51–69.
18. Мариус. О современной литературе немцев Поволжья // Нижнее Поволжье. 1933. № 5. С. 83–85.
19. Песиков Ю. В. Франц Бах: Трагедия российского немца. Саратов: Слово, 1995. 23 с.
20. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля 1934 г.: стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
21. Устав Союза советских писателей СССР. М.: ОГИЗ, 1935. 16 с.
22. Юркина Я. В. Андреас Закс: путь в литературу и в бюрократический аппарат Союза советских писателей СССР (1920-е – 1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2023. № 1 (75). С. 147–178.
23. Der Kämpfer: Monatsschrift für Literatur und Kunst. 1934. Nr. 2–3.

24. Der Kämpfer: Monatsschrift für Literatur und Kunst. 1934. Nr. 4–5.
25. Der Kämpfer: Monatsschrift für Literatur und Kunst. 1934. Nr. 6–7.
26. Der Kämpfer: Monatsschrift für Literatur und Kunst. 1935. Nr. 1.

References

1. Belger, G 1996, *Rossiyskiye nemetskiye pisateli* (Russian German Writers), Izdatelskiy dom “Zhibek Zholy” publ, Almaty. (In Russ.)
2. German, AA 2007, *Nemetskaya avtonomiya na Volge, 1918 – 1941* (German Autonomy on the Volga, 1918 – 1941), “MSNK-press” publ, Moscow. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti* (GANISO) (State Archive of Contemporary History of the Saratov Region), fund 1, inventory 4, file 386. (In Russ.)
4. GANISO, fund 1, inventory 7, file 2/246. (In Russ.)
5. GANISO, fund 1, inventory 7, file 18/197. (In Russ.)
6. GANISO, fund 2485, inventory 3, file 1197. (In Russ.)
7. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv nemtsev Povolzhya* (GIANP) (State Historical Archives of the Volga Germans), fund P-847, inventory 7 1 л/д, file 104. (In Russ.)
8. GIANP, fund P-880, inventory 1 л/с, file 1. (In Russ.)
9. GIANP, fund P-880, inventory 1 л/с, file 6. (In Russ.)
10. GIANP, fund P-880, inventory 1 л/, file 7. (In Russ.)
11. GIANP, fund P-880, inventory 1 о/д, file 1. (In Russ.)
12. GIANP, fund P-880, inventory 1 о/д, file 2. (In Russ.)
13. GIANP, fund P-880, inventory 1 о/д, file 3. (In Russ.)
14. GIANP, fund P-880, inventory 1 о/д, file 4. (In Russ.)
15. GIANP, fund P-880, inventory 1 о/д, file 6. (In Russ.)
16. Karpenko, SV 2025, ‘Astrakhanskoye otdeleniye Soyuza pisateley RSFSR i Literaturnyy fond SSSR v 1963 – 1965 godakh: Pervyy opyt vzaimodeystviya: Chast pervaya’ (The Astrakhan Section of the RSFSR Union of Writers and the USSR Literary Fund, 1963 – 1965: The First Attempt at Interaction. Part One), *Novyy istoricheskiy vestnik* (The New Historical Bulletin), no. 2 (84), pp. 8–26 (In Russ.)
17. Karpenko, SV 2026, ‘Sozdaniye Soyuza sovetskikh pisateley Respubliki nemtsev Povolzhya: nemetskiye literatorty i obkom partii (1932 – 1935 gody)’ (The Creation of the Union of Soviet Writers of the Volga German Republic: German Writers and the Regional Party Committee (1932 – 1935)), *Novyy istoricheskiy vestnik* (The New Historical Bulletin), no. 1 (87), pp. 51–69 (In Russ.)
18. Marius 1933, ‘O sovremennoy literature nemtsev Povolzhya’ (On Contemporary Literature of the Volga Germans), *Nizhneye Povolzhye*, no. 5, pp. 83–85. (In Russ.)
19. Pesikov, YuV 1995, *Frants Bakh: Tragediya rossiyskogo nemtsa* (Franz Bach: The Tragedy of the Russian German), Izdatelstvo “Slovo” publ, Saratov (In Russ.)
20. *XVII syezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b). Stenograficheskiy otchet* (17th Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim Report) 1934, 26 January – 10 February 1934, Partizdat publ, Moscow. (In Russ.)
21. *Ustav Soyuza sovetskikh pisateley SSSR* (Charter of the Union of Soviet Writers of the USSR), 1935, OGIZ publ, Moscow. (In Russ.)
22. Yurkina, YaV 2023, ‘Andreas Zaks: put v literaturu i v byurokraticheskiy apparat Soyuza sovetskikh pisateley SSSR (1920-e – 1930-e gody)’ (Andreas Saks and the Union of Soviet Writers: At the Crossroads of Literature and Bureaucracy (1920s – 1930-s)), *Novyy istoricheskiy vestnik* (The New Historical Bulletin), no. 1 (75), pp. 147–178 (In Russ.)
23. *Der Kämpfer: Monatsschrift für Literatur und Kunst* 1934, no. 2-3. (In Germ.)
24. *Der Kämpfer: Monatsschrift für Literatur und Kunst* 1934, no. 4-5. (In Germ.)
25. *Der Kämpfer: Monatsschrift für Literatur und Kunst* 1934, no. 6-7. (In Germ.)
26. *Der Kämpfer: Monatsschrift für Literatur und Kunst* 1935, no. 1. (In Germ.)

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026
Одобрена после рецензирования: 01.06.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 28.04.2026
Approved after reviewing: 01.06.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 316.347 + 394 + 94(470.620)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-123-139>

КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРА

**Эдуард Асланович
Онуфриенко**

Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН
Москва, Россия, audawardiusanafar@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-1825-5659>

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия кубанского казачества жителями г. Краснодара как одного из значимых маркеров региональной идентичности Краснодарского края. На основе этносоциологического исследования, проведённого в 2023 г. среди жителей города Краснодара, рассматриваются представления населения о роли казачества в культурной и общественной жизни региона, а также отношение к казачеству как символу края и к институциональным формам его присутствия. Кубанское казачество, возрожденное на рубеже 1980-х и 1990-х гг., начиная со второй половины 1990-х гг. и начала XXI в., прочно заняло место в культурной, административной и образовательной сферах Краснодарского края.

В статье исследуются мнения жителей столицы Краснодарского края. Отношение к казачеству – современному и историческому – зависит не только от территориального происхождения опрошенного, обладающего определенными культурно-историческими знаниями о регионе, но и от возраста респондента, от степени его погруженности в местный казачий контекст. Результаты исследования свидетельствуют, что отношение жителей Краснодара к современному казачеству носит преимущественно положительно-нейтральный характер. При этом выявлены различия в оценках между возрастными группами: молодёжь демонстрирует более критическое отношение к современному казачеству, тогда как представители среднего и старшего поколения чаще воспринимают казачество как важный историко-культурный символ региона и часть местного общества. Жителями Краснодара казачество воспринимается не как отдельная этническая группа, а как сообщество, в которое может войти не только тот, кто имеет предков-казаков, но и тот, кто принимает казачьи традиции и ценности.

Ключевые слова: Краснодар, Краснодарский край, Кубань, казачество, кубанское казачество, идентичность.

Для цитирования: Онуфриенко Э. А. Кубанское казачество в восприятии жителей Краснодара // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 123–139. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-123-139>

Сведения об авторе: Э. А. Онуфриенко – младший научный сотрудник Центра по изучению межнациональных отношений, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32А.

Scientific Article

UDC 316.347 + 394 + 94(470.620)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-123-139>

THE PERCEPTION OF THE KUBAN COSSACKS BY KRASNODAR RESIDENTS

Eduard A. Onufrienko

The Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Moscow, Russia, audawardiusanafar@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-1825-5659>

Abstract. This article analyzes the perception of the Kuban Cossacks by Krasnodar residents as a significant marker of regional identity in the Krasnodar Region. Based on an ethno-sociological study conducted in 2023 among Krasnodar residents, the author examines the population's perceptions of the role of the Cossacks in the cultural and social life of the region, as well as attitudes towards the Cossacks as the region symbol and to the institutional forms of their presence. The Kuban Cossacks, revived at the turn of the 1980s and 1990s, have firmly established themselves in the cultural, administrative, and educational spheres of the Krasnodar region since the second half of the 1990s and the beginning of the 21st century.

This article examines the opinions of the Krasnodar Region residents. Attitudes toward the Cossacks – both modern and historical – depend not only on the respondents' territorial origin and certain cultural and historical knowledge of the region, but also on their age and their immersion in the local Cossack context.

The study's results show that Krasnodar residents' attitudes towards modern Cossacks are predominantly positive and neutral. However, assessments vary in different age groups: young people demonstrate a more critical attitude towards modern Cossacks, while members of the middle and older generations more often consider Cossacks as an important historical and cultural symbol of the region, as well as a part of the local society. Krasnodar residents perceive the Cossacks not as a separate ethnic group, but as a community that includes not only people with Cossack ancestors but also people with the same value system, including Cossack traditions.

Keywords: Krasnodar, Krasnodar Region, Kuban, Cossacks, Kuban Cossacks, identity.

For citation: Onufrienko, EA 2026, 'The Perception of The Kuban Cossacks by Krasnodar Residents', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 123–139, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-123-139> (in Russ.)

Information about the Author: *Eduard A. Onufrienko* – junior researcher at the Center for the Study of Interethnic Relations, The Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 32A Leninskiy prospekt, Moscow, 119334, Russia.

© Onufrienko E. A., 2026

Краснодарский край является одним из регионов исторического проживания казаков наряду с другими районами Юга России, Сибири, Дальнего Востока. С казачеством связано освоение территории края после его вхождения в состав Российского государства, краевая столица была основана как главная казачья крепость в регионе. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., население городского округа города Краснодара насчитывает 1 204 878 человек. Согласно первой постсоветской переписи 2002 г., число назвавших себя казаками жителей Краснодарского края достигало 17,5 тысяч человек, что составляло 0,34% от населения региона и порядка 0,4% от всех русских жителей края. В данной переписи казаки были в составе учтенных русских, но расчет по ним проводился в отдельной графе, как и в случае с поморами. Подобные тенденции, однако, не стоит приписывать только Краснодарскому краю – наличие казаков отмечалось и в соседних регионах – относительно небольшое число людей, записавшихся казаками, присутствовало в Ставропольском крае – порядка 0,14% от населения региона и 0,17% от русских жителей Ставрополя; 1,7% казаков относительно русского населения насчитывалось в Карачаево-Черкесской республике (0,56% от общего числа жителей); население Ростовской области имело наибольший процент назвавшихся казаками относительно русских – 2,2% и примерно 2% относительно всего населения области. Видно, что казачество в постсоветские годы на юге России приобрело не только «качественную», но «количественную» характеристику. Перепись населения 2010 г. показала падение числа назвавшихся казаками в Краснодарском крае – около 5 тысяч человек (падение по сравнению с 2002 г. более чем в 3 раза) и около 3 тысяч человек согласно переписи 2020–2021 гг. (при общем увеличении числа жителей края примерно на 700 тысяч человек). В двух указанных переписях данные численности казаков также были вынесены в отдельную графу, но в составе русских. Наблюдается некий парадокс – при увеличении влияния казачества на жизнь региона уменьшается число людей, которые идентифицируют себя, свою национальную принадлежность с казачеством. С другой стороны, СМИ называют численность участников Кубанского казачьего войска, то есть казаков, в десять и более раз превышающую показатели количества назвавшихся казаками во время последней переписи населения. Наблюдается расхождение сути казачьей идентичности – с одной стороны, возможна идентификация индивида с казачеством, ощущение себя казаком и ощущение принадлежности к данной культуре в связи, например, с происхождением, потомственностью от этой группы, сохранением исторической памяти; с другой стороны – присоединение к казачьей организации и вхождение в казачье сообщество также влияет на возникновение казачьей идентичности у индивида [17, с. 148].

Описание историографии современного казачества следует начать с ряда работ Т. В. Таболиной. Она рассматривает новое российское казачество как движение, возникшее в сложный для страны период – в первую половину 1990-х гг. [18, с. 6]. По ее мнению, современное казачество не всегда связано с организацией потомков казаков в сообщество – к казакам также на заре возрождения присоединялись люди, искавшие коллективной поддержки в непростое время, и те, кто разделял взгляды казаков по вопросу традиционных ценностей [17, с. 148]. Н. И. Никитин отмечает, что в конце советского времени и начале 1990-х гг. казачья идентичность пробудилась, как пробудились и другие российские региональные идентичности – сибирская, поморская и другие [12, с. 68–69]. О. О. Антропов пишет, что возрождение казачества в 1990-е гг. имело под собой комплексную основу – реабилитацию казаков как репрессированного народа, культурное возрождение, восстановление службы казаков и другие аспекты казачества [2, с. 281]. В. В. Алексеев в работе отмечал, что на заре возрождения казачества в самой казачьей среде вызывала споры декларируемая суть казачества – как народа, как сословия или же как этносословной общности

– что приводило к разным целям у различных казачьих сообществ и организаций. Возрождение казачества на территории постсоветской Средней Азии – прежде всего в Казахстане и Киргизии – по мнению исследователей М. Ж. Абдирова и А. П. Яркова, являлось процессом сплочения русского населения данных республик перед лицом начавшегося национального строительства на постсоветском пространстве, что привело к неприятию казачьего движения и отношения со стороны властей к нему как к дестабилизирующему [1, с. 7; 20]. С. К. Сагнаева связывает начало самоидентификации граждан с казачеством с разрушением прежней – советской – системы ценностей и, как следствие, поиском группы, которая сможет защитить и выразить интересы не отдельного индивида, а целого сообщества [16, с. 16].

По мнению исследователей кубанского казачества В. Н. Ратушняка и О. В. Ратушняка, возрождение кубанского казачества связано с появлением гласности в перестройку, дальнейшим распадом советской системы и поиском людьми основ, имеющих историческую традицию и позволяющих сохранить государственность [15, с. 300]. О. В. Матвеев пишет, что наличие собственной войсковой территории, даже после прекращения приграничного образа жизни кубанского казачества после завершения Кавказской войны, позволило уже к началу XX в. приобрести казакам квазисословность и, фактически, статус субэтноса триединого русского народа [10, с. 119]. О связи региональной идентичности и кубанского казачества пишет А. В. Баранов, по мнению которого современные казачьи организации созданы не только по инициативе самих казачьих активистов, но и при поддержке региональных и федеральных властей [3, с. 81]. О связи государства и казачьих организаций пишет и К. В. Воденко – становление нового реестрового казачества и казачьих НКО в противовес реестровым не могло произойти без активного государственного участия [8, с. 79]. Н. Ф. Бугай также отмечает связь современного казачества с государством – казаков стали привлекать к государственной службе; кубанское казачество, например, с начала 1990-х гг. участвовало в охране государственной границы [7, с. 31].

Восстановление казачества в постсоветский период в России и на Кубани, в частности, было сопряжено с сильной исторической традицией, сохраненной на протяжении советского периода. Но и в других регионах, таких как Ростовская область и Ставропольский край, казачье возрождение 1990-х гг. оказало большое влияние на возрождение не только соответствующих структур и организаций, но и казачьей идентичности среди местного населения, что особенно ярко прослеживалось по результатам переписи населения 2002 г. Казачий же фактор в Краснодарском крае позволял обозначать регион как самодостаточный, более самостоятельный, который может иметь полноправные отношения с федеральным центром, как пишет А. И. Кольба [9, с. 53]. Подобного мнения о постепенном сращении административного аппарата Краснодарского края и кубанского казачества придерживается И. С. Башмаков [5, с. 142]. И. С. Башмаков также, со ссылкой на В. А. Ачкасова и С. А. Бабаева, указывает на свойство самоидентификации личности с культурными стереотипами на образ «золотого века». Для Краснодарского края таким «золотым веком» был период казачьего заселения региона, поэтому ориентация на казачьи традиции и историю в политике властей является в некотором роде определяющей [6, с. 20–21].

Историю казачества в советский период можно рассматривать как один из наиболее драматичных этапов его развития. В период политики расказачивания в первые десятилетия существования Советского государства была проведена масштабная кампания ликвидации традиционных институтов казачества, разрушения привычного жизненного уклада. В этих условиях казачество оказалось вытеснено из публичного пространства. Новый этап в истории казачества начинается в конце

1980-х – начале 1990-х гг., когда в условиях коренных социально-политических сдвигов в стране стало возможным открытое обращение к историческому наследию и традициям казачества. Принятие закона РСФСР от 26.04.91 N 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов», в отношении которых проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, обозначило новую веху в истории казачества: казаки были признаны пострадавшими лицами, причём были отделены от наций, народностей и этнических групп определением их как исторически сложившейся культурно-этнической общности людей. Являвшийся логически последовательным за вышеуказанным законом указ Президента Российской Федерации от 15.06.1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» позволил, согласно пунктам документа, гражданам, относящим себя к прямым потомкам казаков, восстанавливать и развивать казачью культуру и быт, в том числе организовывать казачьи общества. Помимо уже постсоветского нормативного акта следует упомянуть и Постановление Верховного совета Российской Федерации «О реабилитации казачества», принятое в последние месяцы существования Советского Союза, содержащее в своих статьях те же установки о возрождении казачьих сообществ и осуждении проводившихся против казачества репрессий [17, с. 262–264]. В 1995 г. Законодательным Собранием Краснодарского края был принят закон Краснодарского края от 9 октября 1995 г. N 15-КЗ «О реабилитации кубанского казачества», репрессивные меры против которого были признаны незаконными. Перечислялись данные репрессивные меры, среди которых значились насильственное переселение, прекращение самостоятельности представительства кубанского казачества в органах государственной власти, ликвидация традиционной воинской службы и подготовки к ней, а также разрушение казачьего социально-экономического уклада жизни. Реабилитация казачества в регионе позволяла признать права кубанских казаков на восстановление этнического единства, участие в управлении Краснодарским краем в соответствии с федеральным законодательством, развитие социально-экономического уклада, бытовой и духовной культуры. В уставе Краснодарского края начиная с редакции 2001 г. (сам Устав принят четырьмя годами ранее) во второй статье документа содержится формулировка о Краснодарском крае как об исторической территории формирования кубанского казачества, исконным местом проживания русского народа, составляющего большинство населения Краснодарского края. Что касается возвращения к общекраевому историческому прошлому, то необходимо отметить мероприятия по утверждению символов региона – флагов, гербов и гимна: герб краевой столицы решением городской Думы Краснодара от 07.07.2005 г. № 70 п.7 «О Гербе муниципального образования город Краснодар» был составлен на основе исторического герба города Екатеринодара 1849 г., флаг города, отражающий его исторические особенности, был утвержден на основе вышеуказанного герба решением городской Думы Краснодара от 13.07.2006 г. № 13 п. 8 «О флаге муниципального образования город Краснодар». Так же и с краевыми символами, принятыми в 1995 г. соответствующим законом Краснодарского края от 5 мая 1995 г. N 5-КЗ «О символах Краснодарского края»: исторический герб Кубанской области (имеющий в своём изображении знамёна с вензелями Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и штандарт с вензелем Александра II) послужил основой для герба Краснодарского края (императорские вензеля перешли и в современный символ); цвета флага края в законе не обосновываются, однако данный флаг использовался в годы Гражданской войны Кубанским правительством [19, с. 57] – на сайте же губернатора Краснодарского края и администрации Краснодарского края современная трактовка флага региона связывается с историей освоения данной территории – сочетание цветов флага символизирует, прежде всего, потомков донских

и линейных казаков, потомков запорожских и черноморских казаков и плодородие кубанской земли; гимн края, также принятый в 1995 г., представляет собой песню, написанную полковым священником 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска К. Образцовым в 1914 г. [4, с. 160]. Вышеуказанное музыкально-поэтическое произведение было признано общевоинским гимном Кубанского казачьего войска в 1921 г. последним войсковым атаманом (до восстановления должности в 1990 г.) В. Г. Науменко [11, с. 22].

Казачество тесно взаимодействовало с властными структурами – в 1995 г. был принят указ Президента Российской Федерации от 09.08.1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», давший право членам казачьих обществ нести государственную и иную службу. В 1998 г. Всекубанское казачье войско вошло в государственный реестр казачьих войск России под историческим названием – Кубанское казачье войско. Первое десятилетие нового XXI в. ознаменовалось принятием ряда законов, как федеральных, так и краевых, связанных с привлечением на службу казаков-членов казачьих обществ – закона Краснодарского края от 5 ноября 2002 г. N 539-КЗ «О привлечении к государственной и иной службе членов казачьих обществ Кубанского казачьего войска в Краснодарском крае», Федерального закона от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» и дополнительного закона Краснодарского края от 1 августа 2012 г. № 2557-КЗ «О внесении изменений в Закон Краснодарского края «Об участии граждан в охране общественного порядка в Краснодарском крае» к Закону Краснодарского края от 28 июня 2007 г. N 1267-КЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка в Краснодарском крае».

Влияние возрождённого казачества на образование также присутствует – в 2016 г. Министерство образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края совместно с Департаментом по делам казачества и военным вопросам Краснодарского края опубликовало Приказ от 1 сентября 2016 г. N 4177/76 «Об утверждении положения о классах и группах казачьей направленности в образовательных организациях Краснодарского края», положения которого разработаны в целях совершенствования работы по обучению и воспитанию на основе историко-культурных традиций кубанского казачества, патриотического, духовно-нравственного воспитания обучающихся и воспитанников образовательных организаций. Согласно положениям о классах и группах казачьей направленности в образовательных организациях Краснодарского края, в дошкольных образовательных организациях образовательная деятельность организована в рамках вариативной части основной общеобразовательной программы дошкольного образования – в виде кружков – и соответствующая группа формируется по желанию родителей на начало учебного года. В рамках общеобразовательной организации в основную образовательную программу включаются учебные предметы, курсы, дисциплины на основе историко-культурных традиций кубанского казачества. Таким же образом формируется образовательная программа казачьей направленности в профессиональных образовательных организациях – либо по желанию обучающихся, либо по готовому академическому плану. Обязательными элементами казачьей образовательной программы являются предметы: кубановедение, основы православной культуры, история и культура кубанского казачества, военно-спортивные дисциплины в основном общем и среднем общем образовании.

Первый казачий класс в регионе был открыт в 1998 г. в селе Ванновском Тбилисского района, в 2013 г. данная школа получила статус казачьей. Из открытых источников известно, что в 2015–2016 гг. в Краснодарском крае функционировало около 2 тысяч казачьих классов, где обучались более 43 тысяч детей. С сентября 2016 г., то есть с начала действия приказа № 4177/76, количество казачьих классов

увеличилось на 3 тысячи с общим числом обучающихся в более чем 63 тысячи человек. В краевой столице из более чем 115 тысяч обучающихся в общеобразовательных классах более 7 тысяч обучалось в группах казачьей направленности. На начало 2023–2024 учебного года, по словам губернатора Краснодарского края В. И. Кондратьева, в регионе создано свыше 5,2 тысячи казачьих классов в 156 образовательных организациях с более чем 107 тысячами обучающихся. Также региональный статус казачьей образовательной организации носят 84 школы и 59 детских садов. В краевой столице среди 107 школ статус казачьих носят 6. За 2023 г. число подобных школ в крае выросло суммарно на 8, включая 2 школы в Краснодаре.

На 2023 г. в Краснодарском крае действовало 7 кадетских корпусов, один из которых находится в краевой столице; казачьи кадетские корпуса были учреждены еще раньше – в 2011 г. Приказом Министерства образования и науки РФ от 5 августа 2011 г. № 2190 «Об утверждении Типового положения об общеобразовательных учреждениях – казачьих кадетских корпусах» – и целями их объявлялась интеллектуальное, культурное, физическое и духовно-нравственное развитие несовершеннолетних граждан Российской Федерации, создание основы для их подготовки к несению государственной службы или иной службы российского казачества. Министерство образования, науки и молодежной политики в Приказе от 2 ноября 2018 г. № 3908/81 «Об утверждении Порядка присвоения муниципальным и государственным образовательным организациям Краснодарского края регионального статуса «казачья образовательная организация»» утвердило порядок присвоения муниципальным и государственным образовательным организациям Краснодарского края регионального статуса «казачья образовательная организация», что являлось продолжением распоряжения главы администрации Краснодарского края «О совершенствовании работы по развитию образования и воспитания в классах и группах казачьей направленности в Краснодарском крае», согласно которому целью обучения и воспитания была подготовка несовершеннолетних граждан к служению Отечеству на гражданском и военном поприще, несению государственной службы российского казачества, то есть цели обучения схожи с целями обучения в казачьих кадетских корпусах. По данным региональных СМИ, в 2020 г. во всем крае обучалось 1300 воспитанников казачьих кадетских корпусов.

Таким образом, видна тенденция постепенного увеличения числа учащихся в казачьих классах, а также увеличения количества казачьих школ и других образовательных организаций казачьей направленности особенно после 2016 г. ввиду начала действия приказа № 4177/76. Освещение данного процесса в СМИ идет также очень активно – некоторые информанты ответы на вопросы о целях казачьего образования получают из новостей [ПМА, 2023]; в краевых СМИ также часто показывается статистика и динамика числа образовательных организаций с казачьим уклоном. В связи с большим количеством переезжающих в регион и конкретно в краевую столицу растет число детей, которым необходимо получать дошкольное и школьное образование – в казачьи группы детского сада и казачьи классы школ нередко попадают уроженцы других регионов страны, которые не погружены в данный историко-культурный казачий контекст, что выливается в непонимание и жалобы [ПМА, 2023]. Однако о полной отмене казачьих классов или массовом категорическом непринятии описываемых образовательных программ с региональным уклоном речи не идет – скорее, кубанское общество не понимает региональную специфику в образовании, поэтому относится к ней соответствующе, о чем будет сказано ниже.

В целом можно говорить о том, что постсоветское время стало своеобразным ренессансом казачества, в ходе которого оно вновь стало занимать заметное место в общественной и культурной сферах жизни Краснодарского края, где казачья куль-

тура закрепились в качестве символа региона и стала важной составной частью локальной идентичности. Во многих процессах укрепления казачества способствовала институционализация казачества в регионе: создавались казачьи общества, формировалась нормативно-правовая база их деятельности, расширялось участие казаков в различных сферах общественной жизни, включая образование, охрану общественного порядка и культурную деятельность. Вместе с тем расширение присутствия казачества в публичной сфере актуализирует вопрос о его восприятии населением. В данной статье анализируется восприятие современного казачества жителями столицы Краснодарского края, какова роль казачества в общественной жизни, какие имеются представления и оценки, связанные с его современными формами деятельности. Именно этим обусловлено обращение к анализу отношения жителей Краснодара к кубанскому казачеству на основе серии интервью и материалов этносоциологического исследования 2023 г.

Массовый опрос населения был проведен в 2023 г. в г. Краснодаре, ключевом экономическом и культурном центре региона. Именно в административном центре наиболее заметно проявляется деятельность общественных организаций – в краевой столице расположены правление Кубанского казачьего войска и один из его отделов – Екатеринодарский. Кроме того, Краснодар является крупнейшим городом края и важным центром миграционного притяжения как внутри региона, так на общегосударственном уровне [13, с. 134]. В значительной степени мнения жителей Краснодара могут рассматриваться как индикатор более широких общественных представлений о казачестве в регионе, потому как именно в административном центре концентрируются различные группы населения края и могут выступать своеобразным маркером общего отношения к казачеству в Краснодарском крае.

В исследовании приняли участие 403 респондента в возрасте от 18 лет и старше, среди них 185 мужчин и 218 женщин. Выборка строилась по половозрастному принципу, исследовалось население трёх возрастных групп – от 18 до 29 лет, от 30 до 59 лет и от 60 лет и старше. Соблюдались деление в соответствии с действительными пропорциями населения. Ареал исследования включал себя 15 точек-маршрутов, расположенных в разных районах краевой столицы – опросы проводились в историческом центре города, районах советской – 1950–1970-х годов – застройки, а также в новых районах Краснодара, построенных с первой декады XX в. и до конца 2010-х гг. – районах, население которых преимущественно состоит из краснодарских новоселов как уроженцев края, так и переехавших из других регионов России. Маршруты исследования затронули все внутригородские округа Краснодара.

Основным методом сбора массовых данных являлось анкетирование, проведённое в 2023 г. В опроснике использовались вопросы из этносоциологических инструментариев Института этнологии и антропологии РАН. Для оценки мнений респондентов им было предложено ответить на следующие вопросы: «Как вы относитесь к тому, что кубанское казачество считается одним из символов Краснодарского края?», «Во многих школах Краснодарского края дети учатся в казачьих классах. Хотели бы вы, чтобы ваши дети (или внуки) обучались в казачьих классах?» и «Как вы относитесь к роли современного казачества в жизни Краснодарского края?». Все указанные вопросы подразумевали выбор одного варианта ответа с возможным комментарием

Для более глубокого осмысления и верификации результатов массового опроса в 2024–2025 гг. проводились экспертные и глубинные интервью. Экспертные интервью были ориентированы на получение оценок специалистов, непосредственно вовлечённых в изучаемую проблематику или в деятельность казачьих структур. Глубинные интервью позволили зафиксировать развёрнутые личные нарративы информантов об их восприятии кубанского казачества, проследить индивидуальные

стратегии выстраивания отношения к казачьей идентичности в городской среде и уточнить интерпретацию тенденций, выявленных в ходе анкетирования.

Данные результатов исследования представлены в следующей таблице.

Таблица 1

**Как вы относитесь к тому, что кубанское казачество
считается одним из символов Краснодарского края? (в %)**

Положительно	52,9
Отрицательно	3,5
Нейтрально	36,5
Другой ответ	1
Затрудняюсь ответить	3,7

Отрицательное отношение к казачеству как символу прослеживается у крайне малой части информантов. В целом ответы имеют положительно-нейтральную окраску с перевесом положительной оценки. Помимо выбора ответа респондентам было предложено дать комментарий, аргументировать свою точку зрения. Судя по комментариям, для информантов историческое кубанское казачество и возрождённое слились – ответы относятся и к историческим событиям, и к современности: есть мнения о принадлежности к казачеству, предках-казаках («бабушка казачка», «в поколении есть казаки», «муж казак» и тому подобные), о важной роли казачества в освоении края и его истории («заселение земель казаками», «изначально казаки сюда пришли», «исторически сложилось» и тому подобные), о современном влиянии казачьего общества на жизнь края («иногда полезны для охраны порядка», «помогают краю», «наводят порядок» и тому подобные). Отрицательные мнения информантов относительно казачества как символа края объединены идеей недовольства именно современными казаками – например, неоднократно используется термин «ряженные»; жители также считают, что современное казачество не может считаться правопреемником исторического Кубанского казачьего войска. Видно, что для краснодарцев кубанское казачество как символ края разделяется на символ истории и культуры и на современный символ Краснодарского края, благодаря которому регион брендируется.

Распределение ответов на вышеуказанный вопрос по возрастным группам выглядит следующим образом.

Таблица 2

**Как вы относитесь к тому, что кубанское казачество
Считается одним из символов Краснодарского края? (в %)**

	Ответивших от 18 до 29 лет	Ответивших от 30 до 59 лет	Ответивших от 60 лет и выше
Положительно	31,7	55,1	60,4
Отрицательно	7,9	2,1	3,8
Нейтрально	55,6	34,6	29,2
Другой ответ	0	1,3	0,9
Затрудняюсь ответить	3,2	3,8	3,8

Видна разница в восприятии казачества молодёжью по сравнению с информантами среднего возраста и пожилыми жителями города. Среди отрицательных мнений молодёжь выделяет несвоевременность и ненужность казачества («казаки изжили себя»). Молодые люди как часть общества, выросшая в период возрождения казачьего движения, могут с большей долей скепсиса относиться к войсковому обществу ввиду более частых взаимодействий информантов с казачьим сообществом, например, в области образования – на уроках краеведения и благодаря введению ка-

зачьих элементов в школах. В то же время люди среднего возраста и особенно пожилая часть респондентов в период своего становления были знакомы с казачеством как с прошедшим социальным явлением, которое на определённом историческом этапе поддерживало государство и помогало ему. Поэтому положительное отношение взрослых информантов к возрождённому казачеству объясняется привычным для них восприятием казаков как одной из опор государства, особенно на территории в прошлом, освоенной и возделанной поселенцами-казаками.

Таблица 3

Во многих школах Краснодарского края дети учатся в казачьих классах. Хотели бы вы, чтобы ваши дети (или внуки) обучались в казачьих классах? (в %)

Да	32,5
Нет	36,2
Затрудняюсь ответить	24,1

Заметна практически равная доля как положительных, так и отрицательных ответов, что говорит о разделении мнения локального сообщества на вопрос о воспитании подрастающего поколения в казачьих традициях. Ответы респондентов, поддерживающих обучение несовершеннолетних краснодарцев в казачьих классах, сопровождаются комментариями о дисциплине, которая воспитывается при подобном обучении, также о преемственности молодого поколения казаков. Часть информантов, ответивших положительно, упоминает обучение собственных детей как продолжение семейных традиций (предки-казаки), а также больший упор на изучении истории. Что касается отрицательных мнений, то респонденты также упоминают семейные традиции – а именно отсутствие в семье казаков. Часть информантов не понимает смысл обучения в казачьих классах, иные не считают такой вид обучения актуальным. Важным показателем непонимания концепции казачьих классов является большой процент затруднившихся ответить на данный вопрос.

Распределение ответов согласно возрастным группам в следующей таблице.

Таблица 4

Во многих школах Краснодарского края дети учатся в казачьих классах. Хотели бы вы, чтобы ваши дети (или внуки) обучались в казачьих классах? (в %)

	Ответивших от 18 до 29 лет	Ответивших от 30 до 59 лет	Ответивших от 60 лет и выше
Да	14,3	39,3	28,3
Нет	58,7	33,8	28,3
Затрудняюсь ответить	19	21,4	33

Наблюдается отрицательное отношение к обучению подрастающего поколения в казачьих классах среди молодых информантов, но следует добавить, что у порядка 90% опрошенных моложе 30 лет детей нет. Отношение среднего возраста респондентов и пожилых людей менее скептически – примерно по трети ответов в каждой из двух групп отрицательны. Молодые люди как лица не только рождённые в период возрождения казачьего движения и имеющие в том числе опыт собственного образования с введёнными элементами региональной специфики, не хотели бы подобного для своих детей по причинам ненужности, устаревания и подобных вышеуказанных причин отказа. Среди пожилых людей не так много явных противников такой модели образования, но треть затрудняется дать ответ. Информанты же среднего возраста частично имеют схожие с молодёжью отрицательные мнения о казачьих классах.

Важно также отметить разницу в ответах респондентов разных полов.

Таблица 5

Во многих школах Краснодарского края дети учатся в казачьих классах. Хотели бы вы, чтобы ваши дети (или внуки) обучались в казачьих классах? (в %)

	мужчин	женщин
Да	34,1	31,2
Нет	28,6	42,7
Затрудняюсь ответить	25,4	22,9

Прослеживается практически одинаково положительное мнение об обучении детей в казачьих классах как среди опрошенных мужчин, так и среди женщин. Однако респонденты мужского пола чаще сомневались и затруднялись дать ответ на поставленный вопрос: связано это в том числе с большим числом бездетных информантов-мужчин по сравнению с числом опрошенных женщин, не имеющих детей, – третья часть участников опроса мужского пола против пятой части анкетированных женщин. Тем не менее видно, что большой процент затруднившихся ответить показывает непонимание данного регионального аспекта самими жителями региональной столицы.

Таблица 6

Во многих школах Краснодарского края дети учатся в казачьих классах. Хотели бы вы, чтобы ваши дети (или внуки) обучались в казачьих классах? (в %)

	родившиеся в г. Краснодаре	приехавшие из другого района Краснодарского края	приехавшие из другого региона	приехавшие из другого государства
Да	32,4%	39,0%	30,1%	31,0%
Нет	37,4%	39,0%	36,6%	26,2%
Затрудняюсь ответить	23,5%	18,6%	26,0%	28,6%

Не столь заметна разница в желании обучения детей в казачьих классах среди старожилов Краснодара, уроженцев края, бывших жителей иных регионов России и переехавших иностранцев – опираясь на комментарии, данные при выборе ответа, всё же необходимо отметить не столько отрицательные, сколько существенную долю положительных ответов – сами информанты отмечают важный, по их мнению, результат такого типа образования как прививание дисциплины подрастающему поколению. Впрочем, во всех четырёх рассмотренных группах респондентов от пятой до примерно третьей части затруднившихся ответить, что, как отмечалось выше, говорит о непонимании жителями города данной региональной специфики в образовании.

Информантам также было предложено выразить своё мнение относительно роли современного казачества в жизни региона. Общее распределение ответов выглядит следующим образом:

Таблица 7

Как вы относитесь к роли современного казачества в жизни Краснодарского края? (в %)

Положительно	32
Скорее положительно	8,2
Нейтрально	35
Скорее отрицательно	8,9
Отрицательно	5,2
Затрудняюсь ответить	6,5

Видно, что ответы носят положительно-нейтральную окраску – примерно половина респондентов имеет о современном казачестве в целом положительное мнение, треть – нейтральное и немногим более десятой части – отрицательное и скорее отрицательное мнение. Информанты дали ряд комментариев, касаемо возрождённого казачества – часть относится к данной региональной особенности иронически, но не отрицает важность движения. Есть мнения и отрицательные: респонденты указывают на, по их мнению, отсутствие оригинальности («бутафорию») возрождённого казачьего движения, упадок казачьих традиций и просто непонимание необходимости современного казачества. Положительные оценки дают в связи с участием казаков в патрулировании улиц и поддержании порядка.

Таблица 8

Как вы относитесь к роли современного казачества в жизни Краснодарского края? (в %)

	ответивших от 18 до 29 лет	ответивших от 30 до 59 лет	ответивших от 60 лет и выше
Положительно	9,5	37,2	34,0
Скорее положительно	7,9	7,3	10,4
Нейтрально	38,1	34,6	34
Скорее отрицательно	25,4	6,4	4,7
Отрицательно	9,5	4,3	4,7
Затрудняюсь ответить	6,3	5,6	8,5

Заметен низкий процент всех положительных мнений, высказанных молодёжью, что контрастирует с ответами пожилых информантов и людей среднего возраста. Молодёжь также дала относительно мало комментариев. Положительное мнение двух старших возрастных групп информантов подкрепляется их комментариями о пользе современных казаков, например, в поддержании правопорядка.

Таблица 9

Как вы относитесь к роли современного казачества в жизни Краснодарского края? (в %)

	родившиеся в г. Краснодаре	приехавшие из другого района Краснодарского края	приехавшие из другого региона	приехавшие из другого государ- ства
Положительно	27,4	30,5	33,3	50
Скорее положи- тельно	8,9	8,5	7,3	7,1
Нейтрально	38	32,2	33,3	31
Скорее отрица- тельно	10,1	18,6	4,9	2,4
Отрицательно	7,3	5,1	4,1	0
Затрудняюсь от- ветить	3,9	5,1	9,8	9,5

Сразу заметно наиболее выраженный положительно-нейтральный с преобладанием положительной доли характер ответов переехавших в Краснодарский край уроженцев других государств, для которых местное казачество является, во-первых, утвердившейся и продвигаемой культурной особенностью субъекта Федерации и, во-вторых, данностью региона, в котором мигранты планируют жить. Также относительно невысок процент всех отрицательных мнений россиян из других регионов – комментарии информантов тем не менее показывают, что приехавшие в Краснодар

ский край из других регионов страны не понимают надобности в местном казачьем обществе, либо же считают возрождённые казачьи традиции «новоделом».

Наличие у респондентов особой казачьей национальной идентичности отображено на следующих таблицах.

Таблица 10

К какой национальности вы себя относите? (в %)

Русский / русская	81,8
Казак / казачка	1,7
Другая национальность	16,4

Таблица 11

Скажите, пожалуйста, какой национальности ваши родители? Мать. (в %)

Русская	79,4
Казачка	2,1
Другая национальность	18,6

Таблица 12

Скажите, пожалуйста, какой национальности ваши родители? Отец. (в %)

Русский	71,8
Казак	1,8
Другая национальность	26,4

Видно, что казачья этническая идентичность не играет решающей роли в жизни краснодарцев, более того – ее влиянии крайне несущественно. Казачество не считается в глазах респондентов этнической группой, отдельным народом с присущим ему языком, но сословием, уже ушедшим, которое в некоторые моменты своей истории проживало обособленно от района расселения русских, но служили стране («казаки присягу России принесли»). Однако казачья неэтническая идентичность выражается в принадлежности к данному сообществу и разделении, понимании казачьих традиций: так, по вопросу о сущности казачества и принадлежности к казачеству – казачьей «чистопородности» [ПМА, 2023] – мнения краснодарцев разделились, причем независимо от их территориального и регионального происхождения. Жители города, приехавшие из других регионов – например, Ставрополя, Владимирской области, рассказывали о казачьих объединениях, осуществляющих свою деятельность в данных регионах; при этом природа возникновения данных казачьих организаций также была оценена по-разному – объединение потомков казаков в Ставропольском крае воспринималось очень хорошо («кубанские ряженые не чета терским»), появление казачьего объединения в городе Владимире – сдержанно и спокойно, так как регион не считался традиционно казачьим, поэтому к самопровозглашенным казакам присоединялись люди, чувствовавшие духовную близость к казачьему движению, и наличие предков-казаков в роду не было обязательным условием вхождения в данное общество.

Современное кубанское казачество неосознанно сравнивалось с историческим казачеством Кубани – особенно часто об этом говорили местные жители: и краснодарцы, и кубанцы из других районов края. Местными жителями подчеркивалась казачья семейная история («у меня все предки казаки, шесть дедов были казаками»), преемственность казачьим традициям в семье – воспитание детей, использование «кубанской балачки» («мать и отец – чистопородные казаки»); бывшие жители

иных регионов России, ставшие ныне жителями Краснодара, находили данный культурный феномен Кубани интересным и не испытывали какого-либо отрицательного чувства по отношению к современным казакам, но не всегда понимали сущность, к примеру, казачьих патрулей и людей, носящих казачью форму («казаки школы охраняют, но охранять может и не казак»).

При кратком освещении темы исторической памяти жителей Краснодарского края отмечается примерно равная доля ответов всех информантов – уроженцев города и края, приехавших из других регионов России – которые считают казачье переселение одним из самых важных событий в истории Кубани – примерно треть в каждой группе опрошенных, что говорит о понимании жителями края влияния казачества на регион как в прошлом, так и на современном временном этапе.

Таким образом, анализ результатов этносоциологического исследования восприятия кубанского казачества жителями города Краснодар позволяет сформулировать ряд выводов. Вопрос о кубанском казачестве нельзя рассматривать гомогенно – речь идёт о многофакторном влиянии данной общественной структуры на регион и его брендинг, включая этнокультурную и историческую особенности Краснодарского края, взаимодействия казачьего общества с жителями города и влиянии казачества на образование и включении подрастающего поколения в данный этнокультурный контекст.

Наблюдается зависимость отношения к казачеству не только от происхождения информантов и их разделения на местных и неместных, но и от принадлежности к определённой возрастной когорте: мнение молодёжи о разного рода казачьих структурах отличается от мнений краснодарцев среднего возраста и пожилых людей – молодые жители краевой столицы более критичны в отношении современного казачьего сообщества, в том числе ввиду более тесных контактов с казаками, а также восприятием особенно пожилыми людьми казаков как символа патриотизма и верного служения отечеству.

Как среди уроженцев края, в том числе краевой столицы, так и среди переехавших из других регионов страны наблюдается практически одинаковое в соотношении долей ответов непонимание регионального казачьего компонента в образовании или же нежелание давать подобное образование своим детям или внукам. Одобрение казачьего образования можно связать с неким стереотипным понятием «казачьего воспитания», что подтверждает непонимание казачьей специфики в сфере образования.

Касательно отношения к современному казачеству – отрицательные оценки, доля которых не составляет большинства – получены от уроженцев края в целом, которые указывают на «бутафорию» нынешнего казачьего общества. Переехавшие из других регионов страны новые жители края менее погружены в местную казачью среду, что, например, заметно по большему количеству затруднений при выборе варианта ответа.

Проведённое исследование показало актуальность изучения взаимодействия казачьего сообщества города Краснодар с его жителями. В связи с большим миграционным потоком на территорию Краснодарского края и краевую столицу, в частности, новоприбывшие люди сталкиваются с ярко выраженной этнокультурной особенностью региона – возрождённым Кубанским казачьим войском.

Казачье движение Кубани, начавшее ревитализироваться в последние годы существования Советского Союза, активно развивалось в 1990-е гг. и к настоящему времени прочно вошло в различные краевые структуры – административные, правоохранительные и образовательные. Так или иначе, жители Краснодар взаимодействуют с данным войсковым сообществом на разных уровнях.

Материалы исследования показали сложность и многоплановость отношения краснодарских горожан к кубанскому казачеству. Выявлена высокая роль исторической памяти о казаках как среди местного населения, выросшего в данном этнокультурном контексте, так и среди переехавших в край на постоянное место жительства, которые также начинают воспринимать казачью действительность частью краснодарской реальности. Различные мнения и обширная база комментариев информантов говорят об актуальности рассмотрения вопроса восприятия казачества краснодарцами.

Список источников и литературы

1. Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 158 с.
2. Антропов О. О. Астраханское казачество. М.: Вече, 2013. 368 с.
3. Баранов А. В. Роль кубанского казачества в этнополитических и геополитических процессах в Краснодарском крае // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 80–89.
4. Бардадым В. П. Литературный мир Кубани. Краснодар: Сов. Кубань, 1999. 197 с.
5. Башмаков И. С. Региональная идентичность в политической жизни Краснодарского края: ход формирования посредством символической политики власти // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 141–144.
6. Башмаков И. С. Региональная история как составляющая символической политики в формировании региональной идентичности Краснодарского края // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2010. № 3. С. 18–26.
7. Бугай Н. Ф. Казачество России: мир на границе, спокойствие в государстве, служба Отечеству... // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 3. С. 21–46.
8. Воденко К. В. Возрождение и институционализация казачества на Юге России: этапы, особенности и современное состояние // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 3. С. 74–87.
9. Кольба А. И. Интегративный и конфликтный ракурсы кубанской идентичности // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. 2011. С. 51–61.
10. Матвеев О. В. Кубанское казачество: историко-культурное наследие, судьбы, грани народной памяти. Краснодар: Традиция, 2019. 382 с.
11. Науменко В. Г. Кубанский исторический и литературный сборник. Orangeburg, 1959. 33 с.
12. Никитин Н. И. История казачества: аспекты научные и политические. М.: Директ-Медиа, 2022. 488 с.
13. Онуфриенко Э. А. Миграционные настроения населения г. Краснодара (по материалам этносоциологического исследования) // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 132–144.
14. ПМА (Полевые материалы автора). Краснодар, 2023.
15. Ратушняк В. Н., Ратушняк О. В. История казачества России. М.: Флинта, 2019. 343 с.
16. Сагнаева С. К. Российское казачество // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Док. № 28. М.: ИЭА РАН, 1992. 32 с.
17. Таболина Т. В. Возрождение казачества: истоки, хроника, перспективы. 1989–1994. Т. 1. Центр. М.: ИЭА РАН, 1994. 720 с.
18. Таболина Т. В. Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности. М.: ИЭА РАН, 1997. 29 с.
19. Федюк В. П. Белые антибольшевистские движения на юге России, 1917–1918. М.: АИРО-XX, 1996. 153 с.
20. Ярков А. П. Казаки в Кыргызстане. Бишкек: КРСУ, 2002. 77 с. Электрон. версия. URL: <https://eurasica.ru/forums/topic/2149-казаки-в-кыргызстане/> (дата обращения: 07.04.2026). Доступна на сайте Евразийский исторический сервер: некоммерческий ресурс гуманитарного направления.

References

1. Abdirov, MZh 1994, *Istoriya kazachestva Kazakhstana* (The History of the Cossacks of Kazakhstan), Almaty. (In Russ.)
2. Antropov, OO 2013, *Astrakhanskoye kazachestvo* (Astrakhan Cossacks), Veche publ, Moscow. (In Russ.)
3. Baranov, AV 2018, 'Rol kazachestva v etnopoliticheskikh i geopoliticheskikh protsessakh v Krasnodarskom kraye' (The role of the Kuban Cossacks in the ethno-political and geopolitical processes in the Krasnodar Region), *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* (The Caspian Region: Politics, Economics, Culture), no. 3 (56), pp. 80–89. (In Russ.)
4. Bardadym, VP 1999, *Literaturnyy mir Kubani* (Literary World of Kuban), Sovetskaya Kuban publ, Krasnodar. (In Russ.)
5. Bashmakov, IS 2012, 'Regionalnaya identichnost v politicheskoy zhizni Krasnodarskogo kraya: khod formirovaniya posredstvom simvolicheskoy politiki vlasti' (Regional Identity in Political Life of Krasnodar Region: The Process of Forming by Symbolic Government Politics), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* (Theory and Practice of Social Development), no. 1, pp.141–144. (In Russ.)
6. Bashmakov, IS 2010, 'Regionalnaya istoriya kak sostavlyayushchaya simvolicheskoy politiki v formirovanii regionalnoy identichnosti Krasnodarskogo kraya' (Regional History as a Component of Symbolic Policy in the Formation of Regional Identity of Krasnodar Region), *Rossiyskiy politicheskiy protsess v regionalnom izmerenii: istoriya, teoriya, praktika*, no. 3, 18–26 pp. (In Russ.)
7. Bugay, NF 2015, 'Kazachestvo Rossii: mir na granitse, spokoystviye v gosudarstve, sluzhba Otechestvu...' (The Cossacks in Russia: peace on the border, order in the country, service to the Fatherland...), *"Belyye pyatna" rossiyskoy i mirovoy istorii* ("White Spots" of the Russian and World History), no. 3, pp. 21–46. (In Russ.)
8. Vodenko, KV 2023, 'Vozrozhdeniye i institutsionalizatsiya kazachestva na Yuge Rossii: etapy, osobennosti i sovremennoye sostoyaniye' (Revival and Institutionalization of Cossacks in the South of Russia: Stages, Peculiarities, and Current State of Affairs), *Vestnik Instituta sotsiologii* (Bulletin of the Institute of Sociology), vol. 14, no. 3, pp.74–87. (In Russ.)
9. Kolba, AI 2011, 'Integrativnyy i konfliktnyy rakursy kubanskoy identichnosti' (Integrative and Conflictual Perspectives of Kuban Identity), *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Politologiya"* (Bulletin of Perm University. Political Science), pp. 51–61. (In Russ.)
10. Matveyev, OV 2019, *Kubanskoye kazachestvo: istoriko-kulturnoye naslediyе, sudby, grani narodnoy pamyati* (Kuban Cossacks: Historical and Cultural Heritage, Fates, and Facets of Folk Memory), Traditsiya publ, Krasnodar. (In Russ.)
11. Naumenko, VG 1959, *Kubanskiy istoricheskiy i literaturnyy sbornik* (Kuban Historical and Literary Collection), Orangeburg. (In Russ.)
12. Nikitin, NI 2022, *Istoriya kazachestva: aspekty nauchnyye i politicheskiye* (History of the Cossacks. Scientific and Political Aspects), Direkt-Media publ, Moscow. (In Russ.)
13. Onufrienko, EA 2025, 'Migratsionnyye nastroyeniya naseleniya g. Krasnodara (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya)' (Migration attitudes among the population of Krasnodar (materials of the ethnosociological research)), *Vestnik antropologii* (Herald of Anthropology), no. 2, pp.132–144. (In Russ.)
14. PMA (Polevyie materialy avtora) (The author's field data) 2023, Krasnodar. (In Russ.)
15. Ratushnyak, VN & Ratushnyak, OV 2019, *Istoriya kazachestva Rossii* (History of the Cossacks of Russia), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
16. Sagnayeva, SK 1992, 'Rossiyskoye kazachestvo' (Russian Cossacks), *Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii* (Studies in applied and urgent ethnology), IEA RAN publ, Moscow. (In Russ.)
17. Tabolina, TV 1994, 'Tsentr' (Center), *Vozrozhdeniye kazachestva: istoki, khronika, perspektivy. 1989–1994* (Revival of the Cossacks: Origins, Chronicle, Prospects. 1989–1994), vol. 1, IEA RAN publ, Moscow. (In Russ.)
18. Tabolina, TV 1997, *Kazachestvo na rubezhe XXI veka: problemy i vozmozhnosti* (Cossacks at the Turn of the 21st Century. Problems and Opportunities), IEA RAN publ, Moscow. (In Russ.)

19. Fedyuk, VP 1996, *Belyye antibolshevistskiye dvizheniya na yuge Rossii, 1917-1918* (White anti-Bolshevik movements in the south of Russia, 1917-1918), AIRO-XX publ, Moscow. (In Russ.)
20. Yarkov, AP 2002, *Kazaki v Kyrgyzstane* (Cossacks in Kyrgyzstan), KRSU publ, Bishkek, <https://eurasica.ru/forums/topic/2149-казаки-в-кыргызстане> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.04.2026
Одобрена после рецензирования: 18.05.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 18.04.2026
Approved after reviewing: 18.05.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 140–149.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 2 (26). P. 140–149.

Научная статья

УДК 94(47).084.6

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-140-149>

ПОЛИТОТДЕЛЫ МТС КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЧЕРНОЗЕМНОМ ЦЕНТРЕ РОССИИ (1933–1934 ГГ.)

**Николай Анатольевич
Зайцев**

Липецкий государственный педагогический
университет им. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия, nikolay.zaytsev1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4111-7876>

Аннотация. В работе автор предпринял попытку анализа деятельности политотделов МТС и совхозов в свете мероприятий по модернизации аграрного производства Центрального Черноземья, одного из ключевых зернопроизводящих регионов СССР. Отмечается, что важнейшей темой в фокусе внимания работников политотделов была проблема подготовки тракторного парка к весеннему севу и уборочной кампании. Отношение к технике в советской деревне того периода было строго потребительским. Низкий уровень квалификации механизаторских кадров, а также плохое качество тракторной техники приводили к частым поломкам и простоям. Политотделы стремились повысить уровень знаний механизаторов через организацию агротехнической учебы, однако кратковременные курсы мало меняли ситуацию. Каждый политотдел сталкивался с нехваткой запчастей. Отдельной задачей являлся капитальный ремонт двигателей, которые не отличались надежностью. По-прежнему большую роль в проведении основных агротехнических операций играли лошади и другое тягло. Однако среди животных наблюдался большой падеж. Высокая смертность животных являлась следствием сплошной коллективизации и слома в психологии частного собственника. Политотделы отмечали массовый отток механизаторов из колхозной деревни. Для удержания трактористов использовались стимулы материального характера, которые приводили к положительным результатам. Одновременно с этим политотделы должны были воспитать в колхозниках послушание и стремление во чтобы то ни стало выполнить «первую заповедь» колхозной жизни, пресекая желание директоров колхозов авансировать часто голодающих крестьян. В результате политотделы смогли решить краткосрочные задачи по выведению аграрного сектора советской экономики из кризиса, обеспечив своевременные хлебопоставки в государственные фонды.

Ключевые слова: политотделы МТС, модернизация, механизаторы, трактористы, колхозы, падеж скота.

Для цитирования: Зайцев Н. А. Политотделы МТС как фактор модернизации аграрного производства в Черноземном Центре России (1933–1934 гг.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 140–149. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-140-149>

Сведения об авторе: Н. А. Зайцев – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Институт истории, права и общественных наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, г. Липецк, улица Ленина, 42

Scientific Article
UDC 94(47).084.6
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-140-149>

POLITICAL DEPARTMENTS OF THE MACHINE AND TRACTOR STATION AS A FACTOR IN THE MODERNIZATION OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION OF RUSSIA (1933-1934)

Nikolay A. Zaitsev

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia, nikolay.zaitsev1999@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-4111-7876>

Abstract. In this paper, the author attempts to analyze the activities of the machine and tractor station political departments and state farms in the light of measures to modernize the agricultural production of the Central Black Earth Region, one of the key grain-producing regions of the USSR. It is worth noting that the most important issue in the political departments employees' focus of attention was the preparing the tractor fleet for spring sowing and the harvesting campaign. The consumer attitude towards vehicles in the Soviet countryside, the low level of qualification of machine operators, as well as the poor quality of tractor equipment, led to frequent breakdowns and downtime. Political departments sought to improve the knowledge level of machine operators through the organization of agrotechnical training, but short-term courses made little difference to the situation. Every political department faced a shortage of spare parts. A separate task was the overhaul of unreliable engines. Horses and other draft-cattle still played an important role in carrying out basic agricultural operations. However, there was a monstrous death rate among the animals. The high mortality rate of animals was a consequence of continuous collectivization and the breakdown of the psychology of the private owner. Political departments noted a massive outflow of machine operators from the collective farm village. However, the introduction of material incentives kept tractor drivers in their jobs. At the same time, the political departments had to instill in the collective farmers obedience and the desire to fulfill the 'first commandment' of collective farm life at all costs, suppressing the desire of collective farm directors to advance payments to the often starving peasants. As a result, the political departments were able to solve short-term tasks to bring the agricultural sector of the Soviet economy out of the crisis by ensuring timely grain supplies to state funds.

Keywords: machine and tractor station political departments, modernization, machine operators, tractor drivers, collective farms, loss of cattle.

For citation: Zaitsev, NA 2026, 'Political Departments of the Machine and Tractor Station as a Factor in the Modernization of Agricultural Production in the Central Black Earth Region of Russia (1933–1934)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 140–149, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-140-149> (in Russ.)

Information about the Author: *Nikolay A. Zaitsev*, – PhD student Department of National and World History, Institute of History, Law and Social Sciences, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42 Ulitsa Lenina Str., Lipetsk, 398020, Russia

Введение

В начале 1930-х гг. советская держава оказалась в затруднительном положении. После мероприятий, связанных с попытками перевести экономику в русло плановой системы и приведших к кризису, страна нуждалась в мерах, позволявших вывести ее из этого состояния. В основном, конечно, кризис коснулся аграрной сферы. Ведь именно колхозная деревня стала ресурсной базой для проведения советского варианта модернизации. Между тем цена, заплаченная селом за модернизаторский рывок, была чрезмерно велика. Уровень жизни в деревне упал в два-три раза. Возникло положение, при котором крестьяне уже не могли, да и не хотели эффективно работать, зная, что цена за труд будет слишком низкой, что главной целью государства является выкачивание материальных средств из деревни.

Исправление данного положения легло на плечи работников политотделов – чрезвычайных органов власти, созданных в начале 1933 г. по итогам объединенного пленума ЦК и ЦКК. Помимо репрессивной и иных функций, на политотделы ложилась задача обеспечения условий для проведения посевной кампании 1933 г., что скажем, было отнюдь не легкой задачей, поскольку в момент создания политотделов в деревне бушевал голодный мор. В такой изначальной диспозиции политотделам предстояло наладить эффективную работу самих МТС, а также проследить, чтобы услугами МТС, то есть тракторным парком, активно пользовались колхозы, что могло поспособствовать более скорому выполнению «первой заповеди», а именно приоритетной и первоочередной поставке сельскохозяйственной продукции государству.

Материалы и методы

Проблемой функционирования политотделов МТС и совхозов занимались И. Е. Зеленин [6], А. С. Шевляков [25], В. В. Наухацкий [11], А. Г. Тепляков [23], О. Б. Мозохин, В. В. Кондрашин [8] и О. В. Бочарова [2]. Так или иначе деятельности политотделов в своих работах касались Н. Л. Рогалина [22], В. Н. Томилин [24], Н. А. Ивницкий [7] и др. Опора на историческую литературу подкрепляет наши представления о деятельности чрезвычайных органов власти (политотделов МТС и совхозов) в разных регионах СССР.

Источниковую базу настоящего исследования составили политические сводки и донесения политотделов, отправляемые в политсектор областного земельного управления, располагавшийся в г. Воронеж. Подобный формат взаимодействия в виде регулярных сообщений в центр о ситуации в деревне позволял строго контролировать работу политотделов, добиваясь от них максимально полного освещения предпринимаемых шагов. Из этого мы делаем вывод, что данный вид источников дает возможность анализа подлинного положения в кризисных районах Центрально-Черноземной области (далее ЦЧО), а также конкретных шагов по модернизации аграрного строя.

При написании статьи автор использовал сравнительно-исторический метод, позволивший взглянуть на мероприятия в массивах разных политотделов МТС, сопоставив опыт преобразований в разных районах Центрального Черноземья.

Результаты

К началу 1933 г. в СССР было создано 2466 МТС, которые объединяли 74,8 тыс. тракторов, 2,2 тыс. комбайнов и 1220 МТМ (машинно-тракторных мастерских – Н.З.) [1, с. 13]. В конце 1933 г. число МТС увеличилось до 2916,росло и количество тракторов – 123 200. Их обслуживало 234 987 трактористов, численность которых регулярно росла и в 1935 г. составила уже 495 500 [1, с. 38]. В ЦЧО даже до начала массовой коллективизации и механизации производства было около 3063 тракторов [13, л. 3]. Колоссальный прирост был возможен за счет тех стимулов, часто именно материального характера, которые применял штат политотделов за свой недолгий период существования. При том, что механизаторы по своему статусу

были колхозниками вплоть до 1953 г., таким образом удерживались именно колхозные кадры.

Довольно часто работники политотделов в самом начале своего функционирования фиксировали плачевное положение в массивах тех МТС, в которых им необходимо было наладить работу. Так, начальник политотдела Лебедянской МТС Подольский в мае 1933 г. докладывал политсектору ОБЛЗУ (областного земельного управления) ЦЧО и политуправлению Наркомзема СССР: «Плохое культурно-бытовое обслуживание трактористов по 6-му участку: трактористы жили в грязном помещении, не получают газет, плохое питание. По 4-му участку тоже плохо обстоит дело: не утеплена передвижная будка-вагончик, перебои с питанием, несвоевременный подвоз питания, плохое качество приготовления пищи» [19, л. 3]. Приступив к выполнению своих обязанностей, Подольский обнаружил, что в МТС нет условий для реализации намеченных задач, в связи с чем он адресует политдонесение начальнику Политуправления Наркомзема СССР Криницкому и начальнику Политсектора ОБЛЗу ЦЧО Косокину о содействии в вопросах завоза тракторов, грузовой и легковой автомашины, оборудования и инструментов, а также стройматериалов для постройки МТМ [19, л. 22].

В политдонесении Липецкого политотдела содержится сообщение о том, что «в большинстве же колхозов колхозники не имели никаких собственных запасов продовольствия, и мы были свидетелями физической невозможности для ряда колхозников выходить на работу из-за упадка сил от хронического недоедания» [22, л. 6]. Надо отметить, что политдонесения и отчеты начальников политотделов не являются самым достоверным источником о масштабах голода в кризисных районах СССР в 1933 г., вопреки мнению В. В. Кондрашина [10, с. 209]. По крайней мере, документы части политотделов ЦЧО не позволили составить представление о подлинных масштабах голода. Очевидно, что это стало следствием того обстоятельства, что Центральное Черноземье в меньшей степени поразил голод, и его масштабы были куда более скромными, чем на Украине или в Казахстане. Виктор Викторович сделал этот вывод, опираясь на данные политотделов из других регионов, например, Средне-Волжского края.

Все тот же Липецкий политотдел столкнулся с бесхозяйственностью на производственных участках МТС. «Инвентарь был не подобран, разбросан по многим местам, ржавел, портился» [22, л. 19]. Халатное отношение к работе могло проявляться и в отношении к лошадям. Это явление приобретает массовый характер, наблюдавшийся во многих колхозах. В массиве Добринского политотдела МТС при наличии 3161 лошади на начало 1934 г. 500 из них были больны чесоткой, «зачесами», а 4 %, или 129 лошадей, были вовсе не годны к работе. Кроме того, в большинстве колхозов массива наблюдались факты падежа (например, в середине июня 1933 г. падеж составил 99 лошадей! [16, л. 32]) или заболевания менингитом [16, л. 1–2]. Некоторые политотделы прибегали к особым мерам, позволяющие отчасти исправить положение и остановить массовый падеж тягла, а также пребывание части его в крайне ослабленном состоянии.

В рамках Лебедянского политотдела по состоянию на 26 марта 1934 г. находилось 2400 голов лошадей, 827 из них находились в состоянии ниже средней упитанности, близкой к едва удовлетворительному состоянию. Руководство политотдела приняло решение о введении паспорта для каждой лошади, в котором ежемесячно указывалось состояние животного. «При проверке комиссией делаются соответствующие отметки: например – лошадь слабая, немедленно ее освободить от всяких работ, усилить норму питания, улучшить уход и т.д. В результате этой работы удалось добиться – восстановить слабых лошадей и довести их до средней упитанности [20, л. 20–21]» – так резюмировал предпринятые меры начальник политотдела

Подольский. Подобная практика была характерна для многих политотделов ЦЧО, но трагедию, постигшую животноводство в начале 1930-х гг., было сложно компенсировать краткосрочными мерами. По состоянию на 1935 г. в Курской области численность лошадей составляла 341,5 тыс. голов, в то время как в 1928 г. была зафиксирована численность в 651 тыс. голов [4, с. 32]. Такая же ситуация фиксируется и в Воронежской области. Касалась она не только поголовья лошадей, но и крупного рогатого скота, овец и т.д. Подобная печальная статистика была возможна в результате насильственной коллективизации, отчуждения крестьян от продуктов своего труда, а также слома психологии частного собственника.

Вопросы обеспечения весеннего сева являлись ключевыми в деятельности политотделов. Доказательством этому служат политдонесения, в которых достаточное место уделяется агротехническим мероприятиям, например, сортовым посевам, применению удобрений, культивации паров и т.д., а также выполнению плановых показателей по посадке и возделыванию таких культур, как рожь, озимая пшеница, овес, просо, горох и чечевица. Администрация политотдела обращала внимание на условия проведения сева вышеуказанных культур, а также обстоятельства, препятствовавшие получению наилучшего урожая [22, л. 8–9].

В литературе обращается внимание на тот факт, что в начале 1930-х гг. в Советском государстве сложилось специфическое отношение к технике. Американские специалисты, участвовавшие в формировании промышленного потенциала СССР, подчеркивали халатное отношение к тракторам и комбайнам. Отсутствовала элементарная техническая культура. Отмечался слабый уровень подготовки механизаторских кадров. Руководители «Трактороцентра» считали, что ресурс техники должен быть выработан в первые годы эксплуатации, а затем трактор или комбайн должен быть списан. Такая «хищническая» психология привела тракторное хозяйство страны осенью 1932 г. к тяжелому кризису в виде простоя нескольких тысяч машин только за один месяц [12, с. 172–173]. Простои становились регулярными по причине отсутствия запчастей, топлива, а также неквалифицированной работы механизаторов. Например, в Васильевском свекловичном совхозе Касторненского района из 8 тракторов работали 4. Тяжелейшим было положением с живым тяглом, 50 % лошадей болели или были истощены [5, с. 237].

Кризис принял затяжной характер. Поэтому политотдельцы в первую очередь вмешивались в работу тракторного парка, для чего велись строгий учет и статистика наличествующей техники. Самыми распространенными видами тракторов были СТЗ и ХТЗ, «фордзоны» и так называемые «фордзоны-путиловцы». От эффективного использования тракторного парка напрямую зависело проведение основных агротехнических мероприятий и скорое завершение посевной, связанной с выполнением основных плановых показателей. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1933 г. «О распределении тракторов производства июня–июля и половины августа 1933 года» из 12 100 тракторов ЦЧО получила 1250 тракторов [9, с. 244]. Однако говорить о рациональном использовании техники в этот период не приходится, поскольку состояние тракторного парка заставляло политотделы браться за их организацию для приведения в сколько-нибудь удовлетворительное состояние. Так, начальник политотдела Липецкой МТС Татко отмечал, что, несмотря на наличие в парке 32 тракторов разных наименований (на декабрь 1933 г.), как минимум, два «фордзона» «пришли в негодность и требуют, по меньшей мере, смены блока мотора» [22, л. 12]. Однако в сочетании с тягловой силой, составлявшей 602 лошади, колхозы массива, по словам Татко, обеспечиваются неплохо. В массиве политотдела Красненской МТС к февралю 1934 г. капитальному ремонту подлежало 16 тракторов.

Сама проблема частых поломок двигателей на тракторах была одной из самых острых в начале 1930-х гг. Тракторная проблема представляла в виде «болевого точ-

ки», которая требовала разрешения. Однако, судя по всему, сам ресурс двигателей той поры был достаточно скромным. Это цифра в 500–1000 моточасов, которые трактора могли проходить до капитального ремонта. Сам ресурс зависел от бережности в эксплуатации техники. Поскольку число квалифицированных трактористов и работников МТМ было недостаточным, многие трактора не проходили и 500 моточасов. Это было также связано с перегрузками и недостатками отечественного производства. Многие модели были копиями зарубежных образцов. Сразу наладить производство качественной техники было практически невозможно. Тем более, что процесс становления массового промышленного производства был только на этапе становления. В то время был налажен массовый выпуск тракторов «фордзон-путиловец», СТЗ-1, ХТЗ-СХТЗ 15/30.

Наряду с нехваткой запчастей и прочего необходимого оборудования было проблематично в срок выполнять свои обязательства по хлебопоставкам. Многие начальники политотделов обращали внимание властей более высокого ранга на нехватку целой номенклатуры запчастей как для тракторов, так и для необходимого к ним оборудования. Руководство Добринского политотдела сообщало об основных причинах простоя техники в период необходимой уборки урожая: недостаток запасных частей, слабость технического надзора и низкое качество предупредительного ремонта. В связи с этим в период с 6 по 10 июня 1933 г. простой техники составил 711 часов по неисправности [16, л. 37]. Директор Лебедянской МТС сообщал о нехватке 46 наименований запчастей для молотилок БДС 34 [20, л. 51]. Такую же ситуацию можно обнаружить и в массивах других МТС, где наряду с тракторным парком на колхозных полях работали и лошади. В пользу низкого уровня механизации говорит факт использования колхозниками конных самодельных граблей. Также к работе привлекали и детей, которые убирали колосья под руководством взрослых [15, л. 25]. Архаичный порядок работы на колхозных полях дает понимание той картины, с которой столкнулись политотделы, когда приступили к своей работе с зимы-весны 1933 г.

Помимо прочего, многочисленные затруднения политотделов, если судить по документам, были связаны с недостаточным финансированием со стороны государства. Источники содержат массу подтверждений этого факта. Так, политдонесение начальника политотдела Красненской МТС содержит крайне показательный и пространственный пример халатного отношения государства к чрезвычайным органам. Об экономическом состоянии МТС говорилось, что «МТС не платила за январь месяц зарплату рабочим <...> Вся задолженность МТС выражается в 52 000 руб. Задолженность получилась потому что около 25 000 р. МТС из оборотных средств вложило в строительство кладовой и гаража, на что Облзернотрактором не переведено средств. И, во-вторых, не получая дотации со стороны государства за зерно, при наличии 16 тракторов доходная часть не могла покрыть расход по содержанию всего МТС. Поэтому МТС крайне необходима финансовая помощь» [15, л. 30].

Некоторые представители райкомов совместно с руководством политотделов МТС предоставляли отсрочки колхозным и единоличным хозяйствам по хлебозаготовкам, но только тем, кто успешно справился с обязательным государственным заданием. Так, члены бюро Добринского райкома совместно с руководством политотдела Хворостянской МТС предоставили отсрочку ряду колхозов по поставке в размере 2600 центнеров после заготовки обязательных 4000 центнеров, так как рядовым колхозникам на трудодень осталось 700–1200 грамм хлеба. Единоличникам предоставили отсрочку в размере 9625 центнеров до урожая 1934 г. [14, л. 237].

Практически каждый политотдел занимался организацией агротехнической учебы, предпринималось открытие курсов трактористов, длящиеся в основном от одного до трех месяцев, отдельно работали курсы для колхозных бригадиров, срок

обучения которых доходил до шести месяцев. Отдельно отметим, что появление курсов было следствием высокой текучки кадров из-за тяжелых условий труда и материальных затруднений. В одном из протоколов заседаний политотдела Добринской МТС встречается информация о том, что для борьбы с текучестью кадров предлагалось подобрать соответствующий контингент, «исключающий всякую возможность текучести» [15, л. 15]. Весьма значимой была проблема прогулов. В январе 1933 г. в массиве Добринской МТС прогулы составили 264 час. [16, л. 5]. Руководство политотделов регулярно обращало внимание на низкую квалификацию агроперсонала МТС [3, л. 1], поэтому и прибегало к обучению кадров в рамках, указанных выше курсов.

В пользу отдававшегося приоритета трактористам со стороны политотделов говорят предпринимавшиеся меры. В результате создавались условия для предотвращения оттока кадров из тракторных парков. Меры выражались, в основном, в предоставлении трактористам двух форм оплаты: натуральной и денежной. Например, в 1934 г. в массиве Лебединского политотдела были приняты «нормы питания и гарантирующим минимум тракториста: принято 4 кг натурой и 2 руб. 50 коп. деньгами (в прошлом году было натурой 3 кг и денег 2 р. 50 к.)» [20, л. 30]. Начальник Липецкого политотдела не скрывал факт лучшего обеспечения работников-механизаторов продуктами, чем рядовых колхозников. Им выдавалась повышенная плата за трудодни, паек, а также предоставлялось питание в общественных столовых. Начальник политотдела Татко писал: «Постановление СТО о повышении расценки до 3-х трудодней за норму дало возможность обеспечить получение трактористами большего заработка, нежели рядовому колхознику. Это дает уверенность в том, что основные кадры трактористов мы сохраним, что является особенно важным в наших условиях, когда каждый тракторист может найти хорошо оплачиваемую работу на одном из липецких предприятий» [22, л. 17].

Начальник политотдела Измалковской МТС Кондаков приказывал Райпотребсоюзу организовать первоочередной отпуск товаров колхозникам-ударникам и трактористам МТС. При отпуске товаров на общественное питание избегать уравниловки и выдачу хлеба производить в первую очередь ударникам. Во время оказания медицинской помощи приоритет отдавать вышеуказанным категориям. Их же детей в первую очередь принимать в детские ясли. Им же выдавать лошадей для обработки усадеб или для личных нужд [21, л. 23].

С помощью указанных мер политотделам частично удалось остановить отток механизаторских кадров из колхозной деревни. Ю. В. Арутюнян фиксирует следующие данные: «Если до 1933 г. из МТС ежегодно выбывала почти половина механизаторов, в последующий период (1934–1939) в течение года выбывала примерно четверть механизаторов» [1, с. 47]. Снижение текучести с примерно 50 % до примерно 25 % являлось внушительным результатом, хотя и показывающим по-прежнему сложную кадровую обстановку.

В то же время дирекция колхозов репрессировалась политотделами за попытки авансировать рядовых колхозников. Так случилось в колхозе «Красная Нива» Троекуровского сельского совета, в котором первые обмолоченные 65 пудов ржи были розданы колхозникам в размере 4 килограммов на едока. Председатель и член Ревкомиссии Шальнев и Зайцев были арестованы и отданы под суд. В одном из колхозов Теплинского сельского совета председатель колхоза Клевцов скопил (лично?) два гектара ржи, произвел обмолот и раздал колхозникам по трудодням, заявляя: «Люди опухли с голоду. Голодных работать не заставишь» [18, л. 5–6]. С утверждением председателя колхоза спорить сложно. Однако политотделом Клевцов был привлечен к уголовной ответственности. Оправдывалось это будто бы тем, что Клевцов срезал рожь, не дождавшись спелости. Погружение в контекст дает иное пред-

ставление об истинных мотивах действий политотделов. Очевидно, что его работники стремились искоренить стремление первоочередного обеспечения пропитанием жителей колхозной деревни, памятуя о том, что в первую очередь собранный хлеб подлежит сдаче государству.

Для регулирования вопросов авансирования СНК СССР и ЦК ВКП (б) выпустили совместное постановление «О порядке выдачи авансов» от 26 июня 1933 г., в котором осуждалась практика «хаотической, беспорядочной, рваческой выдачи авансов и хищнической траты хлеба на так называемое общественное питание» [10, с. 225]. По мнению Сталина и Молотова, именно этот фактор обусловил срыв хлебозаготовительной кампании в 1932 г. В результате Совнарком и ЦК обязывали всю партийную (государственную) вертикаль выдавать авансы в строго организованном порядке и в строго установленных нормах, а именно «в размере 10 % фактически намолоченного хлеба с тем, чтобы этот процент повышался до 15 для хороших колхозов, добросовестно работающих и получивших хороший урожай» [10, с. 225]. Через политотделы в жизнь и повседневную хозяйственную практику проводилась мысль о том, что в первую очередь колхозники выполняют заготовки в пользу государства. Политотделы должны были их в этом убедить.

Заключение

Таким образом, подводя итоги, мы можем отметить, что политотделы МТС, вводимые в аграрном секторе в начале 1933 г., брали на себя обширнейшие функции. Не последней в этой связи была задача по механизации в сельском хозяйстве. Она была обусловлена высоким уровнем падежа тягла, которое фиксировалась в каждом колхозе, а также прослеживалась в документации политотделов. В стремлении компенсировать трагедию, постигшую животноводство, люди, входившие в штат политотдела, следили за лучшим материальным обеспечением механизаторов. От сохранения трактористов и комбайнеров в штате МТС зависела судьба весеннего сева и дальнейшей уборочной кампании. Положительным следствием работы политотделов стал тот факт, что «впервые в истории колхозной деревни хлебозаготовительные планы были выполнены не только по стране в целом, но и в отдельности каждой областью, краем, республикой (в том числе в рассматриваемых регионах) в рекордные для тех лет сроки: в 1933 г. – к середине декабря, а в 1934 г. – к 1 ноября» [9, с. 485]. Поэтому данный аспект работы политотделов может быть охарактеризован как позитивно повлиявший на стабилизацию положения в колхозной деревне.

Список источников и литературы

1. Арутюнян Ю. В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. (Формирование кадров массовой квалификации). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 341 с.
2. Бочарова О. В. Формирование и деятельность политических отделов МТС в казачье-крестьянских районах юга России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бочарова Ольга Владимировна. Новочеркасск, 2016. 278 с.
3. ОКУ ГАОПИ КО (Областное казенное учреждение «Государственный архив общественно-политической истории Курской области»). Ф. 51. Оп. 1. Д. 1.
4. Животноводство СССР за 1916–1938 гг.: стат. сб. М.; Л.: Госпланиздат, 1940. 219 с.
5. Загоровский П. В. Социально-политическое развитие сельского населения Центрально-Черноземного региона России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Загоровский Павел Владимирович. Воронеж, 1999. 463 с.
6. Зеленин И. Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» // Отечественная история. 1992. № 6. С. 42–61.
7. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933). М.: Ин-трос. истории РАН, 2000. 350 с.

8. Кондрашин В. В., Мозохин О. Б. Политотделы МТС в 1933–1934 годы. М.: Русская книга, 2017. 304 с.
9. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
10. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 350 с.
11. Наухацкий В. В. Политотделы МТС Северо-Кавказского края и становление системы заготовок в сельском хозяйстве // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 383–393.
12. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2013. 283 с.
13. ОКУ ГАНИДЛС ЛО (Областное казенное учреждение «Государственный архив новейшей истории и документов по личному составу Липецкой области»). Ф. 23. Оп. 1. Д. 75.
14. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 36.
15. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 59. Оп. 1-Д. Д. 46.
16. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1.
17. Там же. Д. 3.
18. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5.
19. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 246. Оп. 1. Д. 2.
20. Там же. Д. 3.
21. Там же. Д. 8.
22. ОКУ ГАНИДЛС ЛО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 2.
23. Роголина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М.: Изд-во МГУ, 1989. 222 с.
24. Тепляков А. Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. С. 173–185.
25. Томилин В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО-XXI, 2009. 400 с.
26. Шевляков А. С. Политотделы МТС и совхозов: чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве в Западной Сибири в 1930-е годы. Томск: Томск. гос. ун-т, 2000. 226 с.

References

1. Arutyunyan, YuV 1960, *Mekhanizatory selskogo khozyaystva SSSR v 1929–1957 gg. (Formirovaniye kadrov massovoy kvalifikatsii)* (Mechanizers of the USSR agriculture in 1929–1957 (Formation of mass qualified personnel), Izd-vo Akad. nauk SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
2. Bocharova, OV 2016, *Formirovaniye i deyatelnost politicheskikh otделov MTS v kazachye-krestyanskikh rayonakh yuga Rossii* (Formation and activity of MTS political departments in the Cossack-peasant regions of southern Russia), PhD thesis, Novocherkassk. (In Russ.)
3. *Oblastnoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii Kurskoy oblasti* (GAOPIKO) (Regional State Institution State Archive of Socio-Political History of the Kursk Region), fund 51, inventory 1, file 1. (In Russ.)
4. *Zhivotnovodstvo SSSR za 1916–1938 gg.* (Livestock farming of the USSR for 1916–1938) 1940, Gosplanizdat publ, Moscow, Leningrad. (In Russ.)
5. Zagorovsky, PV 1999, *Sotsialno-politicheskoye razvitiye selskogo naseleniya Tsentralno-Chernozemnogo regiona Rossii vovtoroy polovine 1920-kh – pervoy polovine 1930-kh gg.* (Socio-political development of the rural population of the Central Black Earth region of Russia in the second half of the 1920s – first half of the 1930s), doctoral thesis, Voronezh. (In Russ.)
6. Zelenin, IE 1992, 'Politotdely MTS – prodolzheniye politiki «chrezvychayshchiny»' (Machine and tractor station political departments. Continuation of the 'emergency' policy), *Otech-*

- estvennaya istoriya* (Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History), no. 6, pp. 42–61. (In Russ.)
7. Ivnitkiy, NA 2000, *Repressivnaya politika Sovetskoy vlasti v derevne (1928–1933)* (Repressive policy of the Soviet power in the village (1928–1933)), In-t ros. ist. RAN publ, Moscow. (In Russ.)
 8. Kondrashin, VV & Mozokhin, OB 2017, *Politotdely MTS v 1933–1934 gody* (The machine and tractor station political departments in 1933–1934), Russkaya kniga publ, Moscow. (In Russ.)
 9. Kondrashin, VV 2008, *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni* (The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian countryside), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
 10. Kondrashin, VV 2014, *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki I eyo rezultaty (1929–1933 gg.)* (Grain procurement policy during the first five-year plan and its results (1929–1933)), ROSSPEN publ, Moscow. (In Russ.)
 11. Naukhatskiy, VV 2014, 'Politotdely MTS Severo-Kavkazskogo kraia istanovleniye sistemy zagotovok v selskom khozyaystve' (Political departments of machine and tractor station of the North Caucasus region and the formation of the system of procurement in agriculture), *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Yevropy* (Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe), no.1, pp. 383–393. (In Russ.)
 12. Nefedov, SA 2013, *Agrarnyye i demograficheskiye itogi stalinskoy kollektivizatsii* (Agrarian and demographic results of Stalinist collectivization), TGU im. G.R. Derzhavinapubl, Tambov. (In Russ.)
 13. *Oblastnoye kazennoye uchrezhdeniye Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii i dokumentov po lichnomu sostavu Lipetskoy oblasti* (OKU GANIDLS LO) (Regional State Institution State Archive of Modern History and Documents on Personal Composition of the Lipetsk Region), fund 23, inventory 1, file 75. (In Russ.)
 14. OKU GANIDLS LO, fund 41, inventory 1, file 36. (In Russ.)
 15. OKU GANIDLS LO, fund 59, inventory 1-D, file 46. (In Russ.)
 16. OKU GANIDLS LO, fund 241, inventory 1, file 1. (In Russ.)
 17. OKU GANIDLS LO, fund 241, inventory 1, file 3. (In Russ.)
 18. OKU GANIDLS LO, fund 245, inventory 1, file 5. (In Russ.)
 19. OKU GANIDLS LO, fund 246, inventory 1, file 2. (In Russ.)
 20. OKU GANIDLS LO, fund 246, inventory 1, file 3. (In Russ.)
 21. OKU GANIDLS LO, fund 246, inventory 1, file 8. (In Russ.)
 22. OKU GANIDLS LO, fund 412, inventory 1, file 2. (In Russ.)
 23. Rogalina, NL 1989, *Kollektivizatsiya: uroki proydennogo puti* (Collectivization: lessons learned along the way), Izd-vo MGU publ, Moscow. (In Russ.)
 24. Teplyakov, AG 2002, 'Institut zamestiteley nachalnikov politotdelov po rabote OGPU-NKVD v MTS i sovkhovakh Sibiri v seredine 1930-kh gg.' (Institute of deputy heads of political departments for the work of the OGPU-NKVD in MTS and state farms of Siberia in the mid-1930s), *Ural i Sibir v stalinskoy politike* (The Urals and Siberia in Stalinist politics), Novosibirsk, pp. 173–185. (In Russ.)
 25. Tomilin, VN 2009, *Nasha krepost. Mashinno-traktornyye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoyennyy period: 1946–1958 gg.* (Our fortress. Machine and tractor stations of the Chernozem Center of Russia in the post-war period: 1946–1958), AIRO-XXI publ, Moscow. (In Russ.)
 26. Shevlyakov, AS 2000, *Politotdely MTS i sovkhovov: chrezvychaynyye partiynogosudarstvennyye organy praveniya v selskom khozyaystve v Zapadnoy Sibiri v 1930-e gody* (Political departments of machine and tractor station and state farms: extraordinary party-state management bodies in agriculture in Western Siberia in the 1930s), Tomskiy gos. un-t publ, Tomsk. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.01.2026
Одобрена после рецензирования: 02.03.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 20.01.2026
Approved after reviewing: 02.03.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья
УДК 94(47).084.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-150-161>

ИНСТРУМЕНТЫ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ КОЛХОЗОВ ЧЕРНОЗЁМНОГО ЦЕНТРА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Кирилл Витальевич
Чиковский**

Липецкий государственный педагогический
университет им. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Россия, chikovskiy.kirill.99@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-7269-8089>

Аннотация. Статья посвящена изучению различных способов мобилизации материально-технической базы колхозной деревни Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны. Автор статьи отмечает глубокий и всесторонний уровень исследования данного вопроса в отечественной историографии. Однако применительно к Центральному Черноземному региону данная проблема не получила должного исторического изучения. В работе на основе данных государственных и областных архивов автор рассматривает состояние машинно-тракторного парка МТС Центрального Черноземья РСФСР на примере Воронежской, Курской, Тамбовской областей, оценивает возможности выполнения государственного плана поставок сельскохозяйственной продукции. В работе раскрывается несколько аспектов работы машинно-тракторных станций: кадровая проблема, техническая оснащенность, меры регулирования. Изучение названных аспектов способствует формированию полноценного представления о работе МТС в колхозах Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. В работе показаны пути решения проблем в сельском хозяйстве областей Центрального Черноземья в годы войны. Главный акцент сделан на оценке возможности выполнения государственных поставок с имеющимся уровнем развития и наполнения МТС в колхозах. По мнению автора, выполнению объема государственных поставок сельскохозяйственной продукции и плана сельскохозяйственных работ, способствовала антикризисная государственная политика. Стоит отметить, что государственная политика в сфере организации МТС не была закончена до начала войны и после 22 июня 1941 г. носила экстренный и ограниченный в возможностях характер. Исходя из этого, данная политика партии была наполнена ошибками и просчетами.

Ключевые слова: советское государство, машинно-тракторные станции, колхозы, Центральное Черноземье, государственные меры поддержки.

Для цитирования: Чиковский К. В. Инструменты материально-технического восстановления колхозов Чернозёмного центра России в годы Великой Отечественной войны // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 150–161. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-150-161>

Сведения об авторе: К. В. Чиковский – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, Липецкий государственный педагогический университет им. П. Семенова-Тян-Шанского, 398020, Россия, г. Липецк, улица Ленина, 42.

© Чиковский К. В., 2026

Scientific Article
UDC 94(47).084.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-150-161>

TOOLS FOR THE MATERIAL AND TECHNICAL RESTORATION OF COLLECTIVE FARMS IN THE CENTRALCHERNOZEM REGION OF RUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Kirill V. Chikovsky

Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russia, chikovskiy.kirill.99@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-7269-8089>

Abstract. According to the author, the implementation of the volume of state deliveries of agricultural products and the plan for agricultural work was facilitated by the anti-crisis state policy. It is worth noting that the state policy in the field of organizing the MTS was not completed before the start of the war, and after June 22, 1941, it was urgent and limited in its capabilities. Based on this, the party's policies were filled with mistakes and miscalculations. The article examines various methods for mobilizing the material and technical base of collective farm villages in the Central Chernozem Region of Russia during the Great Patriotic War. The author notes a deep and comprehensive level of research on this issue in Russian historiography. However, historians have not yet properly studied this matter in relation to the Central Chernozem Region specifically. Based on data from state and regional archives, the author analyzes the condition of the machine and tractor fleet of the MTS (Machine and Tractor Stations) in the Central Chernozem Region of the RSFSR, using the examples of Voronezh, Kursk, and Tambov Oblasts. Furthermore, the author assesses how effectively the region could fulfill the state plan for agricultural supplies. The paper reveals several aspects of MTS operations: the personnel issue, technical equipment, and regulatory measures. Studying these aspects provides a comprehensive understanding of how the MTS operated on the collective farms of the Central Chernozem Region during the Great Patriotic War. The paper highlights ways to solve the problems in agriculture in the Central Chernozem regions during the war. The main emphasis lies on assessing the feasibility of fulfilling state supplies given the existing level of development and capacity of the MTS on collective farms. The author argues that the state's anti-crisis policy facilitated both the fulfillment of agricultural supply quotas and the execution of agricultural work plans. Notably, the government failed to finalize its policy regarding MTS organization before the outbreak of the war; after June 22, 1941, this strategy took on an emergency and resource-limited character. Consequently, this party policy suffered from multiple errors and miscalculations.

Keywords: Soviet state, machine and tractor stations, collective farms, Central Black Earth Region, Central Chernozem Region, state support measures.

For citation: Chikovsky, KV 2026, 'Tools for the Material and Technical Restoration of Collective Farms in the Central Chernozem Region of Russia During the Great Patriotic War', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 150–161, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-150-161> (in Russ.)

Information about the Author: Kirill V. Chikovsky – PhD student, Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 42 Ulitsa Lenina Str., Lipetsk, 398020, Russia

Введение

События Великой Отечественной войны оказали серьезное влияние на процесс развития советской деревни. В частности, трансформации подверглись такие системообразующие структуры колхозной деятельности, как машинно-тракторные станции (МТС). Война практически лишила советскую деревню главного инструмента для выполнения обязательных норм государственных поставок продуктов для фронта и сырья для промышленности СССР. Несмотря на долгий путь развития МТС на селе, к началу войны так и не удалось завершить задачу окончательного складывания и укомплектования станций всем необходимым для выполнения всех видов сельскохозяйственных работ. Роль и значение МТС и машинно-тракторных мастерских (МТМ) для колхозного крестьянства невозможно переоценить. Созданные в годы коллективизации для помощи набиравшим силу колхозам, которые были зависимы от государственного распределения техники, запчастей и горючего. Очевидно, что без государственной поддержки в вопросе материально-технического оснащения колхозам Чернозёмного центра России было бы невозможно продолжать снабжать армию и гражданское население в суровые годы войны.

Материалы и методы

Вопрос о роли МТС в колхозной деревне активно обсуждался и обсуждается в историческом сообществе, так как интерес к аграрной истории и продовольственному суверенитету нашего государства не угасает. При этом, несмотря на обилие работ, полноценная аграрная история еще не сформирована. Историография темы обширна, от пропагандистских брошюр военного времени до большого числа научных работ, посвященных количественному составу и состоянию техники в общесоюзном и региональном масштабе.

Первые работы, посвященные работе МТС, появились в конце 1940-х гг., однако их нельзя назвать историческими, так как они имели больше экономическую и статистическую направленности и посвящены были производственной составляющей деятельности МТС [2, с. 64–73]. Стимулом к написанию подобного рода работ стали решения февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1947 г., на котором был рассмотрен вопрос «О мерах подъёма сельского хозяйства в послевоенный период». В трудах экономистов вопрос об эффективности использования тракторов и комбайнов занимал центральное место, потому работы подобного рода были актуальны и практически полезными. Первым полноценно историческим исследованием на тематику деятельности машинно-тракторных станций является работа А. С. Калабашкина [8], в которой описываются положительные и отрицательные моменты в работе сельского хозяйства.

Деятельность МТС в военные годы зачастую обходилась стороной, основная часть работ посвящена либо 1930-м гг. и предвоенному становлению колхозной системы и МТС, либо послевоенным восстановительным процессам второй половины 1940-х гг. Следует обратить внимание на монографию

И. С. Каторгина [9, с. 33, 35–37], в которой подробно анализируется организаторская деятельность рабочих машинно-тракторных станций в послевоенные годы. В работах, написанных в 1940–1950-е гг. отмечаются только позитивные моменты деятельности МТС, полностью игнорируются недостатки в материально-технической базе, состоянии ремонтных возможностей. Это объясняется во многом государственной идеологией, которой руководствовалась историческая наука.

Конец 1950–1960-х гг. стал временем смены политического курса в стране и исторической литературе. Появляются важные работы по теме МТС, в которых была сделана попытка всестороннего описания их деятельности. Историк А. Г. Кутафьев пришел к непопулярному в историческом сообществе выводу о доминирующей роли МТС в деревне начиная лишь со второй половины 1950-х гг., принижая их значение

в годы войны [12, с. 19–33]. Подобное утверждение опровергается в работе С. П. Трапезникова [28, с. 124]. В ней рассматривалась история возникновения МТС, исследование строилось на сравнительно-историческом анализе деятельности МТС на различных этапах развития. Автор приходит к мнению о важной роли МТС в военные годы в разных регионах СССР. Продолжая работы по исследованию машинно-тракторных станций, В. П. Островский рассмотрел составные элементы МТС, дал оценку их работе и сделал вывод о том, что именно МТС смогли вывести колхозы на новый уровень развития и помогли справиться с задачами военного времени [14, с. 54], что противоречит мнению А. Г. Кутафьева.

Интерес вызывают работы М. А. Выцлана [4], в которых автор проследил процессы укрепления, развития, укомплектования и восстановления материально технической базы колхозов с 1933 по 1958 гг. Также необходимо отметить работы, посвящённые работе местных парторганизаций, которые активно помогали МТС в годы войны [15; 16; 17]. Историк-аграрник В. Т. Анисков уделил внимание описанию деятельности политотделов МТС и их работе по массово-политической активизации колхозников и агитационной деятельности [1].

В ХХI в. интерес к сельскому хозяйству в отечественной исторической науке усиливается, благодаря появлению большого числа региональных исследований. Появляются работы по отдельным областям, краям СССР. Важную работу по изучению сельского хозяйства в годы войны на территории Курской области проделал Н. Г. Кононов [10]. На основе архивных материалов автор проследил работу колхозов и МТС, которую они вели в годы Великой Отечественной войны. Отметим работу В. Н. Томилина, посвященную колхозной деревне и МТС Чернозёмного центра России в военные и послевоенные годы [26]. В ней на основе материалов областных и государственных архивов показана трудовая деятельность МТС как помощь колхозам.

Результаты

Становление машинно-тракторных станций на территории СССР шло в ногу с ускоренным процессом коллективизации крестьянства. В результате вся техника для сельского хозяйства оказалась под централизованным контролем государства. С победой и прочным утверждением колхозной системы крестьянство стало опорой советской власти в деревне. Успех советской власти дал социалистическую базу в самой обширной и жизненно необходимой области народного хозяйства – в сельском хозяйстве.

МТС берут свое начало от тракторных колонн, первая из которых была образована в 1927 г. в Одессе [6]. Через год на основе данной тракторной колонны будет создана первая в СССР МТС. Незадолго до начала сплошной коллективизации в 1929 г. было принято постановление «Об организации машинно-тракторных станций» [30, с. 207–213]. Совет труда и обороны хотел ускорить коллективизацию в деревне, а также создать необходимые условия для перехода крестьян от единоличных хозяйств в колхозные. Тем самым машинно-тракторные станции являлись средством дополнительной мотивации для крестьян при переходе в колхозные хозяйства. Жители деревни должны были осознать, что только при помощи государства (в лице МТС) возможно жить и работать на селе. МТС должны были полностью закрыть вопрос по производственно-техническому обеспечению колхозов, а колхозы, в свою очередь, должны были своевременно выполнять расчет с МТС. В этом заключались взаимные отношения между колхозами и МТС.

Еще одним важным шагом для поддержки МТС на селе явилось постановление от 13 января 1939 г. «О работе машинно-тракторных станций» [9, с. 61–67], согласно которому при перевыполнении плана работ МТС в текущем квартале Госбанк должен был дополнительно финансировать такое перевыполнение за счёт годового

производственно-финансового плана МТС. Также вводились премиальные выплаты для работников машинно-тракторных станций (один раз в год). Это должно было увеличить трудовую дисциплину и самоорганизованность колхозников Чернозёмного центра России.

Успешная коллективизация дала возможность впервые на широких просторах полей применять в массовом масштабе тракторы, комбайны и другие сложные машины. Однако с 22 июня 1941 г. начался новый этап работы для МТС Центрального Черноземья – работа в ограниченных условиях с огромными количественными и качественными потерями. Каким же образом, несмотря на снижение по всем показателям, колхозная деревня смогла при помощи также пострадавших МТС продолжить активную работу на благо фронта и страны в целом?

Оценивая состояние МТС накануне войны, можно смело отметить лидерство Воронежской, Курской и Тамбовской областей Центрального Черноземья в сравнении с другими областями Советского Союза по ряду показателей. До войны в МТС Воронежской области насчитывалось 10 083 тракторов (колёсных 8 695), в МТС Курской области – 10 213 (колёсных 8 323), Тамбовской – 5 538 (колёсных 4 693) [24]. Больше тракторов имелось только в Куйбышевской, Сталинградской, Саратовской областях. Самым популярным и часто используемым трактором в МТС Центрального Черноземья являлся гусеничный ЧТЗ «Сталинец 48/60». Однако вышеуказанные показатели необходимо рассматривать в совокупности с другими, поскольку надо учитывать возможности ремонта техники, наличие запчастей и горючего для заправки сельскохозяйственной техники.

Ремонтные возможности в МТМ областей Центрального Черноземья накануне войны находились на высоком общесоюзном уровне. За пять месяцев (декабрь 1939 – апрель 1940 г.) в воронежских МТМ отремонтировали около 2 000 тракторов, в курских – 2 800, в тамбовских – 450 [20]. Однако незадолго до начала войны в вопросе ремонта техники для МТС произошли большие изменения.

Согласно постановлению СНК СССР №1701 от 27 марта 1941 г. [13, с. 19] для каждой МТС устанавливались межремонтные сроки ремонта, соответствующие природным и хозяйственным условиям работы МТС [22]. Финансирование ремонта полностью переводилось на отчисление выполненного объема тракторных работ. Главная задача постановления – добиться снижения расходов на ремонт, снижения себестоимости тракторных работ. Однако состояние ремонтных баз при МТС еще до войны требовало изменений.

Начало изменений в этом вопросе должно было вызвать критическое письмо СНК СССР начальнику Управления кадров ЦК и секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Маленкову «Об укреплении и развитии ремонтной базы МТС» от 10 февраля 1941 г. [24], в котором указывалось на проблему отставания роста ремонтной базы МТС от уровня развития самой сети машинно-тракторных станций. Согласно постановлению, 35 % всех МТС в стране не были обеспечены машинно-тракторными мастерскими, которые, в свою очередь, были не в состоянии обеспечить качественный ремонт гусеничных тракторов, которых в колхозах было большинство и которые больше подходили для работы в поле, чем колёсные. Для решения этой проблемы НКЗ СССР принял план, согласно которому в течение 1941–1943 гг. планировалось обеспечить каждую МТС машинно-тракторной мастерской с сетью полевых бригадных мастерских в тракторных бригадах для осуществления правильной системы технического ухода и профилактического ремонта. Также планировалось за три года построить 900 новых МТМ и заново реконструировать 130 МТМ, на что планировалось потратить 213 млн. руб.

В 1941 г. на территории трёх областей Центрального Черноземья было построено 63 МТМ, которые внесли вклад в процесс капитального и текущего ремонта

сельскохозяйственной техники колхозов. Своевременный и качественный ремонт тракторов, комбайнов являлся одним из главных условий для успешного сева и уборки урожая. К 30 апреля 1941 г. в МТС Чернозёмного центра России удалось достичь высоких процентов по капитальному и текущему ремонту тракторов. В Воронежской области капитальный ремонт был выполнен на 95 %, текущий – на 107 %, в Курской – на 87 % и 95 %, в Тамбовской – на 95 % и 94 % [18]. При этом во всех областях ремонт комбайнов оставался на низком плановом уровне, что объясняется акцентом на ремонте именно тракторов, главных сельскохозяйственных машин для проведения посевной и уборочной компаний.

Однако даже при строительстве новых ремонтных мастерских возникали трудности, на которые НКЗ обращал внимание начальников краевых и областных земотделов. Во второй половине 1941 г. поступающие в НКЗ заявки и запросы о заводе новых запчастей для сельхозмашин значительно превышали все возможные лимиты. Потому были даны рекомендации при планировании осенне-зимнего ремонта и подготовки к сельскохозяйственным работам 1942 г., НКЗ предложил не рассчитывать на большой объем выпуска запчастей, а проводить ремонт за счет имеющихся в мастерских остатков и реставрации старых деталей. Подобные указания отразились на процентах капитального и текущего ремонта тракторов в период с 15 октября по 31 декабря 1941 г.

В указанный период в Воронежской области было капитально отремонтировано лишь 6 % тракторов в МТС, а в Тамбовской области – 27 % [19]. Таким образом, со второй половины 1941 г. МТС были лишены возможности оперативно ремонтировать (капитальный и текущий ремонт) сельскохозяйственную технику для колхозов, что отражалось на проведении всех видов сельскохозяйственных работ. После снижения ремонтного потенциала колхозам было необходимо перенести часть работ на использование живого тягла, а часть работ – на ручное исполнение.

Вдобавок к этому с началом войны вследствие оккупации основных аграрных районов страны, эвакуации техники и заводов на восток колхозники оказались в ситуации повсеместного отсутствия техники и сельхозмашин, а также живого тягла для проведения осенне-весеннего сева. Исходя из расчёта основных работ (весенних и осенних), выполненных живым тяглом и сельскохозяйственными машинами в колхозах Чернозёмного центра России в 1941 г., можно сделать вывод об изменении роли техники МТС в колхозах. Например, в Воронежской области нагрузка на одну лошадь возросла на 0,7 гектар, на один трактор на 30,7 га. Для сравнения, в колхозах Курской области – на 2,4 га и 39,4 га соответственно. В колхозах Тамбовской области – на 0,9 и 7 га [19].

В сравнении весенних и осенних работ в областях Центрального Черноземья можно уверенно сказать, что нагрузка на 1 лошадь и 1 трактор увеличивалось. Становится наглядно видно, что при отсутствии техники и возможности её отремонтировать нагрузка на одну сельскохозяйственную машину возросла. Техника должна была работать сверх нормы, что вызывало частые поломки и неисправности деталей. Лошади из-за сокращения поголовья были вынуждены обрабатывать гораздо большую посевную площадь, что сказывалось на глубине пахоты и на урожайности сельскохозяйственных культур. В таких условиях колхозники работали во всех областях Чернозёмного центра России.

Несмотря на сокращение количества техники и живого тягла в колхозах, объем сельскохозяйственных работ во всех трёх областях Центрального Черноземья повысился. Исходя из отчётов о работе МТС районов Чернозёмного центра России с 10 мая 1941 г., становится понятно, что объем работ увеличивался вплоть до конца декабря 1941 г. При отсутствии возможности проводить капитальный и текущий ремонт техники МТС, объем работ при использовании техники не падал за счет пере-

вода части работ на ручное исполнение или при использовании живого тягла. Нельзя забывать про патриотический подъем и единение колхозников, которые с первых дней войны сплотились и решили работать за себя и за тех, кто ушел на фронт в ряды Красной армии.

Стабилизация фронта зимой 1941–1942 г. позволила колхозам и МТС удовлетворительно подготовиться к весенним полевым работам несмотря на то, что резко снизилось участие тракторного парка МТС на сельскохозяйственных работах в 1941 г. Если в 1940 г. в Воронежской области тракторами было произведено работ на 2 890,6 тысяч га в переводе на мягкую пахоту, то в 1942 г. – 1 020,2, т.е. уменьшилось на 1 870,4 тысяч га, или 64,7 %. Анализируя данные о плане выполнения тракторных работ в МТС Воронежской области в 1940 и 1942 гг., можно увидеть катастрофическое снижение с 80,9 % от плана в 1940 году до 39,9 % от плана в 1942 году [19].

Во всех областях ЦЧ резко снизилась производительность тракторного парка и комбайнов в результате изношенности тракторов, систематической нехватки запчастей, низкой квалификации трактористов и комбайнеров и недостаточного снабжения горючим. Вследствие этого значительно снизился уровень механизации основных работ, основной объем произведенных полевых работ переместился на живую тяговую силу колхозов. Необходимо было серьезно улучшить дело снабжения МТС запчастями, т. к. ремонт тракторов только за счет реставрации запасных частей уже не мог обеспечить нормальную работу тракторов.

Огромную роль в ускорении возрождения колхозов, совхозов и МТС сыграло постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г. [5], направленное на быстрейшую ликвидацию последствий оккупации. Постановлением были определены количество, порядок и сроки возвращения колхозного скота, эвакуированного в начале войны в восточные районы страны, предусмотрены меры по увеличению поголовья скота в колхозах, оказанию помощи МТС.

После освобождения областей Центрального Черноземья в них оперативно возвращалась эвакуированная сельскохозяйственная техника для МТС. На 20 сентября 1943 г. в Курскую область было возвращено 340 тракторов и 1 102 лошади (из Тамбовской, Саратовской, Пензенской областей). В Воронежскую область было возвращено 3 753 лошади и 69 тракторов (из Саратовской).

Большую роль в восстановление колхозов Курской и Воронежской областей сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов» от 23 января 1941 г. Согласно ему первоочередными задачами в освобожденных колхозах являлись выборы председателей, укрепление кадровой системы и инвентаризация имущества. Через полгода СНК СССР принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства города Курска и Курской области», согласно которому в область было направлено 199 агрономов и 21 землеустроитель для восстановления сельского хозяйства. На 08.03.1943 г. было создано 3 838 колхоза в 50 районах Курской области (к апрелю – 4 000). К этому времени было отремонтировано: 11 255 плуга, 14 528 борон, 1 416 культиваторов, 545 кузниц. 5 – 6 сентября 1943 г. состоялось заседание Курского обкома ВКП(б), на котором было принято решение о кадровой помощи для колхозов и МТС. Согласно плану с сентября 1943 по январь 1944 гг. было необходимо подготовить 5 000 председателей, 4 600 счетоводов, 9 600 бригадиров.

До начала войны в Курской области работало 178 МТС, в которых числилось 10 361 трактор, 3 397 комбайнов, 2 136 молотилок, 3 561 культиватор, также имелось 8 МТМ. МТС Курской области выполняли вспашку 66 % посевных площадей. После

освобождения области в МТС осталось 3052 трактора из 10361 довоенного, комбайнов всего 607 из 3997 [19].

Сразу же после освобождения районов нужно было начинать массовый ремонт техники МТС, чтобы оперативно начать полевые работы. За 1943 г. в Курской области было отремонтировано 2 828 тракторов, 341 комбайн, 3 390 плугов. Помимо этого, активно шел процесс возрождения МТС. К июню 1943 г. в области насчитывалось 138 МТС, а к сентябрю 1943 г. – 147 (у них было 3149 тракторов, 1 042 комбайна). Напомним, что до войны в области было 178 МТС. На восстановление сельского хозяйства Курской области правительство ассигновало на 1943 г. около 45 млн. руб., 1 млн. руб. был отпущен колхозам на восстановление производственных построек, приобретение сельскохозяйственного инвентаря и другие нужды. В результате большой помощи, оказанной государством, и работы, проведенной партийными организациями, в 1944 г. было восстановлено 166 МТС, в которых имелось более 3,5 тысяч тракторов и 718 комбайнов [26, с. 55]. Это составило к довоенному уровню всего лишь четвертую часть тракторов и пятую часть комбайнов. В этих условиях правильная организация труда в колхозах и МТС имела особенно большое значение.

В Курской области была создана широкая сеть курсов, на которых прошли подготовку около 90 тысяч работников сельского хозяйства, в том числе более 2300 председателей колхозов. Все это благотворно сказалось на положении дел в сельском хозяйстве. План весеннего сева 1944 г. был перевыполнен, за что область была награждена переходящим Красным знаменем ГКО. К 1945 г. было восстановлено около 5 000 колхозов, все МТС, 50 из 52 совхозов. В 1945 г. МТС Курской области получили 433 новых трактора [26, с. 5]. Улучшилось снабжение горючим. В то же время уровень механизации в сельском хозяйстве продолжал оставаться низким. В 1945 г. почти половина всех площадей в колхозах была засеяна с помощью коров.

Было необходимо укомплектовать МТС профессиональными кадрами. В целом, исходя из планов подготовки кадров на 1942–1943 гг. по всему Центральному Черноземью, можно сделать вывод о нехватке кадров в МТС районов области. По трем областям планировалось подготовить 21 700 трактористов, 4 200 комбайнеров, 480 механиков. Помимо обучения новых специалистов, была организована работа по учёту и возвращению на основную работу всех специалистов, работающих не по специальности. На курсах по подготовке трактористов для МТС освобождённых районов планировалось обучить 4 900 человек. Для достижения этой цели НКЗ было дано указание о возвращении в районы специалистов сельского хозяйства, которые были эвакуированы в другие области СССР. Помимо этого, необходимо было вернуть из РККА часть специалистов, использующихся на тыловой работе не своей специальности [3, с. 74].

Иная ситуация сложилась на территории Тамбовской области, которая на всём протяжении войны находилась в положении прифронтовой области. Несмотря на отсутствие оккупации, сельское хозяйство также было вынуждено трансформироваться и адаптироваться под условия войны. С первых дней областной и районные комитеты партии, советские органы наряду с вопросами перестройки промышленности на военный лад занялись перестройкой работы колхозов, совхозов и МТС применительно к условиям военного времени. Мобилизация в армию военнообязанных разных возрастов сократила число рабочей силы в колхозах, МТС. Колхозы, совхозы, МТС передали армии много автомашин и тракторов. На 1 января 1941 г. в области насчитывалось 83 МТС, которые обслуживали 3 127 колхозов (96,3 %) и обрабатывали за год 1486,2 тысячи га (97,5 % от общей посевной площади). В МТС числилось 3 850 тракторов, 4 010 автомашин, 2 108 комбайнов [3, с. 125].

17 ноября 1941 г. ЦК партии и СНК приняли решение о создании политических отделов МТС и совхозов. Их основная задача состояла в организации партий-

ной и комсомольской работы на селе, развертывании массово-политической работы среди рабочих и служащих МТС и совхозов, среди колхозников, их сплочении вокруг партийных и комсомольских организаций, внедрение дисциплины и порядка во всей работе МТС, совхозов и колхозов, правильной расстановке коммунистов и комсомольцев на решающих участках сельскохозяйственного производства.

По состоянию на 1 декабря 1941 г. в Тамбовской области числилось 3 891 тракторист, включая подготовленных перед уборочными работами на краткосрочных курсах. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1941 г. был утвержден план подготовки сельхозкадров на курсах и в школах механизации на 1942 г. в количестве трактористов – 7 700, комбайнеров – 1 400, механиков – 150, бригадиров тракторных бригад – 240, шоферов – 200, ремонтные кадры – 250. Всего МТС, школы механизации должны были подготовить 10 843 человека [30, с. 153].

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что только к концу 1943 г. Тамбовская область начала приближаться к выполнению планов по подготовке кадров и специалистов. С начала войны и до лета 1944 г. для МТС было подготовлено 23 000 механизаторов, примерно столько же, сколько в мирное время в области готовилось в течение семи лет. Весной 1942 г. в колхозах, совхозах и МТС работало 4 500 женщин-механизаторов, бригадиров и шоферов, 3 800 трактористов и 300 комбайнеров. Во всех колхозах были пересмотрены планы уборки урожая. Правления колхозов учли все свои ресурсы и возможности.

Помимо кадровой помощи стоит отметить шефство промышленных предприятий над МТС и колхозами. Завод «Революционный труд» взял шефство над пятью МТС, завод «Комсомолец» – над четырьмя МТС, Мичуринский паровозоремонтный – над двумя МТС. Коллективы промышленных предприятий помогали подшефным МТС и колхозам ремонтировать тракторы и другие сельскохозяйственные машины, и инвентарь, реставрировали и изготавливали запчасти.

Заключение

Приведенные в статье материалы позволили нам прийти к следующим выводам: государственные органы СССР были вынуждены использовать централизованные и ограничительные методы в процессе организации работы МТС в областях центрального Черноземья, так как 1941–1942 гг. были временем лишений и испытаний для МТС Центрального Черноземья. Ситуации в трёх областях отличались. Однако во всех областях Чернозёмного центра эффективную работу по помощи МТС оказывали местные партийные организации, которые смогли аккумулировать все имеющиеся ресурсы, грамотно их распределить и направить в МТС Воронежской, Курской и Тамбовской областей. Благодаря этому начиная со второй половины 1942 г. МТС Центрально-Чернозёмного региона СССР были в состоянии выполнять нормы государственных поставок, обеспечивать продовольственную безопасность и суверенитет СССР.

Материалы исследования показали сложность и многоплановость отношения краснодарских горожан к кубанскому казачеству. Выявлена высокая роль исторической памяти о казаках как среди местного населения, выросшего в данном этнокультурном контексте, так и среди переехавших в край на постоянное место жительства, которые также начинают воспринимать казачью действительность частью краснодарской реальности. Различные мнения и обширная база комментариев информантов говорят об актуальности рассмотрения вопроса восприятия казачества краснодарцами.

Список источников и литературы

1. Анисков Т. В. Политическая деятельность работников МТС и основные направления укрепления комсомольских организаций. Тамбов, 1969. 90 с.
2. Викентьев А. И. Очерки развития советской экономики в четвертой пятилетке. М.: Госполитиздат, 1952. 252 с.
3. Ващенко А. В. Мобилизация ресурсов сельского хозяйства областей Центрального Черноземья в помощь фронту в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ващенко Алла Владимировна. Воронеж, 194 с.
4. Выцлан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М.: Мысль, 1976. 263 с.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 217. Л. 17.
6. Дубров Б. И. Повесть о первой МТС (о МТС им. Т.Г. Шевченко Березовского района). Одесса: Маяк, 1978. 74 с.
7. История колхозного права: сборник законодательных материалов СССР и РСФСР: в 2 т. Т. 2: 1937–1958 гг. / МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Госюриздат, 1958. 539 с.
8. Калабашкин А. С. Первые машинно-тракторные станции. Успехи и неудачи. М.: Наука, 1953. 124 с.
9. Каторгин И. С. Деятельность работников МТС по восстановлению сельского хозяйства в послевоенное время. М.: Госполитиздат, 1955. 92 с.
10. Кононов Н. Г. Курская деревня в годы великих испытаний 1941–1945 гг. Курск: Мечта, 2015. 613 с.
11. Куркин М. И. МТС – решающая сила в развитии колхозного производства: (В помощь лекторам и практ. работникам сельского хозяйства). Казань, 1956. 48 с.
12. Кутафьев А. Г. МТС – решающая сила колхозного движения России. М.: Наука, 1956. 33 с.
13. Мотревич В. П. Постановления и распоряжения ГКО и СНК СССР о сельском хозяйстве в годы Великой Отечественной войны // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов. Вып. 17: к 70-летию проф. В. П. Мотревича / гл. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, 2022. С. 150–220.
14. Островкий В. Б. Структуризация машинотракторного парка. М.: Наука, 1967. 54 с.
15. Очерки истории Воронежской организации КПСС / отв. ред. А. В. Лосев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1967. 549 с.
16. Очерки истории Курской организации КПСС. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1980. 415 с.
17. Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1970. 479 с.
18. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 7486. Оп. 3. Д. 5745а. Л. 19–20.
19. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 5749. Л. 56–59.
20. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 440. Л. 24.
21. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 5625. Л. 1–2.
22. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 5725. Л. 78.
23. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 5740. Л. 56.
24. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 5720. Л. 68.
25. Соколова О. В. Реформирование агропромышленного комплекса Курской области через МТС // Курский край. 2003. № 1-2. С. 54–56.
26. Томилин В. Н. Наша крепость: машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М.: АИРО-XXI, 2009. 397 с.
27. Трапезников С. П. История развития МТС. М.: Госполитиздат, 1966. 124 с.
28. Тюрина А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946–1958 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1973. 310 с.
29. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 223 с.

References

1. Aniskov, TV 1969, *Politicheskaya deyatelnost rabotnikov MTS i osnovnye napravleniya ukrepleniya komsomolskikh organizatsiy* (Political activity of MTS workers and main directions of strengthening Komsomol organizations), Tambov. (In Russ.)
2. Vikentyev, AI 1952, *Ocherki razvitiya sovetskoy ekonomiki v chetvertoy pyatiletke* (Essays on the development of the Soviet economy in the fourth five-year plan), Gospolitizdat publ, Moscow. (In Russ.)
3. Vashchenko, AV 2000, *Mobilizatsiya resursov selskogokhozyaystva oblastey Tsentralnogo Chernozem'ya v pomoshch frontu v gody Veliko y Otechestvennoy voyny* (Mobilization of agricultural resources of the regions of the Central Chernozem Region to help the front during the Great Patriotic War), PhD thesis, Voronezh State Agrarian University named after K.D. Glinka, Voronezh. (In Russ.)
4. Vytslan, MA 1976, *Vosstanovleniye i razvitiye materialno-tekhnicheskoy bazy kolkhoznogo stroya (1945-1958)* (Restoration and development of the material and technical base of the collective farm system (1945-1958)), USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR, Mysl publ, Moscow. (In Russ.)
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* (State Archive of the Russian Federation), Fund R-5446, Inventory 1, File 217, Sheet 17. (In Russ.)
6. Dubrov, BI 1978, *Povest o pervoy MTS (o MTS im. T.G. Shevchenko Berezovskogo rayona)* (The story of the first MTS (about the T.G. Shevchenko MTS of the Berezovsky district), Mayak publ, Odessa. (In Russ.)
7. *Istoriya kolkhoznogo prava: Sbornik zakonodatelnykh materialov SSSR i RSFSR* (History of collective farm law: Collection of legislative materials of the USSR and RSFSR), 1958-1959, vol. 2, Lomonosov Moscow State University, Gosyurizdatpubl, Moscow. (In Russ.)
8. Kalabashkin, AS 1953, *Pervye mashinno-traktornye stantsii. Uspekhi i neudachi* (The first machine and tractor stations. Successes and failures). Naukapubl, Moscow. (In Russ.)
9. Katorgin, IS 1955, *Deyatelnost rabotnikov MTS po vosstanovleniyu selskogo khozyaystva v poslevoennoe vremya* (Activity of MTS workers in the restoration of agriculture in the post-war period), Gospolitizdat publ, Moscow. (In Russ.)
10. Kononov, NG 2015, *Kurskaya derevnya v gody velikikh ispytaniy 1941–1945 gg.* (Kursk village during the years of great trials 1941–1945), Mechta publ, Kursk. (In Russ.)
11. Kurkin, MI 1956, *MTS – reshayushchaya sila v razvitii kolkhoznogo proizvodstva: (V pomoshch lektoram i prakt. Rabotnikam selskogo khozyaystva)* (MTS is a decisive force in the development of collective farm production: (To help lecturers and practical agricultural workers)), Kazan. (In Russ.)
12. Kutafyev, AG 1956, *MTS – reshayushchaya sila kolkhoznogo dvizheniya Rossii* (MTS is a decisive force of the collective farm movement in Russia), Naukapubl, Moscow. (In Russ.)
13. Motrevich, VP 2022, 'Postanovleniya i rasporyazheniya GKO i SNK SSSR o selskom khozyaystve v gody Velikoy Otechestvennoy voyny' (Resolutions and orders of the GKO and SNK of the USSR on agriculture during the Great Patriotic War), in: AS Smykalin (ed.), *Problemy istorii i obshchestva, gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh trudov* (Issues of the history of society, state and law: collection of scientific papers), vol. 17, Vyp. 17-y: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya professora Vladimira Pavlovicha Motrevicha (To the 70th anniversary of the birth of Professor Vladimir Pavlovich Motrevich). Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, pp. 150-220. (In Russ.)
14. Ostrovskiy, VB 1967, *Strukturizatsiya mashinotraktornogo parka* (Structuring of the machine and tractor fleet), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
15. Losev, AV (ed.) 1967, *Ocherki istorii Voronezhskoy organizatsii KPSS* (Essays on the history of the Voronezh organization of the CPSU), Tsentralno-Chernozemnoe knizhnoe izdatelstvo publ, Voronezh. (In Russ.)
16. Elagin, VI, Torburg, RN & Klimov, IYa 1980, *Ocherki istorii Kurskoy organizatsii KPSS* (Essays on the history of the Kursk organization of the CPSU). Tsentralno-Chernozemnoe knizhnoe izdatelstvo publ, Voronezh. (In Russ.)

17. Okatov, NA & Sazonova, OK (eds.) 1970, *Ocherki istorii Tambovskoy organizatsii KPSS* (Essays on the history of the Tambov organization of the CPSU), Tsentralno-Chernozemnoe knizhnoe izdatelstvo publ, Voronezh. (In Russ.)
18. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* (Russian State Archive of the Economy), Fund 7486, Inventory 3, File 5745a, Sheets 19-20. (In Russ.)
19. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* (Russian State Archive of the Economy), Fund 7486, Inventory 3, File 5749, Sheets 56-59. (In Russ.)
20. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* (Russian State Archive of the Economy), Fund 7486, Inventory 3, File 440, Sheet 24. (In Russ.)
21. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* (Russian State Archive of the Economy), Fund 7486, Inventory 3, File 5625, Sheets 1-2. (In Russ.)
22. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* (Russian State Archive of the Economy), Fund 7486, Inventory 3, File 5725, Sheet 78. (In Russ.)
23. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* (Russian State Archive of the Economy), Fund 7486, Inventory 3, File 5740, Sheet 56. (In Russ.)
24. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki (RGAE)* (Russian State Archive of the Economy), Fund 7486, Inventory 3, File 5720, Sheet 68. (In Russ.)
25. Sokolova, OV 2003, 'Reformirovanie agropromyshlennogo kompleksa Kurskoy oblasti cherez MTS' (Reforming the agro-industrial complex of the Kursk region through the MTS), *Kurskiy kray*, vols 1-2, pp. 54-56. (In Russ.)
26. Tomilin, VN 2009, *Nasha krepost: mashinno-traktornye stantsii Chernozemnogo Tsentra Rossii v poslevoenny period: 1946-1958 gg.* (Our fortress: machine and tractor stations of the Chernozem Center of Russia in the post-war period: 1946-1958), AIRO-XXI publ, Moscow. (In Russ.)
27. Trapeznikov, SP 1966, *Istoriya razvitiya MTS* (History of MTS development), Gospolitizdat publ, Moscow. (In Russ.)
28. Tyurina, AP 1973, *Formirovaniye kadrov spetsialistov i organizatorov kolkhoznogo proizvodstva. 1946-1958 gg.* (Formation of personnel of specialists and organizers of collective farm production. 1946-1958), USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR, Naukapubl, Moscow. (In Russ.)
29. Stalin, IV 1952, *Ekonomicheskiye problem sotsializma v SSSR* (Economic problems of socialism in the USSR), Gospolitizdat publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.02.2026
Одобрена после рецензирования: 02.03.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 06.02.2026
Approved after reviewing: 02.03.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 81'373

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-162-171>

О КРИТЕРИЯХ ДОСТОВЕРНОСТИ В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

**Ольга Ивановна
Авдеева**

Московский педагогический государственный
университет, Институт филологии
Москва, Россия, olavd@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8215-5664>

Аннотация. В статье рассмотрена проблема определения истинности и ложности этимологий фразеологических единиц. Цель исследования – предложить систему критериев достоверности этимологии фразеологизмов, позволяющую на научной основе выявлять наиболее адекватные их этимологии, а также доказать эффективность данной системы на примере анализа этимологии конкретных единиц. В настоящее время вопрос об истинной и ложной этимологии стоит особенно остро, так как во фразеологической науке накоплен достаточно большой массив этимологических справок фразеологизмов, определить истинность и ложность которых достаточно трудно. Для определения достоверности той или иной этимологии необходимо было выработать комплекс объективных критериев, позволяющих приблизиться к истинной этимологии путем отсеивания явно ложных этимологий в результате их проверки по каждому предлагаемому критерию. В работах многих учёных (В. М. Мокиенко, Н. М. Шанского, В. И. Зимина и других) достаточно подробно разработаны те критерии, которые в данной статье названы нами логическим и лексико-семантическим. Однако нельзя ограничиваться использованием только этих двух критериев определения достоверности фразеологических этимологий, так как их оказывается недостаточно для выявления истинности и ложности этимологий фразеологизмов, которые основываются как на интуиции исследователя, так и на мнениях авторитетных ученых, которые иногда также могут оказываться чрезмерно субъективными. Предлагаемый нами комплекс критериев достоверности этимологий фразеологизмов представляет собой единый научный аппарат, призванный ликвидировать пробелы в современной фразеологической этимологии и предложить объективный научный подход к решению этой проблемы. Комплекс включает в себя следующие критерии: логический, лексико-семантический, денотативно-частотный, синтаксический, сопоставительный, компонентно-этимологический и источниковедческий.

В результате их комплексного применения исследователь получает возможность объективной оценки достоверности фразеологических этимологий, что позволяет ему приблизиться к истинной этимологии фразеологизма.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, фразеологическая единица, внутренняя форма фразеологизма, истинная этимология, ложная этимология, критерии достоверности, достоверность, В.И. Зимин, фразеография.

Для цитирования: Авдеева О. И. О критериях достоверности в этимологических исследованиях фразеологизмов // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 162–171. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-162-171>

Сведения об авторе: О. И. Авдеева – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания имени И. Г. Добродомова, Московский педагогический государственный университет, Институт филологии, 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр.1.

© Авдеева О. И., 2026

Scientific Article
UDC 81'373
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-162-171>

ON THE CRITERIA OF RELIABILITY IN ETYMOLOGICAL RESEARCH OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Olga I. Avdeeva

Moscow State Pedagogical University,
Institute of Philology,
Moscow, Russia, olavd@yandex.ru.
<https://orcid.org/0009-0006-8215-5664>

Abstract. This article examines the problem of determining the truth and falsity of the etymologies of phraseological units. The purpose of the study is to propose a system of criteria for the reliability of the etymology of phraseological units, allowing for the scientific identification of the most adequate etymologies, as well as to demonstrate the effectiveness of this system through the analysis of the etymologies of specific units. Currently, the question of true and false etymology is particularly pressing, as phraseological science has accumulated a fairly large body of etymological references for phraseological units, the truth and falsity of which are quite difficult to determine. To determine the reliability of a given etymology, it was necessary to develop a set of objective criteria that would allow us to approach the true etymology by eliminating obviously false etymologies as a result of their verification according to each proposed criterion. The works of many scholars (V. M. Mokienko, N. M. Shansky, V. I. Zimin, and others) have developed in considerable detail the criteria that we call logical and lexical-semantic in this article. However, relying solely on these two criteria for determining the validity of phraseological etymologies is insufficient to determine the truth or falsity of phraseological etymologies, which are based both on the researcher's intuition and on the opinions of authoritative scholars, which can sometimes be overly subjective. The set of criteria we propose for the validity of phraseological etymologies represents a unified scientific framework designed to fill the gaps in modern phraseological etymology and offer an objective, scientific approach to solving this problem. The set includes the following criteria: logical, lexical-semantic, denotative-frequency, syntactic, comparative, component-etymological, and source studies.

By applying these criteria together, the researcher gains the ability to objectively assess the validity of phraseological etymologies, allowing them to gain insight into the true etymology of a phraseological unit.

Keywords: phraseology, phraseology, phraseological unit, internal form of phraseology, true etymology, false etymology, criteria of reliability, reliability, V. I. Zimin, phraseography.

For citation: Avdeeva, OI 2026, 'On the Criteria of Reliability in Etymological Research of Phraseological Units', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 162–171, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-162-171> (in Russ.)

Information about the Author: Olga I. Avdeeva – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics named after I.G. Dobrodomov, Moscow State Pedagogical University, Institute of Philology, 1 st. Malaya Pirogovskaya, Moscow, 119435, Russia

Введение

Фразеология, являясь достаточно молодой наукой, к настоящему времени прошла несколько этапов в своём развитии, из которых можно выделить в качестве наиболее крупных следующие три этапа: 1-й этап – структурно-семантического подхода (научные работы В. В. Виноградова, Н. М. Шанского и многих других – с 40 до середины 70-х годов); 2-й этап – функционально-речевого подхода к фразеологии (с середины 70 – начала 80-х годов); 3-й этап – антропологической парадигмы во фразеологии (с 80-х годов), внутри которой с 90-х годов формируется лингвокультурологический подход к фразеологии (школа В. Н. Телия) [15, с. 7–8]. Однако параллельно в это же время, в 80–90-е и последующие годы, велись активные исследования в области фразеологической этимологии. В. М. Мокиенко отмечает, что «постоянная актуализация диахронического плана и его важное значение для функционирования фразеологизмов как экспрессивных единиц особенно остро ставит проблему исторической фразеологии» [14, с. 245]. Этимологические исследования фразеологизмов породили большое количество гипотез их возникновения, многие из которых носят спорный, явно гипотетический характер, иногда даже антинаучный, что объясняется несколькими причинами: прежде всего, молодостью фразеологической этимологии как раздела науки – до сих пор идет активный сбор материала, и кроме того – особенностями самого фразеологического материала, который является более подвижным, «живым», чем лексический пласт языка. Для фразеологии характерно стремительное появление новых единиц и уход в пассивный запас языка целого ряда быстро устаревающих единиц.

Русская фразеология по своему происхождению преимущественно ситуативна: наши фразеологизмы основаны на описании жизненных ситуаций, наглядных образов, в то время как фразеология других народов, например, персидского, китайского, в значительной степени основана на фольклоре и литературных источниках, благодаря чему основной пласт национальной фразеологии в этих языках составляют крылатые выражения. Поэтому в них подходы к этимологическому анализу фразеологизмов и слов близки: главную роль в этом случае играет анализ письменных источников, что крайне затруднено во фразеологической этимологии русского языка.

В настоящее время развитие русской фразеологической этимологии привело к объективной необходимости выработки специальных критериев достоверности этимологии фразеологизмов.

Материалы и методы

В данном исследовании использованы такие общенаучные методы, как метод наблюдения, сравнения, анализа, синтеза, описания, а также использованы такие специальные лингвистические приёмы и методы, как метод толкования лингвистических единиц, метод оппозиционного анализа, метод синхронной этимологии, приём идентификации фразеологических единиц, который используется для выявления значений фразеологизмов. Он был предложен Шарлем Балли [4, с. 101] и в русской фразеологии подробно описан Ю. А. Гвоздарёвым [7]. Сущность приёма идентификации заключается в подборе «абстрактного слова или словосочетания, выражающего данную мысль в ее простейшей форме» [7, с. 191].

Вышеперечисленные методы используются как для анализа фразеологического и этимологического материала, так и для выработки критериев достоверности этимологии фразеологических единиц.

Исследование

Цель данного исследования – предложить систему критериев достоверности этимологии фразеологизмов, позволяющую на научной основе выявлять наиболее адекватные их этимологии, доказать эффективность данной системы на примере анализа этимологии конкретных единиц.

Проблему достоверности научных исследований в разных областях, в том числе в области исторической лексикологии, ставил и разрабатывал в своих трудах И. Г. Добродомов [8; 9], в частности в статье «Проблемы филологической достоверности слова в словарях» (1975) он отмечал: «Словари представляют собой не только результат определенной исследовательской работы составителя с учётом предшествующей лексикографической традиции, но и базу для дальнейших лексикологических и этимологических разысканий, поэтому надёжность словарных данных обеспечивает правильность выводов, основанных на этих материалах. Однако специфика словарного дела, связанного с осмыслением очень большого материала, которым составитель владеет далеко не в одинаковой степени, не исключает возможности ошибок, обнаруживающихся как в словнике, так и в пояснительной части» [9, с. 29]. Данное высказывание оказывается важным и верным не только для исторической лексикологии, оно оказывается универсальным для любой области филологии, опирающейся на словарные данные. Разработкой данной проблемы во фразеологии занимались В. М. Мокиенко, Ю. А. Гвоздарев, В. И. Зимин, А. С. Спирин и многие другие. Однако определение истинности или ложности фразеологических этимологий до настоящего времени представляет определённую трудность и чаще всего опирается на интуитивное восприятие исследователя или на апелляцию к мнению авторитетных учёных, которые в своё время опирались на культурно-исторические данные, а также на собственную интуицию, что создало почву для высокой степени субъективности в области фразеологической этимологии. Для успешного решения этой проблемы необходима выработка чётких критериев достоверности фразеологических этимологий.

Н. М. Шанский определил основные задачи традиционного этимологического анализа фразеологизмов следующим образом: «1) определение исконного или заимствованного характера фразеологизма; 2) установление времени его появления в русском языке как определённой значимой единицы с определённым значением, лексико-грамматическим составом и структурой; 3) реконструкция его исходной формы и структурно-семантического характера; 4) выяснение образа, положенного в основу фразеологического оборота, если он появился в языке как метафорическое название» [19, с. 7].

Предложенный В. И. Зиминым метод синхронной этимологии [1; 12], прежде всего, способствует выяснению образной основы фразеологизма (пункт 4), и, как следствие – реконструкции его исходной формы (пункт 3).

Опираясь на идеи В. Н. Топорова о необходимости синхронной этимологии лексики, В. И. Зимин развил их и применил к анализу фразеологического корпуса языка. Если В. Н. Топоров говорил о необходимости этимологического анализа недавно образованных слов [17, с. 52], то В. И. Зимин «расширил понимание синхронной этимологии, включив в неё не только анализ недавно образованных фразеологизмов, но и современное прочтение старых фразеологизмов, но с ещё сохранившимися этимологическими связями» [1, с. 7]. Это послужило основой для применения эксперимента при этимологическом анализе фразеологического материала.

Синхронная этимология В. И. Зимина, благодаря использованию различных видов опросов, тестирования, приёма самоанализа представляет собой область лингвистики, возникшую на стыке фразеологии и социолингвистики. Именно понимание фразеологизма современными носителями языка дает достоверный материал

как для социолингвистики – для оценки лингвистической компетентности информантов – современных носителей языка, так и для фразеологии – для выявления внутренней формы фразеологизмов, особенно в спорных случаях.

В. И. Зимин отмечает, что «мотивация... всего фразеологизма объясняется не покомпонентно, а тем образом, который лежит в основе значения фразеологизма» [10, с. 34].

Анализируя внутреннюю форму фразеологизма, лингвисты часто смешивают два понятия – первичный образ, лёгший в основу фразеологизма, и идею этого образа. На наш взгляд, исследование *внутренней формы фразеологизма* «позволило выявить в её составе два компонента: *образную основу фразеологизма*, или *первичный образ* (т. е. значение прототипа фразеологизма в прямом смысле), и *идейную основу фразеологизма*, т. е. *идею первичного образа*. Именно идея первичного образа и порождает общее значение фразеологизма» [2, с. 61–62].

Таким образом, синхронная этимология В. И. Зимина заложила основы для создания системы критериев достоверности фразеологической этимологии, а именно благодаря ей на научной основе можно определить первые 2 критерия достоверности: учет логической правильности и учет лингвистической правильности, а именно – структуры и компонентного состава фразеологизма. Однако опыт показал как важность этих аспектов исследования фразеологической этимологии, так и их недостаточность для выявления истинной этимологии фразеологизмов из целого ряда бытующих в настоящее время этимологий.

Основными критериями достоверности фразеологической этимологии являются следующие.

1. *Логический критерий* – это учёт логической правильности внутренней формы фразеологизма. Например, происхождение фразеологизма **братъ быка за рога** со значением ‘начинать действовать энергично, решительно, сразу и с самого главного’ [20, с. 354] В. И. Зимин в ряде своих работ объясняет ситуацией нападения быка на человека, когда человек должен схватить быка за рога, резко повернуть и прижать его к земле. Даже если допустить возможность такой ситуации, то значение фразеологизма было бы другим – ‘победить сильного врага’, но это не так. Логика подсказывает, что возникновение этого фразеологизма, скорее всего, связано не с борьбой с быком, а с ситуацией работы или поездки на нём, когда человек сразу, без промедления приступает к делу.

2. *Лексико-семантический критерий* – в результате на основе применения логического критерия производится корректировка лексической правильности формы фразеологизма, его структуры и компонентного состава. Примером могут служить две формы фразеологизма **с бору по сосенке** – **с бору и (да) с сосенки**, обозначающие ‘случайно, без разбору, отовсюду понемногу (набирать кого-л.)’. В словаре Бириха А. К., Мокиенко В. М. и Степановой Л. И. «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» [5]. отмечено, что в прямом значении описана ситуация, когда собирают «с каждого бора по одной сосенке, т. е. из разных лесов по маленькой сосне. Переносно – набор неоднородных предметов» [5, с. 62]. Логический анализ поддерживает форму фразеологизма **с бору по сосенке** и совершенно отвергает вторую форму – **с бору и (да) с сосенки**, которая созвучна с первой, но с логической точки зрения является полной бессмыслицей.

3. *Денотативно-частотный критерий* – это учёт типичности ситуации, отраженной во фразеологизме для бытия данного народа. Рассматривая когнитивные основы процесса образования идиоматических единиц, Н. Ф. Алефиренко отме-

чает, что «...для вхождения общего представления о фрагменте действительности в этнокультурное пространство необходимо вычленив из общего (полного) набора признаков прецедента лишь те, которые являются социально значимыми именно для данного лингвокультурного сообщества» [3, с. 292]. Однако то, что типично и значимо для одного народа, может оказаться нетипичным и незначимым для другого. «Из этого следует, что универсальное (общечеловеческое) когнитивное пространство редуцируется, членится и концептуализируется лингвокультурными сообществами по-разному» [3, с. 292]. В качестве примера рассмотрим две этимологии фразеологизма **биться как рыба об лёд**. Большинство исследователей считают, что в основу легла ситуация, когда пойманная рыба бьётся об лёд, пытаясь спастись. Этой точки зрения придерживался и В. И. Зимин, но позже под влиянием А. С. Спирина он предложил другую точку зрения: в основу фразеологизма легла ситуация, когда рыба зимой бьётся из-под льда из-за нехватки кислорода [10, с. 37]. Вызывает сомнение, что данную ситуацию регулярно могло наблюдать большое количество людей, что является непременным условием для возникновения фразеологизма в данном языке. Иначе говоря, «нетипичность данной ситуации ставит под сомнение правдоподобность её использования как этимологической основы данного фразеологизма. Более правдоподобной представляется первая гипотеза, к которой в дальнейшем вернулся В. И. Зимин, и она нашла отражение в поздних его работах» [12, с. 592].

4. *Синтаксический критерий* (факультативно) – учёт правильности использования синтаксической конструкции. Рассмотрим использование данного критерия на примере фразеологизма **конь (ещё) не валялся** со значением ‘ничего еще не начато, не сделано кем-либо’ [18, с. 196], подробный анализ этимологии которого дал В. М. Мокиенко в своём справочнике «Почему так говорят? От Авось до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии» [13]. В современной фразеологии выделяются 4 основные этимологии данного фразеологизма: первая версия «отражает русский крестьянский обычай давать лошади поваляться перед тем, как её запрягать, чтобы она меньше уставала во время работы» [13, с. 280]; вторая версия – катание по земле животных имело в прошлом «весьма важную обрядовую символику и было опутано сетью суеверных, магических представлений» [13, с. 280]; третья версия – «лошади катаются по земле, чтобы на них не надевали седло или хомут» [13, с. 280]; четвертая версия связана с процессом «холощения» коня; она подверглась критике большинством учёных, в том числе и её авторами, как основанная на нетипичной, нечастотной ситуации для большинства носителей языка, т. е. она не выдерживает критики как не удовлетворяющая требованиям третьего критерия – денотативно-частотного.

Учитывая реалии сегодняшнего дня, мы не можем оставить без внимания пятую версию, бытующую на просторах интернета и таким образом транслируемую на миллионы читателей. Она изложена в научно-популярной статье В. Титова «Где валяются кони?», опубликованной в журнале «Наука и жизнь» [16], и представленная автором как единственно верная версия возникновения этого фразеологизма. Она заключается в том, что происхождение данного фразеологизма связано не с конём, а с процессом валяния валенок, которые якобы валяются с мыска – с «кона» – с начала. В результате ассимиляции **кон не валялся** превращается в [конневалялся] **в конь не валялся**. Однако данная версия не выдерживает критики по трём критериям: 1) по логическому, так как валенок

валяют не с мыска, а целиком; 2) по синтаксическому, так как для неодушевленного предмета в русском языке более типичен действительный залог, а не страдательный: для русской устной речи более приемлемой явилась бы неопределённо-личная конструкция – **кон еще не валяли**; 3) по сопоставительному критерию, который рассмотрен нами ниже.

5. *Сопоставительный критерий* – это сопоставление с фразеологизмами-эквивалентами в родственных языках. В украинском и белорусском языках есть фразеологизмы **конь не валялся** и **кот не валялся**, что указывает на то, что первоначально всё-таки речь шла об одушевленном предмете – о животном. Компонент кот появился, скорее всего, как созвучное с компонентом конь.

6. *Компонентно-этимологический критерий* – это учёт этимологии компонентов фразеологической единицы. Например, в составе фразеологизма **беситься с жиру** со значением ‘привередничать от безделья, пресыщения’ [6, с. 77] компонент *жир* имеет не современное значение ‘маслянистая масса’, а устаревшее – ‘богатство, достаток’.

7. *Источниковедческий критерий* (факультативно) – это анализ достоверных литературных, религиозных, публицистических и исторических источников для тех фразеологизмов, которые имеют длительную, зафиксированную в письменности историю.

Заключение

Вопрос об истинной и ложной этимологии стоит особенно остро в настоящее время, так как фразеологическая наука в результате своего развития к этому времени накопила достаточно большой массив этимологических справок фразеологизмов, определить истинность и ложность которых достаточно трудно. Основным показателем истинности той или иной этимологии должен быть не авторитет учёного, предложившего данную этимологию (как это часто происходит в настоящее время), а комплекс объективных критериев, позволяющих приблизиться к истинной этимологии путем отсека явных ложных этимологий в результате их проверки по каждому предлагаемому критерию. В работах В. М. Мокиенко, Н. М. Шанского, В. И. Зимина и многих других учёных достаточно подробно разработаны те критерии, которые в данной работе названы нами логическим и лексико-семантическим. Однако преимущественного использования этих двух критериев определения достоверности фразеологических этимологий оказывается недостаточно для выявления истинности и ложности этих этимологий. Предлагаемый нами комплекс критериев достоверности включает в себя такие критерии: логический, лексико-семантический, денотативно-частотный, синтаксический, сопоставительный, компонентно-этимологический и источниковедческий критерии.

Таким образом, только «просеивание» через густое «сито» предложенных критериев достоверности фразеологических этимологий, а именно – учёт всего комплекса перечисленных критериев позволит приблизиться к истинной этимологии фразеологизма.

Список источников и литературы

1. Авдеева О. И. Метод синхронной этимологии фразеологизмов в действии: верификация словарных значений и форм фразеологизмов // Славянская фразеология и паремиология: сб. науч. статей. Вып. 3. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. С. 3–7.
2. Авдеева О. И. "Когда летают белые мухи?" (О фразеологических наблюдениях В. И. Зимина и А. С. Спирина) // Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Общая и русская фразеология:

- из прошлого в будущее», посвящ. памяти д-ра филол. наук, проф. Валентина Ильича Зимина, г. Москва, 26 ноября 2021. М.: МГПУ, 2022. С. 59–67.
3. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
 4. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка: учеб. пособие. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
 5. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология: историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
 6. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. 448 с.
 7. *Гвоздарёв Ю. А.* Основы русского фразообразования: монография. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Логос, 2010. 246 с.
 8. *Добродомов И. Г.* Проблема филологической достоверности материала в исторических исследованиях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 5–20.
 9. *Добродомов И. Г.* Проблема филологической достоверности слова в словарях // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. 1975. Вып. 4. С. 29.
 10. *Зимин В. И.* Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // Современная фразеология: тенденции и инновации: монография / Н. Ф. Алефиренко [и др.]. М.; СПб.; Брянск: Новый проект, 2016. С. 32–51.
 11. *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2017. 736 с. (Настольные словари русского языка).
 12. *Зимин В. И., Авдеева О. И.* Синхронная этимология как средство уточнения значения фразеологизмов // Когнитивные исследования языка. Вып. 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сб. науч. трудов, посвящ. памятного юбилею Вероники Николаевны Телия / отв. ред. М. Л. Ковшова. Тамбов: Державинский, 2021. С. 585–595.
 13. *Мокиенко В. М.* Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб.: Норинт, 2004. 512 с.
 14. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
 15. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
 16. *Титов В.* Где валяются кони? // Наука и жизнь. 2015. № 6. 2 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/26452/> (дата обращения: 03.11.2025).
 17. *Топоров В. Н.* О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 44–59.
 18. Фразеологический словарь русского языка (свыше 4000 единиц) / сост. Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006. 524 с.
 19. *Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: Рус. язык, 1987. 240 с.
 20. *Яранцев Р. И.* Русская фразеология: словарь-справочник. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. язык-Медиа, 2006. 894 с.

References

1. Avdeeva, OI 2023, 'Metod sinkhronnoy etimologii frazeologizmov v deystvii: verifikatsiya slovarnykh znacheniy i form frazeologizmov'(The method of synchronous etymology of phraseological units in action: verification of dictionary meanings and forms of phraseological units), in E.I. Timoshenko (ed.) *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya* (Slavic phraseology and paremiology), no. 3, Gomel State University named after F. Skorina, Representative Office of Rossotrudnichestvo in the Republic of Belarus, Russian Center for Science and Culture in Gomel, GGU im. F. Skoriny publ, Gomel, pp. 3 - 7. (In Russ.)

2. Avdeeva, OI 2022, 'Kogda letayut belyye mukhi?' (O frazeologicheskikh nablyudeniyakh V. I. Zimina i A.S. Spirina) ("When do white flies fly?" (on the phraseological observations of V.I. Zimin and A.S. Spirin)), in O. I. Avdeeva (ed.) *Obshchaya i russkaya frazeologiya: iz proshlogo v budushcheye: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Obshchaya i russkaya frazeologiya: iz proshlogo v budushcheye", posvyashchennoy pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora Valentina Ilyicha Zimina* (General and Russian phraseology: from the past to the future. Proceedings of the International scientific and practical conference "General and Russian phraseology: from the past to the future", dedicated to the memory of Valentin Ilyich Zimin, Doctor of Philological Sciences, Professor), 26 November 2021, Moscow, MPGU publ, Moscow, pp. 59 - 67. (In Russ.)
3. Alefirenko, NF 2002, *Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kultury* (Poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture, Academia publ, Moscow. (In Russ.)
4. Bally, C 1955, *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* (General linguistics and issues of the French language), trans. E. V. Ventzel, T. V. Ventzel, ed. R. A. Budagova, Izd-vo inostrannoy literatury publ, Moscow. (In Russ.)
5. Birikh, AK, Mokiyeenko, VM & Stepanova, LI 2005, *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar. Okolo 6000 frazeologizmov* (Russian phraseology. Historical and etymological dictionary. About 6000 phraseological units), Astrel publ, AST publ, Lyuks publ, Moscow. (In Russ.)
6. Birikh, AK, Mokiyeenko, VM & Stepanova, LI 2023, *Slovar frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* (Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language), AST-PRESS SHKOLA publ, Moscow. (In Russ.)
7. Gvozdayov, YuA 2010, *Osnovy russkogo frazeobrazovaniya. Monografiya* (Basics of Russian phrase formation. Monograph), NMTS «Logos» publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
8. Dobrodomov, IG 2002, 'Problema filologicheskoy dostovernosti materiala v istoricheskikh issledovaniyakh' (The problem of philological reliability of material in historical research), *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki*, no. 4 (10), Moscow, pp. 5-20. (In Russ.)
9. Dobrodomov, IG 1975, 'Problema filologicheskoy dostovernosti slova v slovaryakh' (The problem of philological reliability of a word in dictionaries), *Problemy slavyanskoy istoricheskoy leksikologii i leksikografii*, no. 4. p. 29. (In Russ.)
10. Zimin, VI 2016, 'Osnovnyye roli obraza v semanticheskoy strukture frazeologizma' (The main roles of the image in the semantic structure of a phraseological unit), *Sovremennaya frazeologiya: tendentsii i innovatsii* (Modern phraseology: trends and innovations), ed. A.P. Vasilenko, Novyy proyekt publ, Moscow, St. Petersburg, Bryansk, pp. 32–51. (In Russ.)
11. Zimin, VI 2017, *Slovar-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* (Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings, and apt expressions), AST-PRESS SHKOLA publ, Moscow. (In Russ.)
12. Zimin, VI & Avdeeva, OI 2021, 'Sinkhronnaya etimologiya kak sredstvo utochneniya znacheniya frazeologizmov' (Synchronic etymology as a means of clarifying the meaning of phraseological units), *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* (Cognitive studies of language), no. 2 (45), ed. M.L. Kovshova, Izdatelskiy dom «Derzhavinskiy» publ, Tambov, pp. 585-595. (In Russ.)
13. Mokiyeenko, VM 2004, *Pochemu tak govoryat? Ot Avosya do Yatya: Istoriko-etimologicheskii spravochnik po russkoy frazeologii* (Why Do They Say That? From Avos to Yat. Historical and Etymological Handbook of Russian Phraseology), Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)
14. Mokiyeenko, VM 1989, *Slavyanskaya frazeologiya* (Slavic Phraseology), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
15. Teliya, VN 1996, *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* (Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects), Shkola «Yazyki russkoy kultury» publ, Moscow. (In Russ.)
16. Titov, V 2015, 'Gde valyayutsya koni?' (Where Are the Horses Lying Around?), *Nauka i zhizn* (Science and Life), no. 6, viewed 3 November 2025, <https://www.nkj.ru/archive/articles/26452/> (In Russ.)

17. Toporov, VN 1960, 'O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniyakh etimologicheskogo analiza' (About some theoretical foundations of etymological analysis), *Voprosy yazykoznaniya* (Topics in the study of languages), no. 3. pp. 44-59. (In Russ.)
18. Voinova, LA, Zhukov, VP, Molotkov, AI & Fedorov, AI 2006, *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka (svyshe 4000 yedinit)* (Phraseological dictionary of the Russian language (over 4000 units)), ed. A.I. Molotkov, AST publ, Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
19. Shanskiy, NM, Zimin, VI & Filippov, AV 1987, *Opyt etimologicheskogo slovary russkoy frazeologii* (Experience of an etymological dictionary of Russian phraseology), Russkiy yazyk publ, Moscow. (In Russ.)
20. Yarantsev, RI 2006, *Russkaya frazeologiya. Slovar-spravochnik: ok. 1500 frazeologizmov* (Russian Phraseology. A Dictionary and Reference Book. Approx. 1,500 Phraseological Units), Russkiy yazyk – Media publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 31.03.2026
Одобрена после рецензирования: 30.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 31.03.2026
Approved after reviewing: 30.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-172-180>

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА «БРАТЬ БЫКА ЗА РОГА»)

**Андрей Владимирович
Григорьев**

Московский педагогический
государственный университет
Москва, Россия, greg988@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7697-7924>

Аннотация. В настоящее время существующие современные историко-этимологические словари в целом дают представление о происхождении фразеологизмов русского языка, тем не менее многие сведения, содержащиеся в лексикографических и научных источниках, нуждаются в верификации с позиции достоверности.

Цель данной статьи – на материале исследования устойчивого выражения *брать быка за рога* показать, что посредством анализа достоверности источников мы, используя современные текстологические и корпусные методы, можем адекватно описывать и уточнять историю и этимологию фразеологизмов.

В статье показано, что описываемый в современных этимологических словарях образ фразеологизма, основанный на представлении о традиционном способе усмирения быка в античности, является результатом позднейшего переосмысления первоначальной внутренней формы под влиянием литературных источников. Реконструкция первоначального образа потребовала привлечения достоверных датированных источников на европейских языках и исторических сведений. Определено, что в фиксируемой в различных языках форме фразеологизм возник под влиянием традиционных западноевропейских развлечений с быками, его первоначальное значение отличалось от современного. Эти данные получены на основании точно датированных источников, в том числе лексикографических.

Анализ материала показал, что, хотя фразеологизмы гораздо реже, чем отдельные лексемы, фиксируются в лингвистических корпусах и исторических словарях, тем не менее современное состояние корпусной лингвистики, наличие большого количества оцифрованных текстов, организованных в доступные базы, позволяет верифицировать данные, содержащиеся в изданных исторических и этимологических фразеологических словарях, и тщательно и с высокой степенью достоверности с использованием текстологических и корпусных методов реконструировать внутреннюю форму фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, этимология, внутренняя форма фразеологизма, семантика, заимствование, русский язык, французский язык, английский язык.

Для цитирования: Григорьев А. В. Проблема достоверности источников и исследований по русской фразеологии (на примере анализа происхождения фразеологизма «брать быка за рога») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 172–180. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-172-180>

Сведения об авторе: А. В. Григорьев – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего языкознания имени И. Г. Добродомова, Московский педагогический государственный университет, 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская 1, стр. 1.

© Григорьев А.В., 2026

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-172-180>

THE PROBLEM OF THE RELIABILITY OF SOURCES AND RESEARCH ON RUSSIAN PHRASEOLOGY (USING THE EXAMPLE OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT 'BRAT BYKA ZA ROGA' ORIGIN ANALYSIS)

Andrey V. Grigoriev

Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia, greg988@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7697-7924>

Abstract. Currently, existing modern historical and etymological dictionaries generally provide an idea of the origin of Russian phraseological units. Nevertheless, many of the information contained in lexicographic and scientific sources need to be verified from the standpoint of reliability.

The purpose of this article is to use the material of the study of the set expression *brat byka za roga* (to take the bull by the horns) to demonstrate the possibility of adequately describing and clarifying the history and etymology of phraseological units through an analysis of the reliability of sources and the use of modern textual and corpus methods.

The article shows that the image of phraseology described in modern etymological dictionaries, based on the idea of the traditional method of pacifying the bull in antiquity, is the result of a later re-thinking of the original internal form under the influence of literary sources. The reconstruction of the original image required the involvement of reliable dated sources in European languages and historical information. The author determines that the phraseological unit under consideration appeared in the form fixed in various languages under the influence of traditional Western European entertainment with bulls, its original meaning differed from the modern one. Precisely dated sources, including lexicographic ones, confirm these data.

The analysis of the material shows that, despite the rare recording of phraseological units in linguistic corpora and historical dictionaries (compared, for example, to individual lexemes), the current state of corpus linguistics and the availability of a large number of digitized texts organized into accessible databases make it possible to verify the data contained in published historical and etymological phraseological dictionaries and to carefully and with a high degree of reliability reconstruct the internal form of phraseological units using textual and corpus methods.

Keywords: phraseology, etymology, internal form of phraseology, semantics, borrowing, Russian language, French language, English language

For citation: Grigoriev, AV 2026, 'The Problem of the Reliability of Sources and Research on Russian Phraseology (Using the Example of the Phraseological Unit 'Brat Byka za Roga' Origin Analysis)', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 172–180, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-172-180> (in Russ.)

Information about the Author: *Andrey V. Grigoriev* – Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of General Linguistics named after I. G. Dobrodomov, Moscow State Pedagogical University, 1 st. Malaya Pirogovskaya, Moscow, 119435, Russia

Введение

Как известно, этимология как наука в современном понимании активно развивается с конца XVIII века в связи с возникновением сравнительно-исторического метода в языкознании. В XIX – начале XX вв. появляются первые исследования о происхождении фразеологизмов, а в конце XX в. выходят первые систематические историко-этимологические фразеологические словари. Это в первую очередь созданные Н. М. Шанским, В. И. Зиминым и А. В. Филипповым «Краткий этимологический словарь русской фразеологии» (1979–1980) [9], «Опыт этимологического анализа русских фразеологизмов» (1987) [10]. В 1998 году выходит первое издание самого авторитетного в настоящее время этимологического фразеологического словаря А. К. Бириха, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» (далее – «Русская фразеология») [7, 8]. Авторы данного словаря стремятся придерживаться научной разработки этимологии фразеологизмов, чего, по их мнению, можно добиться, используя методику структурно-семантического моделирования фразеологии, которая опирается на анализ диалектного материала и широкие сопоставления с данными родственных языков [8, с. 5]. Вместе с тем, как указывает В. М. Мокиенко в предисловии к своему словарю, цитируя профессора Б. А. Ларина, нередко во фразеологических исследованиях продолжают популяризироваться «фантастические и средневековые» гипотезы происхождения устойчивых выражений» [8, с. 3], которые впоследствии тиражируются популярными словарями.

Во многом это происходит потому, что если этимологию лексических единиц позволяет относительно объективно восстановить использование строгих фонетических соответствий и в целом применение сравнительно-исторического метода, то во фразеологии этимологический анализ проясняет образ, «положенный в основу фразеологического оборота, если он появился в языке как метафорическое название» [10, с. 7]. В этом случае, как представляется, важнейшее место должен занимать поиск и изучение источников, в которых впервые употребляется тот или иной фразеологизм, а также таких источников, которые помогают нам описать образ, лежащий в основе устойчивых выражений. При этом, безусловно, важна оценка достоверности этих источников.

В исторической науке достоверность есть свойство исторического источника, которое характеризует степень его соответствия действительности. В науке в целом мы должны говорить о том, что информация, которая содержится в источнике (тексте на том или ином языке, это так называемые первичные источники) или исследовании или словаре (это вторичные источники), должна соответствовать научной истине, то есть тому, что есть или было на самом деле.

Цель нашей статьи – на материале исследования устойчивого выражения *брать быка за рога* показать, что посредством анализа достоверности источников мы, используя современные текстологические и корпусные методы, можем адекватно описывать и уточнять историю и этимологию фразеологизмов.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили тексты, взятые из Национального корпуса русского языка¹, корпусов текстов XVII–XIX вв. на французском и английском языках, исторических словарей русского языка и европейских языков, изданий и рукописей. Были использованы следующие методы: описательно-аналитический, сравнительно-исторический, текстологический, этимологический, а также методы корпусной лингвистики.

Результаты

О происхождении известного фразеологизма *брать быка за рога* ‘начинать действовать энергично, решительно, сразу и с самого главного’

в словаре «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» сообщается так: «Возможно, калька с фр. *prendre le taureau par les cornes*. Есть идентичные обороты и в других европейских языках. Время появления – не раньше средневековья» [8, с. 75; 4, с. 211–212]. Сразу же возникает вопрос, почему авторы словаря рассуждают о калькировании оборота гипотетически, поскольку далее приводится мнение С. Кохмана, который обращает внимание на ремарку И. С. Тургенева: «Мериме также восхищается способности Пушкина вступать немедленно *in medias res*, брать быка за рога, как говорят французы» [5, с. 21]. Фактически перед нами не просто изолированное замечание (ремарка), а фрагмент речи Ивана Тургенева на открытии памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 г. Таким образом, данный письменный источник показывает, что еще в конце XIX в. это выражение воспринималось не как исконное, а как заимствованное, причем из французского языка («как говорят французы»). Данные Национального корпуса русского языка показывают, что еще в 1873 г. Е. Ахматова использовала данное выражение в своем переводе романа английского писателя Э. Бульвера-Литтона «Кенелм Чилингли, его приключения и взгляды на жизнь» (англ. «*Kenelm Chillingly*»; 1873): *Элси обращалась с ним более сдержанно, чем обычно, и казалась несколько смущенной, а когда после предварительного незначительного разговора он взял быка за рога и смело спросил, давно ли она видела миссис Камерон, Элси коротко ответила: «Я была у нее на днях»...* (Е. Ахматова [перевод романа Э. Булвер-Литтона с английского]. Кенелм Чиллингли, его приключения и взгляды на жизнь (1873), НКРЯ). Однако это не означает, что исследуемое выражение заимствовано из английского языка, так как в оригинальном тексте романа представлено не существующее в современном английском языке *take the bull by the horns*, а латинское *in medias res* (буквально ‘в середину вещей’, в переносном смысле – ‘в центр, в гущу событий, к самому главному, к самому важному’), для которого переводчик Е. Ахматова находит эквивалент в европейских языках и лишь затем буквально переводит на русский: *взять быка за рога*. Показательно, что и в конце XIX в. данное выражение еще осознается как французское: Французы это называют брать **быка за рога**... (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко, 1894, НКРЯ). Обратим внимание, что в словаре «Русская фразеология» подробно не разъясняется, откуда взята информация о том, что время появления исследуемого выражения – «не раньше Средневековья», зато приводится еще одна версия происхождения фразеологизма:

«Мотивировка объясняется давним обычаем во многих странах пахать не на конях, а на быках (волах). Если идущий в плуге бык начинал упрямяться, приходилось брать его за рога и тащить в борозду» (точка зрения, изложенная в книге Грушко – Медведева: [3, с. 40; 8, с. 75]. Вместе с этой гипотезой можно вспомнить и версию, представленную в «Большом фразеологическом словаре», в котором указывается, что образ фразеологизма *брать / схватить быка за рога* «основан на представлении о традиционном способе умирения быка, известном ещё с древнейших времен (ср. одно из испытаний Ясона, предводителя аргонавтов, из древнегреческой легенды о золотом руне)» [2, с. 54].

Используя текстологические методы и методы корпусной лингвистики, оценим достоверность данных точек зрения.

Анализ текстов гомеровского эпоса и текста поэмы «Аргонавтика» Аполлония Родосского – именно этот текст является источником последующих пересказов древнегреческого мифов о золотом руне – показывает, что у греков не было выраже-

ния *братъ быка за рога* даже в прямом значении, в текстах лишь описывается известный у многих народов способ, когда волов тянули за рога, если они упирались, чтоб поставить в упряжку (ярмо). Например, у Аполлония Родосского мы встречаем конструкцию, причем в прямом значении: *тянуть быка / вола за рога / рог*.

При этом, если, например, в русском переводе мы читаем:

Правого взял он быка за рога и повлек за собою,
К медному чтобы ярму подвести, напрягая всю силу,
После к земле его придавил и поверг на колени... [1, с. 205],

то в оригинальном греческом тексте нет оборота *взять быка за рога* – быка ***тянут за конец рога***: ...βούς κέρας ἄκρον ἐρυσσας... [1, с. 204].

Итак, перед нами совершенного иной образ. В дальнейшем этот обычай, который, как говорилось, представлен у многих народов, стал источником, например, русского выражения *тянуть за рога* ‘заставить силой’. Об этом выражении пишет в своей книге «Русская мысль и речь» М. И. Михельсон: «за рога тянуть (иноск.) – силой заставить (как рогатую скотину за рога тянут)» [6, с. 256]. К этому фразеологизму известна латинская параллель: *bovem cornu trahere* ‘быка за рога тянуть / тащить’ (буквально: ‘за рог’) ‘насильно, против воли’. Анализ источников показывает, что это выражение впервые встречается в сочинении «Scala Paradisi», написанном неизвестным автором XII века, возможно, Бернардом Клервоским (1091–1153), французским средневековым богословом. В данном сочинении фразеологизм *быка за рога тянуть / тащить* встречается уже в переносном смысле в следующем фрагменте: *Et ita quasi prodigus, ut vulgo dici solet, bovem cornu trahit, quando non vocatus se infundit* (*И так, точно блудный сын, как говорят в народе, быка тащит за рог, когда лезет* (букв. вкладывается) *туда, куда его не звали*) [15].

Возможно, именно этот источник имеется в виду в словаре «Русская фразеология», когда говорится о том, что выражение *братъ быка за рога* в переносном смысле впервые встречается «не раньше Средневековья». Однако, как мы видим, речь идет о совершенно разных выражениях с разной внутренней формой:

тянуть / тащить быка за рог (‘действовать силой’) и *взять быка за рога* (‘действовать решительно’).

Непосредственно выражение *братъ быка за рога*, о котором идет речь в нашем исследовании, отмечается в лексикографических источниках только в 1798 году – в 5-м издании Словаря Французской академии: *Attaquer le taureau, la bête par les cornes, prendre le bœuf par les cornes, то есть нападать на быка, скотину, хватая его за рога; братъ / взять быка за рога* [13]. При этом отметим:

1. значение данного выражения отличается от того, которое представлено в настоящее время в современном языке. В Словаре Французской академии дается значение ‘решать дело с самой сложной стороны’;

2. образ, лежащий в основе исследуемого фразеологизма, определяется не тем, что человек дает отпор разъяренному быку, как мог бы подумать современный носитель языка, а наоборот: сам человек первым нападает на опасное животное.

Понять, как возникает данный образ, помогает нам фрагмент текста Ноберто Каймо, который рассказывает о своем путешествии в Испанию в 1755 году. В своей книге он пишет: «J'y ai surtout admiré certains traits singuliers d'un courage et d'une intrépidité extraordinaire, comme de saisir adroitement le taureau par les cornes et de le renverser par terre – Я особенно восхищался некоторыми необычайными

проявлениями необычайной храбрости и бесстрашия, такими, как умелое захватывание быка за рога и поваливание его на землю» [12, р. 160]. В данном случае Н. Каймо описывает свои впечатления от испанских традиционных зрелищ, к которым относятся бои собак (мастифов) и знаменитая испанская коррида, когда быка побеждает матадор, который после того, как бык будет раззадорен пикадорами и утомлен бандерильерами, вонзающими в холку животного острые короткие пики, наносит удар быку шпагой или мечом. Однако были и такие силачи и смельчаки, которые приближаясь к быку сбоку, хватали его за рога и, сжимая их и надавливая на голову животного, заставляли его лечь на землю.

Подобные развлечения (травля быков, собак) активно проникали во многие страны Европы (Англию (здесь для травли привлекались медведи, кабаны, лошади), Ирландию, некоторые районы Франции), особенно в период с XVI по XIX вв. [11]. Образ смельчака, который побеждал в единоборстве с быком, стал основой для формирования внутренней формы устойчивого выражения. Известный журналист и шпион Гийом де Ламберти пишет в 1727 году в своих воспоминаниях: «Это произошло потому, что он слышал, как покойный герцог Шомберг, отец, говорил, что атаковать Францию в Нидерландах — значит взять быка за рога» [14, р. 656]. Как мы видим, выражение *prendre le bœuf / le taureau par les cornes* здесь уже употреблено в переносном значении, которое затем будет описано в Словаре Французской академии как ‘решать дело с самой сложной стороны’. В английском языке подобное выражение в этот период использует писатель Дж. Свифт: «To engage with France was to take a bull by the horns – Вступить в бой с Францией означало взять быка за рога» [16, р. 48].

В дальнейшем в европейских языках (особенно к концу XIX века, когда подобные развлечения в Англии и Франции стали запрещать) первоначальный образ данного выражения начинает затемняться, внутренняя форма начинает соотноситься с типичными ситуациями, характерными для той или иной культуры, или литературными сюжетами: образом нападающего быка, образом дикого умиряемого античным героем быка — этот сюжет, как мы писали выше, встречается в древнегреческих мифах, но сводится преимущественно к процессу приведения быка в ярмо. В английском языке оборот *to take a bull by the horns* начинает взаимодействовать с выражением *He may bear a bull that hath borne a calf он может вынести быка, который принёс телёнка* (это выражение упоминается еще в текстах Эразма Роттердамского и восходит к легенде о Милоне Кротонском²). В отечественной литературной традиции мы встречаем такую цитату: «Говоря однажды со мною об авторе “Одной жизни” и стольких неподражаемых повестей и повестушек, Тургенев сказал мне: “Вот человек, который обладает тем качеством, которое Гомер передал бы словами взять быка за рога”» [М. М. Ковалевский. Об А. П. Чехове (1904–1915), НКРЯ].

Действительно, у Гомера мы можем найти описание героя «Илиады», который держался / схватился за рог животного, однако это был не бык, а вол, и этот вол уже был принесен на заклание и был убит ранее Пелейоном (Илиада, 13). Таким образом, это исследуемое выражение не восходит к тексту Гомера. Тургенев, которого цитирует автор воспоминаний, пытается соотнести затемненный образ рассматриваемого выражения с возможным литературным источником.

После того как первоначальная внутренняя форма выражения стала не вполне ясна носителям разных языков, меняется и значение данного выражения. В европейских языках фразеологизм *брать быка за рога* ‘начинать дело с самого сложно-

го', как уже говорилось, часто выступал как синоним латинского выражения *in medias res* – буквально 'в середину вещей', в переносном смысле – 'в центр, в гущу событий, к самому главному, к самому важному'. Отсюда постепенно формируется новый смысл выражения: новые связи выражения с литературными источниками, где упоминаются герои античных мифов и легенд, выдвигает на передний план в этом выражении идею энергичности и решительности лица или группы лиц, которые умирят диких животных, а употребление выражения *брать быка за рога* как синонима латинского выражения *in medias res* приводит к возникновению у исследуемого фразеологизма смысла 'действуя, немедленно приступать к самому главному'.

Заключение

Итак, на материале исследования устойчивого выражения *брать быка за рога* нами показано, что адекватно описывать историю и этимологию фразеологизмов в настоящее время мы можем только посредством анализа достоверных источников на оригинальных языках. Безусловно, фразеологизмы гораздо реже, чем отдельные лексемы, фиксируются в лингвистических корпусах и исторических словарях, тем не менее современное состояние корпусной лингвистики, наличие большого количества оцифрованных текстов, организованных в доступные базы, позволяет верифицировать данные, содержащиеся в изданных исторических и этимологических фразеологических словарях, и тщательно и с высокой степенью достоверности с использованием текстологических и корпусных методов реконструировать внутреннюю форму фразеологизмов.

Примечания

1. Цитаты из Национального корпуса русского языка отмечаются аббревиатурой НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 28.01.2026).
2. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/search/advanced/HistoricalThesaurus?textTermText=bull%2520by%2520the%2520horns&textTermOpto=QuotText"DateFirstUse=all&page=1&sortOption=AZ> (дата обращения: 01.03.2026).

Список источников и литературы

1. *Аполлоний Родосский*. Аргонавтика / пер., введ. и примеч. Г. Ф. Церетели; послесл. Ф. А. Петровского. Тбилиси: Мецниереба, 1964. 349 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М.: Словари XXI века, 2017. 784 с.
3. *Грушко Е. А., Медведев Ю. М.* Современные крылатые слова и выражения. М.: Айрис-Пресс: Рольф Рольф, 2000. 544 с.
4. *Зимин В. И., Спирин А. С.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.
5. *Кохман С. О.* фразеологических новообразованиях с исторической перспективы // Nowa frazeologia w nowej Europie. Słowo. Tekst. Czas VI. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej. (Szczecin, 6-7 września). Greifswald: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2001. С. 20–21.
6. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. Посмертное изд. СПб.: Тип. АО "Брокгауз – Ефрон", 1912. 1046 с.
7. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / *А. К. Бирях, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова*; С.-Петербург. гос. ун-т. 1-е изд. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.

8. Русская фразеология: ист.-этимол. словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко; С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. словарь кабинет им. Б. А. Ларина. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2005. 926 с.
9. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии // Русский язык в школе. 1979. № 1. С. 44–51; № 2. С. 52–59; № 3. С. 67–77; № 4. С. 76–86; № 5. С. 84–94; № 6. С. 57–69; 1980. № 1. С. 68–77; № 2. С. 63–71.
10. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического анализа русских фразеологизмов. М., 1987. 240 с.
11. Brownstein O. The Popularity of Baiting in England before 1600: A Study in Social and Theatrical History // Educational Theatre Journal. 1969. Vol. 21, no. 3. P. 237–250.
12. Caimo N. Voyage d'Espagne fait en l'annee 1755: avec des notes historiques, geographiques et critiques. Paris, 1772. [214 p.].
13. Dictionnaire de l'Académie Française. T. 2: L - Z / Revu, corrigé et augmenté par l'Académie elle-même. Paris: Chez J. J. Smits, L'an VI-VII de la République, 1798. [796 s.].
14. Lamberty G. de. Memoires pour servir a l'histoire du XVIII siecle. Contenant les negociations, traitez, resolutions, et autres documens authentiques concernant les affaires d'etat... Par mr. de Lamberty. La Haye: Scheurleer, 1727. Vol. 4. 667 p.
15. Migne J-P. Patrologia Latina. Paris, 1865. Vol. 40. P. 998–1004.
16. Swift J. The conduct of the allies and of the late ministry: in beginning and carrying on the present war. London, 1712. [48 p.].

References

1. Apollonius of Rhodes 1964, *Argonavtika* (Argonautica), trans. G F Tsereteli, afterword by F A Petrovsky, Metsniyereba publ, Tbilisi. (In Russ.)
2. Teliya, VN (ed.) 2017, *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenije. Upotrebleniye. Kulturologicheskiy kommentariy* (Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Cultural commentary), Izdatel'stvo «Slovari XXI veka» publ, Moscow. (In Russ.)
3. Grushko, EA & Medvedev, YuM 2000, *Sovremennyye krylatyye slova i vyrazheniya* (Modern winged words and expressions), Rolf publ, Moscow. (In Russ.)
4. Zimin, VI & Spirin, AS 1996, *Posloviitsy i pogovorki russkogo naroda* (Proverbs and sayings of the Russian people), Syuita publ, Moscow. (In Russ.)
5. Kokhman, S 2001, 'O frazeologicheskikh novoobrazovaniyakh s istoricheskoy perspektivy' (On phraseological innovations from a historical perspective), *Nowa frazeologia w nowej Europie. Slowo. Tekst. Czas VI. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej*, Szczecin, 6–7 September, Greifswald, pp. 20–21. (In Russ.)
6. Mikhelson, MI 1912, *Russkaya mysl i rech: svoye i chuzhoye: opyt russkoy frazeologii: sbornik obraznykh slov i inoskazaniy* (Russian thought and speech: one's own and someone else's: an experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories), Tip. AO "Brokgauz - Yefron" publ, St. Petersburg. (In Russ.)
7. Birikh, AK, Mokiyenko, VM & Stepanova, LI 1998, *Slovar russkoy frazeologii* (Dictionary of Russian phraseology), Folio press publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. Birikh, AK, Mokienko, VM & Stepanova, LI 2005, *Russkaya frazeologiya: istoriko etimologicheskii slovar: okolo 6 000 frazeologizmov* (Russian phraseology: historical and etymological dictionary: about 6 000 phraseological units), Astrel publ, Moscow. (In Russ.)
9. Shanskiy, NM, Zimin, VI & Filippov, AV 1979, 'Kratkiy etimologicheskiy slovar russkoy frazeologii' (A Brief Etymological Dictionary of Russian Phraseology), *Russkii yazyk v shkole* (Russian Language at School), no. 1, pp. 44–51, no. 2, pp. 52–59, no. 3, pp. 67–77, no. 4, pp. 76–86, no. 5, pp. 84–94, no. 6, pp. 57–69, 1980 no. 1, pp. 68–77, no. 2, pp. 63–71. (In Russ.)
10. Shanskiy, NM, Zimin, VI & Filippov, AV 1987, *Opyt etimologicheskogo analiza russkikh frazeologizmov* (An experience of etymological analysis of Russian phraseological units). Moscow. (In Russ.)

11. Brownstein, O 1969, 'The Popularity of Baiting in England before 1600: A Study in Social and Theatrical History', *Educational Theatre Journal*, Washigton, vol. 21, no.3, pp. 237–250.
12. Caimo, N 1772, *Voyage d'Espagne fait en l'annee 1755: avec des notes historiques, geographiques et critiques*, Paris. (In French)
13. 'L – Z' 1798, *Dictionnaire de l'Académie Française*, vol. 2, Chez J. J. Smits, L'an VI-VII de a République publ, Paris. (In French)
14. De Lamberty, G 1727, *Memoires pour servir a l'histoire du XVIII siecle. Contenant les negociations, traitez, resolutions, et autres documens authentiques concernant les affaires d'etat... Par mr. de Lamberty*, vol. 4, Scheurleer publ, La Haye. (In French)
15. Migne, JP 1865, *Patrologia Latina*, vol.40, Paris, pp. 998-1004. (In Latin)
16. Swift, J 1712, *The conduct of the allies and of the late ministry: in beginning and carrying on the present war*, London.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2026
Одобрена после рецензирования: 30.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 29.03.2026
Approved after reviewing: 30.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 81'373.7

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-181-190>

ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ ИЗ МУХИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ)

**Павел Сергеевич
Дронов**

Институт языкознания РАН
Москва, Россия, dronov@iling-ran.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7533-7420>

Аннотация. В статье рассмотрено значение и употребление фразеологического интернационализма *делать/сделать из мухи слона* ‘сильно преувеличивать что-л., придавать чему-л. незначительному большое значение’, его эквивалентов и аналогов в индоевропейских и финно-угорских языках (т. е., прежде всего, языках европейского ареала). В идиомах, созданных по моделям *делать из NAntiMagnMinus-a NMagnPlus*, *делать NAntiMagnMinus NMagnPlus-ом / превращать NAntiMagnMinus в NMagnPlus* (фр. *faire d'une mouche un éléphant*, англ. *to make a mountain out of a molehill*) друг другу противопоставляются различные эталоны значительного и незначительного. Самый ранний пример употребления данной идиомы встречается в окончании сатиры Лукиана «Похвала мухе», однако идиома, очевидно, явно существовала и до того. Как правило, в качестве эталона незначительного выступает насекомое – не только муха, но и комар, блоха. В качестве эталона значительного выступает крупное животное – не только слон, но и кит (ирландский язык), верблюд (чешский, исландский), олень (кашубский), осел (сербохорватский, словацкий), медведь (сербохорватский, болгарский), конь (сербохорватский, румынский). При этом живое противопоставляется живому, а неживое – неживому (кротовина vs. гора в английском языке, волос vs. шерсть в болгарском). Первостепенно именно противопоставление малого и большого, причем эта параметризация может быть выделена и лексически, и грамматически. У ряда идиом наблюдается фонетическая и структурная симметрия плана выражения, которая усиливает противопоставление ничтожного, незначительного и важного, значительного в плане содержания. Эта симметрия проявляется в тех языках, в которых нет архетипической оппозиции мухи и слона.

Ключевые слова: фразеологические интернационализмы; идиомы, распространенные в Европе и за ее пределами; образная составляющая; метафорические эталоны значительного и незначительного.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта FMNE-2025-0001, поддержанного Министерством образования и науки РФ.

Для цитирования: Дронов П. С. Что можно сделать из мухи (на материале фразеологии разных языков) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 181–190. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-181-190>

Сведения об авторе: П. С. Дронов – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова, Институт языкознания Российской академии наук, 125315, Россия, Москва, Б. Кисловский пер. 1, стр.1.

© Дронов П. С., 2026

Scientific Article

UDC 81'373.7

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-181-190>

WHAT CAN BE MADE OUT OF A FLY? (BASED ON THE PHRASEOLOGY OF DIFFERENT LANGUAGES)

Pavel S. Dronov

Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences
Moscow, Russia, dronov@iling-ran.ru.
<https://orcid.org/0000-0002-7533-7420>

Abstract. The paper covers the meaning and actual usage of the common figurative unit following the model *to make a NAntiMagnMinus out an NMagnPlus* ‘to exaggerate, to make a slight difficulty seem like a serious problem’, e. g. the English *to make a mountain out of a molehill*, the Russian *делать из мухи слона* (literally, “to make an elephant out of a fly”), the French *faire d’une mouche un éléphant* (ditto), and similar idioms in Europe and beyond (mostly in Indo-European and Uralic languages). The underlying metaphor is based on the contrast of the objects taken as metaphoric points of reference of the great and small, where the reference of the small is usually and insect – a fly, a mosquito, or a flea – while that of the great and important tends to be a large animal, such as an elephant, a whale (in Irish), a camel (in Czech and Icelandic), a bear (in Serbo-Croatian and Bulgarian), a bull, bullock or buffalo (in Kashubian, Bulgarian, and Finnish), a horse or stallion (in Serbo-Croatian and Romanian). The animate objects are opposed to the inanimate ones, and the same is true for the inanimate objects used as the metaphorical reference. The parametrization of the great and small can be manifested both lexically and grammatically, and some of the idioms in question demonstrated phonetic and structural symmetry, which is prevalent in the languages that do not have the archetypal opposition of *the fly and the elephant*. The symmetry in the plane of expression intensifies and reinforces the figurative meaning of the idioms in question.

Keywords: common figurative units; widespread idioms in Europe and beyond; underlying metaphor; metaphors of the great and small.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of project FMNE-2025-0001, supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Dronov, PS 2026, ‘What Can Be Made Out of a Fly? (Based on the Phraseology of Different Languages)’, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 181–190, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-181-190> (in Russ.)

Information about the Author: Pavel S. Dronov –PhD in Philological Sciences, Senior research fellow, Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1 bld., 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia

© Dronov P. S., 2026

Введение

Как указывает В.И. Зимин, «для правильного понимания значения фразеологизма существенную роль играют знание и интерпретация образа фразеологизма, той ситуации реальной действительности, которая отражается во фразеологизме» [4, с. 34–35]. Это верно как для культурно специфичных фразеологизмов (прежде всего, идиом), так и для фразеологических интернационализмов — см. [10; 15; 23; 24].

В данной статье рассмотрено значение и употребление фразеологического интернационализма *делать/сделать из мухи слона* ‘сильно преувеличивать что-л., придавать чему-л. незначительному большое значение’ [2, с. 455]. Материалом служат данные словарей; в ряде случаев они проверялись по материалам корпусов.

Результаты

В словаре М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое» даны варианты: *из мухи слона делать*, *из блохи верблюда*, а также представлены аналоги во французском, итальянском, латыни и древнегреческом: *Faire d'une mouche un éléphant*, *Far d'una bulla acquajuola un canchero* ‘Из водяного пузыря — рака’, *Culicem elephantis conferre* ‘Блоху (комара) со слонем сравнивать’ (со ссылкой на “Adagia” Эразма Роттердамского), *Κῶνολα ἐλέφαντι παραβάλλειν* ‘Комара со слонем сравнивать’ (со ссылкой на позднеантичного риторика Либапия), *Ἐλέφαντα ἐκ μυίας ποιεῖς* ‘Муху из слона делаешь’ (со ссылкой на «Похвалу мухе» Лукиана) [7, с. 366].

Самый ранний пример употребления встречается в окончании сатиры «Похвала мухе», однако идиома явно существовала и до того, поскольку Лукиан пишет: «Но я прерываю мое слово — хотя многое еще мог бы сделать — чтобы не подумал кто-нибудь, что я, по пословице, “делаю из мухи слона”» (перевод К. М. Колобовой).

Схожие идиомы есть во многих современных языках Европы, причем не только индоевропейских, но и, например, в финно-угорских (венгерск. *szúnyogból elefántot csinál*, букв. «из комара слона делать»; финск. *tehdä kärpäsestä härkänen*, букв. «делать из мухи быка»). Идиомы построены по моделям¹ *делать из NAntiMagnMinus-a NMagnPlus* и *делать NAntiMagnMinus NMagnPlus-ом / превращать NAntiMagnMinus в NMagnPlus* (с актуализацией разных валентностей глагола *делать*). Нечто малое (*AntiMagnMinus*, т. е. эталон незначительного) искусственно трансформируется в нечто большое (*MagnPlus*, эталон важного, значительного). Модель *делать из NAntiMagnMinus-a NMagnPlus* встречается чаще: подразумевается, что материала малого предмета *NAntiMagnMinus* не хватает для создания большого предмета *NMagnPlus*.

Судя по словарным дефинициям, их значения совпадают, например: сербохорв. *praviti od komarca magarca/slona* ‘neznatnu stvar prikazivati kao nešto veliko, pretjerati u čemu’ ‘незначительную вещь представлять как нечто большое, сильно преувеличивать что-л.’, букв. «делать из комара осла/слона») [22, с. 253]; датск. *gøre en myg til en elefant* ‘overført: overdrive; tillægge en lille sag (for) stor betydning’ ‘метафорическое: преувеличивать; придавать малой вещи слишком большое значение’ [19]; нем. *an seiner Mücke einen Elefanten machen* ‘(ugs.) aus einer unbedeutenden Kleinigkeit etw. Wichtiges, Bedeutendes machen; etw. ‘(разг.) из незначительной мелочи делать что-л. важное, значимое; раздуть что-л. незначительное, драматизировать’) [20, с. 513]; венг. (a) *szúnyogból (is) elefántot csinál* ‘(pej.) kis dolgot erősen eltúloz, rendkívül nagy jelentőségűnek tüntet fel’ ‘пейоратив: сильно преувеличивать маленькое дело, представлять чрезвычайно важным’) [17, с. 27]². В ряде словарей, например, кашубско-русском [5] и русско-болгарском [11], в качестве толкования используются фразеологические эквиваленты, например: «rob'ic z mux'i jelen'a (делать из мухи оленя) — делать из мухи слона» [5, с. 46], «rob'ic z mēg'i voła (делать из комара вола) — делать из мухи слона» [Там же, с. 66].

Толкование идиомы, как правило, не снабжено стилистическими пометами (например, в [9; 16; 20, с. 266]); если же в словарной статье есть пометы, то они аналогичны рус. «разговорное» (например, нем. *umgangssprachlich*). Поскольку, по замечанию В.Н. Телия, «Большинство идиом действительно употребляется в разговорной форме речи» [12, с. 8], а в таких словарях, как [1], разговорный регистр представлен в качестве «стилистического нуля», идиому *делать из мухи слона* (как и ее аналоги в разных языках) следует считать общеупотребительной.

Как правило, в качестве эталона незначительного выступает насекомое – муха, комар, блоха (в качестве вариантов могут выступать все три вида насекомых, ср. африкаанс: *van 'n muggie/vlieg/vlooi 'n olifant maak*, букв. «из комара/мухи/блохи слона делать»). Реже в этом качестве выступает мелкое позвоночное, например, мышь (нидерл. *van een muis een olifant maken*, норв. *gjøre en mugg/mus til en elefant*).

В качестве эталона значительного выступает крупное животное – не только слон, но и кит (ирландский язык), верблюд (чешский, исландский), олень (кашубский), осел (сербохорватский, словацкий), бык/вол/буйвол (болгарский, кашубский, финский), медведь (сербохорватский, болгарский), конь (сербохорватский, румынский). Больше всего вариантов этого эталона, судя по всему, в славянских языках (ср. словарные статьи в [9, с. 428; 11, с. 348; 22, с. 253]). На схеме показано соотношение разных компонентов-эталонов в разных языках.

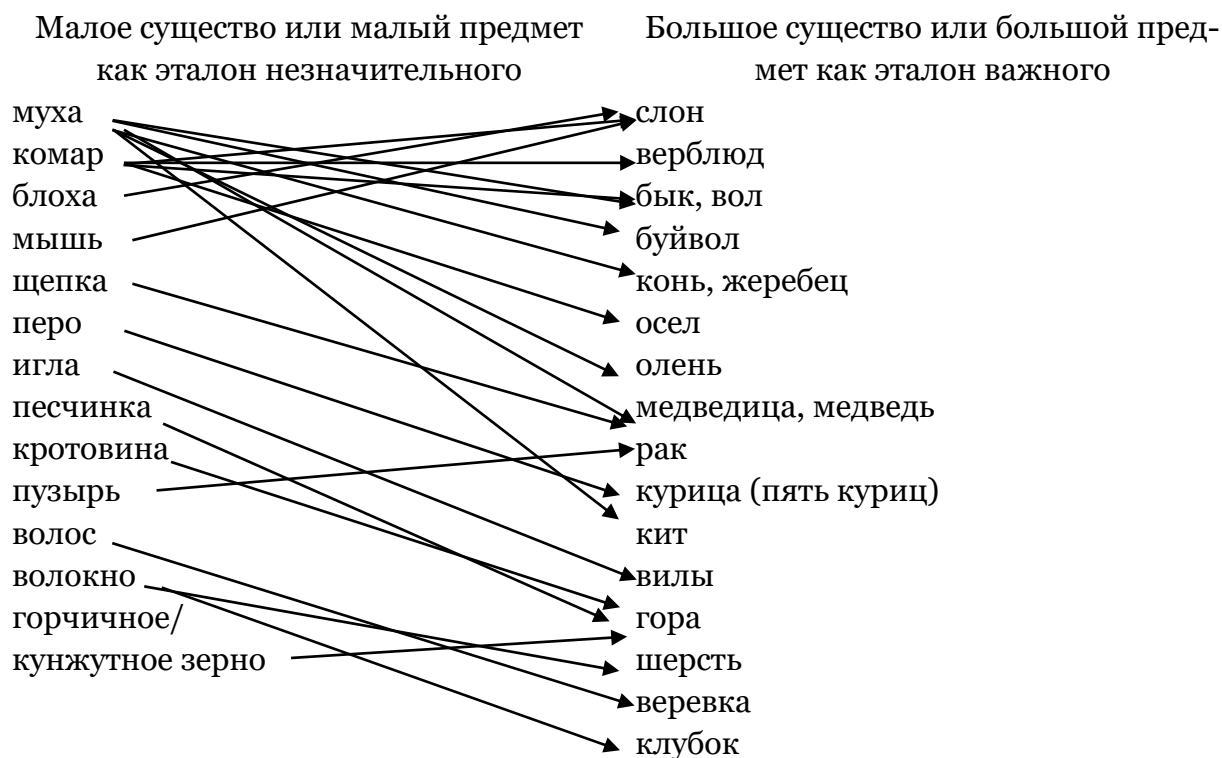

Схема №1. Соотношение эталонов незначительного и важного в разноязычных аналогах идиомы *делать из мухи слона*.

Первостепенно именно противопоставление малого и большого, причем эта параметризация может быть выделена и лексически, и грамматически. Ср. ирл. *míol mór a dhéanamh de mhíoltóg* (букв. «делать кита из мушки»), в котором один компонент является производным от другого: *míol mór* ‘кит’ (букв. «большое существо») vs. *míoltóg* ‘мушка’ (букв. «малое существо», с диминутивным суффиксом). Следует отметить, что в качестве эталона незначительного чаще всего выступает не просто

мелкое животное, а вредитель. Этим можно объяснить появление пометы «пейоративное» в толковании словаря В. Бардоши. Этот оценочный макрокомпонент (по В. Н. Телия [14; 15]) находится, скорее, на периферии значения идиомы.

В качестве эталонов могут выступать не только живые существа, но и снятый с них волосяной покров (волос как эталон незначительного в новогреческом языке, перо в скандинавских, шерсть как эталон важного в болгарском), объекты неживой природы (кротовина vs. гора в английском и французском языках, щепка как эталон незначительного в болгарском, песчинка и горчичное зерно как эталон незначительного в испанском и хинди, соответственно), предметы быта (волокно vs. клубок в болгарском, игла vs. вилы в польском).

Если в качестве эталона важного выступает некрупное животное (рак в итальянском), то эталон незначительного в любом случае значительно меньше (пузырь воздуха в воде). При этом предметы быта и объекты неживой природы выступают как части, из которых делают нечто целое, т.е. внутренняя форма идиом с подобными компонентами-эталонами основана на меронимии (отношении части к целому, ср. [3, с. 261]).

Как правило, живое противопоставляется живому, а неживое – неживому. Исключения составляют болг. *правя/направя од клечка(та) мечка* (букв. «делать/сделать из щепки медведицу») и новогреч. *kávw tήv trίxa trίxιά* (букв. «делать из волоса веревку»).

У ряда идиом наблюдается фонетическая симметрия (по А. А. Крикманну [6, с. 152–153]), основанная на рифме, ритме, аллитерации: болг. *от клéчка(та) мéчка*, *от влакнó рунó*, *от влакнó валмó*; сербохорв. *од кóмарца ма̀гāрца*; словацк. *z komára somára* (употребление венгерского заимствования *somár* вместо славянского *osol*, видимо, обусловлено фонетической симметрией); румынск. *a face din țânțar armăsar*; англ. *to make a mountain out of a molehill*; новогреч. *kávw tήv trίxa trίxιά*.

Фонетическая и структурная симметрия плана выражения усиливает противопоставление ничтожного, незначительного и важного, значительного в плане содержания.

Можно предположить, что выбор компонента — эталона незначительного — также может быть основан на фонетическом сходстве с латинским *tusca* или французским *mouche* (ср.: «Предполагают, что и в немецком языке выражение — калька с французского» [2, 456]). В немецких словарях (например, 11-м томе словаря «Дуден», упомянутом выше) фиксируется только форма *aus einer Mücke einen Elefanten machen* («делать из комара слона»), однако в корпусе “DWDS” [21] встречаются и примеры употребления идиомы с компонентом *Fliege* ‘муха’, например: *Doch ich schließe, so vieles auch noch über diesen Gegenstand zu sagen wäre, damit es nicht scheine, als wollte ich, wie das Sprüchwort sagt, aus einer Fliege einen Elefanten machen*. ‘Однако я заключаю, что еще многое можно сказать об этом предмете, чтобы не казалось, будто я хотел, как гласит пословица, сделать из мухи слона’ (Bone, Heinrich: *Deutsches Lesebuch für höhere Lehranstalten*.1872).

Эталоны большого и малого могут быть основаны на современном прецедентном тексте, ср. шведск. *göra en höna av en fjäder* ‘делать курицу из пера’, норв. *gjøre én fjær til fem høns* ‘превратить одно перо в пять кур’ и цитату из датской сказки Х.К. Андерсена «Истинная правда!» (“Det er Ganske vist!”): *Og det kom i avisen og det blev trykt og det er ganske vist: En lille fjer kan nok blive til fem høns!* ‘И в газетах действительно напечатали всю историю, и это истинная правда: одному маленькому

пёрышку куда как не трудно превратиться в целых пять кур!» (перевод А. и П. Ганзен).

Распространение этой идиомы обусловлено книжной культурой и близостью шведского, норвежского и датского языков. При этом в скандинавских языках употребляется и интернационализм: датск. *gøre en mug til en elefant*, норв. *gjøre en mygg/mus til en elefant*.

Отдельно следует отметить иные модели и сценарии противопоставления важного и незначительного. Во-первых, противопоставление двух эталонов может быть основано не на метафоре превращения одного в другой, а на метафоре действия, типичного для эталона значительного, но заведомо невозможного для эталона незначительного: рус. *буря в стакане воды*, англ. *storm in the glass, tempest in the teapot* (букв. «буря в чайнике»), исп. *ahogarse en un vaso de agua* и фр. *se noyer dans un verre d'eau* (букв. «утонуть в стакане воды»).

Во-вторых, идиома может быть построена по модели делать *NMagnPlus* из *P*, где *NMagnPlus* — нечто, понимаемое как эталон значительного. Формально здесь нет эталона незначительного, но, по сути, в его качестве выступает сама ситуация *P*. Ср.: англ. *to make a big deal/thing out of sth* (букв. «сделать большое дело / большую вещь из чего-л.»), *to make a meal of sth* («сделать блюдо/кушанье из чего-л.»); *to make a federal case out of sth* («сделать дело федеральной юрисдикции из чего-л.»); фр.: *faire tout un fromage de qqch* («делать целый сыр из чего-л.»); *faire toute une histoire de qqch* («делать целую историю из чего-л.»), *faire tout un plat de qqch* («делать целое блюдо/кушанье из чего-л.»), *faire tout un foin de qqch* («делать целое сено из чего-л.»). Возможно опущение эталона незначительного: делать *NMagnPlus*, ср. валлийск. *gwneud môr a mynydd* (букв. «делать море и гору»).

В-третьих, возможна перестановка компонентов-эталонов в исследуемой модели: делать из *NMagnPlus-a NAntiMagnMinus* (иначе говоря, не «из мухи слона», а «из слона муху»). Такая лексико-семантическая модификация, приводящая к изменению образной составляющей и актуального значения, фиксируется в разных языках, например, в русском и немецком (в последнем случае — только в историческом подкорпусе): *Нет, Николай Модестович, не я делаю из мухи слона, а вы хотите из слона муху сделать, это вот верно, — ответил тот с какой-то особенной горячностью* (А. А. Кирпищикова. Фельдшер Крапивин (1865)) [8]; *wo werden als dann sein deine liebsie (sic) freunde/ schmarotzer und Rechts gelehrten/ welche dir auß einem Elephanten ein Mucke/ auß einer Mucke einen Elephanten/ das gerade krumb/ das krumme gerad gemacht/ und in allen sachen das placebo Domino gespilt/ und alles recht gegeben?* 'Где же будут тогда твои лучшие друзья — дармоеды и правоведы, которые тебе из слона сделали комара, из комара слона, сделали прямое кривым, кривое прямым, во всех делах сыграли в пустышку-домино и всё приняли как истину?' (Albertinus, Aegidius: *Der Landtstörtzer: Gusman von Alfarche oder Picaro genannt*. 1615) [21].

Ср. также замечание об этой модификации в английском словаре "Collins", свидетельствующее о ее частотности: "People often exploit this expression, for example by saying that someone **is making molehills out of mountains** if they are trying to make a big, important problem seem small and unimportant" ('Люди часто злоупотребляют этим выражением, например, говоря, что кто-л. делает кротовые холмики из гор, если он пытается заставить большую и значимую проблему казаться маленькой и незначительной') [18, с. 266].

Наконец, эталоны меняются местами, и это осмысливается как несоответствие затраченных усилий (эталон значительного) полученным результатам (эталон незначительного): рус. *гора родила мышь, замах на рубль, а удар на копейку*; англ. *the mountain has brought forth a mouse, all hat and no cattle* (букв. «шляпа большая, а коров нет») и т. д. Заметим, что идиома *гора родила мышь* сама является фразеологическим интернационализмом, восходящим к басне Эзопа в изложении Федра, а также к фразе Горация в “*De arte poetica*” (Hor., 139: *Parturient montes nascetur ridiculus mus* ‘Рожать будут горы, родится смешная мышь’). Значение, употребление и образная составляющая этой идиомы требуют отдельного рассмотрения.

Заключение

Проанализировав внутреннюю форму и актуальное значение идиомы *делать из мухи слона* и ее аналогов в разных языках, мы продемонстрировали, как друг другу противопоставляются различные параметрические и меронимические эталоны значительного и незначительного, причем это противопоставление может усиливаться с помощью фонетической и структурной симметрии в плане выражения. Эта симметрия проявляется в тех языках, в которых нет архетипической оппозиции мухи и слона.

Именно *муха* (и иные насекомые) и *слон* встречаются чаще других и даже оказываются поводом для языковой игры: *Над мухой простерлась длань и прозвучало: «Да будет слон»*. <...> В итоге: *слон с душой мухи — Мухослон* (С.Д. Кржижановский). Еще одним примером является русское название игры-метаграммы *Word Ladder* (букв. «Лестница слов»), придуманной Льюисом Кэрроллом. По правилам игрок должен превратить одно слово в другое слово такой же длины (как правило, из четырех или пяти букв), последовательно меняя одну букву. В России эта игра известна под названием *Сделать из мухи слона*, или *Мухослон*. Любопытно, что эти два эталона становятся объектом языковой игры даже тогда, когда в языке говорящего или пишущего используются другие эталоны: ср. вымышленных существ *Ele-Fly* и *Fly Ele* в американском мультсериале «Время приключений» (*Adventure Time*, 2010—2018) и видеоигре “*Spore*” (2008); в русских локализациях они получили названия *слономошка* и *мухослон*.

Примечания

1. Индексы основаны на лексических функциях Magn ‘очень, в высшей степени’, Anti ‘антоним’, Minus ‘менее, в менее высокой степени’, Plus ‘более, в более высокой степени’ Модели «Смысл — Текст» (см., например, [16, с. 99—100].
2. В венгерском словаре В. Бардоши как отдельная идиома с пометой «устарелое» (rég[i]) фиксируется (a) légyből (is) elefántot csinál ‘ok nélkül felnagyít, eltúloz vmit’ ‘(без причины преувеличивать что-л.’, букв. «из мухи слона делать») [17, с. 25]. Здесь появляется семантический компонент ‘отсутствие причины’, который не зафиксирован нет в толковании szúnyogból (is) elefántot csinál (и большей части толкований на разных языках).

Список источников и литературы

1. АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926, [2] с.

3. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260–265.
4. Зимин В. И., Баско Н. В. Образ фразеологизма как проблема словарной дефиниции во фразеологическом словаре // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции / Отв. ред. М.Л. Каленчук. СПб: Нестор-История, 2016. С. 34–37.
5. Ермола В. И. Кашубско-русский фразеологический словарь. СПб: Польский институт, 2011. 147 с.
6. Крикманн А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремнологические исследования: сборник статей / Сост. Г. Л. Пермяков. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. С. 149–177.
7. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. СПб: тип. Имп. акад. наук, 1902. VIII, 779 с.
8. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.03.2026).
9. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометеј, 2012. 1048 с.
10. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980. 143 с.
11. РБФС — Андрейчина К., Влахов С., Димитрова С., Запрянова К. Русско-болгарский фразеологический словарь / Руско-български фразеологичен речник / Под ред. С. Влахова. М.: Русский язык; София: Издательство «Наука и изкуство», 1980. 588 с.
12. СОВРЯ — Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А., Телия В. Н., Черкасова И. Н. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1992. 368 с.
13. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991а. С. 36–66.
14. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991б. С. 5–36.
15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 299 с.
16. ТКС — Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской речи. 2-е изд., испр. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 544 с.
17. Bardosi V. Magyar szólások, közmondások adatbázisa: 14000 szólás, közmondás, helyzetmondát magyarázata stilisztikai jelzéssel, a típus feltüntetésével, fogalomköri szómutatóval. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2012. 948 o.
18. Collins Idioms — Collins COBUILD Dictionary of Idioms. London: Harper Collins Publishers, 1997. (xviii), 493 p.
19. Dansk Ordbog. URL: <https://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=elefant> (дата обращения: 03.03.2025).
20. Duden 11 — Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik (Duden Band 11). Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008. 928 S.
21. DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 20.02.2026).
22. Matešić J. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1982.
23. Piirainen E. Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units / International Folkloristics. Vol. 5. Bern: Peter Lang, 2012. 591 p.
24. Piirainen E. Lexicon of Common Figurative Units: Widespread Idioms in Europe and Beyond. Vol. II. Bern: Peter Lang, 2016. 778 p.

References

1. *Akademicheskiy slovar russkoy frazeologii* (The Academic Dictionary of Russian Phraseology) 2015, ed. A. N. Baranov, D. O. Dobrovolskiy, LEKSRUS publ, Moscow. (In Russ.)
2. Birikh, AK, Mokienko, VM & Stepanova, LI 2005, *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar: ok. 6000 frazeologizmov* (Russian Phraseology. a Historical and Etimological Dictionary Containing Circa 6000 Figurative Units), ed. V. M. Mokienko, Astrel publ, AST publ, Lyuks publ, Moscow. (In Russ.)
3. Gak, VG 1999, 'Natsionalno-kulturnaya spetsifika meronimicheskikh frazeologizmov' (National and Cultural Specificity of Meronymic Figurative Units), *Frazeologiya v kontekste kultury* (Phraseology in the Context of Culture), Yazyki russkoy kultury publ, Moscow, pp. 260–265 (In Russ.)
4. Zimin, VI & Basko, NV 2016, 'Obraz frazeologizma kak problema slovarnoy definitsii vo frazeologicheskom slovare' (The Problem of Representing the Image of a Figurative Unit in a Phraseological Dictionary) in M. L. Kalenchuk (ed.) *Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ikh resheniya. Materialy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Russian Lexicography of the 21st Century: Problems and Solutions. Proceedings of the International Conference), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg, pp. 34–37 (In Russ.)
5. Yermola, VI 2011, *Kashubsko-russkiy frazeologicheskii slovar* (Kashubian-Russian Phraseological Dictionary), Polskiy institute publ, St. Petersburg. (In Russ.)
6. Krikmann, AA 1984, 'Opyt obyasneniya nekotorykh semanticheskikh mekhanizmov poslovitsy' (Explaining Certain Semantic Mechanisms of a Proverb: a Tentative Approach) in G. L. Permyakov (ed.) *Paremiologicheskkiye issledovaniya* (Paremiological Research), Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka" publ, Moscow, pp. 149–177. (In Russ.)
7. Mikhelson, MI 1902, *Russkaya mysl i rech: Svoye i chuzhoje. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy* (Russian Thought and Speech, "Ours and Theirs". A Collection of Figurative Words and Phrases), vol. 1, Tip. Imp. akad. nauk publ, St. Petersburg. (In Russ.)
8. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* (Russian National Corpus), viewed 3 March 2026, <http://ruscorpora.ru/> (In Russ.)
9. Otašević, Đ 2012, *Фразеолошки речник српског језика* (Serbian Phraseological Dictionary), Прометей publ, Novi Sad. (In Serbo-Croat.)
10. Raykhshteyn, AD 1980, *Sopostavitelnyy analiz nemetskoy i russkoy frazeologii* (Contrastive Analysis of German and Russian Phraseology), Vysshaya shkola publ, Moscow. (In Russ.)
11. Andreychina, K, Vlahov, S, Dimitrova, S & Zapryanova, K 1980, *Russko-bolgarskiy frazeologicheskii slovar* (Russian-Bulgarian Phraseological Dictionary), ed. S. Vlahov, Russkiy yazyk publ, Moscow, Izdatelstvo "Nauka i izkustvo" publ, Sofia. (In Russ. and Bulg.)
12. Aristova, TS, Kovshova, ML, Ryseva, EA, Teliya, VN & Cherkasova, IN 1992, *Slovar obraznykh vyrazheniy russkogo yazyka* (Dictionary of Russian Figurative Units), ed. V. N. Teliya, Otechestvo publ, Moscow. (In Russ.)
13. Teliya, VN 1991a, 'Mekhanizmy ekspressivnoy okraski yazykovykh yedinit' (Mechanisms of Expressive Connotation in Language Units) in V.N. Teliya (ed.) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* (Human Factor in Language. Linguistic Mechanisms of Expressiveness), Nauka publ, Moscow, pp. 36–66. (In Russ.)
14. Teliya, VN 1991b, 'Ekspressivnost kak proyavleniye subyektivnogo faktora v yazyke i yeye pragmaticheskaya oriyentatsiya' (Expressiveness as Manifestation of the Subjective Factor in Language. Pragmatic Orientation of Expressiveness) in V.N. Teliya (ed.) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* (Human Factor in Language. Linguistic Mechanisms of Expressiveness), Nauka publ, Moscow, pp. 5–36. (In Russ.)
15. Teliya, VN 1996, *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* (Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguacultural Aspects), Shkola "Yazyki russkoy kultury" publ, Moscow. (In Russ.)
16. Melchuk, IA & Zholkovskiy, AK 2016., *Tolkovo-kombinatornyy slovar russkogo yazyka: Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoy rechi* (Explanatory Combinatorial Dic-

- tionary of Modern Russian. Semantico-Syntactic Studies of Russian Vocabulary.), Izdatelskiy Dom YASK publ, Moscow. (In Russ.)
17. Bardosi, V 2012, *Magyar szólások, közmondások adatbázisa: 14000 szólás, közmondás, helyzetmondát magyarázata stilisztikai jelzéssel, a típus feltüntetésével, fogalomköri szómutatóval* (Database of Hungarian Figurative Units and Proverbs: 14,000 Figurative Units, Pronouns, Speech Formulae with Explanations, Stylistic Labelling, Indication of a Phraseological Type, and Conceptual Indexing), Tinta Könyvkiadó publ, Budapest. (In Hung.)
 18. *Collins COBUILD Dictionary of Idioms* 1997, Harper Collins Publishers publ, London.
 19. *Dansk Ordbog* (Danish Dictionary), viewed 3 March 2025, <https://ordnet.dk/ddo/ordbog?query=elefant> (In Dan.)
 20. *Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik (Duden Band 11)* (Duden Figurative Units: Dictionary of German Idioms, Duden) 2008, vol. 11, Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG publ, Mannheim. (In Germ.)
 21. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (Digital Dictionary of the German Language), viewed 20 February 2026, <http://www.dwds.de> (In Germ.)
 22. Matešić, J 1982, *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika* (Croatian or Serbian Phraseological Dictionary), Školska knjiga publ, Zagreb. (In Serbo-Croat.)
 23. Piirainen, E 2012, 'Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units', *International Folkloristics*, vol. 5, Peter Lang publ, Bern.
 24. Piirainen, E 2016, *Lexicon of Common Figurative Units: Widespread Idioms in Europe and Beyond*, vol. 2, Peter Lang publ, Bern.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2026
Одобрена после рецензирования: 30.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 29.03.2026
Approved after reviewing: 30.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-191-200>

О РУССКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ-СИНОНИМАХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО

**Валерий Михайлович
Мокиенко**

Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург, Россия, mokienko40@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Аннотация. В статье исследуется паремиологическое наследие В. И. Зимины, автора (совместно с А.С. Спириным) оригинального тезауруса русских пословиц и поговорок. Тематическая организация материала позволяет представить единицы этого малого жанра русского фольклора во всем их образном и структурном многообразии. Особую ценность представляют историко-этимологические интерпретации, предложенные В.И. Зиминим. Они демонстрируют как национальные, так и международные источники русской фразеологии и паремиологии. Методологически этимология фразеологических единиц уступает лексической этимологии, где исторические словари создавались уже в раннюю грамматическую эпоху, расшифровывая внутренние формы слов с алгебраической точностью. Поэтому проблемы исторической фразеологии относятся к числу наименее изученных и особенно актуальных. В этом отношении опыт В. И. Зимины и его соавтора имеет большое значение. Их историко-этимологическая интерпретация представляет собой два направления: поиск и идентификация самобытной русской национальной идентичности, одновременно с выявлением чего-то общеевропейского, а иногда и универсального, что отражено в «Словаре-тезаурусе русских пословиц, поговорок и метких выражений». Сама идеографическая структура этого справочника стимулирует лингвокультурные исследования русского языкового мировоззрения посредством фразеологии и паремиологии. Тематический охват каждого идеографического блока поразителен как в количественном, так и в качественном представлении.

В статье предлагается анализ тематического блока «Богатство», который включает в себя широкий спектр примеров русского малого фольклора на дихотомию «Бедность-Богатство», последовательно и оригинально семантизированных в доминирующую тематику. Материал, описанный в этой идеографической диаде, весьма разнообразен: он включает как классические пословицы, так и поговорки (соответственно, фразеологические единицы), многие из которых также предлагают оригинальную семантизацию. Исторические и этимологические объяснения, предложенные В.И. Зиминим и А.С. Спириным, имеют особое значение для лингвокультурных исследований.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, паремиология, лингвокультурология, историческая паремиология, паремиологический тезаурус В. И. Зимины и А. С. Спирина.

Для цитирования: Мокиенко В. М. О русских компаративных фразеологизмах-синонимах, характеризующих бедность и богатство // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 191–200. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-191-200>

Сведения об авторе: В. М. Мокиенко – доктор филологических наук, профессор филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9.

© Мокиенко В. М., 2026

Scientific Article

UDC 81

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-191-200>

ON RUSSIAN SYNONYMS OF COMPARATIVE PHRASES CHARACTERIZING POVERTY AND WEALTH

Valeriy M. Mokienko

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia, mokienko40@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Abstract. This article examines the paremiological heritage of V. I. Zimin, who co-authored with A. S. Spirin an original thesaurus of Russian proverbs and sayings. Thanks to the thematic arrangement of the material, it is possible to see the units of this small genre of Russian folklore in all their figurative and structural diversity. Of particular value are the historical and etymological interpretations proposed by V. I. Zimin. They demonstrate both national and international sources of Russian phraseology and paremiology. Methodologically, the etymology of phraseological units is inferior to lexical etymology, where historical dictionaries were created in the early grammatical era, deciphering the internal forms of words with algebraic precision. Therefore, the problems of historical phraseology are among the least studied and particularly relevant. In this regard, the experience of V. I. Zimin and his co-author is of great importance. Their historical and etymological interpretation presents two directions: the search for and identification of a distinctive Russian national identity, while simultaneously identifying something pan-European, and sometimes even universal, as reflected in the Dictionary-Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings, and Apt Expressions. The very ideographic structure of this book stimulates linguacultural research into the Russian linguistic worldview through phraseology and paremiology. The thematic scope of each ideographic block is striking, both quantitatively and qualitatively. This article offers an analysis of the thematic block Wealth, which includes a wide range of examples of Russian small folklore within the framework of the dichotomy Poverty-Wealth, consistently and original semanticized within the dominant theme. The historical and etymological explanations offered by V. I. Zimin and A. S. Spirin are of particular importance for linguacultural studies.

Keywords: Proverbs, sayings, paremiology, linguoculturology, historical paremiology, the Paremiological thesaurus by V. I. Zimin and A. S. Spirin

For citation: Mokienko, VM 2026, 'On Russian synonyms of comparative phrases characterizing poverty and wealth ', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 191–200, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-191-200> (in Russ.)

Information about the Author: Valeriy M. Mokienko – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of Slavic Philology, Department of Philology, St. Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

© Mokienko V. M., 2026

Введение

III-и Зиминские чтения подтверждают жизненность научного наследия В. И. Зимина и перспективность его паремиологических задумок. Нам, его современникам, уже невозможно исследовать русскую фразеологию, не обращаясь к его трудам и не разделяя с ним его любви к этой всё еще молодой лингвистической дисциплине. Для лексикографов-русистов одним из неисчерпаемых источников исследовательских поисков остаются его словари, составленные им в соавторстве с собирателем-любителем А. С. Спириным и неустанно усовершенствованные и перерабатываемые им по мере новых переизданий [3, 4, 5].

И сейчас, «пристреливаясь» к теме своей статьи, я вновь погрузился в красочную мозаику этого паремиологического тезауруса. В нем каждый семантический блок организован как своеобразная картина русского образного мира. Причем этот мир предстает в синтезе прошлого и настоящего малых жанров русского фольклора. И даже – как это метко и означено в названии Зиминских Чтений – и будущего. Ибо в русской фразеологии и паремиологии есть еще немало проблем, которые продолжают оставаться *terra incognita*.

К таким проблемам относится историческая фразеология. Не секрет, что как в популярных справочниках по фразеологии и культуре русской речи, так и в солидных монографиях и словарях нередко излагаются недоказанные, народно-этимологические объяснения этимологии пословиц и поговорок, что порождает мнение о произвольности диахронической лингвистики. Методологически этимология фразеологизмов на этом фоне проигрывает этимологии лексической, где уже в младограмматическую эпоху создавались исторические словари, расшифровывающие внутреннюю форму слов с алгебраической точностью.

Исследование и результаты

В.И. Зимин с особым тщанием и энтузиазмом относился к диахронической ипостаси русской паремиологии. Именно его Н. М. Шанский призвал в свой лексикографический «триумvirат» по составлению «Школьного фразеологического словаря русского языка», в котором раскрывается история фразеологизмов [11]. В этом оригинальном словаре он не только расшифровывает собственно русские паремии, раскрывая их лингвокультурологическую и собственно языковую подоплёку, но и, будучи знатоком французского языка, приводит интернациональные параллели, которые подтверждали европейские связи многих из них. Такой подход Валентин Ильич назвал «пристрастным рассмотрением внутренней формы фразеологизмов» [2]. Эти две линии – поиски и выявление собственно национального, русского, и в то же время общеевропейского, а иногда – и общечеловеческого, универсального, можно проследить, вчитываясь в «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» [3]. Уже сама идеографическая структура этого справочника стимулирует лингвокультурологические зарисовки русской языковой картины мира в зеркале фразеологии и паремиологии. Тематический размах каждого идеографического блока поражает как количественной, так и качественной репрезентацией.

Типичен в этом плане блок «Достаток» [3, 142-155], включающий в себя самые разные образчики русского малого фольклора дихотомии «Бедность – Богатство», которые последовательно и оригинально семантизируются в настройке на доминантную тему. Материал, ставший объектом описания этой идеографической диады, весьма разнообразен. Львиную долю здесь составляют классические пословицы: *Лучше быть бедняком, чем разбогатеть со грехом; Бедность учит, а богатство портит; От нужды умнеют, от богатства дуреют; Нужда и голод выгонят на холод; Нужда жучит, нужда и учит; Голь на выдумки хитра; Сытый голодного не разумеет*. Ко многим из них даются лапидарные дефиниции: *Никто не ведает, как бедный обедает – Сытый и голодный по-разному проявляют себя; Люди пла-*

чут и от нужды и от богатства – Плохо, когда нет денег. Но бывает и так, что лишние деньги становятся причиной слез; Одна голова не бедна, а копь и бедна, так одна – Тяжело переживать нужду, когда много детей.

Обильно представлены здесь и поговорки (resp. фразеологизмы), ко многим из которых также предлагается оригинальная семантизация; *мал мала меньше; семеро по лавкам бегают; хоть волком вой; хоть кричи караул; хоть головой об стенку бейся; хоть в петлю лезь; хоть камнем в омут (вниз головой); хоть в гроб ложись; кум королю, сват министру – О зазнайстве богатого; положить зубы на полку – Это и есть настоящий голод; голь перекатная – О том, кто в кабаках оставил все свое богатство.*

Для лингвокультурологии особо значимы историко-этимологические расшифровки, предлагаемые В. И. Зиминим и А. С. Спириным. Вот несколько из них:

Бедному жениться – и ночь коротка. Русские люди женились в основном осенью, когда кончались сельскохозяйственные работы. Осенью ночи уже длинные. Но даже длинной осенней ночи не хватало, чтобы бедному человеку обдумать житейское бытие после женитьбы: как жить дальше, чем детей кормить и т.п.

Дошли до мату, что нет ни хлеба, ни табаку. [Мат (перен. прост.) – безнадежное, безвыходное положение].

Тут уж не до жиру, быть бы живу. [Не до богатства, не до роскоши, лишь бы выжить, иметь самое необходимое; это исконное выражение. *Жир* (устар.) в значении 'пожива, добыча, богатство, имущество'. *Живу* (устар.) – форма дательного предикативного падежа, с середины XIX в. вытесненного творительным].

Сосать лапу [Жить очень бедно, впроголодь; это собственно русское выражение. Первоначально – жить запасами. Медведи зимой в берлоге живут за счет жировых запасов и сосут лапу].

Сидеть на пище святого Антония; вкушать от пищи святого Антония [Голодать; это собственно русское выражение. Оно восходит к легенде о христианском отшельнике Антонии Фивском (III – IV вв.), жившем в пустыне и питавшемся травами и кореньями].

Как было отмечено выше, В. И. Зимин, уделяя немалое внимание собственно русской народной фразеологии, воздавал должное и ее взаимодействию с европейской и точно диагностируя кальки. Здесь им были предложены важные дополнения к интерпретациям А. С. Спирина. Типичный пример – *выражение умеи свести концы с концами* [свести/ сводить концы с концами – 'суметь/ уметь с трудом справиться с трудностями, находить выход из трудного положения'; возможно, калька с франц. *joindre les deux bouts*. Концы в значении 'расход и доход'. Выражение счетоводческого, бухгалтерского происхождения].

Два фокуса историко-этимологической методики анализа легко проследить практически на всех типах фразеологических единиц, запечатленных в словаре В. И. Зимина и А. С. Спирина. Учитывая лимит места, очерченный организаторами конференции для публикации докладов, покажу это лишь на примере синонимичных устойчивых сравнений, попавших в орбиту идеографического блока «Бедность – Богатство». Количественно (19 фразеологизмов) они достаточно репрезентативны: *живёт, как кум королю; без денег, как без рук; бедный в нужде – как жаба в луже; бьётся, как рыба об лёд; колотится, как слепой козёл об ясли; пусто, как корова языком слизнула; будто Мамай войной прошёл; голодный, как волк; в долгу, как в шелку; в долгах, как в репьях; беден, как церковная крыса; гол, как сокол; гол, как осиноый кол; гол, как сокол, а остёр как бритва; Голый – что святой: беды не боится (не боится беды); Голый – что святой: с него взятки гладки; одежда – как решето худое.* Лишь к нескольким из них составителями тезауруса предложены

историко-этимологическое комментарии, но сам набор этих компаративных единиц знаменателен.

Следуя примеру В. И. Зими́на, предложим их диахроническую расшифровку по оси «Свое – Чужое». Прозрачность их образа во многих случаях «подсказывает» (хотя и не всегда) либо их исконное происхождение, либо универсальность, обусловленную общими экстралингвистическими реалиями. Собственно, устойчивые сравнения, в отличие от фразеологизмов и паремий других структур, тяготеют к образной открытости, редко порождая обороты, квалифицированные В. В. Виноградовым как сращения. Устойчивые сравнения, извлеченные из собрания В. И. Зими́на и А. С. Спирина, – убедительное подтверждение этой закономерности. При этом даже, на первый взгляд, два оборота с ясной внутренней формой из нашего идеографического блока авторы словаря снабжают лапидарными историко-этимологическими комментариями:

Бьётся, как рыба об лёд [безуспешно старается сделать что-либо, добиться чего-либо; сравнение с рыбами, выброшенными на лед при ловле].

Гол, как сокол [о неимущем человеке; это собственно русское выражение. Вероятно, *сокол* – в значении 'таран' – стенобитное орудие, представляющее собой цельную гладкую болванку, закрепленную на цепях. Столь же вероятно, что сокол – пест, которым толкут что-либо в ступе].

Как видим, внимание составителей привлекли именно русские по происхождению компаративные фразеологизмы. Тем не менее, ареал первого из них можно расширить, ибо оно зафиксировано как в восточнославянских языках, так и в польском: *bićca як рыба аб лёд* [6, 1, с. 84]; *укр. б'ється, як риба об (о) лід* [8, 4, с. 169]; *bije się jak ryba o lód; jak ryba na lodzie* [12 3, 104]. При этом, конечно, данное сравнение остается генетически русским, а не заимствованным.

Одним из значимых маркеров исконности фразеологизмов (особенно народных) является их рифмованная структура. В этом плане типично сравнение *гол как сокол*, попавшее в орбиту лексикографического интереса В. И. Зими́на и А. С. Спирина. Оно также достаточно древнее, ибо является общим для восточнославянских языков – ср. бел. *гол (ўгол) як сакол* [6, 1, с. 260], *укр. гол, як сокол* [8, т. 4, с. 28]. Составителями сборника предложена и этимологическая расшифровка:

Гол, как сокол [О неимущем человеке; это собственно русское выражение. Вероятно, *сокол* – в значении 'таран' – стенобитное орудие, представляющее собой цельную гладкую болванку, закрепленную на цепях. Столь же вероятно, что сокол – пест, которым толкут что-либо в ступе]. *Гол, как осинový кол. Гол, как сокол, а остёр как бритва*. О том, кто голым стал в результате бесконечных странствий:

Как видим, допускается два варианта возможной внутренней формы. При этом паремиологическая интуиция подсказывает общий для обоих интерпретаций *tertium comparationis* – «некий предмет, имеющий идеально гладкую поверхность». Не случайно при этом между двумя орнитологическими сравнениями с компонентом *сокол* составители словаря поместили и народное сравнение *гол, как осинový кол*. Оно, видимо, стало имплицитным подтверждением их этимологии.

Это рифмованное сравнение давно уже вызывает интерес фразеологов и любителей русского образного слова. Несмотря на достаточно прозрачную образность, рифмовка сокола и прил. гол вызывает ореол этимологической неразгаданности. Почему именно сокол характеризуется таким прилагательным, а не какая-либо другая птица?

Вот далеко не однозначные ответы на этот вопрос: ¹.

1. *Сокол* здесь – старинное стенобитное орудие из чугуна или железа в форме длинного и толстого бревна или бревно, окованное металлом. Его навешивали

на железных цепях и, раскачивая, прошибали им самые прочные крепостные ворота и каменные стены. Поверхность сокола была гладкой, «голой». Название *сокол* получили и некоторые рабочие инструменты, имеющие ровную цилиндрическую поверхность: большие ручные железные ломы, трамбовочные «бабы» и песты для растирания зерна в ступе.

2. В средневековье *соколом* (пол. *sokoł*) называли пушку, стрелявшую шести-фунтовыми ядрами. Название «*сокол*» – буквальный перевод французского военного термина *fauson*, обозначающего именно такие орудия-фоконы. Однофунтовая же пушка называлась *фальконетом*, что в переводе с итальянского значит ‘соколик’. На активную употребительность данного оборота, включающего в свой состав название шестифунтовой пушки, повлияла фольклорная символика. Только тем, что представление о молодцеватом, отважном и потому в какой-то мере беспечном *соколе* очень популярно в русском фольклоре и живой речи, и можно объяснить популярность сравнения *гол как сокол*. Рифма и народный образный фон обеспечили сохранность этого древнего восточно- и южнославянского фразеологического историзма.

3. Возможно, что в средние века слово *сокол* актуализировалось под влиянием фр. фокон (*fauson*), буквально означающего ‘сокол’, а терминологически – ‘гладкоствольная пушка’, что находит параллели в некоторых других славянских языках (напр., болгарском).

4. Возможно и другое толкование этой поговорки. Не правильнее ли ее произносить *Гол как сукол*? *Суколом* назывались в крестьянстве пары тесно сближенных кольев, которые поддерживают частокол, плетень, изгородь. Осенью, когда полевые ограды разрушаются, на полях остаются торчать только «*голые суколы*»; их грустный, сиротливый вид и впрямь мог легко сделать их образом печальной наготы – характеристики человека крайне бедного, не имеющего «*ни кола, ни двора*». Ср. народн. *Дом гол что кол, никакой удобы* (т.е. удобств); смол. *сукол* ‘место соединения двух кольев забора’, новосиб. ‘попарно связанные колья изгороди’; новг. *суколки* ‘приспособление из соединенных вместе кольев для сушки; яросл. *суколья* ‘попарно связанные колья в изгороди’.

5. Устойчивое сравнение могло быть создано по структурно-семантической модели «голый (бедный) + как + птица = очень бедный», которая актуальна в украинско-белорусско-русско-болгарско-македонском ареале. Ср. бел. *гол як сакол*; укр. (1864) *гол як сокол, голий як соколик*; болг. *гол като сокол*; макед. *гол како сокол*; укр. *бідний як горобець безперий*; в.-луж. *chuda kažwóna na sněhash*; болг. *гол като сокол*; словен. *gol ko ptič* и лит. *plikas kaip tilvikas* (букв. голый как болотный кулик).

6. В качестве второго компонента выражения *гол как сокол* можно усматривать название птицы *Falco*. Первый компонент выражения *голый* имеет здесь значение ‘ясный, светлый, чистый’, ср. рус. диал. голый «белый, неокрашенный, без рисунка (о материале)»: «Адна лента *голая*». В XVIII в. отмечается модификация выражения *гол как сокол* – *чист как сокол* ‘о человеке очень бедном, ничего не имеющем’: «Соловья баснями не кормят, и который господин *чист, как сокол*, у того не весело слугам бывает» (Лукин, Награжденное постоянство). Переход значений ‘чистый’ < ‘ясный, светлый’ вполне закономерен. Возможно также, что голый сокол – это сокол, не имеющий украшений – хохолка, косматости лап и т. д. Наличие хохолка – уже признак зажиточности, богатства – ср. франц. *huppé, -e adj.* ‘хохлатый’ и разг. ‘зжиточный, богатый, знатный, высокопоставленный; шикарный’. Так же и наличие косматости – признак богатства, ср. рус. диал. *мохнатый* «богатый», польск. *kosmaty* ‘косматый, лохматый’. Характер оперения (у птицы перен. человека) также свидетельствует о бедности – богатстве. Существует русская поговорка *видно птицу по перу*, ср. укр. *видно птаху по пір’ю*, чеш. *ptáka poznáš po peří* «вид-

но птицу по полету». *Вобратся (войти) в перья* – «разбогатеть, начать жить благополучно, зажиточно»: «Как старчиха хадила, а шшяс ў перья войшла».

7. Выражение образовалось эллипсисом пословицы *Гол как сокол, а остёр как бритва*.

Сопоставляя эти разные расшифровки внутренней формы нашего фразеологизма, некоторые из них можно определенно исключить. Такова, например, последняя версия, объясняющая сравнение «эллипсисом пословицы», – тем более, что предложенный развернутый вариант – не пословица, а лишь эксплицированная разновидность того же сравнения. Не случайно такого варианта нет ни в восточнославянских языках, ни в приведенных болгарских, македонских и сербских параллелях. Это – лишь русский пословичный вариант простого сравнения *гол как сокол*.

Семантически не подходит и объяснение оборота на основе диалектного *сукол*: ведь оно обозначает не оголенные колья, а, наоборот, – ‘место соединения двух кольев забора’.

Более или менее доказуемыми, следовательно, остаются две версии: «пушечная» (гесп. «фольконная») и «птичья». Пожалуй, чаша весов все-таки склоняется к орнитологическому объяснению нашего выражения. Оно имплицитно, возможно, подкрепляется известным образом из «Слова о полку Игореве», где Святослав Всеволодович в своем «златом слове» уподобляет себя «соколу в мытх», который высоко птиц взбивает и не дает гнезда своего в обиду. Сокол в мытх – это сокол в возрасте (ср. в летах, в годах), ибо возраст ловчего сокола считали по количеству мытей, т.е. линек, как возраст человека по годам. Следовательно, *гол как сокол* первоначально могло значить птицу в период линьки. Ср. народн. *перемытиться* ‘перелинять (о ловчих птицах)’ [10, т. 26, с. 170]; *розмыт, розмыть* – «в проф. речи – ловчая птица в возрасте двух лет (перелинявшая один раз на воле)»; якут. (1901) *птица унала* ‘птица вылиняла и стала бескрылой’ [10, т. 47, С. 239] и т.п. Ср. также устаревший вариант сравнения *чист как сокол*, известный уже в XVIII в.

К большинству устойчивых сравнений, приведенных В. И. Зиминим и А. С. Спириным в избранном тематическом блоке, можно предложить ареальную, вариантную и семантическую характеристику. Большинство из них являются собственно русскими, зафиксированными в разных регионах страны, что подтверждается надежными диалектными источниками.

Так, шутовое выражение *жить как кум королю* ‘о чьей-л. обеспеченной, сытой и привольной жизни’ зафиксировано как в разговорной речи, так и в архангельских, орловских и псковских говорах, а в кубанских – и в варианте (*жить*) как кум королю и сват министру ².

Народная компаративная пословица *Бедный в нужде – как жаба в луже* записана в форме *Бедной в нужде (нужде) что жаба в луже* ‘Бедные люди приспособляются к нужде’ записана уже в XVII в. и включена в сборник пословиц В. И. Далем.

Сравнение биться (колотиться) как [слепой] козёл об ясли (в пустые ясли) также известно с XVIII в. в разных вариантах и зафиксировано как в народной речи, так и в псковских, ярославских говорах в двух значениях – ‘о человеке, прилагающем (часто безуспешно) чрезмерные усилия к преодолению трудностей, мучений’, ‘о человеке, беспомощно и вслепую тыкающемся во что-л., пытающемся отыскать что-л.’. О народном происхождении свидетельствуют и обороты с хорошо известными домашними или дикими животными – как, напр., пусто, как корова языком слизнула или голодный, как волк. При этом именно их прозрачная для многих народов образность может свидетельствовать как об исконности, так и универсальности подобных сравнений. Ср. бел. *галодны як воўк*, укр. *голодний як вовк*, пол. *głodny jak wilk*, чеш. *hladový jako vlk*, англ. *hungry as a wolf*, фр. *il a une faim de loup*, нем. *hungrig wie ein Wolf* и др. В каждом языке при этом можно найти и выражения с этим образом,

имеющими собственную историко-этимологическую интерпретацию – напр. нем. *einen Wolfshunger haben* ‘о волчьем аппетите’.

Для некоторых сравнений уже сама рифмованная структура является характеристикой исконного происхождения. Таковы обороты *в долгу как в шелку* и *в долгах, как в репьях*, характеризующих завязшего в долгах человека. Первое известно и в разговорной речи, и в поморских и прибайкальских говорах, второе – в народной речи и волгоградских говорах и русских говорах в республике Коми.

Маркером исконности может служить и конкретный исторический факт, запечатленный во фразеологии. Таково сравнение *будто Мамай войной прошёл*, отразившее хорошо известное событие. Мамай – жестокий татарский хан, совершивший несколько разорительных набегов на Русь (с 1361 г.) и разбитый наголову в битве на Куликовом поле (1380 г.), которую называли *Мамаевым побоищем*, т. е. «разгромом Мамаево». Победа на Куликовом поле стала заключительным и решающим этапом освобождения Руси от татаро-монгольского ига. Она оставила и глубокий след в нашем языке – ср. варианты сравнения: *где пусто словно Мамай прошёл*; *арх. где буде Мамай воевал*; *где словно (будто) Мамай войной (с войной, со своей силой) шёл (прошёл)*; *где как (словно, как будто) после [Мамаева] побоища* или *яросл. как Мамай побрал что* ‘о полном отсутствии, исчезновении чего-л.’.

Понятно, что в коллекцию сравнений В. И. Зимины и А. С. Спирина о бедности и богатстве закономерно вошли и выражения, проникшие в русский язык в виде калек. Характерно, что на первое место в рубрике «БЕДНОСТЬ» составители этого тезауруса поставили оборот *беден, как церковная крыса*. Действительно, для русскоговорящих первое сравнение, которое приходит на ум при характеристике бедного человека, это – церковная крыса или церковная мышь. При этом, судя по всему, оно является калькой с французского (ср. *gueux (pauvre) comme un rat d'église*) или немецкого (ср. *arm wie Kirchenmaus*) языков, проникшей в русский в XVIII в. Не случайно оно фиксируется в шутливо-ироническом варианте *богат как церковная мышь* «Писмовнике» Н. Г. Курганова 1777 г. [с. 106 – 9, т. 13, с. 104]. Любопытно при этом, что В. И. Зимин и А. С. Спирин включили в сборник лишь вариант с образом более крупного грызуна, вероятно, чтобы усилить экспрессивность этого сравнения. Тем самым и представление о крайней бедности получило особую выразительность и отрицательную образность, подчеркивая универсальность этого бедственного для человечества концепта.

Заключение

Как видим, даже в одной тематической рубрике паремиологического тезауруса В. И. Зимины и А. С. Спирина отразилась «как в капле малых вод» их уникальная лексикологическая идея и любовь к русской народной речи. А настоящее и будущее русистики и филологии невозможно без кропотливого сбора и расшифровки многоярусного «кода культуры», заключённого в пословицах и поговорках. Вот почему многолетние паремиологические изыскания, раскрывающие самые заветные загадки русской фразеологии, для Валентина Ильича Зимины стали делом всей долгой творческой жизни.

Примечания

1. Более детальные ссылки на источники некоторых этимологических версий и данные русских диалектных словарей см.: [1, 654].
2. Более детальные ссылки на источники диалектных выражений см.: [7]

Список источников и литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. /СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926. [2] с.
2. Зимин В. И. О пользе пристрастного рассмотрения внутренней формы фразеологизмов // Информационный потенциал слова и фразеологизма. Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора Р. Н. Попова (к 80-летию со дня рождения). Орёл, 19-21 ноября 2005 года. Сборник научных статей. Орёл, 2005. С. 61-70.
3. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 736 с.
4. Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. М: «Сюита», 1996. 544 с.
5. Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Изд. 3-е, стереотипное. Ростов н/Дону: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006. 544 с.
6. *Liepiešai, I. Ja* 1993. *Frazealagičny sloŭnik bielaruskaj movy* (Phraseological dictionary of the Belarusian language), vol. 1 (A-L), vol. 2 (M-Ya), *Bielaruskaja Encykłapiedyja publ*, Minsk. (In Bel.)
7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений. Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
8. Пазяк М.М. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Т. 4. Упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка, 2001. 392 с.
9. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1-23. Л. (СПб): Наука, 1984-2019. (издание продолжается).
10. Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Главный редактор С.А. Мызников. Вып. 1-53. Л.-СПб, 1965-2025. (издание продолжается)
11. Шанский, Зимин, Филиппов 1997: Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. Значение и происхождение словосочетаний. 2-е изд. М.: издательский дом «Дрофа», изд-во «Русский язык», 1997. 367 с.
12. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1-4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969-1978

References

1. Birikh, AK, Mokienko, VM & Stepanova, LI 2005, *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar. Okolo 6000 frazeologizmov* (Russian phraseology. Historical and etymological dictionary. About 6000 phrases), ed. V. M. Mokienko, Astrel publ, AST publ, Lyux publ, Moscow. (In Russ.)
2. Zimin, VI 2005, 'O polze pristrastnogo rassmotreniya vnutrenney formy frazeologizmov' (On the benefits of biased consideration of the internal form of phraseological units), *Informatsionnyy potentsial slova i frazeologizma. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya pamyati professora R. N. Popova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* (Information Potential of Words and Phraseological units. International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor R. N. Popov (on the 80th Anniversary of His Birth), Orel, 19-21 November 2005, pp. 61-70. (In Russ.)
3. Zimin, VI 2009, *Slovar-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* (The Dictionary-Thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions), AST-PRESS KNIGA publ, Moscow. (In Russ.)
4. Zimin, VI & Spirin, AS 1996, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* (Proverbs and sayings of the Russian people), Syuita publ, Moscow. (In Russ.)

5. Zimin, VI. & Spirin AS 2006, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bolshoy obyasnitelnyy slovar* (Proverbs and sayings of the Russian people. Large explanatory dictionary), Feniks publ, Rostov-on-Don, Tsitadel-treyd publ, Moscow. (In Russ.)
6. Liepiešā, IJa 1993. *Frazealohičny slovník bielaruskaj movy* (Phraseological dictionary of the Belarusian language), vol. 1 (A-L), vol. 2 (M-Ya), Bielaruskaja Encykłapiedyja publ, Minsk. (In Bel.)
7. Mokienko, VM & Nikitina, TG 2008, *Bolshoy slovar russkikh sravneniy. Boleye 45 000 obraznykh vyrazheniy* (Large dictionary of Russian similes. More than 45.000 figurative expressions), ed. V. M. Mokienko, ZAO «OLMA Media Grupp» publ, Moscow. (In Russ.)
8. Pazyak, MM 2001, *Ukrayinsjki prysliv'ya, prykazky ta porivnyannya z literaturnykh pam'yatok* (Ukrainian proverbs, sayings and comparisons from literary monuments), vol. 4, comp. by M.M. Pazyak, Naukova Dumka publ, Kyiv. (In Ukr.)
9. *Slovar russkogo yazyka XVIII v.* (18th century dictionary of the Russian language) 1984-2019, issues 1-23, Nauka publ, Leningrad, St. Petersburg. (In Russ.)
10. Filin, FP, Sorokoletov, FP & Myznikov, SA 1965–2025, *Slovar russkikh narodnykh govorov* (Dictionary of Russian Folk Dialects), issues 1–53, Leningrad, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Shanskiy, NM, Zimin, VI & Filippov, AV 1997, *Shkolnyy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenije i proiskhozhdenije slovosochetaniy* (School phraseological dictionary of the Russian language. Meaning and origin of phrases), izdatelskiy dom «Drofa» publ, Moscow. (In Russ.)
12. *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich* 1969-1978, vols. 1-4, ed. Ju. Krzyżanowski, Państwowy instytut wydawniczy publ, Warsaw. (In Pol.)

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026
Одобрена после рецензирования: 13.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 13.03.2026
Approved after reviewing: 13.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 811.161.1'42'37:398.91:811.161.1'374

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-201-212>

ПАРЕМИИ О РАЗЛИЧИИ И ТОЖДЕСТВЕ В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА»

**Елена Владимировна
Ничипорчик**

Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
Гомель, Республика Беларусь, evnich@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1284-6236>

Аннотация. В центре исследовательского внимания разнотемные пословицы и поговорки о различном и тождественном, выделенные В. И. Далем в словаре «Пословицы русского народа» в отдельный блок. Цель исследования состояла в анализе оснований для такого композиционного решения, а также в определении содержательной специфики, структурных и функциональных свойств паремий о различном и тождественном. Для проведения исследования использовались методы логического анализа, структурного, семантического анализа, метод наблюдения, интерпретации и теоретического обобщения. Стягивание разнотемных паремий в один блок «Разное – Одно» подчинено задаче вычленения специфического фрагмента паремиологической картины мира по процедурному параметру. Таким образом Даль акцентирует внимание на разнообразии языковых структур, используемых продуцентами паремий для выражения характеристики и оценки объектов реальной действительности посредством указания на их тождество или различие, а также дает возможность узнать, какие именно объекты реальной действительности, осмысляемые как тождественные или различные, оказываются в зоне интереса продуцентов паремий. Выявлено, что в блок паремий «Разное – Одно» включены пословицы и поговорки, в которых представлены значения дезидентификации, идентификации, отождествления, разуподобления, отрицаемого превосходства, приравнивания, несходства, различия. Характеризуемое в структурах с данными значениями репрезентируется как не тождественное себе; тождественное себе, но не отвечающее стандарту; тождественное себе во времени и пространстве; не подобное идентичному по назначению объекту; не превосходящее по качеству объект того же назначения; не подобное проигрышному по свойствам объекту другого класса; тождественное объекту своего же класса, вопреки нестандартности; тождественное по назначению другому объекту; схожее с объектами своего же рода; не схожее с объектами своего же рода. Разнообразны прагматические свойства паремий о тождественном и различном, связываемые с переживанием удовлетворения либо неудовлетворения положением дел.

Ключевые слова: словарь, паремия, тематическое объединение, сравнение, тождество, различие, структура, объект.

Благодарности: Работа выполнена в рамках задания 12.6.01 «Коды культуры в белорусском, русском и китайском фразе- и паремиопространстве» Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства».

Для цитирования: Ничипорчик Е. В. Паремии о различии и тождестве в словаре В. И. Даля «Пословицы русского народа» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (25). С. 201–212. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-201-212>

Сведения об авторе: Е. В. Ничипорчик – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, 246019, Республика Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104.

Scientific Article

UDC 811.161.1'42'37:398.91:811.161.1'374

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-201-212>

PROVERBS ABOUT DIFFERENCE AND IDENTITY IN V. I. DAL'S DICTIONARY "PROVERBS OF THE RUSSIAN PEOPLE"

Elena V. Nichiporchik

Francisk Skorina Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus, evnich@gmail.com.
<https://orcid.org/0000-0002-1284-6236>

Abstract. The research focuses on various proverbs and sayings about differences and identities, highlighted by V. I. Dal in the dictionary "Proverbs of the Russian People" in a separate block. The aim of the study consists of analyzing the rationales for this compositional solution, as well as to determine the substantive specifics, structural, and functional properties of proverbs about differences and identities. The author of the article utilizes methods of logical analysis, structural and semantic analysis, observation, interpretation, and theoretical generalization. The constriction proverbs on different topics in one block "Roznoye-Oдно" ("Divided and Unified") block serves the purpose of isolating a specific fragment of the paremiological picture of the world based on a procedural parameter. In such way Dal focuses on the variety of linguistic structures used by creators of proverbs to express the characterization and evaluation of existing reality objects by pointing out their identity or difference, and also provides an opportunity to find out which objects of existing reality, interpreted as identical or different, are in the area of interest of proverbs' creators. The study reveals that the block of proverbs "Roznoye-Oдно" includes proverbs and sayings that represent the meanings of disidentification, identification, equivalence, dissimilarity, denied superiority, equalization, and difference. Objects characterized in the structures with these meanings demonstrates as not identical to itself; identical to itself, but not meeting the standard; identical to itself in time and space; unsuitability of an object identical in purpose; lack of superiority in quality of an object of the same purpose; unsuitability to an object of another class that loses in properties; identity to an object of its own class, despite non-standardness; identity in purpose to another object; similarity to objects of its own kind; dissimilarity to objects of its own kind. The author also notes a wide variety of pragmatic properties of proverbs about the same and different, associated with the experience of satisfaction or dissatisfaction with the state of affairs.

Keywords: dictionary, proverb, thematic association, comparison, identity, difference, structure, object.

Acknowledgement: The work was performed within the framework of assignment 12.6.01 "Cultural codes in the Belarusian, Russian and Chinese phraseo- and paremiological space" of the State Research Program "Society and Humanitarian Security of the Belarusian State".

For citation: Nichiporchik, EV 2026, 'Proverbs about Difference and Identity in V. I. Dal's Dictionary "Proverbs of the Russian People"', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 201–212, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-201-212> (in Russ.)

Information about the Author: Elena V. Nichiporchik – Doctor of Sciences in Philological Sciences, Professor, Head of Chair of Russian, General and Slavic Linguistics, Francisk Skorina Gomel State University, 104 Sovetskaya str, Gomel, 246019, Republic of Belarus.

© Nichiporchik E. V., 2026

Введение

Сравнение – одна из ключевых мыслительных процедур, на которых основывается познание мира человеком. Разнообразны языковые структуры, отражающие процедуру сравнения и ее итог. В одних языковых структурах сравнение оказывается явным, выраженным специальными языковыми средствами, в других – скрытым, «упакованным» в структуры, организованные на основе иных процедур. Так, несмотря на то что тождество в речевом преломлении связывается с актом идентификации, оно так же, как и эксплицируемое в структурах со значением уподобления сходство, по определению Н. Д. Арутюновой, предполагает сравнение [1, с. 7–8]. О сложном взаимодействии категорий, определяющих модель мысли и структуру логической пропозиции, имеющей отношение к процедуре сравнения, а также о гетерогенной природе таких категорий, красноречиво свидетельствует название одного из специальных выпусков научных трудов по логическому анализу языка под редакцией Н. Д. Арутюновой – «Тождество и подобие. Сравнение и идентификация» [17]. Очевидно, что роль союза *и* в данном названии многозначна: с одной стороны, союз *и* свидетельствует об однородности объединяемых понятий, с другой – об их противопоставлении. Процедурно, то есть как логическая операция, предшествующая установлению тождества, сравнение не может противопоставляться идентификации, следовательно, в соположении с идентификацией сравнение осмысливается, скорее, как категория семантическая, а как не логическая.

Если сопоставить системные описания языковой семантики, связываемой с категориями сравнения, то можно прийти к выводу, что здесь наблюдается относительное единодушие исследователей. Лингвисты склоняются к выводу, что репрезентируемые языковыми структурами компаративные отношения можно представить в виде шкалы, крайними точками которой являются отношения тождества и различия [2, с. 276; 9, с. 15; 5 с. 56]. Исследователь А. М. Еримбетова выделяет на данной шкале 9 типов отношений: тождество, равенство, подобие, собственно сходство, соответствие (объединяются понятием сходства); несоответствие, собственно различие, неравенство, противоположность (объединяются понятием различия) [5, с. 56]. Белорусский грамматист М. И. Конюшкевич на компаративной шкале различает 14 видов отношений. Зону экватива (равноположенного), по наблюдениям М. И. Конюшкевич, представляют идентификационное тождество, равенство, сходство, приравнивание, репрезентация, соответствие, уподобление; зону абсолютива (разноположенного) – собственно различие, несоответствие, преимущество, доминирование, превосходство, абсолютив; зону равновесия – дипласия [9, с. 22, 24]. Несмотря на высокую степень изученности сравнения как гносеологической и языковой категории, каждый из 14 видов отношений на шкале от равноположенного к разноположенному, как считает М. И. Конюшкевич, может послужить своеобразным «полигоном» для более детальных семантических исследований – установления и описания всего списочного состава разноуровневых, но изофункциональных средств выражения компаративных отношений [9, с. 5, 18].

Принимая это утверждение в качестве исходной посылки, обращаем свое исследовательское внимание на специфический в семиотическом отношении материал, а именно пословицы и поговорки. Как известно, паремии представляют собой устойчивые выражения, способные реализовать свой семантический потенциал как в качестве строевых единиц высказываний, так и в качестве самостоятельных коммуникативных единиц с predetermined содержанием и в то же время зависящими от контекста функциональными свойствами. Мотивом к изучению гибридных по своей природе единиц, объективирующих компаративные отношения, послужило то, что в самом объемном тематически организованном словаре русских пословиц, составленном В. И. Далем, обнаруживается отдельный блок паремий, названный

«Розное – одно» [4]. Известно, что В. И. Даль отступал в своем словаре от тематического принципа, выделяя в отдельные блоки загадки, скороговорки, припевы, присказки и др. Однако блок паремий о различном и тождественном, так же как и некоторые иные словарные блоки (например, «Где», «Много – Мало», «Далеко – Близко»), выбивается из общей массы тематических объединений, в которых представлены пословицы и поговорки, воплощающие аксиологически значимые концепты («Бог – Вера», «Счастье – Удача», «Жизнь – Смерть», «Родина», «Ум – Глупость», «Работа – Праздность» и др.).

Таким образом, цель настоящего исследования заключалась в выяснении оснований выделения в отдельный блок пословиц и поговорок о различном и тождественном в паремиологическом словаре В. И. Даля, а также в определении содержательной специфики, структурных и функциональных свойств такого рода паремий.

Нужно сказать, что пословицы и фразеологизмы, в которых представлен тот или иной вид компаративных отношений, длительное время находились в поле зрения исследователей и достаточно хорошо изучены [3, 6–8; 10–12; 14–16, 18, 19 и др.]. Научный обзор специальной литературы по этому вопросу может составить предмет отдельного исследования. В то же время сам факт стяжения паремий о различном и тождественном в отдельный блок в составе тематически организованного словаря, а также структурное разнообразие паремий, реализующих соответствующую семантику, еще не подлежали специальному изучению. Для проведения исследования использовались методы логического анализа, структурного, семантического анализа, метод наблюдения, интерпретации и теоретического обобщения.

Результаты

На первый взгляд, кажется не совсем логичным выделение В. И. Далем паремий о различном и тождественном в отдельную тематическую группу. Во-первых, отношениями разно- и равноположенности пронизано все паремиопространство и практически в каждом тематическом объединении можно найти паремии, в которых процедурно либо содержательно находят отражение акты уподобления либо разуподобления, установления либо отрицания превосходства, идентификации либо дезидентификации: *Мужик богатый – что бык рогатый* («Богатство – Достаток»); *Жена не седло: со спины не скинешь* («Муж – Жена»); *Ласковое слово пуще дубины* («Кара – Милость»); *Иная хвала хуже поношения* («Похвала – Похвальба»); *Каков Мартын, таков у него и алтын* («Вина – Заслуга»); *У него не карман, а решето* («Бережь – Мотовство»); *Карета не карета, лоцади не лошади* («Причуда»); *Не черт тебя нес на худой мост* («Воля – Неволя»). Во-вторых, отраженные в паремиях тематической группы «Розное – Одно» наблюдения, связываемые с установлением сходств и отличий, касаются разных сфер жизни человека. Так, первый смысловой блок в данном тематическом объединении представляют паремии о воровстве, попытках человека идентифицировать содеянное совсем иным образом: *Взял не для кражи, для тайной продажи; К ногтю прибрал, а не украл; Солдат не вор, да плащ его хапун*. Далее можно проследить развитие темы о бедности, скудной еде неимущих: *Что разутый, что необутый; Холодно, на ком платье одно; а и двое, да худое – все одно; Что плохо, что худо, что никуда не годится; Стать наряжаться, да в то ж одеваться; Куда ни кинь, так клин; У нашего хозяина два кваса: один как вода, а другой пожире; Что ел, что кушал – все равно; Семеры яства, а все одна редька*. Включен в анализируемый блок ряд паремий о схожих по натуре либо внешнему облику людях: *Одного поля ягода; Бур черт, сер черт, все один бес; Все черти ровняки; Одна в одну пригожеством и дородством; Тут все на одну колодку*. Другие пословицы логично было бы включить в тематическое объ-

единение о семье и детях: *Все детки одной матки; Бык да теля – одна ровня; Пять перстов, а все одна рука; Который палец ни укуси – все больно; Не все сорочьи дети – в одно перо не уродятся; Из одной клетки, да не равны детки.*

В то же время есть и такие паремии о равенстве или отличии, которые трудно отнести к какой-либо определенной теме, их референцию могут составлять любые объекты, сравнение которых связано с переживанием каких-либо социальных коллизий либо обманутых ожиданий: *Равнять не велят, а разницы не видать; Это рознится, как день и ночь.* Сюда же можно отнести и паремии с метафорической кодировкой сопоставляемых объектов: *Те же кафтаны, да не те карманы; Хрен редьки не слаще; Не все едино, что хлеб, что мякина.* Однако количество такого рода паремий оказалось совсем небольшим. Присоединить их к какой-либо определенной теме значило бы неправомерно сузить их денотативный потенциал, а главное – отвлечь внимание читателя словаря от той идеи, которая проливает свет на своеобразие первобытного сознания человека. Это своеобразие, по меткому замечанию О. М. Фрейденберг, проявлялось в системе тождеств и повторений, используемых древним человеком для интерпретации мира. «Тождество и повторения, – пишет О. М. Фрейденберг, – ставят знак равенства между тем, что происходит во внешнем мире и в жизни самого общества; переосмысляя реальность, это общество начинает компоновать новую реальность, иллюзорную, в виде репродукции того же самого, что оно интерпретирует» [18, с. 52]. Но именно объективная действительность, искаженная в системе тождеств, но многообразно-множественная и подвижная, по мысли О. М. Фрейденберг, при переходе из категорий внешнего мира во внутреннее изнутри «расцветивала каждое тождество реальным многообразием различий» [18, с. 50–51]. Паремии о разном и тождественном, в понимании Даля, – это именно те единицы, в которых проявляется желание человека посредством отождествления либо отрицания тождества, уподобления либо отрицания подобия «уточнить», «откорректировать» видение мира. Стяжение такого рода паремий в отдельный блок выявляет особый подход к репрезентации национальной паремиологической картины мира, это – логико-философский, отвлеченный от стержневых концептов подход к систематизации паремий по процедурному параметру. Неслучайно, на наш взгляд, данное объединение паремий помещается в соответствующее «контекстуальное» окружение в словаре, который В. И. Даль структурировал как книгу с четко продуманной логикой развития своеобразного «сюжета» (см. об этом подробнее в [13]). Предшествуют объединению паремий о различном и тождественном тематические блоки «Верное – Вестимое», «Кабы – Если», включающие паремии о разного рода ожиданиях человека, о возможном и невозможном. После тематического объединения «Разное – Одно» Даль помещает блок паремий «Причуда», в котором представлены также достаточно пестрые в тематическом отношении паремии о том, что заставляет человека удивляться и недоумевать. Как видим, если стратегически выделение пословиц о различном и тождественном в отдельное словарное объединение в общей структуре словаря с доминирующим тематическим принципом организации кажется нецелесообразным, тактически такой композиционный ход оказывается оправданным, так как с точки зрения составителя словаря его читателю интересно узнать не только о том, что является предметом мысли в русских паремиях, но и о том, как мыслит создатель паремии, рассуждая о мире.

Обратимся к более детальному анализу паремиологических единиц, представленных в словарном объединении «Разное – Одно».

Среди паремий анализируемого тематического объединения, во-первых, выделяется ряд пословичных единиц, которые характеризуются полемической направленностью: продуцент/пользователь паремии как бы возражает адресату, неверно интерпретирующему мир. Это паремии, которые представляют формулу дезидентификации «не А, а Б», где А и Б являются разными обозначениями одного и того же референта. Обозначение Б при этом в наибольшей степени соответствует интересам человека, а именно того, кто хочет представить ситуацию не такой, какая она есть на самом деле, кто желает сгладить, смягчить ее негативную значимость.

Не украл, только вовсе взял.

Солдат не крадет, а под полюю, случается, унесет.

Нет, не плешь, а лысина.

Не били, а только колотили.

Не помер – болячка задушила.

Высказывания со значением дезидентификации, не являющиеся устойчивыми, тоже диалогичны; такие высказывания, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «имплицитуют не только существование адресата, но и наличие у него ложных представлений, нуждающихся в исправлении», и задача говорящего состоит не в убеждении адресата, а в его переубеждении [2, с. 286]. Если говорить о прагматике провербиальных, а не творимых в момент речи суждений со значением дезидентификации, представляющих модель «не А, а Б», то их опровергающая направленность служит представлению чего-либо неблагоприятного как благоприятного, чего-либо удручающего как безобидного, неисправимого как неизбежного. Такие паремии обычно используются в оправдательном, утешающем или, напротив, осуждающем контексте.

Есть паремии с отрицанием тождества объекта самому себе («не А, а Б») и другой функциональной направленности: коррекция картины мира происходит по линии не «искажающего», а «уточняющего» обозначения, служащего идентификации реального носителя предикативного признака: *Не пуля, а человек человека из ружьи убивает*. В паремиях, представляющих формулу «А не А, а...», коррекция картины мира, напротив, идет по линии подтверждения тождества объекта самому себе вопреки его отрицанию, часто для выражения сетования, реже осуждения: *Кабала не кабала, а голова не своя (а голова продана); Кила не кила, а коlob с телячьей головой есть; Тать не тать, а на ту же стать*. Аналогична по прагматической направленности и паремия, в которой эксплицирована процедура разуподобления объектов вопреки их равенству: *Равнять не велят, а разницы не видать*.

Тождество объекта самому себе, его неизменность может фиксироваться в разном пространстве, в разное время и даже при разном воздействии на него, что, как правило, сопряжено с переживанием неудовлетворенности таким положением дел:

Каков пошел, таков и воротился.

Как с утра, так и до вечера.

По саже хоть гладь, хоть бей – все одно.

Возьмем да покрасим, а выйдет Герасим.

Если в паремиях, построенных по формуле «не А, а Б», продуцент паремии оперирует разными наименованиями одного и того же объекта, из которых второе наименование используется для «ложного» перевода характеризуемого объекта в класс «облагороженных» объектов, то в паремиях, представляющих формулу «тот же А, да не такой», логическое развитие мысли прямо противоположное: характеризуемый объект, отождествляемый с объектами того же класса, оказывается по факту

иного, не соответствующего ожиданиям качества. Паремии, организованные по формуле «тот же А, да не такой», используются для выражения разочарования, сожаления в связи с обманутым ожиданием либо для критики объектов, не отвечающих стандарту.

Те же щи, да с помоидами.

Тот же квасок, да по другой воде.

Та же опара, да другой кисель.

Те же шанежки, только заскорузли.

Та же щучка, только выедены щечки.

Те же портки, да наперед узлы.

Тот же медведь, да в другой шерсти.

Близки по своим прагматическим свойствам к данным паремиям выражения со значением разуподобления объектов, представляющие формулу «А не Б», где А проигрывает по своим характеристикам Б.

Поспа не брага, а сусло не мед.

Коновязный кол не подковный гвоздь.

Рак не рыба, кожан не птица, баба не человек.

Курица не птица, а рак не рыба.

Проигрышный/худший объект репрезентируется и структурами с отрицательной частицей *не* при восходящем компаративе (формула отрицаемого превосходства – «А не лучше Б»).

Хрен редьки не слаще, а черт полена не мягче.

Хрен редьки не слаще, уголь сажки не белей.

Этот горох не лучше грибов.

Немка, голанка – брюквы не лучше.

Малаха Парахи не лучше.

Иного рода смысловые акценты наблюдаются в паремиях, в которых разуподобление («А не Б») служит фиксации внимания на отличительных положительных признаках характеризуемого объекта:

Грязь не сало: потер, она и отстала.

Таракан не муха: не взмутит брюха.

Положительную оценку получает ущербный объект при его отождествлении со стандартным объектом того же класса в структуре с сочинительным союзом *и* («с Х А, и без Х А»):

С трубами свадьба, и без труб свадьба.

Примечательно, что отождествление, приравнивание различных объектов, свидетельствующее об идентичности, сходстве их функциональных свойств или внешнем их сходстве, представлено в большем количестве структурных решений, чем различие:

1) структуры с терминами родства:

Водка – вину тетка.

Лук с чесноком – родные братья.

2) структуры с местоименным комплексом *все одно / все одинаково / все равны*, с существительным *ровня / парочка*:

Что свистнуло, что гаркнуло – все одно.

Что кургузому, что бесхвостому – все одно.

Все едино, что хлеб, что мякина, только б брюхо набить.

*Все одно, что дерево, что бревно.
Хоть до Кракова, так все одинаково.
Соболи, бобры, все черти равны.*

3) структуры с атрибутивно-именным комплексом, представленным предложно-падежной формой существительного (обычно в метафорическом значении) в сочетании с прилагательным *один* ('одинаковый'):

*Будто из одной плахи вытесаны.
Тут все на одну колодку.
Под один голосок, под один волосок, под одно платье.*

4) структуры с редупликацией: *точь-в-точь, одна в одну* и др.:

*Точка в точку, как мать в дочку.
Ни дать, ни взять, точь-в-точь.
Голос в голос, волос в волос, рост в рост.
Одна в одну пригожеством и дородством.
Бровь в бровь, и глаз в глаз.*

5) структуры с существительным *ровня / парочка*:

*Бык да теля – одна ровня.
Овечка да ярочка – одна парочка.*

6) структуры с сочетанием указательного местоимения *тот* с частицей *же*:

*Кресты да перстни те же деньги.
Мужицкие сани да дровни – те ж ровни.
Покровское ягня – тот же баран.*

7) структуры с повторяющимся местоимением *что* в параллельных синтаксических конструкциях:

*Что с перехватом, что с пережабиной.
Что разутый, что необутый.
Что поутру, что сзаранку.
Что голому, что нагому – не легче.
Что осьмнадцать, что без двух двадцать.*

8) структуры с числительным *оба/два*:

*Оба два, да ни в одном добра.
Оба луки, оба туги.
Два кума Аввакума, две кумы Авдотьи.
Два брата с Арбата, оба горбаты.*

Констатация равенства, сходства объектов может использоваться для выражения удовлетворения, удивления либо, напротив, для выражения огорчения, порицания, насмешки.

Паремиологические единицы о несхождении, различии объектов, как правило, содержат в своей структуре отрицательную частицу *не*. Это прежде всего структуры с атрибутивным комплексом *не равны / не одни*:

*Как быть: и на руке пальцы не равны.
И одной матки детки, да не равны.
Из одной клетки, да не равны детки.
И из одной печи, да не одни калачи.
Из одной мучки, да не одни ручки.*

Интенсификации значения несхожести, вопреки ожидаемому сходству, предписываемому стандартом, способствует редупликация зависимых словоформ при

предикате, реализующем отрицательную модальность, а также формула с отрицанием подобия и последующим обоснованием разуподобления:

В одно перо и птица не родится.

И на дереве лист на лист не приходится.

Не сорока, перо в перо не уродится.

Не все сорочьи дети – в одно перо не уродятся.

Эти и подобные паремии с отрицанием равенства, сходства объектов говорят о несхожести детей, рожденных от одних родителей, несхожести людей вообще, об индивидуальности каждого человека, о невозможности достичь идеала, превзойти кого-либо в мастерстве, удовлетворить те или иные амбиции:

Бог и пальцев на руке не уравнил.

В лесу Бог лесу не уравнил, в народстве – людей.

И все люди, да всяк человек по себе.

Как месяц ни свети, а все не солнышко.

Не все топор, что рубит.

Не все то цыган, что черно.

Не схоже Анохино пиво с Нестеровым.

Паремии о несхожестве и различии так или иначе связываются с неоправданными ожиданиями, предубеждениями и используются для выражения разного рода интенций: оправдания, урезонивания, парирования, сетования, утешения и др.

Заключение

1. Стягивание разнотемных паремий в один блок «Разное – Одно» В. И. Даль связывал с задачей вычленения специфического фрагмента паремиологической картины мира по процедурному параметру. Стратегически это не совсем правомерно, так как масса других паремий, в содержании которых находят отражение аналогичные компаративные отношения, оказывается за пределами выделенного фрагмента. Тактически постановка такой задачи вполне оправданна: В. И. Даль таким образом акцентирует внимание на разнообразии аккумулированных носителями обыденного сознания языковых структур, используемых для экспликации отношений тождества и различия, дает возможность узнать, какие именно объекты реальной действительности, осмысляемые как тождественные или различные, оказываются в зоне интереса продуцентов паремий, а также вскрывает богатство смыслов, выражаемых данными структурами.

2. Основанием для объединения паремий в блок «Разное – Одно» выступают избираемые продуцентами данных единиц способы характеристики и оценки объекта либо объектов, позволяющие представить характеризующее как

- ✓ не тождественное себе;
- ✓ тождественное себе, но не отвечающее стандарту;
- ✓ тождественное себе во времени и пространстве;
- ✓ не подобное идентичному по назначению объекту;
- ✓ не превосходящее по качеству объект того же назначения;
- ✓ не подобное проигрышному по свойствам объекту другого класса;
- ✓ тождественное объекту своего же класса, вопреки нестандартности;
- ✓ тождественное по назначению другому объекту;
- ✓ схожее с объектами своего же рода;
- ✓ не схожее с объектами своего же рода.

3. Семантика дезидентификации, идентификации, отождествления, разуподобления, отрицаемого превосходства, приравнивания, несходства, различия находит воплощение в ряде структурно-семантических моделей. Эти модели выступают

своеобразными кодами, используемыми для выражения оценочных смыслов, связываемых с переживанием удовлетворения или неудовлетворения положением дел, намерениями человека представить ситуацию в выгодном свете, предупредить о беспочвенности надежд, выразить удивление, оправдание, утешение, огорчение, сечение, порицание или ироническое отношение.

Список источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов) // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация: сб. ст. М.: Наука, 1990. С. 7–32.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Бочина Татьяна Геннадьевна. Казань, 2003. 449 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Эксмо, 2005. 616 с.
5. Еримбетова А. М. От тождества к противоположности: языковые формы выражения. М.: Алматы, 2001. 233 с.
6. Зиновьева Е. И., Алешин А. С. Семья в компаративных поговорах тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. URL: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (дата публикации: 10.03.2022).
7. Ильясова Л. И. Устойчивые сравнения с колоративным компонентом в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ильясова Лена Ирековна. Казань, 2009. 244 с.
8. Лызлов А. И. Оценка и языковые способы ее выражения в поговорах: на материале компаративных и негативных конструкций английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лызлов Алексей Игоревич. М., 2009. 203 с.
9. Конюшкевич М. И. На шкале сходств и различий: категория сравнения в русском и белорусском языках: монография. Гродно: ГрГУ, 2018. 435 с.
10. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеологии. Краснодар, 1999. 296 с.
11. Ничипорчик Е. В. Конструкция отождествления: омонимия и частные значения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ничипорчик Елена Владимировна. Гомель, 1998. 124 с.
12. Ничипорчик Е. В. Русские, немецкие и итальянские пословицы со структурой тождества: универсальное и специфическое // Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы IX междунар. Карских чтений / под ред. М. И. Конюшкевич: в 2 ч. Гродно: ГрГУ, 2003. Ч. 1. С. 68–80.
13. Ничипорчик Е. В. Тематический принцип составления паремииологических словарей как отражение структуры проverbsиального пространства // Славянская фразеология в синхронии и диахронии: сб. науч. статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2011. Вып. 1. С. 270–274.
14. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978. 160 с.
15. Пустошило А. П. Между сходным и различным. Одно из значений категории сравнения в русских и белорусских поговорах. Гродно: ГрГУ, 2010. 196 с.
16. Ройзензон С. И. Глагольные компаративные фразеологические единицы в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ройзензон Семен Иосифович. М., 1972. 339 с.
17. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация: сб. ст. / Ин-т языкознания АН СССР; под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1990. 226 с.
18. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / ред. и коммент. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
19. Tejedor-Martinez C. Oppositeness in proverbs. A contrastive study of English proverbs with their Spanish and Romanian equivalents // Proverbium. 2024. Vol. 41, No. 1. P. 101–130. URL: <https://doi.org/10.29162/pv.41.1.541> (accessed: 07.04.2026).

References

1. Arutjunova, ND 1990, 'Tozhdestvo ipodobie (Zametki o vzaimodejstvii konceptov)' (Identity and Similarity (Notes on the Interaction of Concepts)), *Tozhdestvo ipodobie. Sravnenie i identifikacija*; pod red. N. D. Arutjunovoj, Institutjazy koznaniya AN SSS publ, Moscow, pp. 7–32. (In Russ.)
2. Arutjunova, ND 1999, *Jazyki mir cheloveka* (Language and the world of man), Jazykirusskoj kul'tury publ, Moscow. (In Russ.)
3. Bochina, TG 2003, Kontrast kak lingvokognitivnyj princip russkoj poslovicey (Contrast as a linguacognitive principle of Russian proverbs), doctoral thesis, Kazan. gos. un-t, Kazan'. (In Russ.)
4. Dal, VI 2005, *Poslovitsy russkogo naroda* (Proverbs of the Russian people), Moscow. (In Russ.)
5. Erimbetova, AM 2001, *Ot tozhdestva k protivopolozhnosti: jazykovye formy vyrazhenija* (Contrast as a linguacognitive principle of Russian proverbs) Moskva-Almaty, 2001. (In Russ.)
6. Zinovyeva, EI & Alyoshin, AS 2022, 'Semya v komparativnykh paremiyakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo yazykov' (The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages), *Novyye issledovaniya Tuvy* (The New Research of Tuva), no 1, pp. 131–145, doi: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>. (In Russ.)
7. Il'jasova, LI 2009, Ustojchivye sravneniya s kolorativnym komponentom v anglijskom i russkom jazykah (Fixed comparisons with a colorative component in English and Russian), PhD thesis, Kazan. gos. un-t, Kazan'. (In Russ.)
8. Lyzlov, AI 2009, Ocenka i jazykovye sposoby ee vyrazhenija v paremiyah: na materiale komparativnykh i negativnykh konstrukcij anglijskogo jazyka (Evaluation and linguistic ways of its expression in paremias: based on comparative and negative constructions of the English language), PhD thesis, Mosk. gos. obl. un-t, Moscow. (In Russ.)
9. Konjushkevich, MI 2018, *Na shkale shodstv i razlichij: kategorija sravnenija v russkom i belorusskom jazykah* (On the scale of similarities and differences: the category of comparison in Russian and Belarusian languages), GrGUpubl, Grodno. (In Russ.)
10. Lebedeva, LA 1999, *Ustojchivye sravnenija russkogo jazyka vo frazeologii i frazeografii* (Fixed comparisons of the Russian language in phraseology and phraseography), Krasnodar. (In Russ.)
11. Nichiporchik, EV 1998, Konstrukcija otozhdestvlenija: omonimija i chastnye znachenija (Construction of identification: homonymy and particular meanings), PhD thesis, Bel. gos. un-t, Minsk. (In Russ.)
12. Nichiporchik, EV 2003, 'Russkie, nemeckie i ital'janskije poslovicy so strukturoj tozhdestva: universal'noe i specifichnoe', E.F. *Karskij i sovremennoe jazykoznanie: materialy IX mezhdunarodnykh Karskich chtenij*, ed. M. I. Konjushkevich, ch. 1, GrGUpubl, Grodno, pp. 68–80. (In Russ.)
13. Nichiporchik, EV 2011, 'Tematicheskij printsip sostavleniya paremiologicheskikh slovarej kak otrazhenije struktury proverbial'nogo prostranstva' (The thematic principle of compiling paremiological dictionaries as a reflection of the structure of the proverbial space), *Slavyanskaja frazeologija v sinkhronii i diakhronii*, no.1, ed. V. I. Koval', GGU im. F. Skoriny publ, Gomel', pp. 270–274. (In Russ.)
14. Ogoľcev, VM 1978, *Ustojchivye sravnenija v sisteme russkoj frazeologii* (Fixed comparisons in the system of Russian phraseology), Leningrad. (In Russ.)
15. Pustoshilo, AP 2010, *Mezhdru shodnym i razlichnym. Odno iz znachenij kategorii sravnenija v russkij i belorusskij paremiyah* (Between similar and different. One of the meanings of the category of comparison in Russian and Belarusian proverbs), GrGUpubl, Grodno. (In Russ.)
16. Rojzenzon, SI 1972, Glagol'nye komparativnye frazeologicheskie edinicy v sovremennom anglijskom jazyke (Verbal comparative phraseological units in modern English), PhD thesis: Mosk. gos. ped. in-t im. V. I. Lenina, Moscow. (In Russ.)
17. Arutjunova, ND (ed.) 1990, *Tozhdestvo i podobie. Sravnenie i identifikacija* (Identity and similarity. Comparison and identification), Institut jazykoznanija AN SSS publ, Moscow. (In Russ.)

18. Freydenberg, OM 1997, *Poetika syuzheta i zhanra* (Poetics of plot and genre), ed. N. V. Braginskaya, Labirintpubl, Moscow. (In Russ.)
19. Tejedor-Martinez, C. 2024 'Oppositeness in proverbs: a contrastive study of english proverbs with their spanish and romanian equivalents' *Proverbium*, vol. 41, no. 1, pp. 101-130, doi:10.29162/pv.41.1.541. (In Eng.)

Статья поступила в редакцию: 22.03.2026
Одобрена после рецензирования: 22.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 22.03.2026
Approved after reviewing: 22.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-213-229>

АРТИСТ – КАК АРТИСТКА: ВАРЬИРОВАНИЕ ФОРМ РОДА В СТРУКТУРЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

**Екатерина Васильевна
Огольцева**

Московский педагогический
государственный университет;
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва, Россия, tertiumcomp@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Аннотация. В статье рассматривается один из случаев формально-грамматического варьирования компонента **В** – образа устойчивого сравнения. Анализуются варианты форм рода существительных – наименований лиц: *‘как артист’* и *‘как артистка’*, *‘как циркач’* и *‘как циркачка’*, *‘как школьник’* и *‘как школьница’*. Подобные пары надо отличать от случаев, когда вариантные формы рода слова, выражающего образную основу сравнения, не связаны с конкретной ситуацией употребления компаративной конструкции, а лишь отражают варианты родовых форм данных существительных в языковой системе (*‘печной заслон’* и *‘печная заслонка’*; *‘жираф’* и *‘жирафа’*; *‘глист’* и *‘глиста’*). Варьирование форм рода одушевленных существительных, относительно редкое в ядре идиоматики, в системе компаративной фразеологии встречается довольно часто. Каждый из вариантов такой пары может выступать как средство образной характеристики либо мужчины, либо женщины. Оба варианта характеризуются общностью набора актуальных признаков-оснований, а следовательно, и совпадением «репертуара» слов-сопроводителей. Вместе с тем системный анализ текстовых фрагментов Национального корпуса русского языка позволяет выявить целый ряд признаков, специфических для «мужского» или, напротив, для «женского» варианта. Компаративный фразеологизм *‘как (словно, точно, будто) артист’*, устойчивая метафора *‘артист’* и её многочисленные речевые модификации, а также компаративно-производные слова *‘артистический’*, *‘артистически’*, *‘артистичность’* в художественной литературе и публицистике актуализируют семантические признаки «мастерство», «искусность», «безупречность в работе»; вариант *‘как артистка’* специализируется в основном на характеристике внешнего вида женщины. С одной стороны, общность образной основы цементирует всё многообразие варьирующихся компаративных единиц, обеспечивая относительно устойчивое семантическое единство; с другой стороны, каждый грамматический вариант обладает спецификой на уровне прагматики, в коммуникативном аспекте.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, образно-компаративное значение, варьирование, варианты форм рода, образ сравнения, метафора, образно-компаративное гнездо, производное слово, образно-гиперболическое значение, стабильность, динамичность.

Для цитирования: Огольцева Е. В. Как артист – артистка: варьирование форм рода в структуре устойчивых сравнений // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 213–229. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-213-229>

Сведения об авторе: Е. В. Огольцева – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет ул. Малая Пироговская, 1; профессор кафедры славянской филологии, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-213-229>

KAK ARTIST – KAK ARTISTKA: GENDER FORM VARIATION IN THE STRUCTURE OF FIXED COMPARISONS

Ekaterina V. Ogoltseva

Moscow State Pedagogical University;
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
Moscow, Russia, tertiumcomp@mail.ru.
<https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Abstract. The article examines a specific case of formal and grammatical variation in "Component B" — the vehicle of a fixed comparison. The author analyzes gender form variants of nouns denoting persons, such as 'like an actor' (*kak artist*) and 'like an actress' (*kak artistka*), 'like a circus performer [masc.]' (*kak tsirkach*) and 'like a circus performer [fem.]' (*kak tsirkachka*), or 'like a schoolboy' (*kak shkolnik*) and 'like a schoolgirl' (*kak shkolnitsa*). The study distinguishes these pairs from cases where gender variants merely reflect systemic linguistic fluctuations (e.g., '*pechnoy zaslon*' / '*pechnaya zaslonka*' – 'stove damper', '*zhiraf*' / '*zhirafa*' – 'giraffe', or '*glist*' / '*glista*' – 'helminth') rather than situational usage. While gender variation in animate nouns remains relatively rare in core idiomatics, it occurs frequently within comparative phraseology. Either variant in such a pair can figuratively characterize both male and female. Both variants share a common set of relevant underlying features and, consequently, a matching "repertory" of collocations. At the same time, a systematic analysis of text fragments from the Russian National Corpus reveals specific features inherent to either the "masculine" or the "feminine" variant. The comparative idiom '*kak (slovno, tochno, budto) artist*' ('like (as if, as though) an actor'), the fixed metaphor 'actor', and its various derivatives (e.g., '*artisticheskiy*' – 'artistic', '*artisticheski*' – 'artistically', '*artistichnost*' – 'artistry') in fiction and journalism actualize semantic features such as "mastery," "skill," and "flawlessness." In contrast, the variant '*kak artistka*' ('like an actress') – primarily characterizes a female appearance. Thus, the shared figurative basis cements the diverse comparative units into a stable semantic unity, while each grammatical variant maintains its own pragmatic and communicative specificity.

Keywords: stable comparison, figurative-comparative meaning, variation, variants of gender forms, image of comparison, metaphor, figurative-comparative nest, derived word, figurative-hyperbolic meaning, stability, dynamism.

For citation: Ogoltseva, EV 2026, 'Kak Artist – Kak Artistka: Gender Form Variation in the Structure of Fixed Comparisons', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 213–229, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-213-229> (in Russ.)

Information about the Author: Ekaterina V. Ogoltseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, 1, st. Malaya Pirogovskaya, Moscow, Russia; Professor of the Slavic Philology Department, Private educational institution of higher education Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 23B Novokuznetskaya St, Moscow, Russia.

© Ogoltseva E. V., 2026

Введение

Значение образного сравнения, или образно-компаративное значение, – одна из тех языковых универсалий, исследование которых требует многоаспектного, интегративного подхода. Ядерные единицы компаративного поля – устойчивые сравнения (далее УС) как фразеологические единицы особого типа – встречаются в разных (в том числе типологически контрастных) языках, поэтому представленные в нашей статье наблюдения могут послужить одной из предпосылок для перспективных исследований в области перевода и межкультурной коммуникации.

Одним из важнейших признаков устойчивого сравнения как фразеологической единицы особого типа является постоянство его структуры и образно-компаративной семантики. Например, в сравнении *длинноногий, высокий – как аист* (о человеке) элемент **В** (образ «аист») связан со строго определённым основанием **С** (*длинноногий, высокий*) и с ограниченным диапазоном элементов **А** (человек); компаративные отношения выражены посредством сравнительного союза *как* (элемент **т**). Вместе с тем компоненты устойчивого сравнения характеризуются способностью варьироваться, хотя и в строго определённых пределах. Иными словами, стабильность структуры – признак, с которым обыденное сознание в первую очередь связывает устойчивость фразеологической единицы, – оказывается признаком относительным. Возможны следующие типы варьирования компонентов УС:

1. Лексическое варьирование.

Лексическими вариантами могут быть любые компоненты сравнительной части (**тВ**) компаративной конструкции. К ним относятся компоненты, различающиеся своими лексическими значениями (как *затравленный волк* – как *загнанный волк*; как *львиная грива* – как *лошадиная грива* – как *конская грива*; как *сонная муха* – как *осенняя муха*)¹.

2. Формально-грамматическое варьирование.

а) Варианты сравнительных союзов (элемента **т**).

Помимо основного союза *как*, УС часто употребляются с союзами *словно, точно, будто*. В разговорной речи и в текстах встречаются также следующие варианты показателей компаративных отношений: *как будто, будто бы, всё равно как, как бы, чисто, что* и проч.

б) Варианты падежных форм существительных, выражающих образ сравнения (**В**) или грамматически зависящий от него элемент (**β**): *как (словно, точно) из (после) бани*; *как (словно, точно) под венец (к венцу)*. В обоих случаях варианты являются чисто грамматическими, то есть они не приводят к изменению значения УС. Например, грамматические варианты *как из бани* и *как после бани* коммуникативно равноправны в плане выражения компаративного значения «красный, разгорячённый, потный, распаренный»: *Аракчеев кивнул головой в знак того, что аудитория кончена. Пыхтя и отдуваясь, потный и красный, как из бани, генерал вышел из комнаты.* (Д.С. Мережковский. «Александр I»); *Отпущенный наконец из каюты с напутствием «хорошо запомнить всё, что сказано, и передать кому следует», боцман радостно вздохнул и, весь красный, словно после бани, выскочил наверх и пошёл на бак выкурить скорей трубочку махорки.* (К.М. Станюкович. «Куцый»).

г) Формы субъективной оценки существительных, которые в количественном отношении преобладают над всеми остальными: *как (словно, точно) амур (амурчик)*; *как (словно, точно) ангел (ангелочек)*; *как (словно, точно) заря (зорька)*; *как (словно, точно) на картинке [картине]*; *как (словно, точно) кнопка (кнопочка)*; *как (словно, точно) кукла (куколка)*; *как (словно, точно) паутинка (паутинка)* и мн.др.²

В 70-х годах XX века на волне фундаментальных научных исследований в области русской и общей фразеологии многим учёным казалось, что в вопросах, связанных с фразеологической варианностью, расставлены все точки над «і». В самом деле, явлению варьирования компонентного состава устойчивых сочетаний были посвящены фундаментальные работы ведущих фразеологов второй половины XX века [4; 16 и др.]. Г. А. Селиванов в одной из своих статей утверждал, что лексическое, грамматическое и структурное варьирование фразеологических единиц уже описано сравнительно полно, а вот «функциональное варьирование с привлечением одновременных фактов» пока малоизученно: «Должны быть поставлены прежде всего две проблемы: междиалектное и межъязыковое варьирование» [14, с. 8]. Этим вопросам, а также фразеологическим вариантам, возникшим в русском языке в разное время, и посвящена цитируемая статья. Между тем и на материале фразеологии одного литературного языка (в том числе русского) эта проблематика далеко не исчерпана, о чём свидетельствует, в частности, внимание современных исследователей к определению инварианта, к анализу «пределов варьирования», к разграничению варианности и синонимии (см., в частности: [5])³. Далека от своего решения проблема коммуникативной, прагматической значимости грамматического варьирования. Лишь поставлен, но не разработан вопрос о типах варьирования в системе отдельных участков фразеологической системы, прежде всего в сфере устойчивых компаративных единиц⁴.

В данной статье мы представим некоторые наблюдения, касающиеся вариантов форм рода существительных, выражающих компонент В – образ устойчивого сравнения. Показательно, что В.И. Зимин, затронувший в своих работах едва ли не все возможные случаи варьирования в сфере фразеологии (семантическое варьирование как проявление многозначности, формально-грамматическое варьирование и его типы – лексические, морфологические, синтаксические варианты), высказал особое мнение по поводу варьирования форм рода в составе ФЕ как частного проявления морфологического варьирования: «<...> Морфологические варианты зависят в первую очередь от системы формоизменений в русском языке. Этим, в частности, объясняется тот факт, что среди морфологических вариантов не встречаются варианты, основанные на варьировании формы рода имен существительных – компонентов фразеологических единиц. В нашей картотеке есть лишь единственный вариант подобного типа (*пропасть*) *ни за понюшку табаку* – (*пропасть*) *ни на понюх табаку*. Естественно, это объясняется неизменяемостью имени существительного по родам в русском языке» [6, с.81]. В целом признавая справедливость данного утверждения (в ядре фразеологической системы варьирование рода действительно редкость), отметим, что вывод В.И. Зимина не касался устойчивых сравнений – единиц с особой, «обнаженной» внутренней формой. Кроме того, при рассмотрении данного вопроса следует опираться на очевидное различие в проявлении категории рода у неодушевленных и одушевленных существительных (в последнем случае мы, по существу, имеем дело с синкретизмом явлений формо- и словообразования). Недаром в системе УС этот случай вариативности связан прежде всего с образами лиц и животных: как *барин* (*барыня*), как *господин* (*госпожа*), как *дурак* (*дура*, *дурачок*, *дурочка*), как *царь* (*царица*), как *король* (*королева*), как *принц* (*принцесса*), как *заговорщик* (*заговорщица*), как *затворник* (*затворница*), как *узник* (*узница*), как *идиот* (*идиотка*), как *именинник* (*именинница*), как *тигр* (*тигрица*), как *глист* (*глиста*), как *жираф* (*жирафа*), как <печной> *заслон* (<печная> *заслонка*), как *голубь* (*голубок*, *голубка*), как *глист* (*глиста*); как *жираф* (*жирафа*); как *именинник* (*именинница*); как *монах* (*монахиня*, *монашка*, *монашенка*); как *покойник* (*покой-*

ница); как <столетний(-я), древний(-я)> старик (старуха); как царь (царица); как циркач (циркачка); как цыган (цыганка); как школьник (школьница), как артист (артистка), как барин (барыня), как господин (госпожа), как царь (царица), как король (королева), как принц (принцесса), как заговорщик (заговорица), как затворник (затворница), как узник (узница), как идиот (идиотка), как именинник (именинница), как тигр (тигрица), как глист (глиста), как жираф (жирафа), как <печной> заслон (<печная> заслонка), как голубь (голубок, голубка), как у цыгана (цыганки); как у волка (волчицы), как у гуся (гусыни) <лапы>, как у старика (старухи), словно (точно, будто) за ним (за ней) гонятся. Иногда в орбиту варьирующихся родовых форм втягиваются формы общего рода: как (словно, точно) вор (воровка, ворышка, ворюга – прост.)

Материалы и методы

Языковой материал для исследования – приведённый выше список воспроизводимых компаративных единиц, характеризующихся варьированием образа В – извлечен методом сплошной выборки из словарей устойчивых сравнений русского языка; основным источником послужил словарь, последовательно отражающий систему грамматических, лексических, словообразовательных вариантов УС, факультативные компоненты, а также систематизирующий близкие по значению устойчивые компаративные обороты (синонимы): [11]. Наша гипотеза о воспроизводимом характере вариантов *как артист* и *как артистка* опирается на богатый языковой материал, представленный в картотеке данного словаря. Прагматический потенциал исследуемых грамматических вариантов выявляется посредством контекстуального анализа. В целях исследования семантической специфики «мужского» и «женского» вариантов используется семный анализ.

Выводы о преобладании тех или иных семантических признаков, служащих основаниями для сравнения при речевом функционировании вариантов УС *как артист* и *как артистка* (а также метафор *артист* и *артистка*), строятся на анализе текстового материала, извлечённого из Национального корпуса русского языка (около 600 фрагментов).

Ход анализа и его результаты

Варианты форм рода встречаются в основном у сравнений с компонентом **В** – существительным и связаны с возможностью употребления компаративной конструкции как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине: *Мария дурчилась как школьница, весело поглядывала по сторонам, точно приглашая посмеяться за компанию.* (Б.А. Можаяев. «Мужики и бабы»); *Вступив в университет, я вёл себя, как школьник, и скоро попался в историю.* (И.С. Тургенев. Рудин); *Староста Антон Седельников, смуглый и черноволосый, как цыган, подошёл к избе с топором и вышиб окна, одно за другим...* (А.П. Чехов. «Мужики»); *Вот тебе раз! Настя – Филина жена. Рыжий, конопатый Филя и строгая красавица, смуглая, как цыганка, Настя!* (Ф.П. Соболев. «Тополиный снег»)

От этих случаев родового варьирования существительных – наименований лиц – качественно отличаются примеры, когда вариантные формы рода слова, выражающего элемент **В**, не связаны с конкретной ситуацией употребления компаративной конструкции, а лишь отражают варианты форм рода данных существительных в языковой системе. Таковы, в частности, «глист» и «глиста», «жираф» и «жирафа», «заслон» и «заслонка». Например, и вариант «глист», и вариант «глиста» могут быть употреблены по отношению к худому, тощому, тонкому человеку – мужчине или женщине. О длинном, высоком человеке, будь то мужчина или

женщина, можно сказать и «как жираф», и «как жирафа». Примечателен подход лексикографов к семантизации подобных вариантов. Так, в МАС обе формы могут быть даны в одной словарной статье: **‘жираф, -а, м. и жирафа, -ы, ж. Животное пятнистой окраски с очень длинной шеей и длинными ногами (водится в Африке)’** [15, т. I, с. 486]. Возможно также использование идентифицирующего типа толкования: **‘глиста, -ы, ж. 1. То же, что г л и с т; глист, -а, м. Червь, паразитирующий во внутренностях человека и животных. Ленточные глисты’** [там же, с. 315].

Что касается единственного случая, когда в качестве элемента В выступает предмет неодушевленный (имеется в виду явно устаревшее сравнение как <печной> заслон / <печная> заслонка), употребление той или иной формы рода здесь никак не связано с полом лица, по отношению к которому употребляется данное сравнение: с печным заслоном (заслонкой) сравнивают лицо или бороду человека (ясно, что в последнем случае это может быть только мужчина). В Толковом словаре В.И. Даля существительные «заслонъ» и «заслона, заслонка» находим в статье с заголовочным словом засланивать: **‘ <...> *заслѡнъ и заслѡнка, пск. Заслонъ, ж. Также предметъ, щитъ для заслоненья чего-либо, например, листовой или чугунный, сверху закружѣнный щитъ для заставки русскихъ и заводскихъ печей; такая же заставка у комнатныхъ печей, передъ вьюшкою <...> ’*** [2, т. I, с. 636].

На фоне таких сугубо формальных вариантов большой интерес представляют случаи, когда варьирование рода оказывает существенное влияние на прагматический аспект семантики компаративной единицы. Ярким примером такого варьирования может послужить пара как *артист* – как *артистка*. Отметим прежде всего, что данная компаративная структура не зафиксирована в словарях устойчивых сравнений русского языка: [7; 11; 9; 1]. Между тем частотность её употребления в текстах (как художественной, так и публицистической, мемуарной литературы), а также факт реализации одного и того же круга значений свидетельствуют если не об устойчивости, то о явном «дрейфе» в сторону системы воспроизводимых образно-компаративных единиц русского языка.

Возможно, недостаточное внимание лексикографов к анализируемому сравнению объясняется некоторой размытостью его семантики: вокруг образа «артист» группируются разноаспектные и в то же время весьма специфические признаки, каждый из которых претендует на роль устойчивого. Например, признак «кланяться, раскланиваться во все стороны» может использоваться при характеристике поведения человека: *А продавец легко повернулся на каблуке и, словно артист, раскланивался на все стороны* (С. А. Воронин. «Всего дороже»); *Не кланялся, как артист, а стоял на трибуне, поглаживал свою белую голову, улыбался* (С. П. Бабаевский. «Белый свет»). Встречаются и «случайные», явно индивидуально-авторские признаки, характеризующиеся высокой зависимостью от контекста или ситуации употребления: *Чиновник одного из петербургских департаментов Иван Петрович Чекалов, господин сухой, корректный, лет под сорок, представленный к производству в коллежские советники, тщательно выбритый, как артист, имеющий проседь на висках и освобождённое от волос темя, ехал в середине октября в вагоне первого класса в Петербург из Крыма* (С. Сергеев-Ценский. «Ближний»). Обилие конкретных, частных оснований, по которым человек может быть уподоблен артисту, особенно ярко проявляется при варьировании падежной формы этого образа: *Но ведь его осмеяли, как артиста, взявшего фальшивую ноту и сорвавшегося на ней* (Н. Островский. «Как закалялась сталь»); *Сейчас на свету хорошо видно было его круглое бабье лицо с толстыми рыжими усами. Усы были такие*

большие, что казались наклеенными, **как у артиста** (К. Симонов. «Солдатами не рождаются»).

Как видим, с «артистом» может ассоциироваться и человек как объект отношения группы людей, коллектива, и человек как носитель какого-то наблюдаемого признака внешности, поведения и т.д.

Признаком наиболее частотным и явно претендующим на воспроизводимость является следующий: «делать что-либо – мастерски, художественно, производя на наблюдателей эстетическое впечатление». По нашим наблюдениям, в этом значении явно преобладает вариант с формой мужского рода – как (словно, точно будто) **артист**: *Гриша как артист показывал манеры Данькевича на извозчике* (В.А. Швец. «Дневник»). При употреблении этого УС часто актуализируются семантические признаки «тщательно», «с любовью», «скуппулезно», «стремясь довести до совершенства» (делать что-либо): *У японца в крови, в нравах, в привычках такая специализация в маленьком деле: он делает его, – это верно, – как артист!* (В. Э. Краевский. «В Японии. Ничего, кроме правды»); *Я сшил тетрадь из голландской бумаги и начал переписывать с таким тщанием, с каким от роду не писал ничего. Каждую сторону отделявал как артист* (М. П. Погодин. «Сокольницкий сад»).

В том же значении употребляется и устойчивая метафора, нередко в типичном синтагматическом окружении (как артист + имя сущ. в родительном или предложном падеже) – «артист своего дела», «артист в своём деле», «артист своей профессии»: – *Ну, Иван Петрович – артист своего дела! Между прочим, человек с большим будущим* (Г. Коновалов. «Раздумье»); *Как артист своей профессии (а в министры должны выбираться артисты ведомств), каждый сановник мог бы дать не только художественное подражание, но, может быть, и гениальное творчество, но он весь связан комиссиями из подчиненных ему чиновников* (М. О. Меньшиков. «Ни творчества, ни подражания»).

Метафора «артист» чаще всего употребляется в речи персонажей, в репликах диалога, выступая как характеристика, которая присваивается тому или иному герою другим героем произведения: *Во всём районе никто не умел так смело и так лихо ездить на мотоцикле, как Иван Лукич Книга. «Артист, да и только!»* – говорили о нём. (С. П. Бабаевский. «Сыновний бунт»); – *Он у меня был заместителем по боевой подготовке. Парень, скажу вам, на все руки мастер, одним словом, артист!* – *Это как понимать?* – *Самый способный офицер,* – сказал Николай Михайлович <...> (Н. И. Камбулов. «Покушение»).

Воспроизводимый характер анализируемой семантики подтверждается тем, что она устойчиво проявляется в других структурах образно-компаративного гнезда – в прилагательном *артистический* и образованном от него наречии: *Являясь на работу и видя, что они [рабочие] лентяй, он [Шишин] брал сокол, лопату и артистически принимался за дело сам, ласково покрикивая: – Наддай, ребятки, наддай!* (А. М. Горький. «В людях»). Ср. в МАС: *артистический* '<...> 2. Исполненный с большим искусством; мастерский, искусный, виртуозный. *Сделает безделушку, поставит на высокое место и любит действительно тонкой, артистической работой.* Серафимович. У холодного моря. <...>' [15, т. I, с. 46].

Прилагательное *артистический* может выступать и в образно-гиперболическом значении, выражая высокую степень интенсивности признака. Ср.: *Мать моя была лютеранка и, стало быть, степенью религиознее; она всякий*

месяц раз или два ездила в воскресенье в свою церковь, или, как Бакай упорно называл, в свою кирху, и я от нечего делать ездил к ней. Там я выучился до **артистической** степени передразнивать немецких пасторов, их декламацию и пустословие, – талант, который я сохранил до совершеннолетия (А. Герцен. «Былое и думы»)⁵. Те же семантические признаки (мастерство, безукоризненность, художественность, искусность) реализуются в значении синтаксического деривата **артистичность**: Кирсанов выдерживал свою роль с прежнею безукоризненною **артистичностью**. (Н.Г. Чернышевский. «Что делать»).

Показательно, что «мастерскими» и «художественными» могут быть и нравственные качества и поступки человека, в том числе связанные с отношением к другим людям (например, жестокость или насмешка), и речевые действия, осуждаемые в обществе (прежде всего лживость): *Насмешка, ирония, холодная, язвительная и полная презрения, это было орудие, которым он [отец] владел **артистически**, он его равно употреблял против нас и против слуг.* (А. Герцен. «Былое и думы»); *Единственное дело, которое они делали не только легко, но с удовольствием, с истинным дарованием, **как** самые безукоризненные **артисты**, это было – лганье.* (Г. И. Успенский. «Новые времена, новые заботы»); – *Верно то, что о нём говорят? – Видите ли, Сергей Николаевич, как вам сказать? На Севере не всегда различишь, где правда, где легенда. Врут тут... **Артистически** врут и часто бесцельно. Пьют чай – и врут, курят табак – и врут. Поди-ка проверь!* (Б. Л. Горбатов. «Карпухин с Полыньи»). Важный семантический признак подобного поведения – увлечённость до самозабвения. Человек, который насмехается над кем-то или врёт кому-либо артистически, сам наслаждается своими насмешками и сам верит тому, что говорит или делает: *Он уже проникся несокрушимой верой в свою выдумку, которая только что родилась в нём, уже вёл себя, **как волшебник, как артист*** (А.А. Бек. «Жизнь Бережкова»). Ложь «артистическая» – это не обычное враньё, а враньё вдохновенное и изощрённое: *Никто на свете не умел так обмануть конём, как этот Дмитрий Ерофеевич, и надувал он не как обыкновенный, сухой, прозаический барышник, а **как артист**, – больше для шутки, для форса и для славы* (Н.С. Лесков. «Железная воля»).

К отмеченным выше случаям употребления сравнения как артист близки довольно многочисленные примеры типа: *Его часто приглашали на мещанские свадьбы играть на гармонии. Играл он **как артист**.* (С.Г. Скиталец. «Композитор»); – *Ну, ну, – сказал Фуст и покраснел до пят. – Ты действительно пел **как артист**. Только такие песни надо петь ночью.* (Н. Тихонов. «Белое гнездо»). В этих случаях несколько стирается грань между сравнением устойчивым и логическим: характеристике подвергаются занятия любителей, свойственные профессиональным артистам: музицирование или пение. Однако явное присутствие сем «художественно», «мастерски», «со знанием дела» позволяет отнести подобные случаи к образным сравнениям.

Другое значение, претендующее на воспроизводимость (а следовательно, языковой статус) – «неестественность, неискренность, ненатуральность»: *И я не то чтобы не верю в перевоспитание таких типов, но когда они дурака валяют, изображают психов или, **как артисты**, пускают натуральную слезу, то в ответ на это ломанье нужна жестокость, а не мягкость <...>* (В. Чивилихин. «Про Клаву Ивановну»).

В отличие от «мужского варианта», женский специализируется в основном на характеристике внешнего вида – на образном выражении красоты: *На фотогра-*

фии Райка **как артистка**, но не как раньше делали фотографии артисток – вдохновенное лицо и причёска, – а в полный рост, в купальнике, чтоб никакой загадки (Михаил Панин. «Камикадзе»). Внешность женщины, уподобляющейся артистке, обычно представляется экранной, «киношной», неправдоподобно-идеальной, поэтому УС как артистка часто встречается в трансформированной форме: «как артистка кино»: *Сейчас смотрю на свою фотографию и удивляюсь: в красивой модной шляпке, в модном коротком платье, туфли на каблуках – совсем как артистка кино* (В. С. Балина. «Три сестры»)⁶.

Вариант *как артистка* используется и для характеристики поведения, причем доминирующими здесь являются признаки «красиво», «эффектно»: Зойка <...> эдак красиво, **как артистка**, откинула в сторону окольцованную руку (Ф. А. Абрамов. «Дом»). Устойчивая метафора **артист** тоже нередко используется в подобном значении: *Пётр Житков – тот ещё артист!* – широким, просто-таки княжеским жестом указал на ящик справа от себя: любой выбирай. Так-то мы почитаем тебя!» (Ф. А. Абрамов. «Пути-перепутья»). Заметим, что в обоих примерах речь идёт о таком важном внешнем признаке человека, как движения тела, жестикуляция; во втором случае семантические признаки «внешне красивый», «рассчитанный на эффект» поддерживаются употреблением компаративно-производного слова (ср. «**княжеский жест**»).

Упомянутые выше признаки поведения женщины нередко проявляются в сочетании с характеристикой её гибкости, ловкости, изворотливости, то есть действий женщины как не вполне искренних, но достигающих результата и потому вызывающих смешанное чувство негодования и восхищения, прежде всего со стороны мужчины: – *Ну и артистка у тебя жена, – прощаясь после собрания с Никитиным у машины, с восхищением говорил Неверов. – Сама же всё подстроила, расписала по нотам и сама рассыпалась на собрании, как ни в чём не бывало. Ох, ещё заплачешься ты с ней!* (А. В. Калинин. «Возврата нет»). Интересно, что вариант *как артист* также может выражать такие признаки, как «поддельность», «неискренность», «не подлинность»: *Одновременно довко, как артист на сцене, играл человека совершенно трезвого, дисциплинированного, честного и берегущего государственное добро.* <...> (Л. Я. Горелик. «Дневник»). Однако при проявлении этого признака часто актуализируется не желание покорить привлекательной внешностью, а стремление к славе, ко всеобщему вниманию и признанию и чувство удовлетворения самим собой: *Так он и мог это сказать для славы – ведь он, как артист, любит, чтобы ему аплодировали* (Н. С. Хрущёв. «Пусть простит меня академик Капица»); *Он наслаждался, как артист после удачного выступления* (С. Ф. Буданцев. «Писательница»). Эта особенность провоцирует контаминацию двух признаков при использовании варианта *как артист*: 1) мастерство (делать что-л. «мастерски», «играючи», «без видимых усилий, напряжения» и 2) желание показать наблюдателю, зрителю не то, что есть на самом деле: *Тщательно замесив ногами глину на тёплой воде для того, чтобы она заблестела, как масло, он поддевал добрый кусок пальцем, запроваживал за щёку, прожёвывал и глотал, улыбаясь, как артист, желающий показать, что исполнение номеров не составляет для него никакого труда* (А. Т. Твардовский. Печники).

Однако в основном *как артист* / *как артистка* используются в сходных речевых ситуациях, что подтверждает их статус именно как формально-грамматических вариантов одной и той же языковой единицы. Так, форма *как ар-*

мистка, подобно варианту как *артист*, употребляется в значении «мастерски, очень искусно делать что-либо»: Домна Платоновна любила своё дело **как артистка**: скомпоновать, собрать, состряпать и полюбоваться делами рук своих – вот что было главное, и за этим просматривались и деньги и всякие другие выгоды, которых особа реалистичная ни за что бы не просмотрела (Н. С. Лесков. «Воительница»). Однако, по нашим наблюдениям, в этом значении анализируемая компаративная единица всё-таки чаще выступает в варианте с формой мужского рода.

Использование УС как *артист* в подобных контекстах нередко усиливается соседством с другими компаративными единицами, усугубляющими экспрессию, или повтором слова-сопроводителя с наречиями меры/степени: Люка играл «Мелодию» и «Юмореску» Рахманинова. Играл как артист и вдохновенный поэт. Он с первых тактов заставлял забыть об аудитории, концерте (В. А. Швец. «Дневник»); Он читал **как артист**, читал совершенно неподражаемо, но и его не хватало, чтобы насытить жадность стосковавшейся по русской книге аудитории (А. А. Яблонский. «Египет. Гости английского короля»). В подобных контекстах на первый план выходят признаки «вдохновенно, высокохудожественно». На усиление экспрессии работает и градационный ряд сопроводителей-синонимов: Так я люблю создание своего воображения, над которым работала, **как артист**, с восторгом, с увлечением... (Е. А. Дьяконова. «Дневник русской женщины»).

Оба варианта используются со словом-сопроводителем «кланяться (поклониться)»: Хохот. Миша кланяется, **как артист**. Следующий номер программы – жужжание мухи о стекло, визг поросёнка и застарелый анекдот про кукурузу (Геннадий Башкуев. «Маленькая война»); Я снова благодарю вас, мой учёный друг, – она опять поклонилась, **как артистка** (И. А. Ефремов. «Лезвие бритвы»). Оба служат для характеристики нарядно одетого человека («женский вариант» используется в этой функции несколько чаще): Но Истобникова уже в девятом классе была совершенно зрелую: после занятий за ней в школу на красных «жигулях» заезжал взрослый парень, одетый **как артист** (А. М. Поляков. «Гипсовый трубач: дубль два»); Пройдём ко мне, – сказал Волков, когда нарядная, **как артистка**, горничная помогла им снять пальто (А. И. Пантелеев. «Лёнька Пантелеев»).

Только вариант как *артист* (не как *артистка*!) употребляется как характеристика образа жизни – внешне яркого, увлекательного, но безалаберного, расточительного, богемного. С другой стороны, возможна и мелиоративная окраска «жизни артиста», и тогда актуализируются признаки «духовная высота», «приверженность к высокому образу мыслей и чувств»: Жил **как артист** в высоком смысле этого слова (В. Г. Малахиева-Мирович. «Маятник жизни моей: дневник русской женщины»); Он, **как артист**, не знает цены деньгам и невозмутимо жертвует своим комфортом и благами жизни кое-каким своим страстишкам, и оттого-то он даёт впечатление человека неимущего, еле сводящего концы с концами (А. П. Чехов. «Драма на охоте»).

Показательно, что, даже когда анализируемый образ «артист» обозначает высокое понятие (нечто далекое от обыденности, поднимающееся над суетой повседневности, исключительное) применяется по отношению к женщине, предпочитается вариант с формой мужского рода: Эта замученная горем, умирающая старая женщина в то же время была **как артист**, которого день деньской заставляли таскать тяжелые камни и лишь к вечеру освободили для любимого дела (О. Д. Форш. «Одеты камнем»); Зазубрина была в душе **артист** и, как артист,

непомерно таланту самолюбива (А. М. Скабичевский. «Горький. Очерки и рассказы»).

Мы видим, что, несмотря на общность основных семантических признаков, проявляющихся чаще всего («делать что-либо с большим мастерством» и «демонстрировать своим внешним видом, поведением, поступками не то, что есть на самом деле»), употребление вариантов *как (словно, точно, будто) артист* и *как (словно, точно, будто) артистка* характеризуется целым рядом нюансов. Мужской вариант чаще используется как характеристика мастерства в том или ином деле, при этом могут актуализироваться такие семы, как «тщательно», «скупуплезно», «вдохновенно», «с азартом», «с размахом», «играючи», «без видимого напряжения». Вариант *как артист* также широко употребляется для выражения таких признаков поведения мужчины, как «картинность», «стремление к внешнему эффекту», «ожидание всеобщего любования или признания». С мужским образом ассоциируется также богемный, расточительный, безалаберный, неорганизованный, легкомысленный образ жизни и, с другой стороны, пренебрежение обыденными благами бытия ради чего-то возвышенного, исключительного, духовного.

Женский вариант чаще употребляется для характеристики внешности (красивой, безукоризненной, продуманной до мелочей), наряда женщины; вариант *как артистка* чаще используется для выражения признаков «поддельный», «неискренний», «не подлинный».

Коммуникативно-прагматические различия вариантов форм рода носят системный характер. Они проявляются и при употреблении других УС с образами, называющими человека по роду деятельности, в частности, **как словно, точно, будто) циркач / как словно, точно, будто) циркачка**. В Словаре устойчивых сравнений русского языка эта компаративная единица определяется следующим образом: «Лазать, прыгать, взбираться на что-л. – ловко, проворно. О человеке» [11, с. 743] Оба варианта достаточно регулярно употребляются с отмеченными в словаре словами-сопроводителями – глаголами движения, семантика которых конкретизируется обстоятельствами «ловко, проворно» и проч.: *Трифон, воткнув бугор в толстую лесину, сиганул, как циркач*. (В. П. Астафьев. «Перевал»); *В театре, когда рассаживались в ложе, он разом, **будто циркач**, перекинул себя с коляски на откидное кресло*. (В. М. Шанько. «Синдром веселья Плугоренко»); *Она ловко, как циркачка, перехватываясь руками по скобам крана и мелькая крепкими полненькими икрами, стала подниматься в кабину* (Б. Н. Полевой. «На диком берегу»). Семантика ловкости, проворства, граничащих с чудом и вызывающих удивление и восхищение окружающих, реализуется также при употреблении этих вариантов с другими глаголами-сопроводителями: *«бегал на костылях, как циркач»* (В. Розов); *«как циркач, умел бросать тарелки на пол, и они оставались целыми»* (Т. А. Луговская). Оба сравнения употребляются также с прилагательными-сопроводителями «ловкий», «изящный», «пластичный», «проворный», «тренированный»: *При всем том он ухитряется оставаться самим собой – изящным, пластичным, как циркач, и обаятельным, как Миронов!...* (Вениамин Смехов. «Театр моей памяти»).

На первый взгляд, анализируемые формальные варианты не обнаруживают никаких различий. Однако при употреблении УС *как циркачка* в указанном выше значении контекст, как правило, содержит большое количество подробностей, связанных с внешним видом цирковой артистки – её одеждой, особенностями фигуры,

прически, телосложения, движениями: *Р-раз! – и с верхушки дуба съехала по веревке, **будто циркачка**, лохматая, загорелая девчонка с веселыми глазами* (Леонид Сапожников. «Митя Метёлкин в Стране Синих роз»); *Потом с круга между боковыми рядами поёт толстушка, загорелая до черноты, вертлявая, играющая микрофоном в руке, как циркачка, в открытом со всех сторон, переливающимся огнями красном платье, и резкий голос ее, перекрывающий гитару, скребёт Алешу по сердцу* (Валентин Распутин. «Новая профессия»).

С другой стороны, и употребление УС как *циркач* имеет свою специфику: это сравнение зачастую характеризует не физическую, а интеллектуальную ловкость. Вообще «мужской вариант» характеризуется большей употребительностью, и, соответственно, большим разнообразием компаративных моделей. К примеру, образ «циркач» чаще, чем «циркачка», употребляется как устойчивая метафора, часто с эмоцией восхищения, с усилением экспрессии посредством формул «*ну ты (и) В!*», «*какой В!*» «*настоящий В*», «*чистый В*», «*прямо В*» и т.п.: *Андрей услышал голоса Виктора и Гошки и, недолго думая, перескочил через забор. – И-ха-а! – приветствовал его Гошка. – Вы посмотрите, **какой циркач!*** (В.А. Закруткин. «Сотворение мира»); ***Ну ты циркач**, – испуганно забормотал подбежавший Мишка, оцупывая и оглядывая тушу* (Андрей Дмитриев. «Воскобоев и Елизавета»); – ***Чистый циркач!*** – сказал нервный водитель с некоторым восхищением (Георгий Владимов. «Большая руда»). Нетрудно заметить, что устойчивые компаративные формулы такого рода имеют яркую разговорную окраску и чаще встречаются в речи персонажей.

Наконец, только вариант «циркач» употребляется, по сведениям НКРЯ, с отрицательной коннотацией – как характеристика слишком рискованного, легкомысленного или изворотливого, лицемерного, подхалимного поведения: *Но-но-но! – закричал Косичкин и погрозил согнутым пальцем. Ишь, закаруселил, циркач! Не на бульваре гарцуешь* (Георгий Владимов. «Большая руда»); *Высочка, **циркач**... тихо сказала Гошке Надя, когда они наконец вышли на ночную тихую улицу где-то в Замоскворечье* (Михаил Анчаров. «Этот синий апрель»).

Интересующие нас коммуникативно-прагматические различия вариантов форм рода имеют место и при употреблении устойчивых сравнений, входящих в идеографические подгруппы наименований лиц по национальности, социальному статусу, возрасту. У сравнения *как (словно, точно, будто) школьник – как (словно, точно, будто) школьница* словарь фиксирует два значения: '1. Вести себя – шаловливо или неблагоразумно, легкомысленно. О взрослом человеке (неодобр.) <...> 2. <провинившийся> Робеть, теряться, стесняться, краснеть перед кем-л. О взрослом человеке. <...>' [11, с. 777] Вариант с формой мужского рода представлен в НКРЯ гораздо большим количеством фрагментов (более 160), нежели вариант с формой женского рода (около 60 примеров).

Первое значение представлено в НКРЯ в основном «мужским вариантом»: *Хитрец порою любил пошалить, как школьник – любил подшутить над простецом* (Г.И. Чулков. «Годы странствий»); *Атмосфера вольная, отношения со всеми дружеские, шалости, а шалил я ещё как школьник, не зная, куда девать избыток сил* (М.В. Нестеров. «О пережитом»). Ср.: *Но в лучах все эти удила и подпруги тотчас забывались, и она предавалась свободе и беспечности, как школьница, забросившая докучливую учебную сумку*. (Евгений Носов. «Усвятские шлемоносцы»);

Второе значение характеризуется гораздо более высокой коммуникативной востребованностью, и оно проявляется равномерно у обоих рассматриваемых грамматических вариантов: *Он признался в своей дерзости Карамзину, **краснея как школьник**, сознающийся в шалости, счастливый, уверенный, что всё это вызовет одобрение* (Ю. Н. Тынянов. «Пушкин»); *Я отпрянула от окна в то же мгновение, **покраснев от стыда, как школьница**, застигнутая у замочной скважины* (И. М. Косых. «Ади. Заказное самоубийство»). Ср. также: «покраснел, как школьник, получивший выговор» (Н. А. Островский); «вспыхнул, как школьник» (Ю. Слёзкин); «зарделась, как школьница» (Наринэ Абгарян); «как школьник, краснеет или бледнеет» (Игорь Кио).

Второе значение регулярно проявляется также с другими словами-сопроводителями: «смущенный, как школьник перед строгой учительницей» (В. В. Полонская); «смутился, как школьник» (Т. Устинова) «стесняется, робеет перед нею, как школьник» (К. И. Чуковский); «волновался, как школьник, мучился» (Е. Весник); «мнётся, как школьник, не выучивший урок», «оробевший, как школьник» (Ю. М. Поляков); «дрожал, как школьник» (Л. Ягункова); «трепетал, как школьник» (Д. Гранин); «понурившись, как школьница, получившая двойку по поведению» (Д. Корецкий); «ахала и дрожала, как школьница» (А. Мамедов); испугана, как школьница (О. Новикова); «нервничает, как школьница перед первым свиданием» (А. Беляков); робка, как школьница (А. Соболев). Используются также слова-сопроводители *оправдываться, прятать глаза, волноваться, трусить, заискивать, бояться, лепетать, конфузиться*.

Употребление УС как *школьница* (в обоих значениях) характеризуется более высокой экспрессией, которая определяется эмоциональностью объекта описания: *Расхохотавшись, **как школьница**, Сима вскочила, наградила подругу поцелуем и большим апельсином и принялась надевать спортивный костюм за раскрытой дверцей шкафа* (И. А. Ефремов. «Лезвие бритвы»). В подобных случаях однозначно выделить слово-сопроводитель не представляется возможным: контекст дает представление о поведении девушки в целом, причиной которого является радостное волнение. Отметим, что вариант «как школьница» (и в первом значении, характеризующем школярское, легкомысленное поведение, но прежде всего во втором, характеризующем состояние смущения, волнения или робости перед кем-то или чем-то) характеризуется бóльшим разнообразием слов-сопроводителей. Этот вариант подразумевает устойчивые внешние признаки, культурно обусловленные и закрепленные в сознании носителей русского языка.

Заключение

Различия между вариантами форм рода, показанные нами в настоящей статье, вполне подтверждают главный постулат учёных, обосновывающий суть различия между фразеологической вариантностью и синонимией. Нам близка позиция тех фразеологов, которые рассматривают понятие «вариантность» как более широкое по сравнению с понятием «синонимия». Действительно, не все варианты устойчивых сравнений (реально функционирующие или потенциально возможные) являются синонимами, однако все синонимы есть проявление вариантных отношений. Н. М. Шевченко справедливо полагает, что «разграничение этих явлений должно базироваться на априорном определении вариантов как единиц, тождественных по значению, а синонимов – как единиц, соотносимых с разными образами» [18, с.109]. Рассмотренный нами феномен, несомненно, принадлежит

сфере грамматического варьирования: никак не затрагивая ядра компаративной семантики, он, однако, может оказывать существенное влияние на функционирование устойчивых сравнений, на их коммуникативные, прагматические свойства. В.И. Зимин, считавший проблему вариантности «одной из важнейших во фразеологической науке», подчеркивал: «Вариантность фразеологических единиц, очевидно, должна рассматриваться не иначе, как в связи с их тождеством, так как проблема вариантности <...> является как бы оборотной стороной вопроса об устойчивости (инвариантности, постоянности, константности) фразеологизмов» [6, с. 71].

Таким образом, динамичность – оборотная сторона важнейшего признака языковой нормы – **стабильности**. Этот постулат в полной мере может быть отнесён к особой группе фразеологических единиц языка – устойчивым сравнениям. Постоянная борьба противоположностей – стабильности и динамичности – обеспечивает устойчивому сравнению коммуникативную мобильность при неизменности его образной основы.

С одной стороны, общность образной основы цементирует группу компаративных единиц; образ выполняет функцию своего рода стержня, на который нанизываются разные и вместе с тем взаимосвязанные семантические признаки, сопряженные с феноменом грамматических видоизменений опорного слова. С другой стороны, каждый вариант характеризуется своей спецификой в плане коммуникативных предпочтений и культурных коннотаций.

Варианты форм рода в устойчивых компаративных структурах заслуживают глубокого исследования в плане особенностей их функционирования в современной разговорной речи, а также в художественных и публицистических текстах.

Примечания

1. Типы вариантов устойчивых сравнений и дефиниции значений компаративных единиц приводятся нами в соответствии с концепцией, реализованной в работах: [11; 12]
2. Некоторые аспекты формально-грамматического варьирования компонента В устойчивого сравнения были проанализированы нами в статье: [13]
3. Активно изучается варьирование фразеологических единиц в разных сферах коммуникации [3], явление вариативности в системе фразеологической неологии [8], зависимость трансформационной активности устойчивых выражений от их компонентного состава [17] и т.д.
4. Об актуальности углублённого рассмотрения особенностей варьирования фразеологических единиц разных структурных типов писал в свое время В. И. Зимин. См., в частности: [6, с.70–82]
5. Нельзя не отметить, однако, что прилагательное *артистический*, подобно раздельнооформленной компаративной единице как *артист*, может выступать и в других значениях <...>, которые, хотя и предсказуемы, но, вероятно, не исчислимы: *Большая часть французской молодёжи отбывает юность **артистическим** периодом, то есть живёт, если нет денег, в маленьких кафе с маленькими гризетками в quardierLatin¹, и в больших кафе с большими лоретками, если есть деньги. Вместо шиллеровского периода этот период польдекоковский, в нём наскоро и довольно мизерно тратится сила, энергия, всё молодое – и человек готов в сотtis¹ торговых домов (А. Герцен. «Былое и думы»).*
6. Справедливости ради надо отметить, что в подобной компаративной функции выступает и вариант как *артист* (однако намного реже): *За месяц до родов Софье Андреевне приснилось, что собеседника дочь и её темноволосый сын, прекрасный как артист кино, выросли вместе и полюбили друг друга <...>* (Ольга Славникова. «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки»).

Список источников и литературы

1. Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: около 1300 словарных статей. М.: ООО АСТ: ООО «Астрель»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 285 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Том 1. 636 с.
3. Декатова К. И. Вариантность политических фразеологизмов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Том 23. № 3. С. 47–55.
4. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке // Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1979. 192 с.
5. Дронов П. С. Варьирование идиом как системно-языковое и дискурсивное явление: дис. ... доктора филологических наук. М., 2025. 457 с.
6. Зимин В. И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума. Вып. 2. Тула, 1972. С. 70–82.
7. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1998. 272 с.
8. Мокиенко В. М. Варианты русских фразеологических неологизмов в идеографическом пространстве // Когнитивные исследования языка. 2024. 1–2 (57). С. 80–85.
9. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка: 11000 единиц. Санкт-Петербург: «Норинт», 2003. 608 с.
10. Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/new/> (НКРЯ)
11. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: ООО «Русские словари»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 800 с.
12. Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук. Т. 1. Сыктывкар, 1974. 368 с.
13. Огольцева Е. В. Формально-грамматическое варьирование в системе устойчивых сравнений русского языка // Теоретические и методологические проблемы филологии: Сб. научных статей, посвященных 70-летию д-ра филол. наук, профессора Л. К. Жанаалиной. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2015. 608 с. С. 254–262.
14. Селиванов Г. А. Варианты фразеологических единиц во временной проекции // Проблемы русской фразеологии (Республиканский сборник). Тула, 1977. С. 3–11.
15. Словарь русского языка. В 4-х тт. / АН СССР, Ин-т русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. (МАС). Том 1. С. 486.
16. Телия В. Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972. С. 30–69.
17. Третьякова И. Ю. Трансформационная активность фразеологических единиц с компонентом-колоративом // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 205–211. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-205-211>
18. Шевченко Н. М. Описание системных отношений во фразеологическом словаре русского языка // Вестник КРСУ. 2007. Том 7. № 4. С. 107–112.

References

1. Gorbachevich, KS 2004, *Slovar sravneniy i sravnitelnykh oborotov v russkom yazyke: okolo 1300 slovarnykh statey* (Dictionary of comparisons and comparative phrases in the Russian language: about 1300 entries), OOO AST publ, OOO «Astrel» publ, ZAO NPP «Ermak» publ, Moscow. (In Russ.)
2. Dal, VI 1955, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language), vol. 1, Gosudarstvennoye izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey publ, Moscow. (In Russ.)
3. Dekatova KI 2023, 'Variantnost politicheskikh frazeologizmov' (Variability of political phraseological units), *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, vol. 23, no. 3, pp. 47–55. (In Russ.)
4. Dibrova, EI 1979, *Variantnost frazeologicheskikh yedinit v sovremennom russkom yazyke* (Variation of phraseological units in the modern Russian language), Izd-vo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
5. Dronov, PS 2025, *Variirovanie idiom kak sistemno-yazykovoe i diskursivnoe yavlenie* (Variation of Idioms as a System-Linguistic and Discursive Phenomenon), doctoral thesis, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow. (In Russ.)
6. Zimin, VI 1972, 'K voprosu o variantnosti frazeologicheskikh edinit' (On the variability of phraseological units), in *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit: Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma* (Problems of stability and variability of phraseological units: Proceedings of the interuniversity symposium), Tula, no. 2, pp. 70–82. (In Russ.)
7. Lebedeva, LA 1998, *Ustoychivye sravneniya russkogo yazyka: Tematicheskii slovar* (Set comparisons of the Russian language: topical dictionary). Kubanskiy gosudarstvennyy universitet publ, Krasnodar. (In Russ.)
8. Mokienko, VM 2024, 'Varianty russkikh frazeologicheskikh neologizmov v ideograficheskom prostranstve' (Variants of Russian phraseological neologisms in the ideographic space), *Kognitivnye issledovaniya yazyka (Cognitive Studies of Language)*, no.1–2 (57), pp. 80–85. (In Russ.)
9. Mokienko, VM 2003, *Slovar' sravneniy russkogo yazyka: 11000 edinit* (Dictionary of Russian language comparisons: 11,000 units), Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.)
10. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka (NKRYA) (Russian National Corpus) 2003–2020*, Moscow, viewed 20 May 2026, <http://www.ruscorpora.ru> (In Russ.)
11. Ogoltsev, VM 2001, *Slovar ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka* (Dictionary of fixed comparisons of the Russian language), OOO "Russkiye Slovarei" publ, OOO "Izd-vo Astrel" publ, OOO "Izd-vo AST" publ, Moscow. (In Russ.)
12. Ogoltsev, VM 1974, *Ustoychivye komparativnye struktury v sisteme sovremennogo russkogo yazyka* (Fixed comparative structures in the system of the modern Russian language), doctoral thesis, vol. 1, Syktyvkar. (In Russ.)
13. Ogoltseva, EV 2015, 'Formalno-grammaticheskoye varirovaniye v sisteme ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka' (Formal and grammatical variation in the system of fixed comparisons in the Russian language), in *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy filologii: Sb. nauchnykh statey, posvyashchennykh 70-letiyu d-ra filol. nauk, professora L. K. Zhanalinoy* (Theoretical and methodological problems of philology: collection of scientific articles dedicated to the 70-th anniversary of Dr. Philol. Sci., Professor L. K. Zhanalina), KazNPU im. Abaya publ, Almaty, pp. 254–262. (In Russ.)
14. Selivanov, GA 1977, 'Varianty frazeologicheskikh edinit vo vremennoy proektsii' (Variants of phraseological units in the time perspective), in *Problemy russkoy frazeologii (Respublikanskiy sbornik)* (Problems of Russian phraseology (Republican collection)), Tula, pp. 3–11. (In Russ.)
15. Evgeneva, AP (ed.) 1981–1984, *Slovar russkogo yazyka. V 4-h tomakh* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes), 2nd edn, vol. I, Russkiy yazyk Publ, Moscow. (In Russ.)
16. Teliya, VN 1972, 'Variantnost' idiom i printsipy identifikatsii variantov' [Variability of idioms and principles of identifying variants], in *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit: Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma (1968)* (Problems

- of stability and variability of phraseological units: Proceedings of the interuniversity symposium (1968). Tula, pp. 30–69. (In Russ.)
17. Tretyakova, IYu 2022, 'Transformatsionnaya aktivnost' frazeologicheskikh edinit s komponentom-kolorativom' (Transforming activity of phraseological units with a colour component), *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 28, no. 2. pp. 205–211, <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-205-211> (In Russ.)
 18. Shevchenko, NM 2007, 'Opisaniye sistemnykh otnosheniy vo frazeologicheskom slovare russkogo yazyka' (Description of systemic relations in the phraseological dictionary of the Russian language), *Vestnik KRSU*, vol. 7, no. 4, pp.107–112. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.03.2026
Одобрена после рецензирования: 22.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 22.03.2026
Approved after reviewing: 22.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 811.161.1: 398.91

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-230-243>

ДИДАКТИЧНОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ КАК ЦЕННОСТЬ: ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ЗНАЧИМОСТИ В РОССИЙСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

**Людмила Борисовна
Савенкова**

Южный федеральный университет,
институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Ростов-на-Дону, Россия, savenkova@sfedu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-26370679X>

Аннотация. Тексты, предназначенные для массовой коммуникации, обычно используют в числе изобразительно-выразительных средств различные устойчивые словесные комплексы, включая и фразеологические единицы, опирающиеся на понятия, и паремии – замкнутые устойчивые фразы, соотносимые по своей логической сути с суждениями или умозаключениями. Паремии (в первую очередь, пословицы и поговорки, которые понимаются автором как устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные обобщающие изречения, пригодные к использованию в дидактических целях и отличающиеся друг от друга наличием или отсутствием хотя бы у одного из элементов переносного значения по сравнению с деривационной базой) с позиций прагматики общения традиционно рассматриваются как средства отражения народной философии и психологии, позволяющие судить о ценностных установках использующего их социума.

Будучи вторичными языковыми знаками, которые принадлежат периферии языковой системы, паремии подчиняются адаптивности как общему принципу ее существования. Бесспорно, что в речевых произведениях не может быть использовано такого же количества паремий, каково количество фразеологических единиц. Но очевидно, что существует пласт фразеологических единиц, возникших на базе пословиц, а значит, у говорящих/пишущих есть возможность выбора, к чему обратиться в своих высказываниях. Анализ материалов газетных корпусов Национального корпуса русского языка позволяет утверждать, что в обсуждении социально значимых проблем или просто вопросов, вызывающих интерес общества, пословицы и поговорки как средство назидания уходят на задний план, а их фразеологические дериваты сохраняют активность как средство выражения индивидуальной оценки факта, события, ситуации. При этом выражаемые с участием таких дериватов мнения авторов речи демонстрируют стремление к констатации фактов, а не к прогнозированию и осмыслению поведения участников типовых ситуаций. Кроме того, наблюдается и изменение ценностных акцентов, связанных с этими ситуациями: негативное отношение к упоминаемым в паремиях реалиям может меняться либо на позитивное, либо, по крайней мере, на нейтральное.

Ключевые слова: паремия, пословица, фразеологическая единица, дериват, лингвокультура, газетный дискурс, ценности, дидактичность, оценка.

Для цитирования: Савенкова Л. Б. Дидактичность пословицы как ценность: отражение динамики значимости в российском газетном дискурсе // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 230–243. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-230-243>

Сведения об авторе: Л. Б. Савенкова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Южный федеральный университет, институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150.

© Савенкова Л. Б., 2026

Scientific Article

UDC 811.161.1: 398.91

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-230-243>

THE DIDACTICISM OF PROVERBS AS A VALUE: REFLECTING DYNAMICS OF SIGNIFICANCE IN RUSSIAN NEWSPAPER DISCOURSE

Liudmila B. Savenkova

Southern Federal University, Institute of Philology,
Journalism and Cross-cultural Communication
Rostov-on-Don, Russia, savenkova@sfedu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-26370679X>

Abstract. Texts designed for mass communication typically employ various fixed verbal complexes as figurative and expressive devices. These include phraseological units based on specific concepts as well as paremias – closed, stable phrases that correspond logically to judgments or inferences. From the perspective of communicative pragmatics, scholars traditionally regard paremias as vehicles for reflecting folk philosophy and psychology, which allow for the assessment of the value systems held by the society employing them. The author defines these paremias (primarily proverbs and sayings) as anonymous, generalizing maxims that remain stable within the language and reproducible in speech for didactic purposes. Furthermore, these units distinguish themselves from one another by the presence or absence of figurative meaning in at least one element relative to its derivational base.

As secondary linguistic signs residing on the periphery of the language system, paremias adhere to adaptability as a general principle of linguistic existence. While speech naturally contains fewer paremias than phraseological units, a significant layer of phraseology derives directly from proverbs. Consequently, speakers and writers choose between these forms to shape their utterances. An analysis of newspaper corpora from the Russian National Corpus suggests that in discussions of socially significant or high-interest issues, proverbs and sayings – as tools for moral instruction – are receding. Meanwhile, their phraseological derivatives remain active as means of expressing individual evaluations of facts, events, and situations. Furthermore, the opinions expressed through these derivatives demonstrate a preference for stating facts rather than predicting or analyzing the behavior of participants in typical situations. Changes in value accents also occur: the negative attitudes originally associated with the realities mentioned in these paremias often shift toward positive or, at the very least, neutral stances.

Keywords: paroemia, proverb, phraseological unit, derivative, linguoculture, newspaper discourse, values, didacticism, evaluation

For citation: Savenkova, LB 2026, 'The Didacticism of Proverbs as a Value: Reflecting Dynamics of Significance in Russian Newspaper Discourse', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 230–243, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-230-243> (in Russ.)

Information about the Author: *Liudmila B. Savenkova* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, Southern Federal University, Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication, 150 Pushkinskaya Str, Rostov-on-Don, 344006, Russia

Введение

Антропоцентрический подход к исследованию языка как функционирующей системы направляет внимание ученых в сторону пристального изучения функционала языковых единиц разных типов. Особенно привлекательными в этом смысле выглядят составные языковые знаки, хранящие в себе богатейшую информацию о народном мировидении. Среди них и собственно фразеологические единицы (ФЕ), под которыми в данной статье понимаются (вслед за главой Ростовской фразеологической школы Ю. А. Гвоздаревым) «устойчивые словесные комплексы <...> целостные сущности языка, языковые знаки, являющиеся наравне со словами строительным материалом для речи» [4, с. 20], могущие «обозначать отдельные явления действительности, причем быть единственными знаками для этих явлений в языке» [4, с. 22], и паремии, наиболее яркими разновидностями которых выступают пословицы и поговорки. При этом пословица выступает как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [18, с. 67], а поговорку отличает от нее отсутствие переносности значения.

Значимость пословиц и поговорок, таким образом, – в их потенциальной дидактичности.

Веками народ пользовался паремиями как сводом неписаных законов, понимая, что в них собрана мудрость предков. Об этом во введении к фундаментальному труду «Русские в своих пословицах» еще в 1831 году писал И. М. Снегирев: «Сии изречения людей, среди народа превосходных умом и долговременною опытностью, утверждаясь общим согласием, составляют мирской приговор, общее мнение, одно из тайных, но сильных, искони сродных человечеству средств к образованию и соединению умов и сердец» [23, с. 151]. Ему вторил В. И. Даль, заявлявший, что пословица – это «суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [5, с. 13]. Правда, уже этот собиратель, подчеркивая, что некоторая часть публикуемых им изречений ему самому не всегда была понятна, тем самым признавал, что они в такой ситуации не могут реализовать функцию средства поучения, а там, где полагал, что может интерпретировать высказывания, не понимаемые без комментария другими носителями русского языка, в скобках давал пояснения.

Ученых, обращавшихся и обращающихся в последние десятилетия к миру потенциально дидактичных изречений, так много, что нет ни возможности, ни смысла пытаться перечислять их имена в рамках жанра статьи. В самом общем виде можно лишь отметить, что большинство таких трудов написано в лингвокультурологическом и лингвокогнитологическом ключе (см., например, [18; 3; 25; 22; 21; 11; 13; 9]). Скажем также, что одним из продолжателей дела В. И. Даля стал В. И. Зимин, который сначала вместе с А. С. Спириным собирал разнообразные устойчивые словесные комплексы, а затем превратил накопленные материалы в оригинальный и увлекательный труд – объяснительный словарь «Пословицы и поговорки русского народа» [8]. В аннотации к словарю высказано мнение, что обращение к этому изданию «способствует лучшему усвоению по-настоящему народной речи, лучшему пониманию России, духа ее народа» [8, с. 2].

Почему через пословицы можно лучше понять «дух народа»? Конечно, потому, что в них звучит хор народных голосов, отражающий традицию – передавать каждому члену социума важные постулаты, способные служить ему опорой в жизни, в поиске верной линии поведения в разнообразных ситуациях, в оценке конкретных отношений, которые могут быть сведены к типовым, отражающим единую общечеловеческую логику. Как отмечал Г. Л. Пермяков, «пословицу делают не реалии, а ло-

гическая конструкция, реалии же выступают лишь в качестве “строительного материала”» [14, с. 19]. Конечно, нельзя не согласиться с В. М. Мокиенко в том, что «поговорок “для всех” нет, поскольку их употребляют по индивидуальному вкусу» [11, с. 17]. Однако упомянутая «индивидуальность» на деле не может трактоваться как неповторимость, а предполагает лишь реальность существования противоположных ценностных установок, ср. примеры обращения к пословицам, извлеченные из «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ)¹: Мит Андрей: **Один в поле не воин – как хорошо известно** (Форум, 2012.10); *Неужели все рухнет и опять она останется одна-одинешенька? Говорят: «Один в поле не воин». Неправда, воин, особенно когда деваться больше некуда* (В. Михальский. 2009); *Современная литература держится на личной инициативе конкретного человека, тут один в поле воин* (А. Пермяков. 2009). Известность пословиц и воспроизводимость, множественная повторяемость их в речи убеждает в существовании множественности совпадающих мнений даже при наличии устойчивых фраз, антитетичных им.

С течением времени ценностные установки носителей лингвокультуры могут меняться, и это отражается в подсистеме паремий языка, поскольку языковая система в целом адаптивна². Однако, наряду с осмыслением возможной динамики ценностной системы, проявляющейся в предпочтении одних паремий другим, имеет смысл рассмотреть и иной подход к рассмотрению функционирования пословиц и поговорок. Кажется важным понять, изменилось ли отношение носителей языка к авторитету пословиц как таковому, держат ли люди в памяти тезис об их значимости, используют ли их в высказываниях, чтобы напомнить адресату речи о ценности народного мнения. Ответом на поставленный вопрос и должно стать предлагаемое исследование.

Материалы и методы

Попытка понять, сохраняют ли потенциально дидактичные устойчивые анонимные изречения свой вес в социуме, может быть результативной только в том случае, когда наблюдению будет подвергнут более-менее обширный речевой материал. Как кажется, своеобразным маркером востребованности паремий может служить НКРЯ.

Особый интерес представляют Газетные корпуса (ГК НКРЯ), на сегодняшний день более чем в два раза превышающие по объему Основной корпус (ОК НКРЯ): по состоянию на 10 марта 2026 года объем ОК НКРЯ составляет 389 471 513 слова, в то время как ГК НКРЯ – 800 303 599 слов. В газетных корпусах размещаются публикации на темы, в наибольшей мере привлекающие внимание общества, обсуждающие социально значимые вопросы, транслирующие и формирующие мнения о разнообразных ситуациях, причем, в соответствии со спецификой обмена информацией в сфере массовой коммуникации, здесь как раз уместно использовать разнообразные экспрессивно нагруженные языковые единицы, в том числе устойчивые словесные комплексы.

Поэтому для выявления наиболее активно функционирующих паремий проводилась выборка употребления в НКРЯ тех устойчивых фраз, которые представлены в «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова [7] как фигурирующие в письменной, художественной и публицистической, речи XX века. Для точечного анализа из ГК НКРЯ было отобрано 664 контекста употребления пословицы *Ложку дегтя в бочку меду, всё испортит*, ее вариантов, разнообразных трансформов и фразеологических дериватов и 721 контекст, позволяющий проследить за функци-

онированием пословицы *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*, ее модификаций и дериватов.

Основными методами исследования являются методы деривационного, грамматического и прагмасемантического анализа. Наряду с качественным рациональным представляется и количественный подход к материалу.

Результаты

В 2016 году с опорой на материалы вышеупомянутого «Словаря русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова автор доклада уже рассматривал функционирование потенциально дидактических фраз в печатных СМИ на материале ОК и ГК НКРЯ с целью понять, какие именно ценности привлекают авторов художественных текстов и какие – обсуждаются в обществе с апелляцией к авторитету народной традиции [17]. Также был проведен и общий обзор активности включения паремий в произведения обоих функциональных типов. Он показал, что в литературном творчестве, включенном в базу ОК НКРЯ (это тексты, начиная с XVII в.), встречается не менее 85 % паремий из словаря В. П. Жукова, в то время как в ГК НКРЯ (на тот момент содержащем только материалы первых 15 лет XXI в.) – немногим более 50 % [20, с. 205]. Эти количественные показатели наводят на мысль о некотором снижении интереса общества начала текущего столетия к народной философии.

Косвенным подтверждением этого тезиса, как кажется, может быть признан и факт значительного уменьшения числа упоминаний самого слова *пословица* в письменной речи. Правда, эта тенденция очень ярко проявляется уже в XX в. по сравнению с предшествующим. Если из всего массива текстов ОК НКРЯ, созданных в XIX в., оно хотя бы по одному разу встретилось в 11,86 %, то в прошлом столетии – уже лишь в 1,49 %, а в XXI – всего в 1,13 % произведений. Ту же тенденцию можно увидеть и в ГК НКРЯ. Попытка выявить активность слова *пословица* в подкорпусах центральных и региональных СМИ (с разграничением текстов XX и XXI вв.) показала, что в первом из них и без того скромное количество – 0,37 % – его использования в текстах конца XX в. снизилось до 0,06 %, а во втором хотя и было чуть выше, чем в первом подкорпусе, но все же оказалось незначительным (0,86 % и 0,11 % соответственно). Следовательно, авторы газетных публикаций, даже и включая в них паремии, все же не заостряют внимания читателя на том, что обращаются к народной мудрости.

Имеет смысл проанализировать особенности функционирования паремий потенциально дидактической направленности в газетно-публицистической речи. Лингвисты указывают, что устойчивые фразы этого характера, конечно же, продолжают использоваться в текстах, повышая выразительность [6; 16] и воздейственность [24; 1] публикаций, заостряя внимание на актуальных ценностях [26].

Функционирование этих единиц предполагает возможность их варьирования. В 2011 году А. Н. Баранов провел исследование 200 пословиц, которые он охарактеризовал как «широко распространенные в современной русской речи» [2, с. 279]. Ученый обнаружил богатый спектр модификаций устойчивых фраз, начиная с замены компонентов, продолжая изменением их структуры в сторону как расширения, так и редукции их структуры или, по крайней мере изменения расположения компонентов в их составе. Особняком рассматриваются случаи введения или снятия отрицания, которое, на взгляд лингвиста, зачастую используется авторами речи не для формулирования противоположного мнения, а лишь для акцентировки изначально присущего изречению. Очень важным видится также подчеркиваемый

А. Н. Барановым факт возможности контекстуального изменения коммуникативной направленности пословицы и в особенности – изменение иллокутивной силы изречения в случае некоторых грамматических изменений ее состава, ср.: «<...> модификация пословицы *Бодливой корове бог рог не дает* применительно к описанию конкретной ситуации *Слава богу, что бодливой корове бог рог не дал* меняет ее иллокутивную силу, превращая ее в обычное описание» [2, с. 282]. Как видно из этого утверждения, в тексте потенциальная дидактичность заменяется характеристикой ситуации.

Судя по примерам, приводимым ученым, он понимает варьирование широко. В узком же смысле пословицы выступают не только в виде вариантов, но и в виде трансформов, хотя исходное изречение легко считывается, ср.: *Лежачего не бьют, а помогают подняться* [2, с. 281] ← *Лежачего не бьют; Победа не приходит одна* [2, с. 283] ← *Беда не приходит одна*. Автору настоящей статьи кажется более целесообразным разграничивать варьирование и индивидуально-авторскую трансформацию устойчивых словесных комплексов, как это делают А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко (см. [10, с. 17–35]).

Наряду с такими особенностями функционирования паремий в газетных публикациях, где при всех изменениях они все же не перестают быть замкнутыми фразами, можно наблюдать и гораздо более резкие отходы от традиционной единицы, когда она меняет саму логическую сущность и начинает соотноситься не с суждением или умозаключением, а лишь с понятием. Предпочтение такого деривата, с одной стороны, подтверждает тяготение человеческого мышления к «сгущению мысли». Эту закономерность подметил еще А. А. Потебня, указавший, что возникновение составных языковых знаков понятийного характера (в терминологии ученого – поговорок) зачастую происходит на базе мини-текста (в качестве примера он называет пословицу), воплощенного в замкнутой фразе [15, с. 100]. С другой же стороны, оно позволяет предположить, что в коллективном сознании россиян в определенной мере очевиден уход от ценности дидактичности в пользу оценочной маркировки понятий, то есть налицо стремление избегать назидательности, заменяя желание советовать выражением собственного взгляда на вещи.

Например, в словаре В. П. Жукова есть пословица *Ложка дегтю в бочку меду* в значении 'Незначительная, но неприятная мелочь портит все хорошее (дело, настроение, впечатление и т. п.)' [7, с. 163]. Составитель приводит и различные варианты из более ранних собраний паремий: *Бочка меду, да ложка дегтю* (Снегирев), *Кадка (бочка) меду, ложка дегтю: все испортит* (Даль; Михельсон), *Одна ложка дегтя портит бочку меда* (Рыбникова), *В бочку меда да ложку дегтя не кладут* (Соболев). Все они потенциально дидактичны: их можно предварить побуждением типа «Знай, что...», «Помни, что...».

Следы апелляции носителей языка к приведенной пословице (то есть употребление и самой пословицы, и ее вариантов, а также трансформов и дериватов в виде ФЕ) можно найти в 646 контекстах ГК НКРЯ. При этом в 407 случаях (63 %) это именно ФЕ *ложка дегтя*. В таких контекстах уже нет дидактичности, а наблюдается только констатация факта, события, ситуации.

О том, что выражение фигурирует не как замкнутая фраза (пусть и трансформированная), а как самостоятельный языковой знак – аналог понятия, свидетельствует введение его в состав предложений с компонентом *ложка* в разных падежах. Встречаются примеры использования его в именительном падеже в роли названий

газетных материалов или в качестве подлежащих со сказуемыми *есть, имеется, следует*; в форме разных членов предложения в родительном (*не обошлось <и> без ложки дегтя*), винительном (*внес, занес, добавил/добавляет* и др. *ложку дегтя*), творительном (*является, стало, назвать ложкой дегтя*) падежах. Причем эти примеры не единичны.

О том, что характеристика вытесняет назидательность, свидетельствует и появление определений, позволяющих конкретизировать, уточнить образ ложки дегтя. Расширение состава таких ФЕ происходит за счет слов *некая, следующая, новая, еще одна, очередная, привычная, внушительная*, что свидетельствует: внимание авторов речи перемещается с желания апеллировать к народной мудрости на оценку сущности.

Совершенно незначительным на фоне активного использования ФЕ *ложка дегтя* выглядит набор из 12 контекстов, где упоминается *бочка меда*, причем в одном случае все-таки ощущается, что перед читателем лексико-семантическое трансформирование исходной пословицы: *В Белом Доме еще радуются гибели аз-Заркауи, и тремя новыми смертями такую бочку меда не испортить* (Vesti.ru. 2006).

В 227 текстах упоминаются оба антитетичных компонента, однако чаще они оформлены не как совет, а как характеристика ситуации, факта, отображение поведенческого штриха, ср.:

– *Жаль, что швейцарская система розыгрыша не позволила встретиться с «Монте-Карло», – Эльмира Мирзоева считает этот **факт единственной каплей дегтя в огромной победной бочке меда** (Советский спорт. 2009); **Какой же интерес** может быть у власти в том, чтоб из-за мнимой проблемы с привлечением избирателей на выборы **портить бочку с медом** гарантированной победы Путина даже малой **ложкой дегтя** – публичной критикой в его адрес со стороны допущенных к выборам непримиримых оппонентов?* (Ведомости. 2016).

Неслучайным для перехода от дидактичности к оценочной характеристике выглядит предпочтение в материале формы предложного падежа слова *бочка* (133 употребления) винительному (таких примеров 82).

В исходной версии паремии осмысливается последствие действия, которое можно передать приблизительно так: *не следует класть ложку дегтя в бочку меда: испортишь ценный продукт*. А в современных контекстах просто отмечается, что продукт (*мед*) испорчен, портится и т. п., так как деготь уже на месте, ср.: *в реальных дорожных условиях выбор именно ошипованных шин имеет множество подводных камней – **большую ложку дегтя в маленькой бочке меда*** (lenta.ru, 27.12.2019). Факт неизбежности присутствия чего-то негативного констатируется даже в ситуации ее прогнозирования. При этом высказывание содержит не предостережение, а, как и в предыдущем случае, констатацию, ср.: *Правда, основатель и один из главных талантов Рихар Джон Лассетер в компании больше не работает, а идеи Джорджа Лукаса о будущем далекой-далекой галактики Айгеру не пригодились – **совсем обойтись без ложки дегтя в бочке диснеевского меда не получится*** (Ведомости. 2020).

Если винительный падеж – *бочку* – все же сохраняется, то в подавляющем числе таких контекстов словоформа входит в состав дериватов, описывающих совершенное или совершаемое действие, ср.: ***Ложку дегтя** в эту большую **бочку меда**, которую министры предложили проглотить президенту, **внесла** глава*

Счетной палаты Татьяна Голикова (Московский комсомолец. 2016); *Опять же ложкой дегтя разбавили бочку меда шпажисты – и мужчины, и женщины показали лишь пятый результат* (Известия. 2016).

Как показывает рассмотренная выше устойчивая фраза, возникновению не одного, а сразу двух фразеологических дериватов, способствующих переключению с ценности дидактичности на ценность индивидуального мнения, может способствовать сама образная структура поговорки, в частности, ее опора на антитезу. К примеру, такой результат можно обнаружить в функционировании пословицы *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* 'Если возьмешься сразу за несколько дел, не добьешься результатов ни в одном' [7, с. 120]. В ГК НКРЯ эта пословица редко обнаруживается в исходном виде или его вариантах, указывающих на результат более обобщенно, ср.: *Зачем разбрасываться? За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь* (РБК. 2016); «*За двумя зайцами побежишь – ни одного не поймаешь*», вы же понимаете? (Сов. спорт. 2012); в избирательной практике, как и на охоте, нельзя гнаться за двумя зайцами: зайцы разбежались в разные стороны, и выстрел прогремел вхолостую (Независ. газета. 2000). Подобных контекстов в материале 21.

Семантически тождественны им шесть употреблений, где пословица тяготеет к эллипсису, сохраняя начальную часть, которая позволяет вспомнить свернутое продолжение и сохранить общую паремийную семантику, ср.: *Только важно не стать <...> героем русской пословицы «за двумя зайцами погонишься...»* (Независ. газета. 1998).

Наконец, выявлено три случая индивидуально-авторской трансформации, привязывающей пословицу к конкретной аксиологической ситуации, ср.: *В общем, за двумя зайцами погонишься – ни умным, ни красивым, скорее всего, не быть* (Комс. правда. 2011).

Поскольку в исходной пословице отражена условно-следственная связь двух ситуаций, отсылка в той или иной форме к образу условия продолжает нести в себе ту или иную долю дидактичности. Иногда она довольно прозрачна, что достигается эксплицитным упоминанием назидательности как прагматической сущности поговорки, ср.: *Мне кажется, Адвокат извлек пользу и из старой русской пословицы: «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». Он явно сделал ставку на Кубок УЕФА, немного отодвинув в сторону чемпионат* (Сов. спорт. 2008); *Согласно народной мудрости не стоит гоняться за двумя зайцами одновременно. А вот шахматисты ухитряются преследовать троих!* (Сов. спорт. 2009). Заметим, что здесь встречающееся в некоторых публикациях оспаривание рациональности совета не означает, что сама по себе устойчивая фраза не реализует потенциала дидактичности. Так в контексте *Мне кажется, что эта формула неверна и абсолютно не работает: Нельзя угнаться за двумя зайцами. Рано или поздно многие деловые женщины сталкиваются с выбором: семья или карьера* (Труд. 2009) автор, отрицающий рациональность смысла поговорки, тем не менее подчеркивает, что высказывает свое отношение именно к формуле, то есть к изречению обобщающего характера, предлагаемому в качестве правила поведения.

Еще в 67 контекстах синтагма *за двумя зайцами* включается в состав глагольной ФЕ *гоняться / гнаться / погнаться за двумя зайцами* или ее производного выражения с опорным существительным – *погоня за двумя зайцами*. Если в таких тек-

стовых фрагментах и можно обнаружить некое эхо дидактичности (ср.: *Многие у меня спрашивают: не **гонюсь** ли я **за двумя зайцами**? Считаю, что нет. Мой дальновидный тренер еще год назад изменил план подготовки таким образом, чтобы у меня хватило сил на две дистанции* (Сов. спорт. 2009)), то они единичны, в целом же такие синтагмы адекватны понятиям, дидактичность вытесняется заключенной в них негативной оценкой, ср.: *Все иностранные клубы продолжают выступать в своих чемпионатах и для них легче сконцентрироваться на чем-то одном, чем **гнаться за двумя зайцами*** (Известия. 2016).

Примечательно: всех употреблений данной пословицы, ее вариантов, трансформов или дериватов в виде ФЕ *гоняться / погнаться за двумя зайцами* (сохраняющих очевидную связь с этой устойчивой фразой в силу сохранения опорного образа погони за двумя зайцами) в ГК НКРЯ 97 в 86 текстах. На базе данной пословицы, однако, возник и другой фразеологический дериват: *убить/убивать двух зайцев* (а также его индивидуально-авторские варианты или трансформы с глаголами, см. примеры ниже). Такие употребления встретились в том же ГК НКРЯ 624 раза.

При этом важно обратить внимание на особенности их включения в контекст.

Глагольный компонент *убить/убивать* в разнообразных личных формах (в том числе и в разных видовых формах) встретился 241 раз.

Из них в форме совершенного вида будущего времени – 60 раз, в форме прошедшего времени – 56 раз. Здесь налицо отсылка к достигнутому или прогнозируемому результату, ср.: *Бондарев считает, что американцы этой сделкой с Варшавой, если она состоится, **«убьют двух зайцев»**: обогатятся экономически и усилят свои военно-политические позиции, расширив присутствие в восточно-европейском макрорегионе* (Парл. газ. 2018).

Незначительное количество употреблений (5) включает форму сослагательного наклонения, констатирующего возможность: *«**Это убило бы двух зайцев** одним выстрелом: появился бы стимул для молодых людей и поддержка компаний, которые больше всего пострадали в кризис», – заявил президент австрийской торгово-промышленной палаты Харальд Марер* (Парл. газ. 2021).

Форма несовершенного вида настоящего времени использована в 103 контекстах. Обращение к ней позволяет развернуть картину того, как можно увидеть преимущества, выгоды определенной активности (если субъект активности – одновременно субъект речи или его собеседник): ***Мы убиваем двух зайцев** одним выстрелом: к нам приезжают люди, которые, посмотрев в течение 3 дней 12 фильмов, не только пишут о них, но и включают в программы своих фестивалей», – заметил Константин Шавловский* (Известия. 2019); *«**Мы тут убиваем двух зайцев** – эти деньги будут работать и на гражданина, и на экономику», – заявил Силуанов* (Моск. комсомолец. 2018).

Возможна и смена оценочности с отрицательной на положительную либо простая утрата оценочного компонента значения, если обсуждаются ситуации с участием третьих лиц: *Город при этом **убивает сразу двух зайцев**: и освобождается от трат на содержание пустующих зданий, и развивает малый бизнес* (Парл. газ. 2018).

Форма прошедшего времени используется для повествования о чьих-то успехах и их оценки: *Приглашая Семину на пост президента, руководство клуба **убивало не одного, а двух зайцев*** (Сов. спорт. 2007); *Они одним выстрелом **убивали двух зайцев**: предоставив информацию о запусках украинских ракет*

российской стороне – демонстрировали доброе отношение к России как к своему союзнику по антитеррористической коалиции; но одновременно – осложняли российско-украинские отношения, слишком, на их взгляд, окрепшие (Комс. правда. 2001).

Количество фразеологических дериватов с глаголом *убить/убивать* в личной форме, хотя и велико (к описанному только что 241 текстовому фрагменту добавим еще 11 с другими, в той или иной мере близкозначными глаголами: *уложил, подстрелил, упустил, поймал / поймают / поймают / не поймала, выбирают из, поставили на*), но все же уступает использованию их в 319 случаях с формой инфинитива того же глагола *убить* или иных тематически перекликающихся с ним слов (не обязательно синонимичных): *убить* – 308, *убивать* – 2, *сразить* – 1, *подстрелить* – 1, *ловить* – 2, *поймать* – 3, *ухватить* – 1, *догнать* – 1.

При этом они входят в состав словосочетаний, отражающих субъективную модальность и в целом свидетельствующих об одобрении самого действия получения двойной выгоды, пользы, удвоенного результата. Это сочетания типа *должны, обязана; позволит / позволяет / позволило; может, сможет / смог, сумел, ухитрился; обещают, условились, предложили, пытается / пытался / попытался; хочет, желает, стремится, собирается, намерен, решил, наметил, надеется, рассчитывает, постарается, предполагает, планирует, удастся, удалось и др. убить двух зайцев*. Обратим внимание: соединение ФЕ *убить двух зайцев* со словом *можно / можно было бы* встретилось в 29 примерах, а с *нельзя* – всего в одном.

Таким образом, становится очевидным, что изначальный совет не пытаться делать два дела одновременно, чтобы не потерпеть неудачу в них из-за собственной неосмотрительности, амбициозности, алчности или просто безосновательного азарта, в большинстве случаев уступает место рассмотрению самой попытки достижения удвоенного результата. И такая попытка чаще отображается как предпринимаемая или не исключаемая, к тому же не осуждаемая.

Заключение

В целом функционирование паремий и их фразеологических дериватов в составе современных газетно-публицистических текстов свидетельствует:

- 1) в газетном дискурсе пословицы и поговорки не уходят из речи, однако ослабляют в ней свои дидактические позиции;
- 2) создание ФЕ на базе пословиц активизирует процесс характеризующей номинации, сокращая число апелляций к народному авторитету;
- 3) если в пословице можно наблюдать однозначность оценок ситуации, то использование ее фразеологических дериватов вполне способно поменять вектор оценки с негативного на позитивный или, по крайней мере, на нейтральный.

Примечания

1. Все последующие иллюстрации взяты из этой электронной базы, поэтому далее даются без дополнительных ссылок на нее; в случае необходимости после цитаты из художественного текста идет упоминание автора и год публикации, после газетно-публицистического – название издания и год, после высказывания с форума – слово *форум* и год фиксации.

2. См. размышления об этом в некоторых более ранних статьях автора настоящей публикации: [19; 17; 20].

Список источников и литературы

1. Абдуллина Л. Р. Замена компонентов пословицы как способ воздействия на читателя в газетном дискурсе // Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 07–08 ноября 2024 г.). Электрон. изд. Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2025. С. 3–5. URL: <https://clcl.i/mWVFl> (дата обращения: 05.03.2026).
2. Баранов А. Н. Варьирование пословиц в СМИ: содержание и форма // Вопросы культуры речи / под ред. А. Д. Шмелева. М.: ИРЯ РАН, 2011. Вып. 10. С. 279–287.
3. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 195 с.
4. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования: монография. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Логос, 2010. 246 с.
5. Губина Е. В., Шушарина Г. А. Экспрессивная функция пословиц в газетном дискурсе // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 136а.
6. Даль В. И. Напутное // Пословицы русского народа. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. С. 5–21.
7. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. 539 с.
8. Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа: Объяснительный словарь. М.: Скуита, 1996. 544 с.
9. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.
10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. М.: Рус. словари, 1997. 864 с.
11. Мокиенко В. М. Аспекты исследования славянской паремиологии // Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. М.: Ленанд, 2015. С. 4–25.
12. Национальный корпус русского языка (НКРЯ): электрон. онлайн-корпус русскоязычных текстов. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 05.03.2026).
13. Ничипорчик Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2015. 358 с.
14. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 239 с.
15. Потенция А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. С. 98–111.
16. Проскурякова Е. В. Использование пословиц в заголовках газетных статей и их анализ по когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 206–209.
17. Савенкова Л. Б. Пословицы и поговорки на газетной полосе: факторы сохранения / утраты востребованности // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 116–121.
18. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 240 с.
19. Савенкова Л. Б. Русские паремии как адаптирующаяся система языковых знаков // Четврта меѓународна научна конференција «Меѓународен дијалог: Исток – Запад» (култура, славјанство и економија). Свети Николе, Р. Македонија; Тамбов, Руска Федерација : Меѓународен славјански институт «Г.Р. Державин», 2013. С. 173–176.
20. Савенкова Л. Б. Паремии в современном российском газетном дискурсе: факторы выживания // Die slawische Phraseologie in den modernen Massenkommunikationsmitteln (Publizistischer Diskurs) = Славянская фразеология в современных СМИ (публицистический дискурс): кол. монография / отв. ред.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Ж. Финк. Грайфсвальд, Германия: Ун-т им. Эрнста Морица Арндта, 2017. С. 204–210.
21. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: МИРС, 2009. 270 с.

22. Семененко Н. Н., Шипицына Г. М. Русская пословица: функции, семантика, системность. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2005. 172 с.
23. Снегирёв И. М. О пословицах русских // Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. 2-е изд. Н. Новгород: Три богатыря: Братья славяне, 1996. С. 151–158.
24. Тарасова О. Д. Функционирование антипословиц в газетном тексте английского и русского языков: сопоставительный анализ // Российский лингвистический бюллетень. 2023. № 4 (40). Ст. 47. Электрон. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50732213> (дата обращения: 20.01.2025).
25. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 233 с.
26. Шарафутдинова Н. С. Пословицы и поговорки о Родине в газетном дискурсе: прагмалингвистический аспект // Современные технологии обучения иностранным языкам: сб. науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 20–21 января 2023 г.) / отв. ред. Н. С. Шарафутдинова. Ульяновск: УлГТУ, 2023. С. 130–137.

References

1. Abdullina, LR 2025, 'Zamena komponentov poslovitsy kak sposob vozdeystviya na chitatelya v gazetnom diskurse' (Replacement of proverb components as a way of influencing the reader in newspaper discourse) in EYu Abdullazyanov (ed.), *Inoyazychnoye obrazovaniye v sovremennykh realiyakh: problemy i vektory razvitiya. Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Kazan, 07–08 noyabrya 2024 goda)* (Foreign language education in modern realities: problems and vectors of development. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference (Kazan, November 07–08, 2024)), 07–08 November 2024, Kazan, Kazan State Power Engineering University, Kazan, pp. 3–5. (In Russ.)
2. Baranov, AN 2011 'Var'irovanie poslovic v SMI: sodержanie i forma' (Variation of Proverbs in the Media: Content and Form) in AD Shmelev (ed.), *Voprosy kul'tury rechi*, Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova RAN, Moscow, pp. 279–287. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18929176_94428231.pdf (data obrashcheniya: 01.02.2026). (In Russ.)
3. Bochina, TG 2002, *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkih poslovic* (Contrast Stylistics: Essays on the Language of Russian Proverbs), Kazanskij universitet, Kazan. (In Russ.)
4. Gvozdev, YuA 2010, *Osnovy russkogo frazeobrazovaniya Monografiya* (Fundamentals of Russian Phrase Formation), 2nd edn rev, NMC «Logos», Rostov-on-Don. (In Russ.)
5. Gubina, EV & Shusharina, GA 2012, 'Ekspressivnaya funkciya poslovic v gazetnom diskurse' (The Expressive Function of Proverbs in Newspaper Discourse), *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, no 5, pp. 136a. (In Russ.)
6. Dal', VI 1984, 'Naputnoe' (Guidance), *Posloviцы russkogo naroda*, Hudozhestvennaya literatura, Moscow, Vol. 1, pp. 5–21. (In Russ.)
7. Zhukov, VP 2004, *Slovar' russkih poslovic i pogovorok* (Dictionary of Russian proverbs and sayings), Rusckij yazyk – Media, Moscow. (In Russ.)
8. Zimin, VI & Spirin, AS 1996, *Posloviцы i pogovorki russkogo naroda. Ob'yasnitel'nyj slovar'* (Proverbs and sayings of the Russian people. Explanatory dictionary), «Syuita», Moscow. (In Russ.)
9. Kovshova, ML 2019, *Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: Antroponimicheskij kod kul'tury* (Linguistic and Cultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs and Sayings: The Anthroponymic Code of Culture), Lenand, Moscow. (In Russ.)
10. Melerovich, AM & Mokienko, VM 1997, *Frazeologizmy v russkoj rechi. Slovar'* (Phraseological units in Russian speech. Dictionary), Russkie slovari, Moscow. (In Russ.)
11. Mokienko, VM 2015, 'Aspekty issledovaniya slavyanskoy paremiologii' (Aspects of Slavic Paremiology Research) in OV Lomakina (ed.), *Paremiologiya v diskurse: Obshchiye i prikladnyye voprosy paremiologii. Poslovitsa v diskurse i v tekste. Poslovitsa i yazykovaya kartina mira* (Paremiology in discourse: General and applied issues of paremiology. The proverb

- in discourse and in text. The proverb and the linguistic picture of the world), Lenand publ, Moscow, pp. 4–25. (In Russ.)
12. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka (The Russian National Corpus). URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 05.03.2026). (In Russ.)
 13. Nichiporchik, EV 2015, Otrazhenie cennostnyh orientacij v paremiyah (Reflection of Axiological Attitudes in Proverbs), Gomel'skij gosudarstvennyj universitet imeni Franciska Skoriny, Gomel. (In Russ.)
 14. Permyakov, GL 1970, *Ot pogovorki do skazki (zametki po obshchej teorii klishe)* (From Proverbs to Fairy Tales (Notes on the General Theory of Cliche)), Nauka, Moscow. (In Russ.)
 15. Potebnja, AA 1990, 'Iz leksiy po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka' (From Lectures on the Theory of Literature: The Fable, the Adage, the Proverb), in *Teoreticheskaya poetika* (Theoretical Poetics), Vysshaya shkola publ, Moscow, pp. 98–111. (In Russ.)
 16. Proskuryakova, EV 2015, 'Ispolzovaniye poslovits v zagolovkakh gazetnykh statey i ikh analiz po kognitivno-diskursivnoy modeli aktualizatsii smysla poslovitsy v diskurse' (The use of proverbs in newspaper article headlines and their analysis according to the cognitive discursive model of actualizing the meaning of a proverb in discourse), in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* (Scientific notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences), no 6 (69), pp. 206–209. (In Russ.)
 17. Savenkova, LB 2016, 'Poslovitsy i pogovorki na gazetnoy polose: faktory sokhraneniya / utraty vostrebovannosti' (Proverbs and Sayings on Newspaper Pages: the Factors of Maintenance / Loss of Demand), *Filologiya i kultura* (Philology and Culture), no 2 (44), pp. 116–121. (In Russ.)
 18. Savenkova, LB 2002, *Russkaya paremiologiya: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* (Russian Paremiology: Semantic and Linguocultural Aspects), Rostovskij universitet, Rostov-on-Don. (In Russ.)
 19. Savenkova, LB 2013, *Russkie paremii kak adaptiruyushchayasya sistema yazykovykh znakov* (Russian Paroemias as an Adaptive System of Linguistic Signs), *Chetvrta mežunarodna nauchna konferencija «Mežnarodnen dijalog: Istok – Zapad» (kultura, slavyanstvo i ekonomija)*. Sveti Nikole, R. Makedonja / Tambov, Ruska Federacija, pp. 173–176. (In Russ.)
 20. Savenkova, LB 2017, 'Paremii v sovremennom rossiyskom gazetnom diskurse: faktory vyzhivaniya' (Proverbs and Sayings in the Newspaper Column: Factors of Maintaining / Losing Relevance) in H Walter, VM Mokienko & J Fink (eds), *Die slawische Phraseologie in den modernen Massenkommunikationsmitteln (Publizistischer Diskurs). Kollektivmonografie / Slavyanskaya frazeologiya v sovremennykh SMI (publitsisticheskij diskurs). Kollektivnaya monografiya* (Slavic phraseology in modern media (publicistic discourse). Collective monograph), Ernst-Moritz-Arndt University of Greifswald publ, Greifswald, pp. 204–210. (In Russ.)
 21. Seliverstova, EI 2009, *Prostranstvo russkoj poslovice: postoyanstvo i izmenchivost'* (The Space of Russian Proverbs: Consistency and Variability), OOO «MIRS». (In Russ.)
 22. Semenenko, NN & Shipicyna, GM 2005, *Russkaya poslovica: funkci, semantika, sistemnost'* (Russian Proverb: Functions, Semantics, Consistency), Belgorodskij gosudarstvennyj universitet, Belgorod. (In Russ.)
 23. Snegiryov, IM 1996, O poslovicah russkih (About Russian Proverbs) in *Slovar' russkih poslovic i pogovorok; Russkie v svoih poslovicah*, 2nd edn, «Tri bogatyrya», «Brat'ya slavyane», Nizhniy Novgorod, pp. 151–158. (In Russ.)
 24. Tarasova, OD 2023, 'Funkcionirovanie antiposlovic v gazetnom tekste anglijskogo i russkogo yazykov: sopostavitel'nyj analiz' (The Functioning of Anti-Proverbs in the Newspaper Text of English and Russian Languages: a Comparative Analysis), *Russian Linguistic Bulletin*, no 4 (40). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50732213> (data obrashcheniya: 20.01.2025). (In Russ.)
 25. Tokarev, GV 2003, *Koncept kak ob"ekt lingvokul'turologii (na materiale koncepta «Trud» v russkom yazyke)* (Concept as an Object of Linguoculturology (based on the Concept of "Labor" in Russian)), «Peremena», Volgograd. (In Russ.)

26. Sharafutdinova, NS 2023, 'Poslovice i pogovorki o Rodine v gazetnom diskurse: pragmalingvisticheskiy aspekt' (Proverbs and Sayings about the Motherland in newspaper discourse: a pragmalinguistic aspect) in NS Sharafutdinova (ed.) *Sovremennye tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam*, 20–21 January 2023, Ulyanovsk, Ul'yanovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskij universitet, Ulyanovsk, pp. 130–137. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026
Одобрена после рецензирования: 23.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 23.03.2026
Approved after reviewing: 23.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-244-256>

ПАРЕМИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ МОДУСНОГО КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МИР» В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЫ

**Ирина Ивановна
Чумак-Жунь¹**

**Мария Михайловна
Голикова²**

^{1,2} Белгородский государственный националь-
ный исследовательский университет

¹ Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы

^{1,2} Белгород, Россия

¹ Белгород, Москва, Россия, chumak@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6790-1418>

² golikova@bsuedu.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-7029-3599>

Аннотация. В работе рассматривается паремия как репрезентант модусного концепта «Русский мир» в пространстве русской эмигрантской прозы. Представленный подход интегрирует теорию модусных концептов, разрабатываемую в исследованиях Н. Н. Болдырева и Н. Ф. Алефиренко, в ограниченный текстовый корпус эмигрантской прозы, что позволяет предложить оригинальный инструмент для анализа субъективной репрезентации модусного концепта «Русский мир» через устойчивые выражения. Дифференцируются понятие Русского мира как культурно-духовного единства, выходящего за границы России и включающего диаспору, и одноименный модусный концепт, представленный в текстах эмигрантской прозы. Модусный концепт «Русский мир» трактуется как релятивный, не имеющий фиксированного однозначного определения и интерпретируемый по-разному в зависимости от контекста, идеологии и носителя дискурса. Его паремиологическая репрезентация в творчестве писателей-эмигрантов дает возможность проследить культурные сдвиги в нескольких ракурсах: активность использования паремий в доэмигрантском и эмигрантском творчестве, состав паремических единиц (их денотативная отнесенность) и трансформация под влиянием инокультуры. Соответственно, выявляются те культурные смыслы, которые, несмотря на трансформации и модификации, сохраняют художественные тексты в инокультурном пространстве. Работа вносит вклад в когнитивную поэтику, лингвокультурологию и герменевтику текста, углубляя представление о модусных структурах языкового сознания. Установлено, что паремиологический текстовый фонд отражает, во-первых, индивидуальный мир автора, который трансформируется в эмиграции, и, во-вторых, общую картину мира художников слова в чужом культурном пространстве.

Ключевые слова: модусный концепт, Русский мир, паремия, русская эмигрантская проза, лингвокультурология, когнитивная поэтика, герменевтика текста, культурные сдвиги.

Для цитирования: Чумак-Жунь И. И., Голикова М. М. Паремия как репрезентант модусного концепта «русский мир» в пространстве русской эмигрантской прозы // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 244–256. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-244-256>

Сведения об авторе: И. И. Чумак-Жунь – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгород, ул. Студенческая, 14; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; М. М. Голикова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и русской литературы Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгород, ул. Студенческая, 14

© Чумак-Жунь И. И., Голикова М. М., 2026

Scientific Article

UDC 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-244-256>

PROVERBS AS REPRESENTATIVES OF "THE RUSSIAN WORLD" MODAL CONCEPT IN THE SPACE OF RUSSIAN ÉMIGRÉ PROSE

Irina I. Chumak-Zhun ¹

Maria M. Golikova ²

^{1,2} Belgorod State National Research University

¹ Peoples' Friendship University of Russia

¹ Belgorod, Moscow, Russia, chumak@bsuedu.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0001-6790-1418>

² Belgorod, Russia, golikova@bsuedu.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-7029-3599>

Abstract. The paper examines proverbs as representatives of the "Russian World" modal concept within the space of Russian émigré prose. The presented approach integrates the theory of modal concepts, developed in the works of N. N. Boldyrev and N. F. Alefirenko, into a specific corpus of émigré texts to propose an original tool for analyzing how set expressions subjectively represent the "Russian World" modal concept. The analysis distinguishes between the "Russian World" as a cultural and spiritual unity encompassing the diaspora and the corresponding modal concept found in literature. The study treats the "Russian World" modal concept as a relative entity that lacks a fixed definition and varies depending on context, ideology, and the discourse-bearer. Examining its proverbial representation in the works of émigré writers allows for tracking cultural shifts through several lenses: the frequency of proverb usage before and during emigration, the denotative reference of these units, and their transformation under the influence of a foreign culture. Consequently, the research identifies the cultural meanings that survive within a foreign environment despite various modifications. The work contributes to cognitive poetics, linguoculturology, and textual hermeneutics by deepening the understanding of modal structures in linguistic consciousness. Finally, the study establishes that the proverbial textual fund reflects both the author's individual world and the collective world-view of writers in a foreign cultural space.

Keywords: modal concept, Russian World, proverb, Russian émigré prose, linguoculturology, cognitive poetics, textual hermeneutics, cultural shifts, Russian literature abroad, paremiae.

For citation: Chumak-Zhun, II; Golikova, MM 2026, 'Proverbs as Representatives of "The Russian World" Modal Concept in the Space of Russian Émigré Prose', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 244–256, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-244-256> (in Russ.)

Information about the Author: *Irina I. Chumak-Zhun* – Doctor of Science, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 14 Studencheskaya Str, Belgorod, 308007, Russia; Peoples' Friendship University of Russia, 6 Mikluho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.

Maria M. Golikova – PhD in Philology, senior lecturer of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 14 Studencheskaya Str, Belgorod, 308007, Russia

© Chumak-Zhun I. I, Golikova M. M, 2026

Введение

Сочетание *Русский мир* как обозначение культурно-духовного единства, выходящего за границы России и включающего диаспору, возникло относительно недавно – на рубеже XX–XXI вв., но успело так прочно закрепиться в отечественной научной среде, что, несмотря на размытость дефиниции и неопределенность признаков, приобрело терминологическое звучание. Среди вариантов интерпретации, которые являются определяющими в понимании термина, С. Н. Кочеров выделяет четыре основных: геополитический («реальность, стремящаяся вернуться к своим естественным границам» [13, с. 164]); экономический («сеть сообществ, где происходит концентрация и повышается производительность русского капитала с целью формирования инновационной экономики, развития человеческих ресурсов и совершенствования институтов в ядре русского мира, – России» [13, с. 164]); культурный («уникальная этнокультурная общность людей, объединенных русским языком, своей историей, нормами и ценностями, проживающих далеко не только в России» [13, с. 164]); религиозный («православная цивилизация, включающая в себя под именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову» [13, с. 164]). «Особую значимость, – отмечает автор, – понятию русского мира в настоящее время придает неоднократно высказанная публичная поддержка этому концепту со стороны президента России В.В. Путина» [13, с. 164].

Закономерно, что во всех вариантах интерпретации речь идет о явлении, «не привязанном» к определенной территории, – границы русского мира зависят от духовной, языковой или идентификационной связи, которую в общем виде можно определить как русскую идею: «не может быть русского мира без русской идеи, которая задает общую цель и через нее определяет общий проект развития» [13, с. 165].

Безусловно, основной «хранительницей» отечественной культуры за рубежом, включая «русскую идею» и концепты «русскости», выступает эмигрантская литература (см. лингвистические, литературоведческие и культурологические работы Е. А. Земской [8], М. Я. Гловинской [7], Ю. Н. Караулова [10], В. В. Агеносова [1], О. Н. Михайлова [16], М. О. Бароновой [4] и др.). Она формирует «малую Россию», передавая традиции, язык и национальное самосознание новым поколениям, что напрямую вписывается в современное определение «Русского мира» как глобального культурного пространства. Литература в условиях эмиграции сохраняет и трансформирует ключевые языковые элементы русской идентичности, одним из которых является паремиология, представляющая в художественном тексте национальную специфику описываемого мира. Культурная означенность паремиологических единиц однозначно и безусловно маркирует их как единицы национального знания, на которых базируется картина мира любого носителя языка, в нашем случае – писателя. В произведениях художественной литературы паремии (как и другие знаки вторичного семиозиса) соответствуют «сложным модусным перспективам» и «сложным модусным структурам», которые О. Н. Копытов (правда, относительно пространства современного медиатекста) определяет как «логические, эмоциональные и выразительные последовательности, когда из отдельного высказывания распространяются модусные смыслы на некоторые дистанции текста или весь текст» [11, с. 75]. В этой роли русские паремии в эмигрантских текстах являются репрезентантами модусного концепта «Русский мир».

По мнению Н.Ф. Алефиренко, модусный концепт – это основание различения естественного (монологичного, бессмысленного) и человеческого мира (с его смысловой значимостью и культурой) [2, с. 9]. Модусный концепт обеспечивает переход от значения (внеконтекстного) к смыслу (дискурсивному, интенциональному), делая герменевтику диалогом с контекстом. Он актуален для понимания этнической ментальности и креативности языка. Состав модусных концептов окончательно не опре-

делен и варьируется в зависимости от цели исследования. Н. Н. Болдырев пишет о таких модусных концептах, как отрицание, приблизительность, эвиденциальность, оценка [5].

Концепт «Русский мир» можно отнести к числу модусных по нескольким причинам:

- по теории Н. Н. Болдырева, модусный концепт – модус интерпретации реальности, концепт оценочный;
- являясь когнитивной структурой, выражает субъективное (ассоциативно-образное) отношение человека к объектам речемышления;
- представляет энергетическую или личностную категорию, проявляющуюся в поведенческих и мировоззренческих особенностях индивидуума [5].

«Русский мир» – модусный концепт, отражающий идею культурно-языкового и духовного единства россиян. Являясь частью индивидуально-авторской картины мира писателя, он несет исключительно субъективную оценку, при этом оказывает эмоциональное воздействие на читателя в зависимости от эстетической цели автора. В произведениях эмигрантской прозы паремии кодируют модусный концепт «Русский мир» через культурную специфику и эмоциональную оценку, передавая в том числе, специфическую для русской культуры ностальгию.

Материалы и методы

Модусный концепт «Русский мир» является релятивным, так как не имеет фиксированного, однозначного определения и интерпретируется по-разному в зависимости от контекста, идеологии и носителя дискурса. Наша цель – определить, прослеживаются ли закономерности в изменении паремиологического фонда русской эмигрантской литературы в зависимости от времени (волны) эмиграции и внешнего контекста. Это делает целесообразным изучение особенностей его функционирования в контексте творчества писателей-эмигрантов в нескольких ракурсах. Мы рассматриваем:

- количество паремий в доэмигрантском и эмигрантском творчестве писателей;
- изменение их содержания (то есть денотативной отнесенности) в чужой культурной среде;
- их трансформацию под влиянием инокультуры.

Путём сплошной выборки из прозаических произведений авторов первой, второй и третьей волн эмиграции: И. А. Бунина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, В. В. Набокова, И. С. Шмелёва, Г. Андреева (Хомякова), Л. Д. Ржевского (Суражевского), В. Юрасова (В. И. Жабинского), В. П. Аксёнова, В. П. Некрасова, С. Д. Довлатова, создавалась картотека паремий, которые впоследствии сравнивались с данными лексикографических источников, среди которых основным стал труд В. И. Зиминой и А. С. Спирина «Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь» [9].

Репрезентативность формируемого корпуса паремий обеспечивалась произведениями малых, средних и крупных жанров, созданными писателями до и после эмиграции. Исключением стали авторы, публиковавшие прозаические тексты только после эмиграции и/или предпочитавшие только одну жанровую форму. Среди произведений, написанных в доэмигрантский период, источниками исследуемого материала стали повести И. А. Бунина «Деревня» и «Суходол», А. И. Куприна «Поединок», И. С. Шмелёва «Человек из ресторана» и «Неупиваемая чаша», роман Л. Н. Андреева «Сашка Жегулев», повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» и «Кира Георгиевна», роман В. П. Аксёнова «Золотая наша железка» и повесть «Коллеги». Основой для изучения художественного пространства эмигрантского пе-

риода стали рассказ И.А. Бунина «Тёмные аллеи», повесть «Митина любовь», роман «Жизнь Арсеньева»; романы А. И. Куприна «Колесо времени», «Юнкера», повесть «Жанета», рассказ «Ночная фиалка»; эпопея И. С. Шмелёва «Солнце мёртвых», рассказ «Забавное приключение»; романы В. В. Набокова «Защита Лужина» и «Лолита», повесть «Соглядатай»; романы Л. Д. Ржевского «Две строчки времени», «Между двух звёзд», повести «Сентиментальная повесть», «Звездопад», «Клим и панночка», рассказ «Полдюжины талантов»; романы В. Юрасова «Враг народа» и «Параллакс»; повесть Г. А. Андреева «Трудные дороги», рассказы «Тамара» и «Два Севостьяна»; повести В. П. Некрасова «По обе стороны стены», «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы...», рассказы «Девятое мая» и «Виктория»; романы В. П. Аксёнова «Бумажный пейзаж» и «Желток яйца». В этот перечень не были включены тексты, где не обнаружено паремий (н-р, произведения С. Д. Довлатова). При этом отсутствие паремий может служить показательным маркером идиостиля писателя.

Исследование

Паремии играют важную роль в сохранении культурного кода этноса. По мнению Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко, богатый семантический и прагматический потенциал паремий обуславливается их синкретичной природой, способностью совмещать признаки свободных, семантически связанных и культурно самодостаточных единиц. Паремии, по мнению исследователей, «не просто выражают умозаключение относительно какого-либо положения вещей, охарактеризованного в контексте, — они включаются в контекст в качестве вторичного мини-текста. При этой паремии выступают в роли своеобразной аллюзии (ссылки, апелляции) к целому фонду житейской мудрости (паремическому фонду языка)» [3, с. 311]. Неслучайно именно паремии нередко становятся репрезентаторами тех категорий, которые и образуют «ценностную» картину мира носителя языка. Дополнительная интерпретация этноязыковых маркеров, содержащихся в такой единице, позволяет охарактеризовать аксиологические доминанты, характерные не для абстрактного, а для конкретного этноса. В случае с изучением материала эмигрантов подобный анализ приобретает дополнительное значение и даёт возможность определить взаимовлияние «своей» и «чужой» лингвокультур на языковую личность.

Паремии-репрезентанты модусного концепта «Русский мир» отражают реальность авторского мира, представленного в до- и послеэмигрантской литературе. Так как все исследуемые нами писатели-эмигранты писали на русском языке и начинали свой творческий путь на родине, в России, то все их произведения отражают специфику Русского мира.

Важным для изучения представляется, в первую очередь, статистический параметр. Как выяснилось, частотность использования паремий в творчестве каждого из рассматриваемых писателей опирается на целый комплекс факторов: идиостилевые особенности, общие тенденции, характерные для волны в целом, внешнее историко-культурное пространство и т.п. Общее соотношение представлено в таблице [Таблица 1] (составлена на основе авторской картотеки), где учтены случаи употребления паремий в творчестве каждого из исследуемых авторов (курсивом выделены писатели, создававшие прозаические произведения только после эмиграции):

Таблица 1

**Сводная таблица частотности употребления паремий
в творчестве писателей-эмигрантов**

Автор	До эмиграции (число единиц)	После эмиграции (число единиц)
<i>Первая волна</i>		
Бунин И. А.	35	9
Куприн А. И.	5	16
Набоков В. В.	-	4
Шмелёв И. С.	7	4
Андреев Л. Н.	7	-
<i>Вторая волна</i>		
Ржевский Л. Д.	-	20
Андреев Г. А.	-	3
Юрасов В. И.	-	32
<i>Третья волна</i>		
Аксёнов В. П.	5	9
Некрасов В. П.	4	13
Довлатов С. Д.	-	-

Как видим, для эмигрантов первой волны (за исключением А.И. Куприна) более характерно снижение частотности употребления паремий, тогда как у представителей второй и третьей волны наблюдается обратная тенденция.

Интересные выводы позволяет сделать обращение к текстам, созданным авторами первой волны эмиграции. Наиболее показательным изменением количества паремий в произведениях И. А. Бунина. Можно выявить прямую взаимосвязь частоты использования паремий с особенностями самих произведений. Явного влияния жанровой принадлежности произведения не отмечается, в отличие от его тематической направленности. Наибольшее количество паремий можно встретить в произведениях, связанных с деревней (повести «Суходол» и «Деревня»), тогда как в рассказах, где большее внимание уделяется чувствам героев, а не окружающему их фону, пословицы и поговорки фактически не встречаются. Это может служить доказательством использования паремий как элемента моделирования особого колорита, что обуславливается фольклорным происхождением единиц.

Обратимся к названным выше повестям И. А. Бунина – «Деревня» и «Суходол», написанным, соответственно, в 1909 и 1911 годах, в которых представлена жизнь русской деревни. Паремиологический фонд, вне отнесенности к речевому портрету героев произведения (будь то рассказчик или персонаж), связан с представлением о своих (о Русском мире) – модус отражает ситуацию обустройства пространства *своих*. Универсальные законы человеческого существования переданы здесь в этноспецифических моделях.

Устройство своего мира. Свой мир должен строиться неторопливо, с пониманием традиционного уклада, все должно быть определено, поименовано: *без троцы дом не строится, без четырех углов – изба не кроется; без имени и овца баран* («Деревня»).

Место каждого и отношение между обитателями мира: руби древо по себе; стар кобель, да не батькой звать; лезет в волки, а хвост собачий; живем – не мотаем, попадешься – обротаем; связался черт с младенцем; свои, сочтемся («Деревня»), сколько волка ни корми, он все в лес смотрит; волк коню не свойственник («Суходол»).

Главное в своем мире – справедливость и оборотливость: всем богам по сапогам; по холопу и барин, по Сеньке и шапка; и рад бы в рай, да грехи не пускают; не те деньги, что у бабушки, а те, что в пазушке; были б денежки в кармане, будет тетушка в торгу («Деревня»).

Очень важны динамика, движение, невозможность возвращения: мертвых с погоста не носят (в «Суходоле» и в «Деревне»); воду толочь – вода будет; раньше смерти не помрешь («Деревня»).

Свой мир предполагает осознание права сильного, борьбу «за место под солнцем», неприятие лжи и лицемерия: черту рога сломать; хватать за пельки; на кобеля плеснешь – шерсть соскочет; считай во рту зубы; худая трава из поля вон; ненадолго лягушке хвост; чужую беду – руками разведу («Деревня»).

Значима не только частотность, но и специфика употребления паремий. Так, И. А. Бунин прибегает к трансформации выражений. Преобразованию может подвергаться структурно-смысловая составляющая выражения: *Мы, бывалыча, так-то все ночи напролет прогуливали...* Одна заря выгонит, другая загонит... в повести «Суходол» противопоставляется зафиксированному в лексикографических источниках варианту *Заря вгонит, другая выгонит*, употребляющемуся и в просторечии, и в художественной литературе. Образ зари как темпорального маркера характерен для русской лингвокультуры, что подтверждается Толковым словарём В. И. Зиминой: в разделе «Время» представлено немало единиц с компонентом зари (*Ни свет, ни заря; Заря занимается, а он ещё дрыхнет; Заря надежду родит; Заря золотом сыплет* и др. [9, с. 481]). Трансформация паремий на семантическом уровне может становиться очевидной из контекста. Так, значение пословицы *куда иголка, туда и нитка* традиционно определяется сильной связью между двумя людьми, чаще всего мужем и женой. Пример из повести «Суходол» демонстрирует разрушение этой связи: – Что делать-с: привычка, – скромно говорила она. – *Уж куда иголка, туда, видно, и нитка. Где родился, там годился...* Эти слова, скорее, демонстрируют глубокую привязанность героини к родной деревне, тесную связь с корнями, а не с конкретным человеком.

Паремии в произведениях И. А. Бунина органично вплетаются в сюжетную канву, делая речевые портреты героев более рельефными и реалистичными. Этому способствует, среди прочего, употребление просторечных вариантов отдельных пословиц. *А мне что ж стыдиться? Люди ложь, и я тож*, – говорит герой повести «Деревня», используя разговорный вариант пословицы, основанной на тексте псалма. Нередко автор подчеркивает «народность» того или иного выражения, употребляя его рядом с вводными конструкциями *вроде, как говорится, как говорят в народе* и т.п.: *Только, правда говорится, – волк коню не свойственник* («Суходол»).

Паремии, будучи фольклорным образованием, становятся кладезем лингвокультурных маркеров. Так, описывая жизнь обитателей деревни, И. А. Бунин активно использует паремии, основанные на приметах и обрядах (например, связанных со сватовством и свадьбой). Интерес представляют и выражения, включающие в себя

компоненты, иллюстрирующие подробности быта крестьян. Такова, например, диалектная поговорка *за пельки брать*, распространенная на территории родного писателю Черноземья. Под *пельками*, в зависимости от конкретного региона, принято понимать различные предметы одежды или же части тела.

В послереволюционных произведениях писателя картина меняется.

Из 35 паремий в названных произведениях всего 7 встречается в послеэмигрантских. Их ограниченность позволяет привести их полный список: *Чем богат, тем и рад*; *Одна ласточка весны не делает* («Жизнь Арсеньева»); *Смерть как солнце, на нее не глянешь* («Жизнь Арсеньева»); *Долгие проводы – лишние слезы* («Жизнь Арсеньева»); *Сколько лет, сколько зим* («Жизнь Арсеньева»); *Сухая ложка рот дерет* («Митина любовь»); *Мертвых с погоста не носят* («Темные аллеи»).

Очевидно, что состав паремий изменился – и количественно, и содержательно. Они не выстраивают, как в доэмигрантском творчестве, картину мира своих – это или своего рода ситуативные маркеры (*чем богат, тем и рад*; *сколько лет, сколько зим*; *сухая ложка рот дерет*), или фразы, наполненные драматическим смыслом (*Смерть как солнце, на нее не глянешь*; *Долгие проводы – лишние слезы*; *Мертвых с погоста не носят*)

Иная картина – в произведениях А. И. Куприна. После эмиграции он, напротив, значительно чаще использует паремии, даже в произведениях, сюжет которых разворачивается за пределами России. При этом авторское идиоматическое пространство выстраивается вокруг отдельных фразеологических образов, которые активно используются в виде трансформированных конструкций. Узуальная паремия *С милым рай и в шалаше*, в словаре Зимина толкуется следующим образом: «с любимым человеком везде хорошо, в любых условиях» [9, с. 269]. Исследователь подчёркивает выраженную принадлежность паремии к русской культуре, называя её «собственно русским выражением» и указывая источник происхождения – «стихотворение малоизвестного поэта Н. М. Ибрагимова «Русская песня» (1815 г.)» [9, с. 269]. А. И. Куприн сравнительно часто обращается к этой паремии, используя не только узуальную, но и трансформированную её форму. В центре внимания оказывается образ шалаша, в котором уютно чувствовать себя с близким человеком. Писатель, используя сокращённый вариант паремии, отталкивается от фонового понимания фразеологического образа, способности носителя русского языка и культуры «расшифровать» аккумулярованный в конструкции шифр. Однако в контексте проступает новый смысл – идиллия утрачена, говорящий не верит в рай в шалаше, этот элемент модусного концепта «Русский мир» теряет актуальность: *Вы, по-видимому, все мечтаете о рае в шалаше, а не о деньгах?* («Жанета»); *А это – немного по теперешнему времени, когда о шалаше и рае не вспоминают даже в шутку* («Жанета»); *Рая в шалаше я не понимаю, не хочу и даже, пожалуй, презираю его, как эгоистическую глупость* («Юнкера»).

Творчество писателей второй волны эмиграции во многом стилистически и идейно перекликается с произведениями более ранних эмигрантов. Так, считающийся продолжателем бунинской традиции Л. Д. Ржевский активно использовал паремии, в т. ч. трансформированные. Одно и то же выражение может выступать в качестве своеобразного фона. Так, проходящий рефреном в «Сентиментальной повести» мотив прощания автор усиливает с помощью паремии *Дальние проводы – лишние слёзы*: «*Дальние проводы – лишние слезы*». *Вот и эта мудрость, как и нападки на сентиментальность, вымудрена была до последней вой-*

ны, до тоталитаризмов и железных занавесей, и затем по тексту «Дальние провода – лишние слезы». Помню, когда за окном по перрону пропечатали твердые чьи-то шаги... («Сентиментальная повесть»). В. И. Зимин, комментируя эту пословицу (узуальный вариант, где провода названы не дальними, а долгими), говорит о том, что «сам отъезжающий нервничает, переживает, и остающиеся, то есть, провожающие, плачут» [9, с. 498]. Такая трактовка в полной мере соответствует настроению «Сентиментальной повести» и показывает, как паремия позволяет автору точнее передать состояние героя-рассказчика.

Ещё одной примечательной особенностью использования паремий представителями второй и третьей волны эмиграции можно считать включение заимствованных единиц. Они могут передаваться как дословно, так и в виде перевода/адаптации к русской лингвокультуре. Так, у уже упомянутого Л. Д. Ржевского в произведениях встречается французская пословица *L'âge n'est que pour les chevaux* (досл. 'По возрасту судят о лошадях', т. е. 'о возрасте не спрашивают'). В романе «Между двух звёзд», написанном в 1953 году, паремия передаётся в соответствии с оригиналом: *А возраст... «L'âge n'est fait que pour les chevaux» – говорят французы...* («Между двух звёзд»). В романе «Две строчки времени», написанном спустя два десятилетия, эта паремия не просто дословно переведена на русский язык, но ещё и прокомментирована в рамках художественного текста: *Эта относительность древности со всякими бодряческими с французского: «Возраст существует только для лошадей» – была, конечно, у меня на вооружении, наряду с еще крепкими мускулами, но не имела никаких «с подлинным верно» со стороны («Две строчки времени»)*. Очевидно, что осознание паремии как лингвокультурного артефакта сохраняется в сознании носителя языка даже спустя годы после эмиграции.

Богатая палитра паремиологических трансформаций выявлена у представителей третьей волны эмиграции. Это особенно ярко проявляется в идиостиле В. П. Аксёнова, активно использующего разные формы языковой игры, аллюзии и отсылки к известным образам. Паремии в его текстах – инструмент создания особого колорита, ритмики текста. Неслучайно развёрнутая паремия нередко сжимается автором до единицы, структурно-семантически приближаемой к лексеме: *О, дорогой мой Федот-да-не-тот, дот-дот-дот...* («Желток яйца») – трансформация поговорки *Федот, да не тот; ... слова-не-воробыи вылетели из грешного красиво очерченного рта под голубиной священного Кремлевского купола* («Бумажный пейзаж») – трансформация пословицы *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь*. Писатель присваивает паремии, играет с ними, пробуя их звучание «на вкус». Он актуализирует их смысловое наполнение, переводит в современный контекст, делая их частью советского мира: *Ну вот, конечно, и вторая парочка, баран да ярочка, Солженицын – Сахаров* («Бумажный пейзаж»). Новое смысловое наполнение паремий опоявляется здесь благодаря употреблению рядом с именами, которые можно считать прецедентными не только для советской, но и во многом для мировой общественности. Такой непривычный синтез традиционного культурного образа и политически обусловленных реалий создаёт особый эффект в рамках текстового пространства. Интересно, что подобные сложно организованные трансформации появляются именно после эмиграции. Тогда же учащаются отсылки к иноязычному паремиологическому фонду: – *Теперь самое время ободрать кошку, ребята,* – проскрипел он («Желток яйца»). Расшифровка смысла этого выражения предполагает культурные пресуппозиции – здесь присутствует отсылка к английской пословице *There's more than one way to skin a cat* (досл. 'Существует

более одного способа освежевать кошку»; существует более одного способа решения проблемы).

Результаты исследования

Результаты исследования согласуются с подходами, трактующими «Русский мир» как культурно-языковую общность, выходящую за пределы национальных границ (см. работы С. Н. Кочерова [13]), но уточняют их за счёт модусного и герменевтического анализа паремий как репрезентантов модусного концепта «Русский мир» в текстах писателей-эмигрантов, причем не только в художественных произведениях, написанных после того, как они покинули Родину, но и в «доэмигрантский» период.

Паремии, будучи значимым лингвокультурным феноменом, часто привлекают внимание исследователей (см. работы Н. Ф. Алефиренко [3], В. М. Мокиенко [14], И. И. Чумак-Жунь [19], Г. В. Токарева [18], Л. Б. Савенковой [17]), но здесь «Русский мир» описан не только через концептуальные признаки, но через модусные структуры текста – авторский ракурс, оценку, эмоциональное переживание, которые проявляются через паремиологический фонд. Несмотря на то, что роль паремии в художественном тексте нередко становится предметом исследовательского поиска (см. работы О. В. Ломакиной [15], А. В. Корольковой [12], Е. Н. Ясюкевич [21]), пространство эмигрантского текста под таким углом рассматривается очень редко (см. работы А. Д. Шмелева [20], М. М. Голиковой [6]), что делает его продуктивным полем для дальнейших изысканий.

Подход в ракурсе изучения устойчивых выражений как репрезентантов модусного концепта «Русский мир» позволяют сделать вывод, что в текстах эмигрантов паремии репрезентирует не только коллективную, но и индивидуально-авторскую картину мира, где «Русский мир» переживается как утраченный, фрагментарный, соотносимый с «чужим» культурным пространством. Паремии сохраняют «Русский мир» как модус культурной идентичности, трансформируясь под инокультурой, что наглядно представляет количественное и качественное сравнение единиц в творчестве представителей разных волн эмиграции – с одной стороны, традиционный образ «Русского мира» (соборность, «свой» дом, уклад) воспроизводится уже самим фактом использования устойчивых выражений, а с другой – фиксируются модусные сдвиги: усиление ностальгии, трагического разрыва со «своим» пространством, появление трансформации прежних ценностей.

Заключение

Русский мир как описанное выше культурное явление сохраняется во многом благодаря тому образу России, который отражен в текстах наших соотечественников, творящих за рубежом.

Обращение к паремиям в эмигрантской прозе позволяет расширить представление о модусном концепте: он описывается не абстрактно, а в его тексто-дискурсивной «работе», в переходе от значения к дискурсивному смыслу. Корни исследования модусного концепта лежат в феноменологии и философии языка, исследующего связь между языковыми формами и системой ценностей. Паремии в русской эмигрантской прозе выступают репрезентантами модусного концепта «Русский мир», позволяя описать его как специфическую субъективно-оценочную картину мира, формирующуюся в условиях культурного разрыва и пребывания в «чужом» пространстве. Сравнение примеров из текстов представителей разных волн эмиграции, разных периодов (доэмигрантского и эмигрантского), а также маркированность

паремий из произведений отдельных писателей, дает возможность определить этнокультурные особенности паремий в творчестве представителей русского зарубежья в целом, а также определить, какое влияние на этноязыковое сознание оказывает перемещение из одной лингвокультуры в другую.

Паремиологический текстовый фонд одновременно:

а) сохраняет традиционные этнокультурные представления (образ дома, общности, «своего» круга);

б) фиксирует трансформацию этих представлений в эмиграции – появление мотивов утраты, ностальгии, внутренней раздвоенности между «своим» и «чужим».

Список источников и литературы

1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918-1996). Москва: Терра. Спорт, 1998. 543 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Смысл, модусные концепты и значение // Вестник ЧелГУ. 2013. № 31 (322). С. 8–14.
3. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология. Москва: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
4. Баронова М. О. Диалектика обстоятельств и ценностей в культуре российской эмиграции «второй волны»: диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии. Москва, 2023. 220 с.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
6. Голикова М. М. «Свое чужое»: специфика функционирования иноязычных фразеологических единиц в произведениях русских писателей-эмигрантов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 1. С. 139–145.
7. Гловинская М. Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. Москва: Языки русской культуры, 2001. С. 42–59.
8. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: два полюса // Язык. Культура. Гуманитарное знание. К столетию Г.О. Винокура. Москва, 1999. С. 236–257.
9. Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006. 544 с.
10. Караулов Ю. Н. Некоторые наблюдения над русским языком зарубежья // La revue Russe. 1992. № 3. S. 31–53.
11. Копытов О. Н. Концепция модуса на пространстве текста и ее возможности для исследования медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 4 (10). С. 69–82.
12. Королькова А. В., Новикова Т. С. Субстандартная паремиология в художественном тексте // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 98–103.
13. Кочеров С. Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 163–167.
14. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317.
15. Ломакина О. В. Национальное в индивидуальном: пословицы и поговорки в художественных произведениях Л. Н. Толстого // Cuadernos de Rusística Española. 2009. № 5. С. 11–20.
16. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. – Москва: Просвещение, 1995. 432 с.
17. Савенкова Л. Б. Русские паремии как функционирующая система: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов-на-Дону, 2002. 484 с.
18. Токарев Г. В. Счастье рядом: отражение лингвокультурного опыта в паремиях // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху

больших языковых данных : Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой, Калуга, 28–30 июня 2025 года. Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», 2025. С. 374–377.

19. Чумак-Жунь И. И. Дейксис как отражение наивной картины мира в лексикографическом источнике (на материале объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зими́на и А. С. Спи́рина) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 3(15). С. 125–134.
20. Шмелев А. Д. Паремии, используемые в прозе Солженицына, и проблемы их перевода // Шаги/Steps. 2020. №3. С. 152–169.
21. Ясюкевич Е. Н. Пословицы и поговорки в художественном тексте: функциональный аспект // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: зб. навук. прац. Гродна: ЮрСаПрынт, 2015. С. 243–246.

References

1. Agenosov, VV 1998, *Literatura russkogo zarubezhya* (1918–1996) (Literature of the Russian diaspora (1918–1996)), Terra.Sport publ, Moscow. (In Russ.)
2. Alefirenko, NF 2013, ‘Smysl, modusnye kontsepty i znachenije’ (Meaning, modus concepts and value), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. (Bulletin of Chelyabinsk State University), Filologiya. Iskusstvovedeniye. Vypusk 84 (Philological Sciences. Art Criticism. Issue 84), no. 31 (322), pp. 8–14. (In Russ.)
3. Alefirenko, NF & Semenenko, NN 2009, *Frazeologiya i paremiologiya* (Phraseology and paremiology), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
4. Baronova, MO 2023, *Dialektika obshchestvennykh i tsennostey v kulture rossiyskoy emigratsii «vtoroy volny»* (The Dialectic of circumstances and values in the culture of the Russian emigration of the “second wave”), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
5. Boldyrev, NN 2014, *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku* (Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics), TGU publ, Tambov. (In Russ.)
6. Golikova, MM 2023, ‘«Svoyo chuzhoe»: spetsifika funktsionirovaniya inoyazychnykh frazeologicheskikh edinit v proizvedeniyakh russkikh pisateley-emigrantov’ (“One’s Own Foreign”: The Specifics of Functioning of Foreign Phraseological Units in the Works of Russian Émigré Writers), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philology. Theory & Practice), vol. 16, no. 1, pp. 139–145. (In Russ.)
7. Glovinskaya, MYa 2001, *Yazyk emigratsii kak svidetelstvo o neustoychivyykh uchastkakh yazyka metropolii (na materiale russkogo yazyka)* (The language of emigration as evidence of unstable sections of the language of the metropolis (based on the material of the Russian language), *Yazyki russkoy kultury* publ, Moscow, pp. 42–59. (In Russ.)
8. Zemskaya, EA 1999, *Yazyk russkogo zarubezhya: dva polyusa* (The language of the Russian diaspora: two poles), Moscow, pp. 236–257. (In Russ.)
9. Zimin, VI & Spirin, AS 2006, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bolshoy obyasnitelnyy slovar* (Proverbs and sayings of the Russian people. Large explanatory dictionary), Feniks publ, Moscow. (In Russ.)
10. Karaulov, YuN 1992, ‘Nekotorye nablyudeniya nad russkim yazykom zarubezhya’ (Some observations on the Russian language abroad), *La Revue Russe*, no. 3, pp. 31–53. (In Russ.)
11. Kopytov, ON 2015, ‘Konceptsiya modusa na prostranstve teksta i yeyo vozmozhnosti dlya issledovaniya mediateksta’ (The concept of mode in the text space and its possibilities for media text research), *Medialingvistika* (Media Linguistics), no. 4 (10), pp. 69–82. (In Russ.)
12. Korolkova, AV & Novikova, TS 2025, ‘Substandartnaya paremiologiya v khudozhestvennom tekste’ (Substandard paremiology in fiction), *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Petrozavodsk State University), vol. 47, no. 5, pp. 98–103. (In Russ.)
13. Kocherov, SN 2014, ‘Russkiy mir: problema opredeleniya’ (The Russian World: The Problem of Determination), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod), no. 5, pp. 163–167. (In Russ.)

14. Lomakina, OV & Mokienko, VM 2018, 'Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov)' (Value Constants of the Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages)), *Rusin*, no. 4 (54), pp. 303–317. (In Russ.)
15. Lomakina, OV 2009, 'Natsionalnoye v individualnom: poslovitsy i pogovorki v khudozhestvennykh proizvedeniyakh L.N. Tolstogo' (The national in the individual: proverbs and sayings in the works of art by Leo Tolstoy), *Cuadernos de Rusística Española*, no. 5, pp. 11–20. (In Russ.)
16. Mikhaylov, ON 1995, *Literatura russkogo zarubezhya* (Literature of the Russian diaspora), Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)
17. Savenkova, LB 2002, *Russkiye paremii kak funktsioniruyushchaya sistema* (Russian paremmas as a functioning system), doctoral thesis, Rostov-on-Don. (In Russ.)
18. Tokarev, GV 2025, 'Shchaste ryadom: otrazheniye lingvokulturnogo opyta v paremiyakh' (Happiness is nearby: reflection of linguistic and cultural experience in parodies), *Problemy semantiki i pragmatiki yazykovykh edinits raznykh urovney v epokhu bolshikh yazykovykh dannykh*, Kaluga, pp. 374–377. (In Russ.)
19. Chumak-Zhun, II 2023, 'Deyksis kak otrazheniye naivnoy kartiny mira v leksikograficheskom istochnike (na materiale obyasnitel'nogo slovarya «Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda» V. I. Zimina i A. S. Spirina)' (Deixis as a Reflection of a Naive Worldview in a Lexicographic Source (Based on the Explanatory Dictionary "The Proverbs and Sayings of the Russian People" by V. I. Zimin and A. S. Spirin)), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 3 (15), pp. 125–134, doi: <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134> (In Russ.)
20. Shmelev, AD 2020, 'Paremii, ispolzuemye v proze Solzhenitsyna, i problemy ikh perevoda' (Translating proverbs in Solzhenitsyn's literary work: Problems and solutions), *Shagi/Steps*, no. 3, pp. 152–169. (In Russ.)
21. Yasyukevich, EN 2015, 'Poslovitsy i pogovorki v khudozhestvennom tekste: funktsionalnyy aspekt' [Proverbs and sayings in a literary text: functional aspect] in DM Lebedevich (ed.), *Respublikanskiya Kupalauskiya chytanni: zbornik navukovykh artykula*, 09 October 2015, Grodno, YurSaPrint publ, Grodno, pp. 243–246 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.03.2026
Одобрена после рецензирования: 28.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 28.03.2026
Approved after reviewing: 28.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026